

Рогинцев И. И.

Дружба, скреплённая сталью

Книга первая

г. Новокузнецк

УДК 94(100-87)+94(47)+39
ББК 63.3 (2Рос+5Инд)
Р 59

Автор благодарит всех, кто помог рождению этой книги. Самые добрые слова родному предприятию «Евраз холдинг», за постоянное внимание и заботу о нас, ветеранах, за финансовую помощь в издании моих рукописей. От всей души благодарю губернатора Кузбасса С. Е. Цивилева за поддержку этого российско-индийского проекта; «Дружба, скрепленная сталью». Выражаю искреннюю признательность Послу республики Индии господину Венкатеш Варма, за проявленное внимание и высокую оценку моего скромного труда. Очень рад, что на своем жизненном пути встретил настоящих тружеников искусства и литературы! Спасибо за творческое содружество председателю союза писателей Кузбасса Бурмистрову Борису Васильевичу и руководителю отдела литературных проектов Союза писателей Кузбасса Вистерману Эдуарду Робертовичу, всему коллективу творческих и технических специалистов, усилиями которых, родилась эта книга! Желаю здоровья и новых успехов, на благо Кузбасса и любимой России!

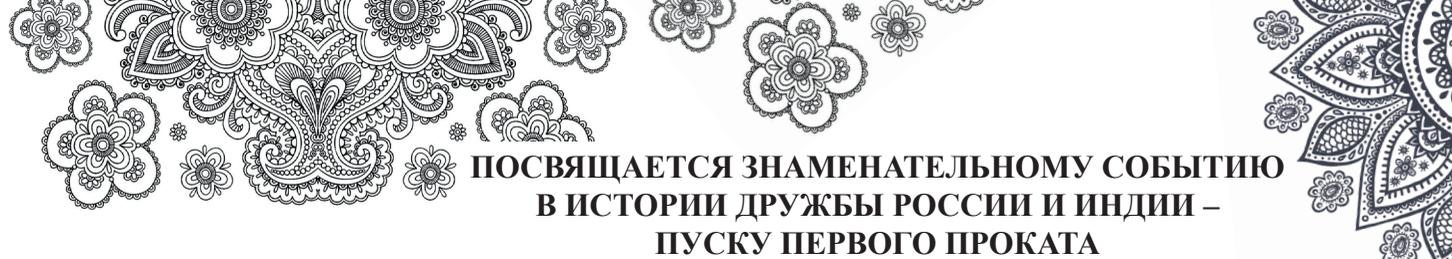
Р 59   Рогинцев, И.И. Дружба скрепленная сталью: книга первая / И.И. Рогинцев. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2021. – 452 с. – ISBN. – Текст: непосредственный.

ISBN

УДК 94(100-87)+94(47)+39
ББК 63.3 (2Рос+5Инд)

ISBN

© Рогинцев И.И., 2021
© ГАУК «Кузбасский центр искусств»

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОМУ СОБЫТИЮ
В ИСТОРИИ ДРУЖБЫ РОССИИ И ИНДИИ –
ПУСКУ ПЕРВОГО ПРОКАТА
НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ В БХИЛАЕ
(1960 г.)**

**Составитель и автор проекта Э. Р. Вистерман
Главный редактор Б. В. Бурмистров
Редактор А. Королев
Фотографии И. И. Рогинцева
Фоторедактор О. Кусакина
Дизайнер С. Половников**

Автор Иван Иванович Рогинцев, ветеран Великой отечественной войны, почетный писатель Кузбасса от всей души благодарит губернатора Кемеровской области С. Е. Цивилева, Посла Индии в Российской Федерации Д. Б. Венкатеш Варма, руководство компании ЕВРАЗ – СИБИРЬ, а также Б. В. Бурмистрова и Э. Р. Вистермана (Кемеровское областное отделение Союза писателей России) за помощь в издании этой книги.

राजदूत
AMBASSADOR
РОСОЛ

भारत का राजदूतावास, मॉस्को
EMBASSY OF INDIA
MOSCOW
ПОСОЛЬСТВО ИНДИИ
МОСКВА

Предисловие

Для меня большая честь написать краткое предисловие к книге Ивана Ивановича Рогинцева “Дружба, скреплённая сталью”. Книга повествует о личной истории человека, а также о начале выдающейся дружбы между Индией и Россией.

Иван Иванович был инженером на Кузнецком металлургическом комбинате, участвовал в Великой Отечественной войне, после чего был направлен в Индию для запуска железопрокатного завода и производства на Бхилайском металлургическом заводе. Советский Союз решил оказать помощь Индии в создании собственной сталелитейной промышленности, в противовес нежеланию западных стран оказать поддержку Индии после обретения независимости. Многие десятилетия спустя, Бхилайский металлургический завод по-прежнему работает и является гордостью дружбы наших двух стран.

Данная книга содержит не только богатое описание индийско-российской дружбы, но также отношений между людьми. Иван Иванович рассказывает о своём пребывании в Индии, общении с коллегами, жителями города Бхилаи, и людьми, которых он встретил путешествуя по Индии. Большое многообразие и культура Индии произвели на Ивана Ивановича огромное впечатление.

Данная книга является прекрасным мемуаром и описанием особых связей, созданных многие десятилетия назад, являющихся крепкими и по сей день и поддерживающих силу в последующие годы в особом и привилегированном стратегическом партнёрстве между Индией и Россией.

Я с большой радостью рекомендую данную книгу к прочтению, а также выражаю благодарность и признательность Ивану Ивановичу за огромный вклад, который он внёс в течение всей своей жизни. Желаю ему счастья, крепкого здоровья и успехов.

Д. Б. Венкатеш Варма

*Приветственное слово Губернатора Кузбасса С.Е. Цивилева
в книгу «Дружба, скрепленная сталью»*

Дорогие друзья!

В ваших руках книга «Дружба, скреплённая сталью». Это уникальный биографический очерк о работе металлургов Новокузнецка в далекой Индии, на пуске прокатного стана металлургического завода в городе Бхилае в 60-х годах XX века. История тех далеких событий передана через личные воспоминания непосредственного их участника – Ивана Ивановича Рогинцева, автора книги, металлурга, ветерана Великой Отечественной войны.

Сегодня отлаженное десятки лет назад сталелитейное производство завода – одно из самых крупных в стране. Этот факт роднит Индию и Кузбасс, где современное поколение новокузнецких металлургов продолжает дело отцов, и наш металлургический флагман ЕВРАЗ ЗСМК – крупнейшее в Сибири и самое восточное в Российской Федерации сталелитейное предприятие.

Но эта книга не только о мастерстве кузнецких сталеваров. Она о дружбе рабочих Индии и специалистов из России – о дружбе, скреплённой сталью. Они – через совместную деятельность, преодоление трудностей и поиск грамотных решений – не только создали производство «с нуля», заложив хорошую основу экономического развития города и страны, но и на долгие годы вперёд установили добрые, товарищеские взаимоотношения между двумя народами.

Особо символично, что выпуск книги совпал с 300-летним юбилеем Кузбасса, который мы отмечаем в 2021 году. Сегодня мы вновь вспоминаем и отдаём дань уважения поколениям героев-тружеников, которые строили, развивали и прославляли наш регион. Уверен, что для каждого читателя книга станет интересным открытием и увлекательным путешествием по страницам истории.

С уважением, Губернатор Кузбасса
С. Е. Цивилев

Жизнь без фальши. Честная, достойная, полная подвигов и всегда на передовой. Это жизнь Ивана Ивановича Рогинцева, ветерана Великой Отечественной Войны, выдающегося ветерана труда ЕВРАЗ ЗСМК. Долгое время Иван Рогинцев руководил комиссией по военно-патриотическому воспитанию в Заводском районе Новокузнецка и даже после выхода на пенсию не оставил эту деятельность. Ведь ему не все равно, каким вырастет новое поколение.

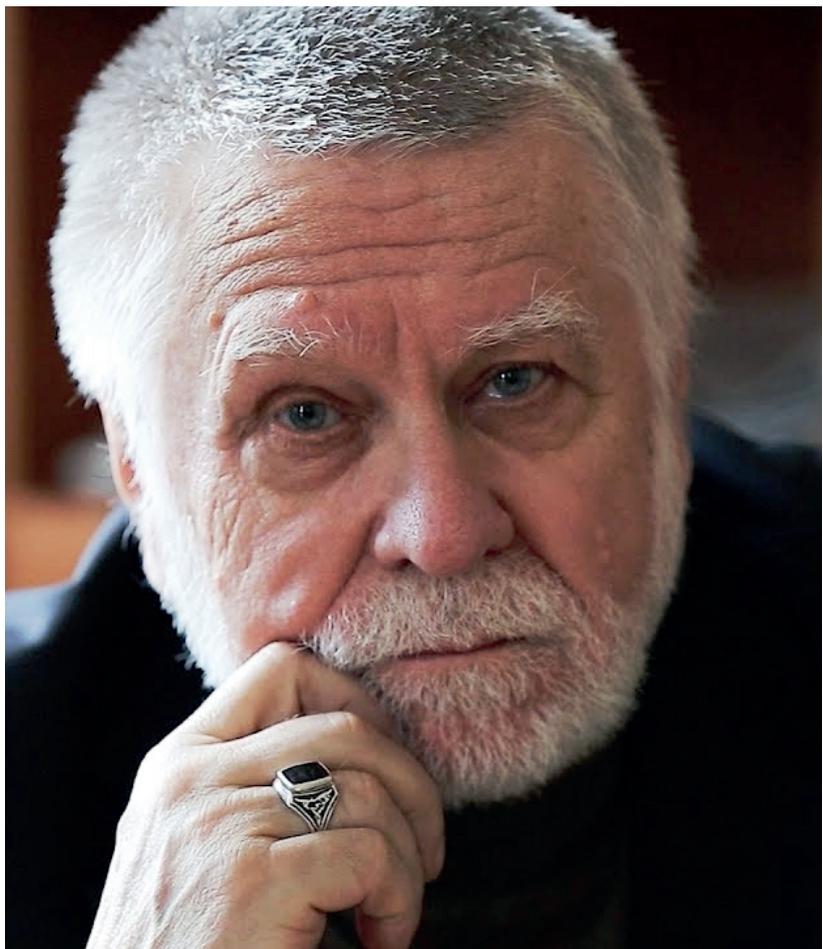
В 1942 году в неполные восемнадцать Иван Иванович попал на фронт. Почти сразу в составе 6-й Гвардейской минометной бригады участвовал в прорыве и снятии блокады Ленинграда. Потом были сражения на 1-м Белорусском фронте, освобождение Польши от немецкой оккупации, взятие Берлина... На стенах Рейхстага есть и автограф Ивана Рогинцева...

Вернувшись с фронта, Иван Иванович посвятил себя металлургии, работал на КМК, ЗСМК. В качестве специалиста помогал строить металлургические предприятия в Индии и Алжире. Об этом его новая книга – «Дружба, скрепленная сталью». В ней выдающийся металлург показал себя не только замечательным прозаиком, но и поэтом. Красота южной природы сменяется расслабляющей историей полета, которая, наверняка, стала поводом для домашних анекдотов автора. Описание индийского колорита тесно переплетается с историей Советского Союза и философскими размышлениями о жизни, строительстве социализма, разнице и общности культур... И все это вкупе с экскурсами в историю, глубокими познаниями производственных процессов, красочным описанием строительства нового завода и того, как меняется человек, становится сильнее – физически, духовно и морально – приобщаясь к горячей профессии металлурга.

Мы, коллеги и последователи Ивана Рогинцева, гордимся его фронтовыми и трудовыми подвигами. Его жизнь – как любая из его книг – захватывающая, интересная, с правильно расставленными приоритетами. На таких примерах стоит учиться, на таких людей – надо равняться. И мы стараемся соответствовать высоким стандартам, которые поставили перед нами такие выдающиеся люди.

Директор дирекции по социальной политике
ООО «ЕвразХолдинг» Сергей Ярославлев

ДРУЖБЕ ОТКРЫТЫЕ СЕРДЦА

Дорогой читатель, ты держишь в руках книгу «Дружба скреплённая сталью». Автор этой книги Иван Иванович Рогинцев, в его судьбе сошлись воедино талант воина, талант создателя и писательский дар. Недавно ему исполнилось девяносто семь лет. За плечами прожитых лет Великая отечественная война, становление металлургии Кузбасса, командировки в Индию и Алжир в составе группы советских специалистов – металлургов. С юных лет он живет в Новокузнецке. Только трижды надолго оставлял свой любимый город; - пять лет на войне, два года в Индии и три в Алжире. О пребывании в этих странах, о боевом пути от Ленинграда до Берлина, строительстве мирной жизни и путешествиях по родной стране изданы книги и еще несколько рукописей хранятся в доме у ветерана.

Книга «Дружба скреплённая сталью» – это история о дружбе рабочих Индии и специалистов из России, которые в пятидесятых, шестидесятых годах прошлого столетия строили металлургический завод в Бхилае.

Внимательное отношение к людям, всегда было свойственно характеру Ивана Ивановича, он не позволял эмоциям перерастать в конфликты, ему удавалось найти компромиссные решения во взаимоотношениях между группами индийских рабочих и наладить технологический процесс. Об этом он пишет с юмором, дает яркие образы героев событий. Многие факты из жизни индийцев, их культуры, религии, традиций увлекательно прописаны в книге. Нам открывается неизвестная Индия. За два года в пребывания в стране, он делает свои выводы о проблемах, о том, что мешает этому великому народу жить счастливо и свободно. По прошествии 60-ти лет, его наблюдения по-прежнему интересны и актуальны. Книга, несомненно, будет интересна индийским читателям, в ней они увидят себя глазами человека со стороны. Но это глаза их друга, который любил

древнюю, загадочную страну и на многие годы сохранил добрые воспоминания.

В конце автор делится своими мыслями о судьбах наших народов, о будущем. Его прогноз позитивный! Дружба скрепленная сталью продолжается! Эта книга, как первая ласточка, оставит яркий след в новой истории российско-индийских отношений.

Председатель СП Кузбасса
Б. Бурмистров

СТРАНА ВЕЧНОГО ЛЕТА

Март 2005 года

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

18 октября 1960 года нас, группу специалистов, направили на Бхилайский металлургический завод для оказания технической помощи в пуске и освоении рельсобалочного цеха.

Самолёт «Констеллейшн» индийской авиакомпании приземлился в аэропорту столицы Индии – Дели. После уже начавшейся в Москве зимы, через шесть часов полёта мы попали в другой мир. Кругом – пышная зелень, деревья усыпаны плодами и яркими цветами. Небо синее, воздух прозрачный и кажется густым от запахов цветов и пряностей. Улицы запружены народом, снуют автомобили разных марок мира. Поток едут на велосипедах и велорикшах, тут же на быках и буйволах с раскрашенными рогами, тянутся повозки с поклажей, нередко вереницей проходят слоны, до предела нагруженные тяжестями. Всё движется, шествует в размеренном ритме, без спешки и с каким-то достоинством, характерным только для этой страны.

На улицах можно встретить и чернокожих африканцев, и белых европейцев, и смуглых (от светло-желтого до темно-коричневого цвета лица) японцев, китайцев, но основная масса – индийцы. В глазах рябит от пестроты одежды. Женщины в нарядных сари, мужчины в тюрбанах, чалмах, в рубашках навыпуск и светлых брюках. Нередко можно увидеть еле прикрытых женщин и почти голых мужчин и детей. Почти все босиком и без головных уборов.

Всё в Индии испокон веков размеренно – даже природные явления. Каждый знает, что после трех месяцев непрерывных муссонных дождей (мансунов) наступает солнечная погода, и она будет продолжаться девять месяцев. Что самые жаркие месяцы – март, апрель, май и июнь, с температурой воздуха, достигающей +50 градусов в тени, а самые холод-

ные ночи бывают в декабре (до +10 градусов). Жара на всё и вся влияет угнетающе. С большинства деревьев и кустарников опадают листья, трава выгорает. Водоемы мелеют либо высыхают полностью. Животные, лишенные корма и воды, устремляются туда, где еще есть влага. Люди становятся измождёнными, вялыми и, кажется, безразличными ко всему, движения их предельно замедленны. От жары спасаются либо в тени, либо, намотав на голову весь свой гардероб, – невероятных размеров тюрбан, и так работают под палящим солнцем.

В полдень солнце стоит вертикально. Всё вокруг замирает. Торговцы закрывают свои лавочки, магазины, базар пустеет, работа прекращается. Лишь грифы да орлы парят в прохладной вышине...

Вечереет. Солнце почти мгновенно прячется за горизонт. Наступает кромешная темнота. И всё снова оживает. Вспыхивают уличные фонари. Улицы заполняют толпы народа. На яркий свет ртутных ламп фонарей слетается и вьется вокруг великое множество насекомых – жуков величиной с воробья, бабочек. Птицы, стремительно падая в этот рой, выхватывают свою добычу и растворяются в темноте. Ходить в неосвещенных местах довольно опасно: можно нарваться на змей, которые ползают повсюду.

Наступает ночь, всё снова замирает. Воздух так неподвижен, что даже не колышутся листья на деревьях. Мертвую тишину лишь время от времени нарушают своим завыванием шакалы.

Рано утром, ещё задолго до восхода солнца, поднимаются первыми женщины и направляются с кувшинами за водой. У колодца или водоема коротко обмениваются новостями и торопятся домой – разжечь очаг сухими навозными лепёшками и приготовить завтрак для семьи. Просыпаются мусорщики, дворники. Появляются торговцы с громадными корзинами на головах. Несут фрукты, лепёшки и другую снедь. Ремесленники открывают мастерские. Улицы заполняются народом, нарастает шум, галдёж, стук. Воздух насы-

щается запахами жареного, горелого и пряного. Новый день наступил!

Самое необычное и загадочное в этой стране – люди с их противоречиями и контрастами, с их добродушием и смирением. Основой жизненного устройства в Индии являются касты. Их более двух тысяч. Это общины, объединённые профессией. Каждая каста имеет свою дхарму (правила жизни, закон данного сословия людей). Высшая каста – брахманы – занимают государственные посты. Это чиновники, владельцы заводов, фабрик, священники. Низшая каста – неприкасаемые. Это мусорщики, чернорабочие. Человек этой касты не может ни сидеть, ни идти рядом с человеком другой касты. Даже нечаянное его прикосновение оскверняет того, к кому он прикоснулся...

Другой основой жизни в этой стране является религия. Большинство индийцев – буддисты, магометане, есть и христиане. А объединяющим началом является индуизм – сложный религиозно-философско-социальный комплекс, слияние разных вероучений. Народ Индии, особенно миллионы бедняков, принимает религию целиком и полностью. Благодаря слепой вере в божественный миропорядок даже наиболее страдающие группы населения удерживаются в определённых жизненных рамках. В смирении, послушании, уважении. И мирятся со своим незавидным социальным положением. Несмотря на то, что в стране с древних времён религиозная и кастовая разобщённость. Несмотря на то, что контрасты в Индии просто разительны: миллионеры живут в роскошных дворцах, утопающих в пышной зелени, разъезжают в «кадиллаках» и «фордах», а миллионы других людей не имеют ни жилья, ни семьи, скитаются по городам и деревням в поисках работы и пищи, ночуют на тротуарах и в парках и там же умирают от болезней, голода и холода.

При этом народ-то очень трудолюбив и талантлив. Уверен в себе и верен своим традициям. Нет в мире дворцов, храмов, мавзолеев, равных по красоте индийским. А какие здесь чудесные парки, изумительные скульптуры, минаре-

ты, башни! Кроме того, этот народ свято чтит закон «Живое должно жить», поэтому природа сохраняется в первозданном виде. К примеру, известно, что от укусов змей в Индии ежегодно умирает до пятидесяти тысяч человек, но змей в стране не истребляют. Обезьяны своими набегами уничтожают рисовые поля, урожай фруктов, но их не то что не убивают – на них молятся. В реках и озерах кишит рыба, в воздухе – неисчислимое множество птиц...

В народе сохранились древние обычаи проведения праздников. Самый весёлый и пышный – праздник Дисеры – продолжается десять дней. Под пёстрыми навесами собираются нарядные семьи. Женщины – в золототканых вышитых шёлковых сари. Кованые и филигранные, массивные и ажурные золотые украшения сверкают на их шеях и руках, оттеняют черноту волос, блестят в ушах и носу. Все десять дней люди не работают. В это время устраиваются фейерверки, разжигаются костры, идёт служба в храмах, воздавая хвалу богам Шиве, Кришне, богине Дурге и многим другим. Завершается праздник победой справедливости над злом: воплощённое в глиняных статуях зло забрасывают в реку, и оно размывается водой...

Удивителен и праздник Холи – праздник краски. Одеты с утра в новые чистые наряды индийцы к вечеру становятся разукрашенными в самые невероятные цвета. В этот день можно увидеть мчащиеся на полном ходу машины, из которых обливают краской прохожих с ног до головы. Много веселья и в праздник Дивали – праздник огней, когда повсюду сказочные фейерверки, горят светильники и костры. Накануне во всех лавочках продают невзрачные на вид коробочки, в которых скрыта какая-то волшебная сила, порождающая в нужный момент салюты любой формы, любой силы, любого цвета и яркости.

Но особенно пышно и роскошно справляются в Индии свадьбы – с древнейшими обычаями, обрядами. С приглашением множества гостей, с танцами и даже театрализованными представлениями. Из-за непомерных расходов

родители новобрачных нередко окончательно разоряются. А жених с невестой, впервые увидевшие друг друга только в день свадьбы, становятся мужем и женой на всю жизнь: расторжение брака не допускается ни религией, ни кастой...

Народ в этой стране не только мудрый, он обладает поистине уникальными знаниями. Среди индийцев много звездочётов, предсказателей судьбы, заклинателей змей. Народная медицина достигла очень высокого уровня. Самая удивительная – медицина йогов. Эта древняя система физической тренировки человеческого организма возникла три тысячи лет назад. Йоги постигли и разработали до тонкостей умение управлять нервной деятельностью. Они могут по своей воле повышать и понижать температуру тела, регулировать деятельность сердца и сосудистой системы и даже останавливать их работу на какое-то время. Обладают навыками гипноза и обмена мыслями на расстоянии. Могут несколько часов жить без воздуха. Йоги лечат людей, но своими способами – при помощи регулировки дыхания, внушения и самовнушения, массажами. Параличи излечивают разными сочетаниями соединения пальцев руки. К слову, каждый индиец знает, что на улицах, базарах, в поездах и вообще где угодно можно встретить дантиста, который всего за одну рупию тут же на месте удалит больной зуб бескровно и безболезненно, используя для этого только свои пальцы.

...У индийского народа с русским давняя дружба и доверие, они укрепляются взаимовыгодной торговлей, взаимопомощью и обоюдным стремлением к миру. Благодаря нашему бескорыстию и душевному отношению индийцы прониклись к нам искренним уважением. Символом индийско-советской дружбы стал построенный с помощью СССР Бхилайский металлургический завод в центре этой страны.

Завод-красавец протянулся на многие километры по безводной саванне. Он преобразил безжизненную некогда пустыню штата Мадхья-Прадеш в цветущий край. На месте лачуг построены современные дома, люди, прежде влачившие жалкое существование, получили работу, жильё и пищу.

Добрая молва о Бхилаи, о советских людях идёт по всей Индии. Где бы мы ни появлялись – в городе или деревне, везде нас встречали радостными криками: «Рашен и хинди – бхай бхай!» («Русские и индийцы – братья!»). И считали за великое счастье пожать нам руки.

ОДИН ДЕНЬ, КАК ВСЕ

Рассвет над Индией встаёт,
Восход багрянцем озаряет.
Над древним миром день идёт,
Свой путь веками повторяет.

Гремят повозки, рикша мчится,
Проснулись все: и млад и стар.
Кто в храм спешит, а кто – трудиться,
Вокруг галдёж, шумит базар.

Мелькают сари и тюрбаны,
В корзинах манго и бананы,
Змей заклинатели сидят,
Как 100, как 1000 лет назад.

В листве, в цветах деревьев дивных –
Там птицы райские поют.
В своих прекрасных трелях длинных
Хвалу светилу воздают.

Всё ожило, неторопливо
Всяк по делам своим идёт.
Вот женщина – как горделиво
Кувшин на голове несёт!

Природа всем их одарила,
В них неземная красота,
Терпеньем, лаской наградила,
В них совесть, скромность, простота.

Идёт походкой лебединой –
И грациозна, и стройна,
С душой кристально чистой, дивной,
Как в Ганге быстрая вода.

...Вот наконец жара стихает,
Всё постепенно оживает.
Народ шумит, куда-то мчится,
А пот по спинам их струится.

Стучат, куют, рисуют, лепят,
Пекут лепёшки, шьют и лечат,
Возводят храмы и дворцы
Почти безвестные творцы.

Народ прекрасный след оставил
От океанских волн до гор.
Его талант и ум прославил
На всю вселенную Тагор.

День постепенно угасает,
Там пахарь полосу верстаёт
И с деревянной сохой
Усталым тащится домой.

Заходит солнце красным шаром,
Кругом всё пышет, пышет жаром.
Устали люди, птицы, звери.
В домах закрыты плотно двери.

Закончен трудный знойный день,
Густеет мрак, длиннеет тень.
В лучах луны уж запылал
Восьмое чудо – Тадж-Махал.

Заснуло всё, и лишь во тьме
Мерцают звёзды в вышине
Да ручейки в тиши звенят,
Как 100, как 1000 лет назад.

18 января 1985 года.

г. Новокузнецк. (Текст авторский, дан с сокращениями)

ПЕРВЫЕ ШАГИ ИЗ КОЛЫБЕЛИ

Кто в своей юности не мечтал побывать в дальних странах, увидеть своими глазами тропические леса с могучими деревьями, полноводные реки, диких животных, сказочные хижины и живущих в них представителей затерянных племён? Особенно – начитавшись произведений Киплинга или книг про великих путешественников-первооткрывателей: Васко да Гама, Колумба, Кука...

Но в наши времена, когда мы были молоды, и в нас тоже бурлила романтика, увидеть и испытать земные чудеса нельзя было и надеяться. Даже просто мечтать взглянуть на жизнь за границами нашей страны было опасно. Если у кого-то возникали такие мысли, ему быстро приклеивали ярлык диссидента и даже предателя. Таких людей отсылали в дальние края, на север, в тайгу на лесозаготовки. Страна жила и созидала под неослабным контролем НКВД. В результате бурной деятельности органов госбезопасности инакомыслящие изолировались, дабы не заражать своими идеями окружающих людей. «Очищение» общества шло по всей стране. В число «изменников Родины», «врагов народа» попадало много безвинных, безграмотных людей, бросивших неосторожное слово, рассказавших анекдот или спевших частушку невпопад, не совпадающих в своих взглядах с линией партии и правительства, очернивших светлые образы вождей. В результате почти вся Сибирь была опутана колючей проволокой, здесь в лагерях отбывали разные сроки заключения, а особо опасных расстреливали. Все жили под неусыпным пронизательным оком «вождя народов», под опекой «родной коммунистической партии»...

После развенчания культа личности Сталина Никитой Хрущёвым в стране будто ослабла натянутая пружина. Железный занавес советского государства начал приоткрываться. Наши делегации всё чаще стали посещать другие страны с визитами дружбы. Завязывались доверительные отношения даже с капиталистическими государствами, но особой

привлекательностью пользовались слаборазвитые страны, для которых социализм, построенный в СССР, сулил спасение подъёмом экономики. В частности, взоры нашего правительства были направлены на недавно освободившуюся от английского владычества Индию.

В начале сентября 1960 года по рельсобалочному цеху КМК пополз слухок: «Несколько наших специалистов поедут за границу». Сенсация! Начались тихие разговоры, чуть ли не шепотом (громко говорить и тогда боялись, вдруг это «утка», а на особо болтливых могли и донести куда следует). Но упорные слухи «по секрету» продолжали циркулировать. «Коинова вызвали в первый отдел заводоуправления, – сообщил мне при встрече в цеху Андрей Лучшев. – Говорят, в Индию хотят его отправить, вот повезло мужику! А чему он может научить иностранцев? Если только водку пить...»

Прошла неделя, и вдруг меня вызывают в заводоуправление КМК. И говорят, что моя кандидатура самая подходящая для поездки за границу: из родственников нет ни раскулаченных, ни репрессированных, да еще и бывший фронтовик. Выдали мне бланки для оформления выездных документов. Предложили оформить их в трехдневный срок и готовиться к отъезду в ближайшее время. А я обескуражен: не знаю, радоваться мне или печалиться.

Из заводоуправления понёсся в свой рельсобалочный цех, не чувствуя ног. Разыскал своего начальника Фёдора Ровенских и поведал ему такую новость. То ли от зависти, то ли не хотелось ему меня отпускать, но глаза его сразу потухли. И с ноткой озлобления в голосе он проговорил: «Скорее всего, не поедешь. Мы уже дали кандидатуру Коинова – механика рельсоотделки, он и поедет. А в цехе освобождается должность механика цеха, ты и будешь работать. Выездные документы не оформляй. А впрочем, этот вопрос решает начальник цеха. Пошли к Кретинину».

Иван Андреевич оказался на месте. Когда мы зашли в кабинет, он хитро улыбнулся, дескать, знаю, с чем пожаловали. Фёдор Михайлович произнёс скрипучим голосом: «Что

же получается: всех механиков из цеха забирают?! С кем же работать?» На что Кретинин парировал: «Не преувеличивай, пока одного забирают – вот его». И показал на меня. «А Коинова?» – «Ты, Фёдор Михайлович, близорукий человек, какую кандидатуру предложил?» И Кретинин напустился на своего помощника: «Ты мышей перестал ловить и потерял бдительность! Предложил Коинова, да еще и в капстрану этого пьяницу, он на ходу засыпает. Поедет в Индию Иван Иванович, кандидатуру Коинова забраковал первый дом (то есть наше городское КГБ). Мне дали нахлобучку за твоего протеже!»

Я стоял и переживал, слушая их перепалку. «Дайте мне подумать и посоветоваться с семьёй и родными», – промямлил с какой-то неуверенностью в голосе. «Подумать! Ишь какой нашёлся, ему ещё надо подумать! Что тут раздумывать? Соглашайся и подавай документы», – сказал Ровенских. И добавил: «Если бы мне предложили, я поехал бы простым слесарем, а тут, видите ли, предлагают должность инженера-механика на строящийся завод, и он ещё раздумывает!»

«Пусть посоветуется, – примирительно сказал Иван Андреевич. – Что горячку пороть, ехать с бухты-барахты за тридевять земель. Подумай, Иван Иванович, только недолго: нам каждый день звонят и торопят. С этим Коиновым упустили столько времени».

Вечером ехал я с работы озабоченным, в голове – сумбур от набегающих мыслей. С одной стороны, мне льстило, что посылают за границу, еще же никто не ездил за кордон работать, я из цеха, да и со всего завода один из первых. С другой стороны, ехать в неведомую Индию (я слышал про неё только по сказкам да по книгам) – это как-то пугало.

Дома встретила меня благоверная жёнушка и сразу заметила на моём лице тревогу. Но когда я всё рассказал, у неё сразу загорелись глаза, лицо озарилось радостью, и она выпалила: «Езжай!»

Всю ночь говорили, взвешивали, но чем дольше обсуждали, тем тяжелее становилось у меня на душе. Ведь это не

просто поездка на Чумыш купаться или за грибами. А отъезд далеко и надолго, может быть, даже навсегда...

На работе я целый день потратил на оформление выездных документов, назавтра сдал их в отдел кадров. Там меня предупредили, чтобы я готовился к поездке в Индию сроком на восемь месяцев, вызов может прийти со дня на день.

Дома каждый вечер встречали меня тревожными взглядами. Первые дни жена Маруся и дочь Люба торжествовали от счастья, выпавшего нашей семье, а потом их лица становились всё грустнее. Жена переживала, хотя внешне её чувства не проявлялись. А тут, будучи беременной, она ещё попала в больницу с высоким давлением. Каждый день после работы я её навещал, мы подолгу разговаривали. Сбить давление врачам пока не удавалось.

Прошло полмесяца, по поводу командировки меня пока не вызывали. Мы в семье стали успокаиваться, давление у Маруси начало нормализоваться. При очередной встрече в больнице у неё в глазах появились весёлые искорки. «Может, отказаться от командировки? – сказал я. – Родится ребёнок – будем воспитывать детей, жизнь налаживается, меня собираются повышать на работе». – «Ты и так в этой копилке загнёшься, а тут вообще сутками не вылезать из цеха. Смотри сам, моё мнение ты знаешь. Конечно, расставаться не хочется, – с грустью в голосе произнесла Маруся. – Может быть, ещё обойдётся, и никуда тебя не пошлют, а мы переживаем!». Как всегда, своей рассудительностью она успокаивала и меня, и себя.

Но нашей беспечной, спокойной жизни наступил конец. Начальник цеха позвонил и сообщил: «Оформляй отъезд в Москву. Срок прибытия – 20 октября». Чуть ли не бегом добрался я до заводоуправления. Уже через час в кармане у меня лежали бланк командировки и 3500 рублей на расходы для поездки в столицу. С радостной и в то же время горькой новостью пришёл я в больницу. Зашёл в палату, и жена сразу насторожилась из-за столь раннего визита. По моим глазам или сердцем почуяла неладное, сразу сникла и тихо

спросила: «Что-то случилось?» – «Да, дорогая моя больнуха, случилось, завтра я уезжаю».

У неё непроизвольно покатались слёзы, у меня – тоже. Мы стояли друг против друга и плакали. Тяжёлые мысли заполняли мою голову. А Маруся после долгого раздумья произнесла: «Ну, что же, езжай. Видно, судьба».

Я пытался её успокоить, но она ушла в себя. Как бы очнувшись, сказала решительно: «Езжай, а мы с маленьким приедем к тебе». И, немного подумав, добавила: «Если всё обойдётся благополучно». И мне эти слова – «если обойдётся» – запали в душу и назойливо повторялись в ушах.

Расставание было тяжёлым. Ещё поплакали, обнявшись, и я вышел из палаты. Идя по коридору, оглянулся и увидел Марусю, понуро стоящую в дверях палаты, она, как будто таясь от кого-то, помахивала рукой. Назойливые слова «если обойдётся» не давали покоя, и я решил найти лечащего врача. Врач, пожилая женщина, выслушала меня внимательно, сказала, что состояние больной пока удовлетворительное, жизни её ничто не угрожает. «Она же у нас в ГИДУВе, за ней мы наблюдаем и всё, что в наших силах, сделаем. С ней всё будет нормально. А вот с ребёнком... – произнесла она как бы про себя. – Ведь у больной высокое давление, и исход определить трудно. А она вот-вот родит».

Вышел я из больницы с тяжёлой ношей на душе. Настроение хуже некуда, голова пустая. Что делать, как правильно поступить в такой ситуации? Надо же готовиться к отъезду. Остаётся малолетняя дочь с престарелым дедом, жена в больнице, кто будет им готовить, стирать, печку топить, продукты добывать, ведь в магазинах пусто (покупали, в основном, из-под полы и из-под прилавка). Хотя мы с Марусей всё заранее обговорили, тревожные мысли наслаивались друг на друга, и пока я на трамвае ехал от КМК, на душе становилось всё тяжелее и тяжелее.

Новость о моём отъезде за границу быстро разлетелась по всей округе. К вечеру начали стекаться в наш дом родственники, друзья, цеховые, с кем вместе я работал. Отец с мате-

рю и сёстры, жившие по соседству, узнали первыми и сразу же пришли. Подготовка к прощальному вечеру шла полным ходом. Составляли столы, накрывали. На печи жарилось и кипело. К приходу гостей всё было уже подготовлено.

Застолье получилось бурным и многолюдным, да и событие отмечали непростое. Человека отправляли за границу, да ещё так далеко. Такого в нашей родне ещё не было. Всем было интересно, все удивлялись и завидовали мне, счастливцу и чуть ли не первопроходцу (конечно, после Афанасия Никитина). Но мне было грустно, на вопросы я отвечал невпопад, видя перед собой дочь, ронявшую слёзы от переживаний.

На другой день были сборы в дорогу. Люба и тесть Василий Севостьянович хлопотали вместе со мной. То и дело приходили люди, только что узнавшие о моём отъезде, и, перебросившись несколькими словами, уходили, видя, что мы озабочены сборами. Наконец всё готово. Тяжело было расставаться с обжитым местом и со своими близкими, ведь уезжал я в неведомое, оставляя их на произвол судьбы.

Ещё не успели выйти из дома с чемоданом, как заходит письмоноска Маша Бырдина и вручает телеграмму из Мурманска: «Встречайте, приезжаем 20 октября московским поездом. Николай, Дуся». «Вот те раз!» – вырвалось у тещи. Поначалу мы обрадовались, а потом опомнились: встречать-то некому! Главная хозяйка – сестра Николая – в больнице, а я уезжаю. Сколько лет мы ждали гостей из Мурманска, и Николай в письмах постоянно писал о скорой встрече. Как же посмеялась судьба над нами! Но по-другому сделать уже ничего было нельзя, и мы поехали на вокзал.

Провожающих было много, добрых напутствий – ещё больше. Кругом радостные лица, да только на душе горько и тоскливо: среди провожающих не было главного для меня человека – моей жены. Поезд тронулся. Последние взмахи руками и гомон голосов родных, близких и друзей...

Я зашёл в своё купе. Там сидели мои коллеги по работе: калибровщик Прокопьев, слесарь Чумаров, оператор Ти-

шин. Освоившись в новой обстановке, все начали выкладывать на стол свой дорожный провиант. Чумаров достал жареную утку, Прокопьев – бутылку спирта, я – помидоры, огурцы и колбасу. И загудел наш «холостяцкий» ужин, да так, что не помнили, как уснули. Проснулись рано, головы у всех трещат. Самый молодой – Лёва Тишин пошёл к проводнице и заказал чай. Сели за столик, Чумаров и Прокопьев кряхтят, загадочно переглядываются. Но я сказал: «Ребята, кончен бал! Сегодня полетим в Москву, никакого спиртного – иначе не пустят в самолёт». Напились чаю, в головах просветлело, и пошли воспоминания о вчерашнем дне, кого и как провожали.

«С таким почётом, наверное, не отправляли из дома никого, как меня моя дорогая жена Анфисушка. Провожать не пошла, а вдогонку крикнула: «Мотай отсюда, вонючий козёл, и больше не возвращайся!» – произнёс Алексей Чумаров и расхохотался. «А меня удивила большая компания с цветами и баяном, неужели у тебя столько родни и друзей?» – спросил Анатолий Прокопьев, обращаясь ко мне. «Это ещё не все пришли», – ответил я.

В Новосибирск приехали в семь часов утра. Сразу же сели в такси и поехали в аэропорт «Толмачёво». По дороге лопнуло колесо у «Победы», и я как старый автомобилист помог таксисту заменить его. Приехав в аэропорт, купили билеты, пошли на аэродром, где стояли громадные красавцы ТУ-104. По трапу поднялись в самолёт. Всё в диковинку, озираемся вокруг, ведь впервые в жизни видим такое. Внутри всё отделано красиво, и запах свежести и краски в салоне поражает сходством с запахом только что купленного нового автомобиля. Уют и изящество ласкают глаз. Пассажиры бесшумно передвигаются по проходу между кресел, рассаживаются по своим местам, да и откуда может исходить шум, если всё устлано коврами, и сиденья не скрипят.

Нашли и мы свои места, сели. Даже не сели, а утонули в удобных мягких креслах, регулируемых по твоему желанию лишь нажатием одной кнопки. Мы, как дети, упражня-

лись со спинкой: то ставили её в вертикальное положение, то откидывались на ней полужёжа. Вдруг слышим нежный спокойный голос: «Граждане пассажиры!» Посередине салона стояла стройная молодая женщина, одетая в униформу с иголки, из-под пилотки выбивались волнистые длинные волосы, лицо свежее, улыбается. «Наш самолёт следует курсом Новосибирск–Москва с посадкой в Омске. Командир экипажа – заслуженный лётчик СССР первого класса...» Дальше я отключился, поплыли мысли, будто попал в другой мир, где вежливо и с вниманием говорят с тобой в каком-то сказочном дворце люди, не похожие на огрубелых и обзолённых в обыденной жизни. Очнувшись, услышал: «Пристегните ремни, и счастливого вам полёта». Лебединой походкой пошла вдоль салона с леденцами на подносе. Взрели реактивные двигатели, самолёт пошёл на разгон, слышно, как шуршат колёса о бетон да ощущается дрожь корпуса. И вдруг всё стихло. Самолёт оторвался от земли и стал набирать высоту, да так стремительно, что начало закладывать уши до боли. Вот тут я и понял, зачем стюардесса разносила конфеты (на фантике было написано: «Взлетные»). Быстро развернул и усиленно начал сосать. Боль в ушах стала утихать...

Через несколько минут самолёт принял горизонтальное положение. Зашла в салон та же стюардесса, объявила, что самолёт летит на высоте девять тысяч метров со скоростью 980 километров в час, температура за бортом – минус 50 градусов. Удивительно, а внутри никакого холода, плюс 20 градусов тепла.

Примерно через час снова появилась наш ангел-хранитель, тем же нежным голосом объявила, что самолёт идёт на посадку в Омске, предложила пристегнуть ремни и обнесла всех конфетами. Вдруг двигатели смолкли, воздушная машина резко накренилась вниз, врезалась в плотные тучи. В одно мгновение стало темно, и лишь за стеклами иллюминаторов просматривался плотный туман. Усиленно работаю скулами, чтобы снова не оглохнуть. Тучи разрываются, и

под нами открылась красочная панорама большого города. Страх проходит, а охватывают азарт и вера в силу человеческого ума – гения – покорителя всего и вся. Летим и видим дома, движущиеся по дороге машины и людей величиной с муравья. Сплошное диво: человек, как птица, может летать и созерцать всё, что сотворил, теперь уже с высоты!

Приземлились в Омске. Через небольшой промежуток времени снова взлёт, чувствую себя увереннее, даже начал смелее смотреть в окошко. Самолёт, набирая высоту, снова прорезает плотно нависшие тучи. И вдруг яркий свет врывается в салон. Смотрю в иллюминатор, и перед глазами открывается чудное зрелище: далеко-далеко внизу словно сплошное снежное поле, а вверху – чистое голубое небо и солнце. Иногда ещё выше нашего самолёта проносятся самолёты военные, а ниже – кажущиеся игрушечными пассажирские, оставляя за собой длинные белые хвосты-шлейфы. Ощущение такое, будто лёг спиной на землю и смотришь вверх. В разрывах облаков изредка высвечивается земля в виде бесформенных заплат – с еле различимыми змейками дорог и речушек, отражающих блеск солнца; иногда, как в тумане, проплывают селения, города. Самолёт будто стоит на месте, только гул двигателей да лёгкое покачивание, вздрагивание всего корпуса напоминают о нашем полёте в высоком поднебесье.

Проходит третий час, и рёв двигателей переходит в шипение и слабое урчание, самолёт идёт на посадку. Видимо, скоро Москва. Резкое снижение, лайнер заходит в гущу облаков и туч, в салоне стало сумрачно. И вот уже под нами замелькали домики, прямоугольные участки садов, дорога с мчащимися по ней машинами. Самолёт стремительно снижается, внизу уже различаются люди, а впереди – прямая, как стрела, посадочная полоса. У всех в салоне напряжённые лица, явно читаются мысли: «Благополучно ли приземлимся?» Удар колёс о бетон дорожки, лёгкий прыжок – и плавно покатила махина, шурша колёсами. Подъехали к аэропорту, двигатели смолкли, вышла стюардесса из лётно-

го отсека и произнесла: «Граждане пассажиры, мы прибыли в столицу нашей Родины, город-герой Москву, во Внуковский аэропорт. Температура за бортом ноль градусов. Счастливого пути!»

Вышли из самолёта, сели в рейсовый автобус, доехали до центра. А поскольку города никто из нас не знал, долго искали своё Министерство чёрной металлургии. Москвичи – народ неприветливый, от наших вопросов или отмахивались, как от назойливых мух, либо показывали ложное направление. Проездив полдня на метро, автобусах, трамваях, мы, наконец, добрались туда, куда надо.

В министерстве нас уже ждали, и не один день. Чиновник, который принимал нас, от радости чуть не прослезился. «Ну, братцы, заставили нас поволноваться, мы на ваш завод уже послали повторную телеграмму. Вот вам направление в гостиницу «Восток», это на ВДНХ, там на вас забронированы места, – сказал он. – А завтра к девяти часам явитесь в Тяжпромэкспорт. Сейчас я закажу пропуска, чтобы не было проволочек». И он подробно рассказал, как найти это учреждение.

До гостиницы добрались на метро без особых происшествий, если не считать того, что при спуске с эскалатора Чумаров не рассчитал и распластался на мраморном полу, чемодан отлетел в сторону. Поднимая его, Прокопьев проворчал: «Эх, деревня, распустил сопли!»

В гостинице поселили всех вместе в одном номере. Поужинали мы в буфете стандартным московским блюдом – сосисками с капустой – и спать.

Утром проснулись рано, вышли на улицу, заняли очередь на автобус, стоим, чешем языки. И вдруг рядом мелькнуло знакомое лицо. «Не может быть, чтобы это была она», – подумал я и взглянул попристальней. Потом сорвался с места – и в толпу. «Лида, ты ли это?!» – «Да, Ваня, это я». Мы обнялись, перебросились несколькими фразами, договорились вечером встретиться в гостинице (она жила там же, где поселили и нас).

Добравшись до громадного здания Тяжпромэкспорта, доминирующего над всеми окружающими, мы подошли к парадному входу. Вахтёр в штанах с лампасами, как у генерала, осмотрел нас строгим взглядом, долго изучал паспорта и, наконец, пропустил внутрь. Поднимались на шестой этаж по лестнице, хотя ходили шикарные лифты, но мы не знали, как ими пользоваться, и боялись даже в них входить.

Нашли нужный кабинет, вошли, представились. Начальник отдела встал из-за стола и воскликнул: «Ну, наконец-то!» И сразу перешёл к делу: «Вам надлежит быть на Бхилайском заводе 22 октября. За три дня вы должны полностью оформиться здесь, иначе будут неприятности на правительственном уровне, даже на уровне ЦК. Сейчас пройдите в соседний кабинет, там начнут ваше оформление».

В небольшой комнате стояло четыре стола, между ними можно было пройти только боком. Нас усадили на стулья, проверили документы. Не оказалось каких-то бумаг, но главное – в своём городе нам не сделали прививок от холеры, чумы и оспы, а без этого нам не дадут визы. А для прививок в Москве потребуется целый месяц. Все четыре столоначальника поникли головами... Потом затрещали телефонами, озабоченно разговаривали, объясняли, предлагали разные варианты.

В какой-то момент в кабинет вошли еще двое – как оказалось, из Нижнего Тагила, и с направлением на тот же завод. Наконец, все телефонные переговоры закончились, и главный начальник в кабинете поведал нам: «Министерство здравоохранения согласилось вас выпустить из страны без прививок, сделаете там, по приезду в Бхилаи. А визы и паспорта получите завтра, министр иностранных дел поручил своим сотрудникам, чтобы они добились виз для вас в индийском посольстве. А сейчас мы заготовим документы на срочное собеседование с вами в ЦК партии».

В ожидании этого документа мы вышли в коридор, где по-прежнему стоял гул и сновали люди. К нашей четверке подошли нижнетагильцы. Мне протянул руку невысо-

кий крепыш кавказской внешности: «Буйглишвили Рафаил Аверкьевич». Я назвал себя. Представился и второй: «Пастухов Лев Григорьевич». Тут же завязался разговор. Услышав, что мы едем в Бхилаи, из толпы примкнули к нам еще три человека, которые пробыли там два года и теперь возвращались домой. Мы с интересом их рассматривали, наперебой выспрашивали о жите-бытье в этой стране. Они даже одеждой отличались от разношерстной публики просторного коридора: костюмы из дорогого чёрного габардина, рубашки снежной белизны из нейлона, туфли блестели – хоть смотришь в них, как в зеркало. Мы с завистью смотрели на них и с большим интересом слушали. Чему-то верили, а чему-то и нет. Больше всего интересовались, что брать с собой (и впоследствии пришлось из содержимого чемоданов кое-что оставить в гостинице за ненадобностью).

Я спросил самого шустрого и, казалось, всё знающего: «Почему такой ажиотаж с нашим отправлением, и почему с таким вниманием принимают нас московские чиновники?». Он ответил: «Там на заводе такое творится! Везде чистят, моют, красят, индийцы съезжаются из окрестных деревень, ждут какого-то большого гостя – чуть ли не премьер-министра Неру на пуск рельсобалочного цеха».

Пока мы обсуждали такую новость, нас позвали в кабинет и приказали немедленно ехать в ЦК, там уже ждут. У меня (да, наверное, и у всех) от этих слов по телу забегали мурашки, ведь Старая площадь – это место, где работали наши вожди, не считая Кремля. Пока ехали туда, у меня аж дух захватывало: «Неужели со мной, простым мужиком из сибирского захолустья, будут разговаривать в ЦК?» И еще была мысль: «Вдруг увижу Никиту Сергеевича Хрущёва, ведь он там где-то работает».

Хрущёва мы тогда обожествляли за развенчание культа личности Сталина, за оттепель в стране, и за Кузькину мать, которую он хотел показать Западу и Америке. С дрожью в коленках подошли к главному подъезду этого исторического здания. При входе стояли вооружённые военные часовые.

Показав пропуска, мы прошли внутрь, там был ещё один пост. Два старших лейтенанта стояли у проходной по обе стороны ковровой дорожки. Потребовав от меня паспорт, правый офицер назвал мою фамилию, а левый, взглянув в список, лежащий перед ним на тумбочке, назвал имя и отчество. Если всё сходилось – пропускали дальше в назначенное место.

В этот кабинет, где решались международные дела, нас пригласили всех шестерых. На стене висела большая карта Индии. Инструктор рассказал о политической обстановке в стране, о роли советских специалистов в становлении государства и возрождении экономики. В общем, набивали нас, как мешки, идеологической шелухой. Через час нас отпустили, мы шли по тем же тихим коридорам мимо тех же офицеров и часовых. Меня охватила досада, во-первых, из-за того, что не увидел Никиту Сергеевича, а во-вторых, из-за такой мысли: «Почему нет такого порядка и доброго обхождения с людьми по всей стране, как здесь, в ЦК?»

Мы пошли на Красную площадь мимо гостиницы «Россия», храма Василия Блаженного, посмотрели на кремлёвские звёзды, сверкающие рубинами с высоты башен, поклонились мавзолею Ленина. Спустились в метро и покатали в ЦК профсоюзов, где сдали профсоюзные билеты. Уже вечерело, в домах зажигались огни, а нам предстояло еще пересечь весь город под землёй.

С Лидой Чаловой мы встретились в ресторане гостиницы. Она уже ожидала меня в вестибюле. Сели за столик, заказали сухого вина и поели, так как ни у неё, ни у меня за весь день во рту и маковой росинки не было. Она смотрела на меня и всё время улыбалась, на радостном лице можно было прочесть многое. «А мир всё-таки тесен, – сказал я. – В семимиллионном городе – и вдруг встретились. Видимо, судьбе было так угодно: место встречи сибиряков – Москва». Она засмеялась и сказала, многозначительно посмотрев на меня: «Если бы можно было встречаться всегда, я бы из Москвы не уезжала». Я и раньше ощущал её симпатию, но так откровенно она не говорила никогда.

Мы с Лидой одногодки. Она росла в городе Осинники, там же жил и Юрий – двоюродный брат моей Марии. Офицер-фронтовик, он демобилизовался из армии на год позже меня. Когда они с Лидой играли свадьбу, пригласили и нас. Лида не блистала красотой (так же, как и Юрий), но нравилась многим. В её больших, глубоких, задумчивых глазах светился незаурядный ум. А сейчас лицо её излучало неподдельную радость. Глуховато-нежным голосом она спросила: «Ты зачем сюда приехал?». Я как можно лаконичней рассказал о цели своего пребывания в столице. «Счастливым ты человек», – задумчиво произнесла она. «Не совсем, как и большинство людей, – заметил я. – Если в одном повезло, то в другом – не очень. Перед отъездом, дней за десять, увезла «скорая помощь» Марусю в больницу». И, как опытному врачу, я рассказал Лиде всю историю, приключившуюся с женой. Подумав, она сказала: «Её положение не безнадежное, такое состояние у многих беременных женщин. И тебе переживать не следует, всё обойдётся... Как бы там ни было, а Маша счастливая, ей с тобой легко, ты человек правильный и надёжный». – «Как понять «правильный»?» – спросил я. – «Ты не лукавишь, и тебе доверять можно всё». Таких откровенных слов я еще ни от кого не слышал. Подумал: не хмель ли ей в голову ударил? Но она же умная женщина, всё у неё взвешено, и лишних слов она не говорит. Наверное, что-то произошло у них с Юрием... Пауза слегка затянулась, и я спросил: «А ты что тут делаешь?» Она обстоятельно рассказала, что теперь работает в областной больнице главным рентгенологом, подготовила диссертацию и сюда приехала на защиту, которая состоится через два дня. А в семье у них разлад из-за частых её командировок, нет взаимопонимания.

В ресторане мы сидели почти до самого закрытия. Расстались трогательно, пообещав друг другу снова встретиться, хотя в этом не было уверенности. Мы не могли знать, что будет даже в ближайшее время. Я улетаю чуть ли не на другую планету, а её ждёт взлёт до доктора медицины...

Третий день в Москве выдался самым напряжённым. Погода – холодная, пасмурная, уже надоела столичная суета. Народ здесь, как в водовороте, куда-то бежит, на ходу жуёт пирожки, некоторые умудряются читать газеты, толкаются, каждому хочется опередить другого, машины снуют непрерывным потоком, выхлопными газами травят всё и вся. Дышать нечем. Нам, не привыкшим к такому, хочется засунуть голову в тихое место, чтобы не видеть всего этого хаоса. Но у нас есть ответственное задание и обязанность – за сегодняшний день закончить оформление всех бумаг, получить документы и билеты на самолёт.

Члены КПСС второй раз были приглашены в ЦК. Уже в другом кабинете заполнили декларацию о верном служении партии и Родине, сдали партбилеты, после чего прослушали инструктаж, как вести себя за кордоном, чтобы не поддаться разным соблазнам, как устоять от происков империалистов, от вербовки в шпионы. Сказано было много слов и предостережений, от которых у меня даже голова распухла. После ЦК зашли в МЧМ, где тоже получили инструктаж. И, наконец, третья бюрократическая инстанция – Тяжпромэкспорт. Там нам вручили загранпаспорта, авиабилеты. Также мы подписали контракты. У меня было указано: срок пребывания в Индии – восемь месяцев, должность – старший инженер с окладом 1500 рупий.

Наконец-то после долгих мытарств по учреждениям мы облегчённо вздохнули. В гостиницу приехали уже вечером и первый раз за весь день перекусили в буфете – опять же капустой с сосисками. Сразу пошли спать, поскольку уже завтра нужно было улетать. Но после бурного дня спать не хотелось, нервы были напряжены, мысли набегали одна неожиданней другой. При втором посещении ЦК я утвердился в том, насколько Ленин был прав в своей философии и делах по построению нового демократического общества, где у власти человек труда, где провозглашались равенство, братство и мир. Сам вождь революции показывал пример. Он не стремился к личной наживе, как и Сталин впослед-

ствии, жил так же впроголодь, как и все люди страны, а посылки, направляемые ему простыми людьми для поддержки его здоровья, отправлял в детские приюты. И общение его с простым народом было искреннее, правдивое. Несмотря на сверхзанятость, он был доступен для всех граждан своей страны. И вот теперь, посетив ЦК, я окунулся в ту же обстановку, какая была при Ленине, осталась с тех времён только в этих стенах: простота, доступность, вежливость и внимание сотрудников, чего не увидишь, выйдя за пределы Старой площади. Московские чиновники обнаглели в своём нахальстве и грубости, повсюду процветают коррупция и протекционизм, даже в делах производственных. К высокому и не очень высокому начальнику не войдёшь в кабинет без плитки шоколада или флакона духов секретарю. Невольно я вспомнил изречение великого китайского философа Конфуция: когда его спросили, что надо сделать в стране, чтобы покончить с разбродом и беспределом, он сказал: «Надо вернуться к тому, что замыслилось первоначально». И как тут не вспомнить первые ленинские декреты! С такими раздумьями я и уснул.

Утром поехал на Главпочтамт, отправил домой оставшиеся деньги, так как нас предупредили строго-настрого, что рубли за границу везти нельзя. Попутно купил русско-английский словарь, он будет необходим, поскольку государственный язык в Индии – английский.

В полдень приехал в аэропорт Шереметьево. Встретился со своими заводчанами, а вскоре появились и нижнетагильцы. Наш самолёт до Дели вылетал в 10.20 вечера, времени впереди было много. Мы сели в зале ожидания, и началась оживлённая беседа. Буйглишвили сообщил, что его назначили нашим начальником, а заместителем – меня. «Так что прошу любить и жаловать, – сказал он. – Нам надо держаться вместе и дружнее. А когда есть согласие в коллективе, то и чёрт не страшен».

ЧЕРЕЗ ГИМАЛАЙСКИЙ РУБЕЖ

Аэродромный автобус подвёз нас к трапу громадного лайнера, не похожего на наши отечественные самолёты. Он был совсем не изящный, серого цвета, по борту крупными иностранными буквами написано: «Констеллейшн».

После нашего комфортабельного, подкупающего внутренним простором и лёгкостью ТУ-104, сейчас мы оказались в салоне, напоминающем пещеру. Вокруг серость и теснота. Сиденья громоздкие и, кажется, не очень удобные, обтянутые тяжёлым бархатистым материалом и уже обшарпанные от длительной эксплуатации.

Заполнив салон пассажирами, командир корабля, индеец, на английском, а потом на ломаном русском языке объявил: «Лайнер индийской авиакомпании совершает полёт Москва–Дели с посадкой в Ташкенте. Скорость полёта – 650 километров в час, высота полёта – шесть тысяч метров. Прошу пристегнуть ремни». Вскоре самолёт взял разгон и взлетел медленно и плавно. Леденцов никто не предлагал, да и уши не закладывало. После того, как на светящемся табло исчезли слова, запрещающие курить и ходить по самолёту, все отстегнули ремни, салон наполнился гомоном многих голосов. Разговаривали больше на непонятных нам языках. Я оглядел соседние кресла: вокруг, в основном, незнакомые лица. Только рядом со мной сидел Рафаил Буйглишвили, да напротив – Прокопьев с Тишиным.

Самолёт летел спокойно, без тряски, шума двигателей почти не было слышно. Я теперь уже смело смотрел в иллюминатор. Под нами не было ни облаков, ни туч, как при подлёте к Москве, лишь временами проносились клочья в виде редкого тумана и небольших парообразований. Далеко внизу отчётливо были видны селения, проплывали медленно большие города, зелёные массивы лесов, прямые дороги и реки с невероятными изгибами. Меня заворожила эта чудная картина: «Неужели это наша земля такая красивая? Когда по ней ходишь, не замечаешь этого, вокруг всё кажется непривлекательным. А с высоты – залюбуешься!»

«Ты что так увлёкся, что там интересного?» – спросил Рафаил. Я объяснил. «Ещё насмотришься. Всё только начинается, и вся жизнь впереди!» – пропел он строчки из популярной песни. Он по отцу грузин, а мать – русская, говорил без акцента и, как я понял позже, по-грузински почти ни одного слова не знал, кроме таких, как «кацо» и «Цинандали». «Ты ответь мне на вопрос, как мы будем общаться с таким народом?» – спросил Рафаил, показывая на соседние кресла, где бурно беседовали иностранцы. – «Я думаю, у нас будут переводчики», – неуверенно ответил я. И тут же спохватился: «А ты какой язык изучал?» – «В школе – английский, в институте – тоже», – ответил он. – «Тогда что нам беспокоиться? На английском ты будешь разговаривать, а на немецком – я. Я же жил в Германии год да изучал лет пять». – «Я из этого английского и помню-то с десяток слов, да считать до двадцати», – с досадой признался Буйглишвили.

В разговорах не заметили, как официант подкатил к нам тележку, заставленную бутылками разной формы, коробками и пакетами с красивыми обёртками. И, сверкая белыми крупными зубами, проговорил что-то непонятное. Рафаил, напрягая память, перевёл мне: «Он предлагает спиртные напитки отведать перед обедом». И с глубоким знанием языка сказал официанту: «Плиз», показав на глянцевые листы в его руке.

Тот отдал Рафаилу книжицу. В ней был напечатан набор вин, пива, закусок и прочего. Общими усилиями прочитали огромный перечень, где после каждого наименования стояли цифры. Я спросил Рафаила, что они означают. Он уверенно сказал: «Это однозначно – сколько спиртного предлагают к обеду. Давай попробуем сначала виски, я никогда не пил». – «Я тоже не пил и боюсь, как бы не развезло. Давай для начала выпьем пива», – сказал я и показал в меню официанту, где было написано «биер». Он дал нам по алюминиевой баночке, проделав предварительно отверстия в крышках, а то мы, темнота, впервые увидевшие такую тару, так бы и не знали, как ее открыть. Пиво, изготовленное в Голландии,

показалось нам приятным и довольно хмельным. После выпитого настроение еще больше поднялось, и Рафаил сказал: «Надо было еще и виски взять». Я его успокоил: «Обратно покатит тележку – попросим виски». Но обратно он не поехал – обслужив всех пассажиров, исчез за ширмой. Зато вскоре появился стюард, развозивший обед.

После пива и еды нас разморило, и мы уснули. Потом чувствуем: кто-то нас слегка раскачивает. Открыли глаза – перед нами стоит всё тот же официант и что-то говорит по-английски. Рафаил упорно шарит в своей голове, но ни понять, ни сказать ничего не может. А с нас всё настойчивее что-то требуют. Сосед, сидящий в кресле через проход, видя, что мы в затруднительном положении, спрашивает: «Вы что-то брали у него?» – «Пиво», – отвечает Рафаил. – «Так он требует с вас деньги». – «Какие деньги? Ведь в самолёте всё бесплатно!» – возмутился мой коллега. – «Обед – бесплатно, а спиртные и другие напитки – за деньги. Там в меню указана стоимость в долларах и рупиях», – пояснил сосед. Мы с Рафаилом переглянулись. Вот тебе раз! А мы думали, цифры означают, сколько граммов предлагают выпить на каждого...

Весёлое настроение сразу как ветром сдуло, мгновенно мы вспомнили долгие и упорные наставления в ЦК партии. Из-за баночки пива уже попали в зависимость от капиталистов, и теперь из нас могут сделать шпионов! Этот тип, официант-торговец, так и стоит в ожидании, когда мы расплатимся, у нас же ни рупий, ни долларов нет, да и наших советских денег – тоже. Ведь в том же ЦК нас предупредили, чтобы ни одного рубля не вывезли за границу, вот мы и истратили всё в Москве.

Буйглишвили говорит мне: «Поскреби по карманам». Я обшарил всё и нашёл копеек 70-80. Он поискал в своих карманах, но кроме медных ничего не нашёл. Сосед через проход, видимо, уже не раз летал в Индию, он сказал: «Не трудитесь, денег наших они не берут». Что же делать? Вот

попались! Официант стоит возле нас, как истукан, ждёт. Рафаил с надеждой посмотрел на соседа: вдруг выручит. «Сколько же мы должны ему за пиво?» – «Самый пустяк, – откликнулся сосед. – Всего 11 рупий». Мы еще надеялись, что он поможет нам, всё-таки земляк, русский. Уж мы бы нашли способ рассчитаться. Но нет, он даже вида не подал, что сочувствует нашей беде. Только потом мы узнали, до какой степени могут меняться за границей наши соотечественники: становятся алчными, жадными, за рупию удавятся...

Делать нечего. Рафаил попросил соседа, свободно изъясняющегося по-английски: «Скажите, пожалуйста, этому парню: когда прилетим в Дели, нас там встретят, и мы рассчитаемся». Официант выслушал, сказал «Окей» и удалился. Мы вздохнули облегчённо, расслабились и решили подремать, но не тут-то было. Самолёт задрожал, его стало кидать из стороны в сторону, а в один из моментов он резко ухнул вниз, вызвав у пассажиров приступ тошноты; потом, словно ударившись о что-то упругое, снова начал набирать высоту, спокойно полетел горизонтально, но вдруг опять, как бы потеряв опору, начал стремительно падать. Проходит секунда, другая, все внутренности организма смещаются кверху, дыхание перехватывает, кажется, всё твоё существо отрывается от кресла. Состояние жуткое, тревожное. Падаем, рассекая белые облака. Смотрю на сидящего перед собой Прокопьева: лицо его сначала побледнело, а потом начало краснеть, глаза испуганные навывкате. Я понял, что и со мной такое же творится. Слова не могу произнести, горло перехватило. «Конец, что ли?» – промелькнуло в голове. Но тут самолёт перестал падать и выровнялся горизонтально, только крылья слегка покачивались. Люди приходили в себя, после глухой тишины слышался ропот: «Что произошло, что это было?»

Из кабины лётчиков показался человек в униформе, оживлённо заговорил, жестикуюлируя руками. Сосед перевёл Рафаилу суть его речи: самолёт попал в воздушные ямы из-за восходящих потоков, теперь их миновали и подлета-

ем к Ташкенту. Вскоре шум двигателей стал тише, и лайнер начал снижаться. Погода стояла солнечная, только редкие кучевые облака отбрасывали тень на землю. Внизу отчётливо были видны деревушки с узбекскими дувалами, а потом показались контуры большого города с белокаменными домами, проспектами и улицами, обсаженными деревьями. Наконец самолёт коснулся колёсами земли и затарахтел, снижая скорость, облегчённый вздох пронёсся по салону. Подкатил трап, мы вышли на него, и всех сразу опажнуло тёплым летним воздухом. Если в Москве стояла холодрыга и уже намело сугробы, то здесь... одним словом – Ташкент.

Длинной вереницей проследовали в аэропорт, там таможенники просверлили нас зоркими взглядами, ничего криминального и контрабандного не нашли и пропустили в ресторан. После горячего обеда мы возвратились в самолёт. Взревели двигатели, лайнер набрал высоту. Все сбросили привязные ремни, кто задымил сигаретой, кто папиросой, а я предался тяжёлым размышлениям. Вот и последний перелёт, а потом заграница, ощущение такое, будто оставил частицу сердца здесь, на Родине. Она меня вырастила, её я защищал во время Великой Отечественной войны. Здесь оставались родители, жена и дочь. Навалилась тоска. Что ждёт меня там, за кордоном? В глубоком раздумье сидел я с закрытыми глазами. В это время между Буйглишвили и соседом завязалась беседа. Оказалось, что тот геолог, уже два года изыскивает нефть в Индии, летал на Родину в отпуск. Их разговор прервался восклицанием какого-то пассажира: «Гималаи!» Я выглянул в иллюминатор и был ослеплён увиденным. Чуть ниже крыльев – пики гор, своими остриями они чуть не задевали лайнер. Отблески от ледников, как от бриллиантов, всеми цветами радуги били в глаза. Зрелище было восхитительное и одновременно устрашающее.

Самолёт покачивался, накренясь то вправо, то влево, лавируя между вершинами гор, которые, блестя ледниками, порой проплывали даже выше нас. Захватывало дух, когда лайнер летел прямо на высоченный хребет и неужи-

данно плавно отворачивал от опасности. Пассажиры то и дело издавали шумные вздохи. Прильнув к иллюминатору, я неотрывно смотрел на это чудо природы. В голове крутилась назойливая мысль: «А вдруг самолёт заденет крылом ледяную гору? Упадём в эту преисподнюю, и никто там и никогда нас не найдёт». Но как-то вдруг алмазные вершины закончились, далеко внизу в лучах солнца стали видны холмы, сменяющиеся равниной жёлто-песочного цвета. В салоне появился стюард-индеец и начал что-то говорить на английском. Рафаил попросил геолога перевести. «Он рассказывает, что подлетаем к Кабулу, температура за бортом 25 градусов минус, и что в Дели будем через полтора часа».

Самолёт почему-то снизился. Я видел афганские селения, а вокруг – пустынно и скучно: ни деревца, ни ручейка, даже не на чем глаз остановить. Потом пейзаж изменил город с серыми постройками и белыми домами, обсаженными редкими деревьями. Это была столица Афганистана. А через какое-то время сосед тихо проговорил, глядя в иллюминатор: «А вот и Индия».

Я сразу уткнулся в окошечко и так сидел, не отрывая взора, до самой посадки. Поразителен был контраст между оставленной позади афганской глиняной пустыней и появившимися сейчас зелёными оазисами с квадратами земли, залитыми водой. Впечатление такое, будто это сплошное море, а в нём плавают деревушки и какие-то узкие длинные ленты дорог или дамб. Подумалось: «Как же в этом бескрайнем море живут люди, звери, птицы? Конечно, крокодилам и рыбам благодать, но ведь и 700 миллионов человек где-то обитают!»

Самолёт снижается. Долго летим над водными просторами и зелёными лесами. Пассажиры увлечённо смотрят вниз на проплывающие картины. Тишину в салоне нарушил индеец, вышедший из кабины лётчика и сделавший какое-то сообщение. Наш сосед пояснил, что надо пристегнуть ремни, так как самолёт идёт на посадку. Вверху небо непривычно синее, без единого облачка, а внизу сквозь кристально

чистый воздух видны селения, утопающие в зелени, дороги с машинами, повозками и даже велосипедистами. Но ни слонов, ни тигров пока не вижу, хотя пристально вглядываюсь в происходящее под нами на земле.

Вот тебе и сказочная страна! А на самом-то деле – как наша. Или Германия, где я жил после войны. «Но ещё посмотрим, – подумал я. – Мы же только прилетели». Тут я вспомнил про злосчастное пиво, и настроение испортилось. Вот влипли так влипли! А если нас никто не встретит – как и чем будем расплачиваться с официантом? Ещё сдаст в полицию...

О ЖИЗНИ ДЕЛИ

Самолёт подрулил к зданию аэропорта. Вышли, и нас сразу обдало нагретым и насыщенным какими-то незнакомыми запахами воздух. Идём – озираемся, всё интересно и необычно. В снующих вокруг в большинстве своём голых индийцев пытаемся рассмотреть собратьев-земляков, но видим только людей с коричневой и чёрной кожей, отливающей блеском на ярком солнце. В общем, на улице нас никто не встретил.

Зашли в здание, дежурившие пограничники направляют нас к стойкам, где уже толпятся пассажиры с нашего самолёта и заполняют какие-то бумаги. Мы с Рафаилом Буйглишвили и Иваном Волковицким попытались пройти «транзитом», но нас остановил военный, и по его настойчивым жестам мы поняли, что и нам надо заполнить бланк. А как это сделать, никому из нас не ведомо. Рафаил, пять лет изучавший английский, тоже не может ни прочитать вопросы, ни написать ответ. Ищет соседа по самолёту, но того уже нет. Он границу перешёл и, наверное, уже укатил в Дели, а мы всё топчемся в растерянности около пограничного пункта, не зная, как заполнить декларацию. Тогда я постарался вчитаться в то, что написано на листке, после чего увидел, как заполняет бланк англичанин на столе рядом. Я срисовал буквы с его листка, только написал свою фамилию и имя. Потом помог Рафаилу и Ивану. Наконец сдали эти непонятные бумажки и прошли в помещение.

В зале ожидания было много народу. «Вот тут-то нас наверняка встретят, теперь уже заждались», – сказал Буйглишвили. Прошли в один конец зала, в другой – ни одного славянского лица. «Посидим здесь, возможно, опоздали встречающие из посольства», – предположил Рафаил, и мы уселись на диван. Вдруг у Ивана Волковицкого глаза округлились, испуганно смотрят в сторону. «С чего бы это?» – удивился я. И сразу понял причину его страха, когда увидел громадную обезьяну, свободно разгуливающую по залу. И

сейчас она быстро направлялась в нашу сторону. Иван с перепуга стянул с головы фуражку и сжал её в руках. А обезьяна пробежала мимо, едва не коснувшись лица Ивана лохматым хвостом, загнутым дугой.

Но еще больше испугался Рафаил, когда заметил приближающегося к нам официанта из самолёта. Он подошёл к Буйглишвили и проговорил коротко: «Мани!» Мы этому официанту и руками показывали, и что-то мычали, объясняя, что отдадим ему одиннадцать рупий за трижды проклятое пиво, но он нас не понимал. Рафаил снова вспомнил слово «плиз», произнёс его, достал блокнот, ручку, протянул официанту. А тот не хочет брать, наверное, думая, что именно этим хотят расплатиться. Рафаил, путая английские слова с русскими, выпалил: «Плиз адрес твой, мы вышлем мани, нас не встретили!» Официант не понимает и водит глазами по залу. «Наверное, ищет полицейского, чтобы нас забрать», – подумал я и от испуга тоже начал жестиковать и повторять слова Рафаила: «Скажи адрес, мы вышлем деньги, мани». Официант так и не понял ничего, в конце концов махнул на нас рукой и скрылся в толпе таких же чёрных и коричневых.

А мы сидим расстроенные, будто получили такую оплеуху, что не можем опомниться. «Что же делать?» – сказал Рафаил. И тут я стукнул себя по лбу и воскликнул: «Нам же в Москве дали телефоны советского посольства! Пошли, позвоним!». Пройдя по залу, нашли телефон. От восторга у меня даже вырвалось: «Ура! Спасены!». Но рано мы радовались. Чтобы позвонить, нужно иметь индийскую монетку, а как раз её и нет. Попробовали толкать в щель телефона свою, советскую, но она либо застревала, либо падала, не включая связь. Дежуривший в аэропорту полицейский, увидев, что мы осаждаем телефон, подошёл и что-то спросил. Мы все дружно ничего не поняли и показали ему наши мелкие монеты, которые совали в щель аппарата. Он улыбнулся и отвёл нас в помещение, расположенное посередине аэропорта. Показал на телефон и что-то сказал, и мы догадались, что с

него можно звонить. Наш начальник Буйглишвили набрал один номер – никто не ответил. Набрал другой – ответили по-английски, он задал вопрос по-русски, но там прервали связь. Рафаил рассердился и бросил трубку. Теперь я начал названивать советнику посла, в трубке слышался ответ то на английском, то на хинди. Я положил трубку и сказал раздосадованно: «Мало того, что нас не встретили, так еще и телефоны дали неправильные». – «Пойдём, может быть, кто приехал встречать», – предложил Рафаил.

Прошли по аэропорту. Кого заметим, похожего на славянина, – спрашиваем. Но русских никого не оказалось. Я решил воспользоваться немецким. Подходил к предполагаемым немцам и задавал вопрос: «Шпрехен зи дойч?». Но получал один ответ: «Ну», наверное, все были англичане.

Вдруг сзади меня хватает под руки человек в униформе – не то полицейский, не то пограничник – и ведёт к транспортёру. Спрашивает: «Рус?» Мы закивали головами, и он показал на наши вещи, которые, по-видимому, давно уже лежали на ленте. Когда мы их признали, таможенник даже обрадовался, что наконец-то нашли владельцы этих ободранных сумок, рюкзаков и чемоданов. Что-то спросил у нас и, не дождавшись ответа, начал показывать пальцем и произносить: «Пу! Пу!». Мы поняли, что речь идёт об оружии, и отрицательно замотали головами. Тогда он показал, как перевёртывают в рот стопки. Тут всё было понятно, мы рассмеялись, и он тоже. Мы снова изобразили знак отрицания: мол, и спиртного у нас нет. Хотя именно из моего чемодана так несло, что, даже находясь в трёх метрах от транспортёра, я чувствовал запах. Наверное, в самолёте вылезла пробка из бутылки, и спиртом залило все вещи.

Таможенник, видя наше затруднительное положение, решил помочь. Завел в свою контору, достал толстую книгу, долго листал её. Наконец что-то нашёл и указал нам на строчку. Там было написано «Рашен амбассадор» и указаны номера телефонов. Я позвонил по одному из них и сразу услышал: «Дежурный по посольству слушает». У меня аж

горло перехватило. С трудом выговорил: «Наконец-то услышал родную речь!» На другом конце провода спрашивают: «Что случилось?» Я объяснил, в какой ситуации мы находимся. Меня коротко проинструктировали: «Выйдете на улицу, около аэропорта стоят такси. Подойдите к любому, скажите: «Рашен амбассадор», и вас привезут сюда. А здесь мы всё организуем по высшему классу».

Поблагодарив таможенника за помощь, мы взяли свои вещи, вышли на улицу и осмотрелись. На площади стояло множество такси, на длинных ступеньках аэропорта сидело человек двадцать индийских мальчишек, по тротуарам между клумб разноцветных роз прогуливались пассажиры в ожидании самолёта. А на крыше здания в тех же позах, что и мальчишки, пристроилось большое количество обезьян. Они внимательно разглядывали, чем занимаются внизу их собратья.

Оставив около вещей Ивана Волковицкого, мы с Рафаилом подошли к таксисту и произнесли магические слова: «Рашен амбассадор». Таксист открыл двери машины, приглашая садиться, а сам что-то крикнул ребятишкам, сидящим на ступеньках. Я направился к вещам, чтобы перенести их в такси, и услышал крик Волковицкого: «Стойте! Стойте! Грабят чемоданы!» Я поспешил к нему. Вижу: индийские мальчишки схватили наши вещи и бегут с ними к машине, на которой мы должны ехать. За ними шпарит Иван и по-прежнему кричит. Дети подбежали к такси и стали укладывать вещи в багажник. Поняв, что происходит, я успокоил Волковицкого, и мы вместе сели в машину.

До посольства домчались быстро, повернули к большому зданию в европейском стиле с оградой и высокими воротами. Навстречу нам вышел подтянутый и элегантно одетый сотрудник. Он сказал что-то шофёру, а нас повёл внутрь здания. Завёл в кабинет, усадил в кресла и сразу извинился за наши мытарства, объяснив их тем, что Москва не дала телеграмму о нашем вылете в Дели. Затем сотрудник посольства выдал нам по 150 рупий на расходы и сказал, чтобы мы

ехали в гостиницу, переночевали там, а утром он придет и уладит все дела по отправке нас на Бхилайский завод.

Мы вышли за ворота, там нас подждал таксист. Сопровождающий усадил нас в машину, подошёл к водителю и долго что-то ему объяснял. После чего сообщил нам: «Езжайте. Шофёр вас устроит в гостиницу, а завтра встретимся». Над городом уже сгущались сумерки, когда мы подъехали к красивому зданию с колоннами и большой, светящейся неоновыми огнями вывеской. Шофёр повел нас в гостиницу. Мы хотели прихватить свои чемоданы, но он замахал руками: «Но, но!». Зашли в просторный вестибюль на втором этаже, таксист усадил нас в кресла и куда-то направился. Появился он минут через 15 в сопровождении высокого и важного на вид индийца лет пятидесяти. Тот протянул руки вперёд, сложив их ладонями, и слегка наклонил голову в знак приветствия. Потом таксист получил от него какие-то указания и сразу ушёл. А хозяин гостиницы взял за руку Ивана Волковицкого и повёл его из холла.

А мы с Рафаилом с интересом разглядывали окружающее. В глубине помещения сидела за столиком группа индийцев и оживлённо беседовала, размахивая руками. А неподалёку от нас стояли две пары: женщины в красивых сари, плотно обтягивающих стройные фигуры, и мужчины с ухоженными усами, в светлых штанах и белых рубашках навыпуск. Они смотрели на нас и что-то говорили, а когда мы повернулись в их сторону, тоже сложили руки ладонями и поклонились. И мы в ответ повторили их жест.

В это время прибежал Иван с испуганными глазами, губы дрожат, пытается нам что-то объяснить, но получают лишь обрывочные фразы. «Там! – показывал он куда-то назад. – Змеи! Там страшно, я боюсь!» Подошёл хозяин гостиницы, что-то сказал нам, но мы не поняли. Ему на помощь из-за столика с шумной компанией поднялся индеец – маленького роста, очень смуглый, почти чёрный, и в набедренной повязке. На ломаном русском он спросил у нас: «Что случилось? Я немношка коворью рашен». Ваня Вол-

ковицкий, чуть успокоившись, громко начал объяснять, что в номере, куда нас хотят поместить, ползают змеи. Услышав возмущение русского, подошли к нам и те две пары, что стояли поодаль, между нами завязалась беседа. Полуголый щупленький объяснил своим, в чём дело, и все засмеялись, особенно хозяин гостиницы, аж до слёз. Только потом индеец-переводчик заверил нас, что никаких змей там нет, только ящерицы, но от них никакого вреда, а только польза: ловят мух и moskitov. «Если рус хочет, то хозяин таёт другой номер», – сказал он. Мы решили пойти и посмотреть, что за пресмыкающиеся там ползают. Вошли в комнату, зажгли свет, смотрим. Стены и потолок чистые, и на полу ничего нет. Повернулись вопросительно к Ивану, он растерялся, покраснел и говорит: «Только что были». Из замешательства его вывел переводчик, который внимательно разглядывал электропровода, открыто проложенные по стенам. Потом взял палку и постучал по ним. Из-под проводов выскочило сразу несколько рептилий, эти ящерицы забегали по потолку, стенам и снова притаились в укрытии. Индийцы снова засмеялись, Иван снова побледнел. Переводчик стоит рядом и успокаивает: «Не пугайс, он не тронет. Толко неприятно ночью падут на лице». Мы с Рафаилом переглянулись. «Ничего себе! – сказал я. – Если ночью такая упадёт на лицо – кондрашка хватит». Переводчик, услышав эти слова, сказал: «Тругой комнат так ше». И мы решили остаться здесь, тем более что наши вещи уже лежали в углу, аккуратно сложенные. Кстати, и в дальнейшем мы к ним ни разу не прикасались, их переносили и перевозили индийцы. А мы, как только прилетели в Дели, превратились в господ.

Расположившись в номере, постарались расслабиться, стряхнуть с себя нервное напряжение, накопившееся за день. Решили завтра высказать всё послу Бенедиктову о халатности московских чиновников. А пока отправились в ресторан гостиницы. По пути нам встретился переводчик. Оказалось, этот тощий маленький человек – индонезиец, здесь он оказался проездом из своего государства в Совет-

ский Союз. По-русски он научился говорить от наших соотечественников – коллег по совместной работе, прокладке дороги в джунглях. Мы его поблагодарили за помощь и прошли к указанному столику.

Столик пока еще не был сервирован: кроме цветов да салфеток на нём не было ничего. И вот не прошло и минуты, как со стороны кухни показалась вереница индийцев, направляющихся в нашу сторону. У каждого в руках какие-то принадлежности, своя ноша. Подойдя к столу, по очереди положили кто тарелку, кто ложку, кто ножи, разные салаты, фрукты, сладости. Подходят, кладут и становятся вокруг стола у нас за спинами. Наблюдают, как мы едим, что едим, и чего-то ждут. Такое внимание нам было неприятно – когда за каждым движением следит много глаз. Но мы были голодны, быстро умяли тарелку тонко нарезанного хлеба, так что одному из наблюдавших пришлось принести другую.

Мне очень понравилась рыба: приготовлена вкусно и без единой косточки. А от гарнира и салата рот горел огнём – из-за обилия перца, которым щедро сдобрили это блюдо индийские повара.

Наевшись, мы вышли на обширный балкон гостиницы, заняли кресла и стали наблюдать с высоты за жизнью ночного города. Море огней – неоновых, галогенных – освещало центр Дели, где находилась наша гостиница. Нам сверху были видны потоки двигающихся машин, мотороллеров, велорикшей, даже повозок на быках, освещенных фонарями типа «летучая мышь». Воздух тёплый, густо нашпигованный разными запахами. Всё здесь было не похоже на наше – и земля другая, и небо другое. Взглянув на него, я не нашёл ни Медведицы, ни Венеры, а Луна оказалась повёрнута серпом вниз. И звёзды крупные, яркие.

Посидели, полюбовались городом с высоты и решили прогуляться. Время было ещё не позднее, хотя темнота наступила уже давно – в шесть часов вечера. Вышли из гостиницы и пошли по тротуару, обсаженному деревьями, на зелёных полянках между тротуаром и шоссе сидят и лежат

индийцы. А навстречу нам – уйма народа, чёрного и коричневого, в разноцветной одежде и почти совсем голого.

Зашли в торговые ряды – и глаза разбежались от обилия всего. Обидно стало за свою страну. Уезжали сюда – в наших городских магазинах пустые полки, а в нищей Индии они ломятся от товаров и продуктов. Настроение упало, и мы вернулись в гостиницу с тяжёлым грузом на душе. Спали тревожно после головокружительных впечатлений прожитого дня, да и какой может быть сон в обществе пресмыкающихся – не то ящериц, не то крокодилчиков. В довершение всего я поймал на своей кровати здорового чёрного жука или таракана. Волковицкий то и дело вскакивал с кровати, осматривал всё вокруг и, убедившись, что ничего нет, тушил свет.

Утром встали – головы болят, хотя никакого спиртного не употребляли. Тут его вообще даже в ресторанах не подают, потому что по всей Индии «сухой» закон. Позавтракали за тем же столиком, где и ужинали, из чего мы заключили, что для русских у них стол отдельный, и готовят специально блюда русской кухни, и подают на стол с хлебом. Интересно, смогли бы мы тогда есть индийские кушанья, напичканные огненным перцем, да еще без хлеба?

Пока завтракали – приехал курьер из посольства. Он посадил нас в машину и привёз к советнику по экономическим делам. Познакомившись с нами, тот сказал, что строительство и монтаж рельсобалочного цеха подходит к концу, пуск намечен на 27 октября. «Мы принимаем меры к скорейшему прибытию вас туда, – сообщил советник. – Предполагаю, что на пуск приедет премьер-министр Неру, а посол Бенедиктов будет непременно сегодня вечером. Вы вылетаете на Нагпур, это отсюда тысяча километров. А там вас встретят и доставят на завод. Сейчас вы свободны до вечера, рекомендую взять такси (оно здесь недорогое, 30 рупий за четыре часа) и ознакомиться со столицей».

Совет его мы восприняли с радостью. Но у нас было сомнение: как же мы будем ездить по городу, не зная языка?

«Куда таксист повезёт, туда и поедем», – сказал Волковицкий. «А может, купим открытки видов города, отдадим шофёру, и пусть возит по этим местам?» – предложил Рафаил. Так и сделали. В магазинчике гостиницы купили открытки, отдали таксисту, объяснили, как могли, чего мы хотим. Он понял и повёз нас по улицам Дели.

Асфальт на дорогах – безукоризненно ровный, блестит, отшлифованный колёсами автомобилей. А их повсюду великое множество: «кадиллаки», «форды», «роллс-ройсы». Первые километры едем перепуганные, боимся столкновений со встречными машинами. Лишь позже поняли, что движение здесь левостороннее. Но поскольку к этому сразу привыкнуть нельзя, всё время ехали со страхом.

Город утопает в зелени, где только можно посажены и растут пальмы, кипарисы, фикусы, манговые деревья и масса других. Деревья цветут целыми большими букетами.

Подъезжаем к большой площади с клумбами роз, в глубине видны величественные здания с колоннами и куполом, построенные из мрамора. Это резиденции правительства и индийского национального конгресса. Но детально осмотреть этот центр государства, узнать его историю и сегодняшнюю систему правления Индии нет времени, да и не у кого спрашивать, хотя вокруг снуют люди.

Едем дальше, с трудом пробираемся по тесным улицам города. Вокруг кипит поток народа – яркий, как движущаяся клумба цветов. Пестро, разноцветно, разнообразно. Мужчины в белом, цветастом, клетчатом. Их головы увенчаны тюрбанами, а чаще обнажены, волосы, черные, как смоль, смазанные особым маслом, отливают синевой. А женщины одеты в сари таких оттенков, которым и название не сразу подберешь: желтых, розово-лимонных, ало-синих. Все куда-то идут, бегут. Говорят и кричат на разных языках Индии. Смеются, возмущаются, машут руками. Всё суматошно, оживленно, весело. Но больше всего в этом уличном потоке поражают велосипеды. Это что-то неопишемое. В общем-то, они такие же, как и во всем мире, но ни один ве-

лосипед на свете не способен возить столько, сколько индийский. Трое на велосипеде – это почти правило, а можно увидеть и пятерых.

Кроме велосипедов и машин, дорога забита повозками, запряжёнными лошадьми, быками. Снуют мотороллеры, выискивая хотя бы узкую щель на дороге, в которую можно проскочить. Движемся медленно: пробка за пробкой. Наконец выбираемся на широкую дорогу, шофёр выжимает полный газ. Подруливает к громадному красивому храму с золотым куполом. Поднимаемся по широким мраморным ступенькам, их так много, что даже устают ноги. Наконец выходим к высоким дверям, обрамленным шлифованным серо-белым с переливами мрамором. При входе нас встречает древний старик в черном монашеском одеянии и каким-то величавым, таинственным жестом приглашает внутрь. В тусклом свете осматриваем всё вокруг: скульптуры неизвестных нам богов, украшения, орнаменты. Храм огромный. Еле пробивающийся откуда-то сверху свет придает этому месту особую таинственность и магически воздействует на нас: появляется страх и ощущение воздействия какой-то энергии, отчего появляется тяжесть в голове и учащается дыхание.

Монах ведет нас в глубину храма к гробнице какого-то святого, показывает какую-то рукопись, что-то говорит, но мы ничего не понимаем. Он сует древний папирус нам прямо под нос и пронизывает нас суровым взглядом, еще больше нагоняя страх. Положив рукопись на гробницу, достаёт из множества экспонатов две коробки и показывает их содержимое. В одной – длинный волос, напоминающий иглу дикобраза, в другой – отпечаток следа человеческой ноги, из чего мы делаем вывод, что это волос и след какого-то пророка или бога. На прощание дали монаху три рупии, и он снова обвел нас суровым взглядом из-под густых седых бровей с пробивающимся через волосы мхом от древности. От этого взгляда нам сделалось даже тоскливо. «Лучше бы сюда не ходили, – сказал Рафаил, спускаясь по ступеням лестницы. –

От этого монаха можно с ума сойти, даже только от одного его вида».

Усевшись в такси, поехали дальше. Шофер остановил машину у пустыря, обнесенного оградой. В глубине виднелось возвышение, к которому нескончаемой лентой двигались люди. Мы подошли к воротам и увидели, что около них снимают обувь, а кто уже босиком – идет без задержки. Мы разулись и примкнули к движущейся цепочке. Пройдя медленным шагом несколько десятков метров, увидели квадратный мраморный монумент, на стенах которого были начертаны слова: «МАХАТМА ГАНДИ» «Вот то место, где был сожжен первый глава государства Индии», – объяснил я шёпотом своим спутникам.

Обошли вокруг памятника медленным шагом, а на обратном пути я рассказал Рафаилу и Ивану, что Ганди всю свою жизнь посвятил освобождению индийского народа от рабства, колониального гнета Англии. Несколько раз сидел в тюрьме за организацию восстаний, а в 1947 году, став вождем национально-освободительного движения, избавил страну от британского господства. Затем, возглавив государство, взял курс на построение социализма. Неоднократно прилетал в Советский Союз, симпатизируя нашему курсу в политике и экономическом развитии. Жизнь его была прервана ударом ножа террориста при молении на одной из площадей в Калькутте. Тело его сожгли вот здесь, где мы были. Часть пепла выстрелили из пушки в Индийский океан, а остальную часть поместили в одиннадцати храмах. В таких местах, чтобы каждый год в день его смерти луч солнца проникал именно туда и освещал пепел. И возникал эффект, будто от него исходит сияние... В своем предсмертном завещании Ганди просил никаких особых почестей ему не оказывать, тем более не строить храмов, так как индийский народ очень беден. Но люди всё равно его превозносили и объявили божеством, чтити так же, как мы Ленина.

После этого святого места побывали у дворца Джавахарлала Неру, теперешнего главы государства. Дворец велико-

лепной архитектуры. Но особенно залюбовались мы часовыми, их выправкой, одеждой, красивыми чалмами с перьями. И еще четкостью в несении службы.

Оттуда таксист привез нас к высоченной каменной башне под названием Кутабминар. О ней и о Ганди я читал дома, и теперь вот рассказывал, как экскурсовод. Строилась эта башня 600 лет, высотой она 70 метров. По цвету гранита видно, какую высоту выкладывали за 100 лет: на башне чётко выделяются шесть поясов. Внутри винтовая лестница. Забравшись наверх, город Дели можно обозревать, как с самолета. Хотели мы посмотреть на столицу с этого места, но вход был перегорожен, и висела табличка: «Запрещено». Лишь позже мы узнали, почему сюда запретили подниматься. Среди посетителей всё чаще начали появляться самоубийцы. Заберутся наверх, прыгают с такой высоты и разбиваются в лепешку. Сначала по решению городского муниципалитета на самом верху этого минарета установили металлическую решетку, а потом и совсем перекрыли вход.

Около башни полуразрушенные, вросшие в землю крепостные стены, обросшие вьющимися деревцами и плющом. По верху кирпичной кладки разгуливают обезьяны, а дальше у строений они сидят группками по три-четыре. Рядом по деревьям прыгают белки, сидит на ветках и летает множество птиц, среди них красивые попугаи с красными головками. Птицы поют, выводя замысловатые трели, а чуть поодаль – знаменитая железная колонна. Около нее толпа ребятишек. Они наперебой протискиваются к семиметровому столбу, пытаются обхватить его руками. Удрученные отходят, сопровождаемые улыбками взрослых, которые сами хотели это сделать, но и им не удалось сомкнуть за столбом руки. Мы тоже обнимаем колонну и через голову, и подводя руки снизу, но они никак не смыкаются. В Индии среди народа существует поверье: у того, кто сможет полностью обхватить столб, исполнятся любые загаданные желания. На том месте, где колонну обнимают, она отполирована до блеска, а выше сохранила черный матовый цвет. Ни единого

пятнышка ржавчины, хотя стоит она под открытым небом вот уже полторы тысячи лет. И всё это время железную колонну обмывают буйные дожди, наждачат песчаные бури, обжигает тропическое солнце. Говорят, будто прилетел из космоса метеорит из чистого железа, а индийские кузнецы из него выковали столб, снабдив его орнаментом в верхней части. Я сфотографировал эти чудеса из чудес – башню и столб, и мы поехали дальше.

По дороге к следующему шедевру исторической культуры Рафаил спросил шофера на чистейшем английском языке: «Где здесь живут крокодилы? Хотим посмотреть». Таксист, конечно, не понял чистейшего английского, посмотрел на нас укоризненно и что-то пробормотал. Рафаил снова повторил: «Где крокодил?». Тот блеснул глазами весело и произнес: «А, крокодаил! Ес, ес». Крутанул рулем, и мы быстро поехали по другой дороге.

Но, снова попав в пробку, остановились. Впереди стоял трамвай, слева его обтекала куча машин, и все громко сигналили, колонна продвигалась медленно. Когда и мы миновали трамвай, то поняли, в чём причина затора: перед ним лежала корова и безмятежно отдыхала прямо на рельсах, а водитель трамвая боялся нарушить ее покой.

Вскоре мы подъехали к какому-то зданию, и шофёр показал на вывеску: на ней красовались нарисованный крокодил и соответствующая надпись на английском. То ли это был ресторан, то ли игровой клуб. Рафаил посмотрел на таксиста уничтожающе и скомандовал ему: «Гоу!» А потом еще добавил: «Обормот!» «Вот и посмотрели индийских крокодилов», – усмехнулся я.

Далее таксист останавливался еще около каких-то храмов, минаретов, площадей, магазинов, но у нас уже пропала охота ходить и рассматривать достопримечательности. И главное – незнание языка очень угнетало. К тому же, когда мы проходили мимо магазинов, нас хватили сардары и силой затащивали внутрь, отчего мы еще больше обозлились. Да и устали на жаре с непривычки, обливались потом. Объ-

яснили шоферу, что хотим в гостиницу. Он понял нас и доставил на Коннот-Плейс, откуда забрал с самого утра и возил по городу.

Мы рассчитались с водителем, вручив ему 30 рупий, как договаривались, а он, взглянув на нас, покачал головой из стороны в сторону. Я говорю Буйглишвили: «Наверное, мы мало дали, если он так качает головой». Рафаил выругался, еще обиженный за крокодила, и сказал: «Пошел он ко всем индийским матерям! Как договорились, так и расплатились!»

Зашли мы в свой номер гостиницы, а там по потолку и стенам разгуливают полупрозрачные светло-коричневые ящерицы. Иван Волковицкий от них уже, слава богу, не шарахается, начинает привыкать. Быстро сбросили с себя одежду и пошли в душ, освежились. Пришли в ресторан, сели за свой столик, и видим снова уже привычную картину: процессия из полдюжины официантов от кухни движется к нашему столу. Сервировали. Расставили блюда. «Сегодня хлеба больше принесли, – обрадованно сказал Иван. А потом уставился на тарелку с супом: – А это что за баланда?». Я тоже обратил внимание на однородную жижу и подумал: «Уж не из змей ли суп?». Осторожно пробую на вкус, хороший суп, а из чего сварен, так и не понял. На второе – чикен (курица), приготовлена по высшему классу, с множеством приправ и сложным гарниром. Правда, от перца снова во рту горело, будто плеснули кипятку. Старались заглушить охлажденным соком мандаринов, но тщетно. Выпили по два-три стакана, но всё равно ощущалось горячее дыхание перца.

Из ресторана поспешили в прохладу своего номера, где работал кондиционер, и фен своими лопастями под потолком гнал охлажденный воздух. Обдуваемые легким ветерком, прилегли и быстро заснули. Разбудил нас сотрудник посольства. Вручив билеты, он сказал, что пора отправляться в аэропорт, чтобы лететь дальше в сторону Бхилая, и что машина уже стоит около гостиницы.

По дороге в аэропорт на пустыре мы увидели развалины, а напротив них две машины, окруженные десятком обезьян. Стало интересно, что там происходит, и мы попросили притормозить. Только остановились, как несколько обезьян отделились от стаи и бросились к нам. Приблизившись вплотную, они стали протягивать лапы и просить съестного, но у нас ничего не было, и они вернулись обратно к двум машинам. Вдруг оттуда донёсся крик мальчишки. Оказалось, он дразнил обезьяну. Раз даст орех, а другой раз покажет и спрячет в карман. Обезьяна сначала схватила его лапой за рубашку, и когда он продолжал дразнить, укусила. Из-за крика мальчишки и возбуждения обиженной обезьяны вся стая остервенела: казалось, еще мгновение – и она набросится на людей. И та компания, что раньше появились у развалин, и мы не стали медлить, быстро вскочили в машины и уехали.

После этого случая работник посольства, сопровождающий нас в аэропорт, стал рассказывать: «Интерес людей и обезьян взаимный. Крестьянам они не нужны, больше того, обезьяны для них бедствие: уничтожают посевы, урожаи. Крестьяне не успевают их отгонять от полей. А приезжие горожане и туристы везут с собой лакомства: орехи, фрукты, сладости. К ним обезьяны быстро подбегают из этих развалин и требуют подачки. А на прохожих крестьян они не обращают внимания, чаще даже сторонятся, чтобы их не огрели палкой». Мы с интересом слушали и мотали на ус, ведь нам наверняка еще придется общаться с этим зверьём.

Приехали в аэропорт внутренних индийских линий. Сопровождающий посольский работник усадил нас в самолет и пожелал благополучного перелета. Он заверил, что в Нагпуре нас встретят, конечно, не так, как встретили здесь, телеграмма уже дана, он проверял. Самолет еще не поднялся в воздух, а нам уже раздали пледы, что вызвало недоумение. Тепло, даже жарко: +35 градусов. И вдруг нам предлагают утепляться. Но ведь не спросишь ничего и сам ничего не скажешь, мы на положении глухонемых...

Осмотрелся вокруг. В салоне тесно, сидения обшарпаны, спинки откидываются самопроизвольно и падают чуть ли не на колени сидящему позади. Сидишь, как в пещере: серо, жарко и глухо, а еще пледы кинули на колени.

Вдруг взревели двигатели, и самолет стал разгоняться, спотыкаясь на колдобинах, отчего тряслось и всё в салоне, и крылья снаружи. Наконец мы взлетели и начали подниматься в ночное небо. Прошло уже два часа, как солнце зашло за горизонт. В голове моей бурлили воспоминания минувшего дня, трудно воспринималось то, что происходило, и понимание, в какую среду я попал. Всё здесь другое: природа, люди, образ их жизни, поведение и быт. Они и мыслят не так, как мы. И мимика, жесты у них другие. То, что я увидел за два дня пребывания в Индии, перевернуло моё сознание. Хотя людей здесь великое множество и кишат они, как муравьи, а присмотришься к отдельным подобным себе и понимаешь: все они индивидуальны, хотя, на первый взгляд, все будто на одно лицо и комплекция одинаковая. Идет индеец или индианка в толпе людей, движения неторопливые, размеренные, фигура стройная, взгляд добрый и смиренный...

Мне вспомнился сегодняшний таксист, возивший нас по достопримечательностям Дели. Крепкий, среднего роста сардар в чалме, густая черная борода затянута сеткой, а пышные черные усы настолько ухожены, что сразу ясно: они являются гордостью этого человека. Лицо смуглое, темно-коричневое. Из-под густых бровей светятся добрые задумчивые глаза. Ему с нами было непросто, хлопотно: мы не знали языка, а он не знал, куда нас везти. Наш российский таксист давно избавился бы от таких пассажиров, да еще и облаял, а этот терпеливо исполнял наши бездумные желания. Рафаил показывал открытку и говорил: «Вези сюда». Таксист осторожно что-то произносил, нехотя разворачивался и ехал. А мы потом узнавали место. Оказывается, полчаса назад мы уже были здесь, только в рядом стоящем храме или дворце. Таксист не возмущался и улыбался нашей глупости из-за незнания языка. А еще меня мучила со-

весть из-за жадности, которую мы проявили по отношению к нему; мало уплатили. И его прощальный жест – покачивание головы из стороны в сторону – нас вообще смутил. Хорошо, что по дороге в аэропорт мы спросили у сопровождающего из посольства, что означает покачивание головой. Он ответил, что это хороший жест, жест удовлетворения.

Очнулся я от дум и переживаний из-за холода в салоне. Натянул на себя плед, и только теперь понял, для чего нам их выдали. Посмотрел в окошечко – темно, на черном небе мерцают крупные звезды, а ниже трепещет крыло самолета. Я глянул на него повнимательней и поразился: обшивка из листов дюралюминия местами была оторвана от заклепок, дышала и даже хлопала. Меня настолько это взволновало, что по коже поползли мурашки. Так вот почему в самолете так холодно, он же дырявый! «Долететь бы, как бы он не рассыпался в воздухе! А, будь что будет, теперь уже всё равно ничего исправить нельзя!» – подумал я и забылся тревожным сном. Проснулся, когда смолк монотонный шум двигателей. Посмотрел на крыло: на нем по-прежнему плясали листы обшивки, издавая звуки автоматной очереди. Зато под ним приближались огни большого города. Самолет шел на посадку.

В аэропорту Нагпура нас ждал сюрприз. Прямо на лётном поле стоял американский «форд», из которого нам навстречу вышел индеец. Подошел, поприветствовал и по бумажке прочёл наши фамилии, после чего пригласил в машину. Мы, конечно, были удивлены и польщены вниманием, которое уделяют нам иностранцы. Особенно в сравнении с нашими соотечественниками-москвичами.

Только сели в машину – подошел человек и на чисто русском языке спросил: «Вы случайно не в Бхилаи?» Буйглишвили ответил утвердительно. «Можно с вами? Я корреспондент газеты «Известия» Перевозчиков Константин». И предъявил удостоверение. Мы потеснились и устроились на заднем сиденье втроем. Журналист сразу заговорил с шофером по-английски, а потом перевел нам, что в Бхилаи нас

очень ждут, встречавшему индийцу велено к утру привезти нас на место. Ехать будем быстро, расстояние около двухсот миль. Он просит нас, русских, не волноваться, всё будет okay. И шофёр с места в карьер понесся в ночную мглу.

Корреспондент газеты сидел рядом со мной, и у нас быстро завязалась беседа. Он с профессиональным любопытством интересовался всем: что мы за люди, откуда. А как узнал, что я из Сибири, да еще с КМК, вопросы вообще посыпались, как из рога изобилия. После долгих расспросов и ответов наконец и я смог сказать, что хотел. Пустил леца корреспонденту: «Ваша газета теперь самая читаемая и самая интересная, даже можно в ней прочитать критику в адрес правительства. А про чиновников, и про то, что творится в стране, такое пишут, что дух захватывает. Вот уж действительно оттепель в политике и ее отображение в газете». – «Да сейчас и журналистам легче стало писать, не надо оглядываться по сторонам», – признался Перевозчиков. – «Вот что значит главному редактору Аджубею быть зятем Генерального секретаря Хрущёва», – сказал я. – «Статьи-то пишут журналисты, а не главный редактор! – возмутился Перевозчиков. – И причем тут Аджубей и Хрущёв?» – «При Сталине за один теперешний номер газеты всех бы пересадили или поотрывали головы», – ответил я. Спор наш разгорался, в него вступил и сидевший впереди Рафаил, начали даже ругаться. Но до оскорблений не дошло: всех насторожили огни ярких фар, быстро наезжающих прямо нам в лоб. Мгновение, и в открытые окна нас обдало мощной струей воздуха от встречной машины, которая пронеслась почти вплотную к нашей. Все разом ахнули, шофер же оглянулся на нас и улыбнулся, выставив свои лошадиные зубы, глаза сверкали задором: мол, знай наших! Следующая встречная машина, ослепляя фарами, пронеслась почти так же близко, как и первая. Мы, напуганные такой ездой, притихли и стали внимательно наблюдать за дорогой.

Поперёк неё в темноте то и дело пробегали какие-то огоньки – то крупные, то маленькие, с горошину. «Это ша-

калы или зайцы, бывает, и тигры», – объяснил Перевозчиков, знаток этих мест, уже не единожды проезжавший здесь. «А сколько змей ночью давят машины! Едешь утром – они лежат длинными плетями», – добавил он. Вдали перед нами опять показались два огонька. И эта машина двигалась на большой скорости. Наш шофер тоже добавил газу и включил самый яркий свет. Когда встречная машина, ослепляя нас, вихрем пронеслась мимо, индеец опять оглянулся, скаля зубы. Поняв, что он испытывает наши нервы, мы сказали журналисту, что с такой ездой нам не дожить и до восхода солнца. Перевозчиков громко и настойчиво крикнул что-то шоферу. Тот сразу снизил скорость и поехал осторожнее. «Они как дети. Вырвутся на волю, на свободную прямую дорогу, и шпарят, резвятся на скорости, какую только можно выжать из машины. А американские «форды» способны развивать скорость больше ста миль».

Все успокоились, и в машине стало тихо, только свистел ветерок, влетающий в окна и обдувающий нас прохладой, да шуршали колеса по асфальту. Вокруг опустилась такая темень, что не стало видно ни звезд, ни луны, только справа и слева еле просвечивались стволы громадных деревьев, сучья которых плотно сомкнулись вверху, превращая дорогу в туннель. Журналист сказал: «Этот лес, а вернее, тропические джунгли знамениты на весь мир. О них написал Киплинг в своей книге о Маугли. Это здесь, в этих лесах вскормила волчица ребенка».

Проезжая по этому живому туннелю, мы всё чаще и чаще видели пересекающие дорогу огоньки – знак присутствия поблизости большого количества зверьков и зверей. Вдруг мы ощутили, что машина неестественно завилыла. Рафаил, сидящий рядом с шофёром, заметил, что у того слипаются веки, и ткнул его в бок. Индеец очнулся, выровнял машину. Журналист сказал что-то, и шофер остановился. Все вышли немного размяться, потом поехали дальше. А чтобы водитель не засыпал, Буйглишвили пел ему песни или толкал в бок, отчего тот улыбался, показывая крупные желтые зубы.

Наконец выехали из леса: на небе появились крупные звезды и серп луны, стало светлее. Вскоре на горизонте обозначилась пурпурная полоска, которая быстро увеличивалась, размываясь в красно-желтый ореол. Солнце всходило почти мгновенно и вертикально к горизонту. Не то что у нас в это время года, когда оно долго катится по поверхностной дуге земли. Осветилось всё вокруг. Мы были потрясены. Сонное состояние исчезло, и мы с великим интересом глазели по сторонам. Мимо пробежали деревушки, утопающие в зелени деревьев, шалаши, крытые соломой и пальмовыми листьями, рисовые поля, залитые водой, которые с самолета нам казались сплошным морем. По земляным валам, разделяющим посевы, шли люди, неся на головах и коромыслах грузы. Было видно, что индийцы начинают трудиться задолго до рассвета.

Проехали небольшой городок, там тоже бурлила жизнь. Полуголые, просмоленные солнцем люди с достоинством шли по своим делам. Дальше мы двигались по дороге, сплошь обсаженной деревьями и кустарником. Вдруг зеленая стена разорвалась, и перед нами выросла высокая бетонная ограда с витыми металлическими воротами. Возле них стояли полицейские в зеленых рубашках, коротких шортах и шляпах. Ворота открылись, и мы проехали внутрь поселка с вывеской «Бхилай Хаус», пока еще не зная, что этот въезд всерьез и надолго.

Нас быстро разместили в квартирах по два человека. Мы с Буйглишвили поселились вместе в однокомнатной, со всеми удобствами, с душем, туалетом и главное – с кондиционером. Только занесли вещи – и сразу свалились на кровати, заснули. Но не проспали и часу, как за нами приехала машина и повезла на завод.

БХИЛАЙСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД

Еще Махатма Ганди, видя, какими темпами Советский Союз развивает свою экономику, превращая аграрную страну в индустриальную державу, говорил, что и для Индии это единственный путь подъема из нищеты после колониального британского разорения. Джавахарлал Неру, став премьер-министром после смерти Ганди, направлял страну по тому же курсу, что и его предшественник. В одном из выступлений перед индийским народом Неру сказал: «Я убежден, что единственным ключом к разрешению мировых проблем и проблем Индии является социализм. Социализм представляет собой даже нечто большее, чем только экономическое учение, это философия жизни. Социализм означает новую цивилизацию, радикально отличающуюся от существующего капиталистического строя».

Уходя из Индии, английские колонисты предрекали, что пройдет совсем немного времени, и правительство этой страны приползёт к ним на коленях с просьбой восстановить прежнюю жизнь. А политика англичан в Индии имела своей целью не развитие страны, а её закабаление и более глубокую зависимость в импортировании промышленной продукции взамен дешевого сырья и продукции сельского хозяйства. Все знали, что Индия – дойная корова для Англии, но та пыталась оправдать свое господство в этой стране цивилизационной миссией: дескать, они учат индийцев, как управлять государством, приобщают их, отсталых, к европейской культуре. Вот, к примеру, слова из откровенного выступления Черчилля: «Мы не намерены отказываться от этой самой блестящей и драгоценной жемчужины королевской короны, которая в большей мере, чем все прочие наши доминионы и владения, составляют силу и славу Британской империи».

Придя к власти, Неру, изучивший опыт СССР, взял курс на построение социализма в Индии. Он обратился к Совет-

скому Союзу за помощью. Наше правительство откликнулось незамедлительно и в 1955 году послало специалистов провести изыскательские работы по строительству металлургического завода, так как Индия очень нуждалась в металле. После тщательного изучения наши специалисты пришли к единому решению строить такое предприятие в районе деревни Бхилаи штата Мадхья-Прадеш.

Обосновано это было тем, что Бхилаи находится в центре Индии, на важнейшей железнодорожной магистрали, соединяющей два порта – Калькутту и Бомбей, а также на полпути между двумя центрами страны – столицей Дели и городом Мадрас. Благодаря такому географическому расположению из Бхилаи будет выгодно поставлять металл всей стране. Строить завод именно здесь советские специалисты советовали еще и потому, что поблизости от Бхилаи обнаружили на поверхности земли целую гору железной руды, а также недалеко залегающие пласты коксующегося угля. В результате был подписан контракт на строительство завода с полным металлургическим циклом производительностью один миллион тонн стали в год, и началась великая стройка этой страны.

Символичным словом «Бхилаи» открывается новая эра в жизни Индии. В этом названии воплотилось и сотрудничество двух дружественных народов, и будущий прогресс освободившейся от колониального ига страны, и победа человека над мертвым безжизненным краем. На месте, где расположился завод, лежала безбрежная рыже-красная полупустыня, лишь местами покрытая засухоустойчивыми деревьями, торчала жесткая трава. Только летом, когда проходили муссонные дожди, оживала равнина, начинали зеленеть поля. Из-за отсутствия искусственного орошения в этом районе крестьяне собирали только один урожай в год. А будь достаточно воды, можно было бы выращивать и три урожая!

Как напоминание о безрадостном прошлом стоит в стороне от завода деревушка Бхилаи, окруженная пустырем и

сухими полями. В ней всего-то одна узкая улочка, сжатая глинобитными лачугами и земляными заборами. На открытом американском «виллисе» мы проезжали мимо этой деревни по добротному широкому шоссе. Равнина была пустынна, только кружили над ней большие птицы, да небольшие, наподобие наших воробьев или скворцов, пронеслись стаями над землей. Вдруг навстречу нашей машине вышла тощая корова. Она шла прямо на нас, не сворачивая, и шоферу пришлось объезжать её.

И вот, наконец, мы у рельсобалочного цеха. Выглядел он очень непривычно. Нашему взору предстало сооружение легкой конструкции. Стены отсутствовали совсем, на металлических колоннах установлены стропильные фермы, на которых смонтирована крыша из алюминиевых листов, отчего здание выглядело легким прямоугольным шатром. Зашли внутрь, и мне показалось, что это не цех, а дворец. Вокруг всё блестело свежей краской. Вдоль цеха, сидя на корточках, полуголые женщины мели пол щетками, похожими на кисть для покраски. «И чего они метут металлические плитки? Они и без того чистые», – подумал я. В цехе тишина, все машины и механизмы стоят, как на старте, будто в ожидании команды или взмаха волшебной палочки. А мы, как первые волшебники, появились здесь, и теперь своей волей, умением и знаниями должны вдохнуть жизнь в этих монстров из металла, чтобы они делали то, для чего предназначены. Пока же мы удивленно и восхищенно рассматриваем их, не веря своим глазам. Неужели всё это создано руками российских «лапотников»? Стоим, как замороженные.

Тишину нарушили слова подошедшего к нам человека с широкой улыбкой на русском лице: «Ну, наконец-то приехали!» Пожав нам руки, он пригласил Буйглишвили и меня в машину, стоящую у цеха. И пояснил: «Сейчас поедem в главный офис к генеральному директору Голдину».

Об этом руководителе – суровом, требовательном, но и справедливом, – мы были слышаны еще в Москве. Принял он нас в просторном кабинете, где восседал за длинным

полированным столом, обставленном стульями. На столе лежали бумаги, которые он читал. Скорее всего, наши досье, поскольку, пригласив нас сесть, сразу начал беседу так, будто мы давно знакомы. Справился о здоровье и самочувствии и перешёл к деловому разговору, обращаясь к Буйглишвили: «Рафаил Аверкьевич, вы как главный специалист-прокатчик и начальник цеха должны помнить всегда, что все вопросы должны решать самостоятельно, над вами нет человека более грамотного и опытного в этом сложном процессе. А вы, Иван Иванович, – обратился Голдин ко мне, – должны ему во всем помогать, хотя вас прислали сюда возглавлять только механическую службу. Будет очень трудно раскрутить оборудование, оживить его и производить рельсы, балки и другой прокат. Кадры индийские сырые, многие из рабочих только здесь увидели паровоз, не говоря уже о таком сложном оборудовании, на котором им придется работать. Большинство индийских инженеров окончили институты в Советском Союзе и прошли там практику, так что есть опора, но очень слабая и ненадежная. Ваша главная задача – войти в доверие к индийским специалистам и завоевать авторитет. А теперь за работу. Вы должны организовать и начать прокатку к приезду на завод Джавахарлала Неру и показать, на что способны советские люди. Премьер-министр приезжает 27 октября, осталось всего пять дней, так что торопитесь. Желаю успеха, до свидания!».

«Вот те раз, – сказал Рафаил, когда мы вышли из кабинета. – С корабля – и сразу на бал. Ну, что же, вперед! Отступать некуда, позади Москва, а там еще ЦК!».

Слова генерального директора нас здорово зарядили. Поехали назад с боевым настроением, думали, что сейчас начнем горы сворачивать. Но не успели зайти в цех, как нас пригласили в офис, где ожидали проектанты из Свердловска. За столом их сидело человек пять или шесть. Поздоровавшись и представившись, сразу перешли к делу. Главный конструктор Двинянин, под чьим руководством проектировался, а теперь и строится рельсобалочный цех, сделал обзор состо-

яния строительно-монтажных работ на сегодняшний день и осторожно признал, что еще не всё окончено с монтажом. Но, по его мнению, цех уже можно запускать. «Вы, конечно, вправе не начинать работу цеха с такими недоделками, но стоит ли копыя ломать и пороть горячку? Тем более что приезжает Неру, и вас всё равно заставят пустить цех», – сказал он откровенно.

После короткой беседы отправились в цех – хотя бы в общих чертах осмотреть его готовность к запуску. Ходили долго, останавливались у каждого агрегата, мы выспрашивали у проектантов особенности машин. Они охотно рассказывали, ведь всё оборудование этого громадного конвейера было создано мыслью и руками людей знаменитого Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ). Пока ходили по цеху, всё больше и больше обрастали толпой людей, еще не знакомых нам, – и русских, и индийцев. Они внимательно слушали наши отзывы и замечания.

В этой интересной экскурсии незаметно прошло время, сумерки сгущались, и темнота как-то мгновенно накрыла всё вокруг. Цех опустел, только дежурные сторожа-индийцы прохаживались в разных концах, да женщины продолжали щетками до блеска скрести пол. Главный конструктор пригласил нас в свою машину, чтобы довезти до дома. По дороге спросил, как нас принял Голдин, мы ему рассказали. «Да, деловой и энергичный у нас генеральный, благодаря его таланту руководителя, его требовательности завод построили всего за четыре года». Передо мной мысленно предстал высокий широкоплечий человек с быстрыми, умными, пронзительными глазами, широким ленинским лбом и мощными руками молотобойца или боксера. «Он инженер-строитель, – продолжал Двинянин, – а сюда его назначили, когда он был уже на должности замминистра СССР. Человек справедливый и доступный, обладает большим авторитетом не только среди нас, советских специалистов, но особенно у индийского руководства. Вам дружеский совет: чтобы завоевать такой же авторитет, не делайте ошибок в работе, принимай-

те четкие решения, так как недомолвок и расплывчатой дипломатии индийские специалисты не прощают. Приходите завтра в наше бюро для ознакомления с технической документацией, мы её уже подготовили для передачи в ваш цех».

15 километров проехали быстро, подкатили к городку советских специалистов под названием «Бхилай Хаус», где было наше теперешнее жилье. Зашли в квартиру, под душем смыли пот, которым пропитались за три дня пребывания в этой жаркой стране. Мы были голодны, но уже наступила ночь, и мы не знали, где можно перекусить, а в течение дня были настолько загружены, что забыли про еду. Легли спать. Рафаил сразу же заснул, а я не могу, во-первых, от впечатлений и мыслей, которых слишком много, а главное – желудок как взбесился, требовал своего. Я встал с кровати, не зажигая света, начал шарить в тумбочках, в столе. Нигде ни крошки. Провел рукой по кондиционеру – пусто. Просунул руку под него и нащупал какой-то квадратный твердый предмет. Вытащил, попробовал на зуб – сухарь. Сгрыз его молниеносно, лег спать. Усталость всё-таки сказалась, и я уснул. И приснился мне сон, будто водопад обрушился на меня большим валом, захлестывает рот и нос, дышать нечем. Я дёрнулся и вскочил с кровати. Уже рассвело, вижу – передо мной стоит Рафаил, поливает меня водой из кружки, да еще и хохочет. Для меня ночь пролетела мгновенно.

На улице нас уже ждал «виллис». И мы, по-прежнему голодные, поехали на завод. Как только пришли в цех, сразу окунулись в водоворот производственной жизни. Руководитель цеха от индийской стороны, мистер *Мани*, – энергичный, на редкость для индийцев упитанный и крепкий человек с быстрыми и вдумчивыми глазами навывкате, пригласил нас в офис и показал кабинеты для русских специалистов, а потом – и индийских. Сразу договорились о встрече с ними советских инженеров. Предварительно я собрал у себя в кабине всех русских механиков, уже приехавших с разных заводов страны. Нас оказалось негусто, всего шесть человек. Познакомившись с каждым и перебросившись несколькими

словами, я предложил механику Чечину из Кривого Рога, который уже полгода находился здесь, поделиться своим опытом работы с иностранцами. Он как-то скупой, с неохотой и, кажется, с обидой, начал рассказывать: «С ними мы еще горя хватим, им бы только торговать, а не работать, да еще на металлургическом заводе. Еще надо иметь в виду, что они не такие простачки, как кажутся на первый взгляд. Особенно это касается вас, Иван Иванович. К вам будет пристальное внимание, как к руководителю. Если заметят промахи в работе, то верить не будут, а значит, и никакого авторитета. А особенно они не терпят грубостей в свой адрес. Но как не грубить, если они балбесы?! Большинство индийских инженеров говорят по-русски, но понимают плохо, когда с них требуют работу. Вот тут-то и приходится срываться». Немного подумав, Чечин добавил: «Здесь уже работал на вашем месте механик из Союза, но его отправили отсюда за 24 часа. За то, что в нервном срыве обозвал индийского инженера. Но как себя удерживать, если такие горе-инженеры, как Цибал, из-за которого он был отправлен, ведут себя нагло и вызывающе? Так что будь осторожен».

Поблагодарив Чечина за информацию, я поставил задачу на ближайшее время: раскрутить оборудование, чтобы начать прокатку к приезду главы государства. А это означало, что нам, шести русским специалистам, предстояло внимательно осмотреть все машины и механизмы, отрегулировать их. Запустить гидравлику, пневматику, автоматическую смазку, мостовые краны, водоснабжение и многое другое, чем насыщен прокатный конвейер длиной в полкилометра. Нас, русских, – горстка, а их, индийцев, – целая армия, однако на них, по-видимому, мало надежды, ведь Чечин охарактеризовал их как бестолковых, но себялюбивых и чересчур гордых.

Закончив совещание-летучку, мы отправились в кабинет главного специалиста цеха. Мистер Мани представил нас своим инженерам, которые собрались сейчас здесь и сидели за длинным столом. Разговор велся без переводчика на рус-

ском языке, оказалось, что из всех присутствующих не знали нашего языка только три человека. Пока знакомились и обменивались приветствиями, в кабинет зашел Буйглишвили. Он сообщил, что с завтрашнего дня начнется опробование оборудования цеха вхолостую, а на следующий день намечается прокатка горячего металла. Задача очень сложная, но выполнимая, и он уже дал команду всем советским электрикам, операторам и вальцовщикам приступить к своим непосредственным обязанностям.

Вышли в цех. Пока всё тихо, свежий ветерок гуляет свободно, ведь стен-то нет. Летают и щебечут птицы, а со стороны склада готовой продукции идет корова с теленком – в общем, полная идиллия.

Стало даже страшно, душа затрепетала. Раскрутить такую махину и с таким количеством русских людей, слабо знающих эту технику, ведь и для нас она была новой, – великая задача, настоящий подвиг. Но коли взялся за гуж, так будь дюж. Итак, двадцати шести советским специалистам надо было сделать то, что у нас в Союзе делает тысяча человек.

И вот наконец в цехе задвигались, забегали люди. Я собрал всех индийских слесарей и мастеров в одном месте. Оказалось, почти все бригадиры говорят по-русски, хотя и плохо. Мастера – лучше, поскольку обучались в Союзе. Распределил индусов и русских по участкам, механика Ивана Чернавского – на склад готовой продукции, Чумарова – на стан, Калинкина – на смазку и гидравлику. По участкам обслуживания индийцами сделал распределение механиков цеха Венкатеш Кудва.

На следующий день мы ехали на работу уже не на «виллисе», а на автобусе, который ходил точно по графику. Нас, советских специалистов, он увозил из поселка в половине восьмого утра. На заводе развозил всех по цехам шофер-индиец. К восьми утра мы были уже в своем цехе.

Начальник цеха Буйглишвили при выходе из автобуса еще раз предупредил всех о генеральной репетиции. Люди разошлись по своим местам, а меня и старшего мастера-тех-

нолога Пастухова Рафаил пригласил посмотреть («по-хозяйски», как он выразился) все механизмы цеха. Осмотр начали с головного участка, с печей. И сразу разразились хохотом от увиденного. На площадке, выложенной черепицей для складирования блюмсов, вместо металла лежало стадо коров, которых палками поднимали и отгоняли подалеже специалист на печах москвич по фамилии Гетман с двумя индийцами-сварщиками. Причём непрошеные гости оставили после себя на память множество «лепёшек».

Недалеко от этой лежанки, прямо у дверей электропомещения (ПСУ), где установлены силовые электрощиты управления печами, лежала еще одна корова. Открыв дверь ПСУ, мы увидели еще двух. Они стояли там в проходе между щитами, а поскольку проход этот был узким, и лечь или выйти обратно коровы не могли, они простояли всю ночь, обделав пометом контакторы и шины. Прибежали индийцы и силой их оттуда выволокли. Если бы не осмотрели это помещение и дали напряжение, то ПСУ сгорело бы вместе с коровами от электрозамыкания.

Пошли по постам управления. За пультами – операторы, в основном молодые индийцы, двигают контроллерами, имитируя будущую прокатку. Нас приветствуют и улыбаются. В помещениях чисто, светло, работают кондиционеры. За главными пультами управления – русские специалисты с большим опытом работы. Вокруг них по несколько учеников, им что-то показывают, а изъясняются они с нашими ребятами пока только жестами.

Меня с первого дня в Индии поражало и восхищало то, как в этой стране всё живое находится в тесном содружестве с окружающей средой. Вот и здесь коровы бродят по цеху, птицы летают над головами людей, едва не задевая их крыльями, а жуки, бабочки и разная саранча то и дело ударяет по лицу, глазам и ушам. «Но это только пока, – подумал я. – А начнем прокатку, всё исчезнет: и бездомные коровы, и собаки, и всякая нечисть в виде змей, лягушек, ящериц».

Сделав полный обход и убедившись, что все люди на своих местах, Буйглишвили распорядился собрать электросхе-

мы и запустить цех. На весь цех стали слышны переговоры по селектору между персоналом то на русском языке, то на английском. Вдруг появился гул, шум, шипение – громкие звуки, которые насторожили людей и вспугнули птиц.

Индийцы, пришедшие поглазеть на начало работы нового цеха из близлежащих деревень и городов, хлынули неудержимой толпой туда, где что-то закрутилось, задвигалось. При этом они, сверкая восхищенными глазами, отчаянно жестикулировали и выкрикивали какие-то слова. Чтобы не задавить людей и не допустить несчастных случаев, работу механизмов остановили, предложили индийскому руководству убрать посторонних людей. Но сделать это было непросто. Индийцы, словно обезумев, лезли во все щели, чтобы своими глазами увидеть чудо. Через некоторое время приехала полиция и разогнала толпу зевак, а цеховые рабочие огородили опасные места и вывесили запрещающие таблички. Только после этого возобновили прокрутку механизмов.

В 12 часов на автобусе поехали обедать. В городке, куда нас поселили жить, был построен Культурный центр с кинотеатром, бильярдной, библиотекой, столами для пинг-понга, шахматной комнатой и столовой. В столовой было десятка полтора столиков, за них садились произвольно, кому где нравится. Перед обедом столы накрывались, заставлялись фруктами, графинами с соком и компотом и жареными орехами. Подходил индеец-официант и на ломаном русском языке перечислял, какие блюда приготовлены на обед. Первый раз, усевшись за стол и увидев столько фруктов, мы с Рафаилом даже растерялись: как их есть, и кто будет их делить, или брать, кто сколько съест? От такого обилия глаза разбегались. Бананы, мандарины, манго в вазе лежали горой. Посмотрев на соседние столы и убедившись, что всё здесь, как при коммунизме (то есть по потребности), да к тому же еще и проголодавшись (почти сутки ничего ни ели), мы набросились на орехи и фрукты. Так что когда официант принес горячие блюда, мы были уже сыты.

Осторожно, даже брезгливо попробовали то, что он поставил перед нами своими черными руками. И особого вкуса не почувствовали, потому что сразу во рту всё обожгло. Во-первых, жидкое блюдо было еще очень горячим, а во-вторых, напичкано перцем. Лишь после того как съедена была половина, мы разобрали вкус. Это был настоящий русский борщ, и он был прекрасен. А из второго блюда съели только мясо: гарнир из риса и овощей осилить было невозможно опять-таки из-за огненного перца.

Выпив вдвоем графин компота, мы сразу поехали на завод, хотя все другие советские специалисты разбрелись по своим квартирам на трехчасовой отдых. Нам прохладиться было некогда, требовалось раскручивать цех, ведь завтра горячее опробование.

По приезду в цех пошли на нагревательные печи. Одна уже пышет жаром, а еще две пока в резерве и стоят холодными до лучших времен, когда цех заработает на полную мощность.

Рафаил прихватил с собой мастера печей Гетмана, и началась первая загрузка металла. На пост номер один посадили оператора с КМК Тишина, неопытным индийцам пока нельзя было доверять эту ответственную операцию. Все механизмы работали четко, и загрузка прошла благополучно, хотя печь такой конструкции даже мы, люди квалифицированные, увидели впервые. Смелая конструкторская мысль пока оправдывала себя.

После обеденного отдыха приехали в цех остальные наши специалисты. Технологи Пастухов и Волковицкий с индийскими инженерами и вальцовщиками приступили к сборке клетей. Калибровщик Прокопьев проверял нарезку калибров на валках. К подготовке первой прокатки все относились скрупулезно и придирчиво. Пока всё проходило неожиданно гладко, работа двигалась спокойно и четко, все делали своё дело увлеченно, с интересом, каждый на своем месте. Буйглишвили с Пастуховым что-то обсуждали около прокатного стана. А мы с индийскими механиками у подъ-

емных столов раскатного поля вскрыли редуктор и осматривали механизм.

Тут мимо нас быстро прошел человек с широким корявым лицом, вид свирепый, злой, никого не поприветствовал, что показалось мне странным. За пять дней пребывания за границей я уже привык к вежливому обращению между людьми, а тут незнакомец, как гончий пёс, летит к Буйглишвили, а за ним мелкими шажками семенит женщина. Вскоре стало слышно, как громко они начали разговаривать. Буйглишвили озлобился, глаза полезли из орбит, и он с грузинской горячностью приблизился к незнакомцу вплотную. Тот отступил и сразу ушел в сопровождении той же женщины. А следом и бледный Рафаил прошёл мимо нас и скрылся за пределами цеха.

Закончив рабочий день, мы собрались возле офиса в ожидании автобуса. Сумерки быстро сгущались, солнце почти мгновенно спряталось за горизонт. Подошёл автобус, все заняли места, едем, а меня сверлит мысль: «Что же случилось? Обычно спокойный и весёлый Рафаил стал неузнаваемо свирепым и расстроенным». Ответа я не находил, долго сидя и дожидаясь его в нашей квартире. Наконец он приехал, но не проронил ни слова. За ужином он тоже молчал, и только увидев мой вопросительный взгляд, произнёс: «Потом». И как бы про себя тихо добавил: «Наглец и сволочь». Я, конечно, понял, что это не ко мне относится, кого-то другого он приласкал такими словами.

Пришли в свою комнату, приятная прохлада нас подбодрила. Мы сняли мокрые от пота рубашки, ополоснулись под душем, и пасмурное лицо моего начальника начало светлеть. Я снова взглянул на него вопросительно, и он начал говорить: «Есть же такие наглые люди – люди-вампиры, ради власти готовы пойти на всё, даже пить людскую кровь!» – «А в чём дело?» – спросил я. – Ты что-то всё говоришь загадками». – «Я говорю о том человеке, который подходил к нам с Пастуховым. Это главный прокатчик Протасов. Подошёл к нам, не поздоровался, не представился, а

сразу начал кричать: «Что развели тут бодягу?! Через два дня приезжает Неру, а им всё по х... Вы что сюда приехали – туристами или работать?!» Я старался себя сдерживать, но сорвался и тоже закричал на него: «Я вас не знаю и знать такого специалиста не хочу, в этом цехе я хозяин, и тебе запрещаю даже близко подходить!» Сразу же поехал к Голдину и рассказал, как было. Генеральный директор выслушал внимательно и сказал, что на Протасова и раньше были жалобы за грубость, и что он, Голдин, уже сообщил в Москву о его выходках, наверное, скоро этого грубияна отзовут. Просил потерпеть и работать спокойно. И ещё успокоил меня тем, что скоро приезжает генеральный директор по эксплуатации Гончаренко, а его полномочия как строителя заканчиваются, и он возвращается в Москву. Вот такие дела», – вздохнув, сказал Рафаил. Потом еще продолжил: «Этот Протасов от нас не отвяжется. Делать-то ему нечего, будет ходить в цех да портить настроение. Ты, Ванюшка, смотри не сорвись, он и тебя достанет».

На следующий день ехали в автобусе рядом с Иваном Волковицким, он спросил: «Почему Буйглишвили такой мрачный?» Я ему рассказал о стычке Рафаила с Протасовым. «Это такой нехороший человек! – сказал Иван. – Из-за его грубости и несправедливости из прокатных цехов ушло много ИТР. Он работал у нас в Жданове».

Приехали в цех, разошлись по своим местам, на лицах у всех сосредоточенность и озабоченность. Запуск нового цеха – это событие государственной важности даже у нас, в Советском Союзе, а в такой стране, как Индия, это вообще историческое событие. В цехе установлены машины и механизмы, которые ещё не испытывались на металлургических заводах. Малейший конструктивный просчёт, дефект в изготовлении или сборке машин может свести на нет усилия сотен и даже тысяч людей. И вот важнейший день настал. Операция тяжёлая и ответственная, как у хирурга: либо человек будет жить полноценной жизнью и работать, либо сгинет.

Наконец цех загудел, загремели мостовые краны. В прокатных клетях набирали обороты валки. На постах управления операторы насторожены, у клетей хлопочут вальцовщики. Буйглишвили, Пастухов и я стоим на раскатном поле перед клетями. Начальник цеха командует: «Штуку!». Открылась крышка печи, с глухим ударом упала раскалённая заготовка, ярко осветив всё вокруг, и покатила по рольгангу в сторону клетей. Из первой клетки выходит уже длинная полоса, приобретая форму профиля, затем очередь следующей клетки, и еще одной. Проходя через валки, полоса всё больше удлинялась и получила форму швеллера. По рольгангу поползла, как огненная змея, прямо на пила. Одно мгновение – и пять фейерверков брызнули вверх, осветив всё пространство цеха. Длинная раскалённая полоса разрезана на равные части. В цехе раздаются аплодисменты, одобрительные возгласы и свист.

Пока мы увлечённо готовились к прокатке, не заметили, как толпа индийцев заполнила все проёмы и площадки в цехе, а некоторые умудрились забраться на подкрановые пути и колонны. Уборщик горячего металла в клещах принёс отрезанный кусок ещё не остывшего профиля проката на стол отдела технического контроля. Старший мастер Пастухов и калибровщик Прокопьев проверили размеры профиля шаблонами, их что-то не устраивало, заспорили между собой. Пастухов подошёл к прокатным клетям, подрегулировал валки, вальцовщики подбили проводки. Начальник цеха снова скомандовал: «Штуку!». Раскалённая заготовка из печей проделала тот же путь, что и первая. После резкого свиста на пилах и вырвавшегося огненного снопа искр тот же индеец принёс в клещах металл на стол ОТК. Тщательно проверив и этот кусок швеллера, Пастухов и Прокопьев заулыбались, их настроение передалось всем присутствующим, аплодисменты заплескались на постах управления, у клетей и в толпе зевак-индийцев. И не смолкали они ещё долго.

Тревога позади. Взволнованные и радостные, мы ходим и жмём руки знакомым и незнакомым, русским и индийцам,

обнимаемся, улыбки не сходят с лиц. Победа! Это настоящая победа!

Когда эйфория от первого нашего подвига поутихла, Рафаил отвёл нас в сторонку от ликующей толпы и сказал Пастухову: «Стан особенно не разгоняй, добивайся устойчивой работы. А нас с Иваном Ивановичем приглашают к себе проектанты, у них есть нерешённые вопросы». Проходя по цеху, мы заметили и наших специалистов из других цехов, пришедших посмотреть на прокатку, а также главного прокатчика Протасова. Но он к нам не подошёл, видимо, Рафаил отбил у него охоту вмешиваться в чужие дела.

В проектном бюро мы встретились с главным конструктором Двиняниным и его помощниками Башиловым, Балбековым и Андреевым. Они поздравили нас с первой прокаткой, явно были рады, что всё получилось. Волновались они, пожалуй, даже больше, чем мы, ведь этот громадный комплекс – их детище, они его проектировали, изготавливали и монтировали. Двинянин пригласил всех за стол, позвал боя (мальчика на побегушках) и попросил принести чай. Не прошло и пяти минут, как показался индеец с подносом, на котором стояли фарфоровые чашечки и такой же белый чайник. Двинянин сам разлил каждому ароматного крутого чая с буйволиным молоком. Напиток мне очень понравился, да и был он как раз кстати: мы уже успели изрядно пропотеть в цехе.

За чаем велась непринуждённая весёлая беседа, сразу было видно, что главный конструктор – доброй души человек и незаурядный юморист: даже рассказ о серьёзном он сдабривал шутками. Разложив перед нами план цеха, Двинянин указывал на узкие и слабые, на его взгляд, места, которые требуют особого надзора и ухода. С того момента я ежедневно посещал это бюро и в течение часа, а то и более, изучал техническую документацию.

Время подходило к обеду. В приподнятом настроении собрались мы на остановке в ожидании автобуса. Солнце прижаривало на полную катушку. «Вот смолит так смолит, аж пот по спине струится», – пожаловался Волковицкий. «Раз-

ве это жара? – вмешался весельчак и заводила Иван Скакун, пробывший здесь уже год. – Вот в апреле и мае жара так жара! Бывало, стоим здесь на остановке, ждём автобуса, а солнце припекает так, что вокруг каждого появляется лужа от пота». Доверчивый и наивный, не понимающий шуток Зиновьев спросил: «А кто в ботинках ходит, так пота набирается полные ботинки?». – «Ну конечно», – подтвердил Скакун. – «Надо купить босоножки, а то как же я с мокрыми ногами буду хлюпать?» – запереживал Зиновьев. – «А тебе что бояться? – сказал Чернявский, работающий вместе с Зиновьевым на складе готовой продукции. – Ты до апреля не дотянешь, если сейчас уже исходишь потом». Скакун, видя, что Зиновьев после таких слов в замешательстве и даже сник, решил его взбодрить и крикнул ему чуть ли не в самое ухо: «Смотри, Виктор, крокодил ползёт к ноге!» Зиновьев аж шарахнулся в сторону, увидев у своих ног хамелеона. Зелёная рептилия величиной с нашу гадюку шустро пробежала по травке и заползла на лежавшую рядом ржавую металлическую балку, быстро меняя свою окраску с зелёной на коричневую, под цвет ржавчины. Нас всех поразило увиденное. Над Зиновьевым смеяться перестали и начали следить за этим чудом природы. А хамелеон бегал вокруг нас и длинным языком схватывал мошек и комаров.

Приехав домой, мы сразу отправились в столовую. Сели как обычно за столик вместе с Рафаилом. Подошёл тёмно-коричневый официант, произнёс: «Намасте». И далее скороговоркой: «Соуп-чикен-картоська-салят». «Ты что-нибудь понял?» – спросил мой сосед. Я ответил: «Ничего». Буйглишвили сказал: «Неси всё». Пока ели фрукты, официант принёс полные тарелки какой-то мутной жидкости и курицу, напигованную бог весть чем. Попробовали суп, показался вкусным, а пока принимались, из чего он, что-то большое шлёпнулось сверху в тарелку Рафаилу, обрызгав нас фонтаном этой жирной жидкости. Выскочили из-за стола от неожиданности, отряхиваемся, а от кухни чуть ли не обезьяньими прыжками несётся тот же индеец. Пятернёй

забрался в тарелку и вытащил жука величиной с воробья, подбросил вверх, тот расправил крылья и полетел, как ни в чём не бывало. А нас официант принялся обтирать той же тряпкой, какой убирает остатки пищи со столов. Потом он принёс Рафаилу взамен тарелку свежего супа, заливаясь смехом и поглядывая на нас гордо, будто совершил невероятный подвиг. Мы тоже заразились его смехом.

Раньше никто из нас не замечал, что творится под потолком столовой. А тут, посмотрев наверх, увидели: над нами летают воробьи или похожие на них птички, большие жуки и бабочки, роем – мухи и комары, а в люстрах видны пух и сухая трава, скорее всего, птичьи гнёзда. «Куда смотрит санэпиднадзор?» – проговорил Буйглишвили. – «Наверное, такого надзора не существует. Ты посмотри: все повара и официанты без колпаков и белых халатов».

Сразу после обеда уехали на завод. Времени на отдых у нас не было, надо было готовиться к настоящей прокатке с полной мощностью, на которую способен цех. Ведь завтра приезжает Неру, и мы должны достойно представить в глазах руководства этой страны нашу великую державу. Подъезжая к цеху, увидели необычную картину. Военные и полицейские машины высаживают людей в униформе, многие из них со звёздами на погонах, а из-под фуражек цвета хаки выбиваются седые волосы. В цехе же и вовсе аврал. Множество полуголых мужчин и женщин метут, скребут, трут механизмы, очищая их от пыли. А военные, озабоченные и угрюмые, спуют, осматривают все тёмные уголки, выставляют часовых.

Видя, что мы стоим в недоумении, подошла к нам группа индийских инженеров: Мани, Цибал, Чатри. Мани по-русски сказал: «Завтра ждём больших гостей, военные и полицейские делают репетиции по охране порядка и безопасности». Мы вместе с коллегами-индийцами решили обойти весь цех и посмотреть, свободны ли проходы, нет ли разбросанного оборудования. Проходя по складу готовой продукции, мы увидели, как на большой пустой площадке несколько ин-

дийских рабочих сооружают что-то из деревянных брусков и досок. «Здесь будет митинг, – объяснил Мани. – Здесь будет говорить Неру». Выйдя на улицу, мы увидели другую группу рабочих, которые делали из бамбуковых жердей высокие ворота. «А здесь будет идти наш премьер-министр», – сказал Мани.

К нашей конторе, построенной рядом с цехом, подъехал «виллис», из него вышел Буйглишвили, пригласил всех советских специалистов к себе в кабинет и провёл что-то вроде совещания. «Вы уже знаете, что завтра приезжает глава государства, – начал он. – Прошу завтра всем одеться по-праздничному, на всякий случай побриться, будет большая представительная делегация, в том числе наш посол Бенедиктов. Вести себя достойно, никакой суеты и выпадов. Я только что из заводоуправления, Голдин просил, чтобы каждый из нас показал достоинства советского человека. А сейчас до шести часов вечера спокойно, без спешки вести прокатку». Тут он посмотрел прямо на мастера Пастухова: «Тебе ясно, Лев Григорьевич? И имей в виду, тебе здесь не Нижний Тагил. Ишь, раскатался! Выработаешь калибры, расстроишь клетки – что мы завтра покажем Неру?»

Разошлись от начальника, я в свой кабинет пригласил всех механиков – и русских, и индийских специалистов. И рассказал, что надо сделать сегодня и завтра утром, чтобы обеспечить работу цеха без сбоев и аварий.

Ночь у нас с Рафаилом прошла сумбурно, с вечера мы долго не могли уснуть, забота о завтрашнем дне висела тяжёлым камнем на нас обоих. Я ещё ни разу не оказывался пред ясными очами царствующих особ, и никогда прежде не доводилось мне запускать новый громадный цех-завод. Всё ли учёл, всё ли настроено, отрегулировано? Лежу, перебираю в памяти. Не спит и Рафаил, вздыхает. Он чуть старше меня, а ответственности у него больше. Мне было легче: в случае какого-то промаха Рафаил меня защитит, в этом я был уверен. За десять дней, работая с ним плечом к плечу, я вошёл в полное доверие к этому человеку, по всем

вопросам он советовался со мной. Мне было и лестно, что он так ценил моё мнение, и неудобно, ведь я на КМК работал каким-то мастеришкой, а он – начальником рельсобалочного цеха Нижне-Тагильского завода, был специалистом уже с большим опытом. Но здесь у него защиты не было. За короткий срок он уже поссорился с главным прокатчиком, и тот в любой момент его подставит...

Вот так в полудрёме прокоротали ночь, изредка перебрасываясь словами. Утром с тяжёлыми головами поехали на работу. По дороге обогнали много индийцев. Небольшими группами, одетые по-праздничному, они медленно и как-то торжественно шествовали в сторону нашего завода. Выходя из автобуса, мы увидели, как преобразился цех. Вокруг – ни соринки, при входе стоят величественные ворота, будто сплетённые из пальмовых и банановых листьев, а сверху развевается национальный флаг Индии. Внутри тоже идеальная чистота, видно, как за ночь индийцы поработали.

Мы, советские специалисты, как вчера и договаривались, разошлись по рабочим местам и тщательно проверили всё: нет ли коров в ПСУ, крыс или змей на электрошинах. Пастухов дал команду на прокатку.

Когда раскалённый металл прошёл благополучно все клетки и был разрезан на пилах, Буйглишвили приказал остановить весь цех до прибытия высоких гостей. Умница, правильно сделал. Он преследовал две цели: во-первых, не совершить какую-нибудь аварию при дальнейшей прокатке, а во-вторых, не задавить кого-нибудь из неорганизованной публики. Ведь с началом прокатки сотни пришлых людей хлынули к рольгангам, раскатному полю, пилам, на подкрановые пути – в общем, туда, где очень опасно. Охрана сделать ничего не могла, люди, обезумев, пёрли напролом, подминая под себя идущих впереди. Когда прокатку прекратили, военные и полицейские резиновыми дубинками прогнали из цеха непрошенных гостей и навели порядок. Внутри остались только те, кому положено. Мы собрались группами, стояли и молчали, как на вокзале в ожидании поезда.

Наконец военные, выставленные вдоль цеха, беспокойно зашевелились, офицеры прошли вдоль строя солдат, каждому заглядывая в лицо. Появился генеральный директор Голдин с Протасовым, была дана команда начинать прокатку. Цех загудел, и вскоре большая раскалённая заготовка побежала по рольгангу, воткнулась в клетку, а с другой стороны, набирая скорость, выскочила уже длинной полосой.

ПОСЕЩЕНИЕ РЕЛЬСОБАЛОЧНОГО ЦЕХА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ НЕРУ

К раскатному полю подошла целая делегация. Неру среди этих людей я узнал сразу, поскольку видел его раньше на портретах. Он был одет в белый длинный пиджак, белые брюки и такую же пилотку, высокий, худой и стройный. Я стоял совсем близко и видел, как внимательно Неру следил за огненной лентой, которая передвигалась из клетки в клетку, завораживая и восхищая всех вокруг.

Неру что-то сказал сначала человеку из своей свиты, потом стоявшему рядом нашему послу и пошёл за раскалённым прокатом. Не доходя метров десять до пил, глава государства и его сопровождающие остановились, наблюдая, как со свистом и скрежетом разрезался металл, выбрасывая пучки искр. По цеху прокатились аплодисменты.

Под несмолкаемое рукоплескание Неру со свитой направился на трибуну, которую построили вчера вечером. Проходя мимо нас, он пожал руку каждому, кто стоял впереди, в том числе и мне, говоря «Тенкью». Вслед за ним подойдя к складу готовой продукции, мы увидели массу народа, заполнившую всё громадное помещение. Военные и полицейские проделали в толпе проход для премьер-министра и его сопровождающих. Они прошли на трибуну, а мы остались на самом краю этого скопления людей, откуда ничего не было видно. Я быстро выбрался из толпы, по лестнице залез на подкрановые пути и прошёл на участок, под которым находилась трибуна. То, что я увидел, меня ошеломило. Индийцы внизу стояли настолько плотно, что видны были только головы с чёрными волосами, обильно смазанными кокосовым маслом, отчего они блестели и отливали синевой. И среди этого чёрного моря будто плыл белый плот...

Заметив меня на подкрановых путях, подошёл индийский механик Венкатеш Кудва. Неру что-то начал говорить, вокруг всё стихло. Его отчётливо было слышно, хотя говорил он приглушённым голосом. Но я понять ничего не мог,

и потому шёпотом попросил Кудву перевести. Он пообещал рассказать после митинга.

Оканчивая речь, премьер-министр произнёс слова: «Хинди рашен – бхай, бхай!» Море чёрных голов колыхнулось и повторило, скандируя: «Бхай! Бхай!» И загремело аплодисментами.

Я направил объектив фотоаппарата на рукоплескавшую толпу и щёлкнул затвором, опасаясь при этом, как бы не отобрали мой «Киев» (как знать, чужая страна, можно ли фотографировать главу государства?). А потом ещё снял Неру и сопровождающих его лиц при прохождении триумфальных ворот.

Механик Кудва, как и обещал, рассказал мне, что Неру хорошо отозвался о помощи Советского Союза Индии. Премьер-министр напомнил, что Англия делала всё для ограбления их страны и ставила её в полную зависимость тем, что продавала Индии керосин, бензин, ссылаясь на то, что здесь нет нефти. Из индийского сырья – трав, яда змей – делали лекарства и продавали втридорога. Теперь, с помощью Советского Союза, в Рикшеше построен завод антибиотиков, который в состоянии производить ежегодно двести тонн лекарств. «Ну, а то, что спрос на них у нас беспредельный, вы можете видеть и сами, наблюдая, как живут наши люди, сколько ещё у нас страшных болезней, – сказал Неру. А потом продолжил перечислять успехи последнего времени: – В Хардваре построен завод-гигант, он будет производить мощные турбины, электродвигатели и другое оборудование. В Ранчи построен машиностроительный завод, способный обеспечивать оборудованием, деталями все металлургические заводы Индии. А вблизи Бомбея, в местечках Камбее и Ассами советские геологи нашли нефть, скоро обеспечим себя горюче-смазочными материалами. Наконец, сегодня мы все видим завершение металлургического цикла самого крупного завода страны – Бхилайского металлургического. Индийские и советские люди работают вместе, рука об руку!» И в заключение Неру подчеркнул:

«Стремление индийцев создать более справедливое, более удовлетворяющее потребности человека общество привело к тому, что правящая партия Национальный Конгресс поставила перед страной задачу построить социалистическое общество. И, несмотря на козни наших противников, мы это осуществим».

После отъезда Неру с завода индийское руководство объявило, что рабочий день на сегодня закончен. А нас, главных специалистов, собрали в заводоуправлении на встречу с советским послом. Бенедиктов поздравил рельсобалочников с успешным пуском цеха. Потом представил приехавшего из Москвы генерального директора по эксплуатации завода, нашего нового непосредственного руководителя Гончаренко и рассказал об экономической и политической обстановке в СССР.

Приехали домой, когда уже совсем стемнело. Но наш городок утопал в ярком свете мощных галогеновых ламп, вокруг которых клубком роились мухи, бабочки и разная саранча, образуя туманный ореол. Мы с Рафаилом, никогда не видевшие такого, стояли и любовались. Вдруг в этот рой стремительно влетела какая-то большая птица и, выхватив добычу в виде бабочки или жука, снова растворилась в темноте. Через мгновенье другая птица, как мифический стервятник, тоже вырвала свою жертву из этой пляски насекомых вокруг огня. Это было поразительное зрелище.

В своей квартире мы решили отпраздновать сегодняшнее событие и снять накопившееся напряжение, для чего достали из НЗ бутылку «Столичной». Небольшая доза выпитого расслабила нас и подняла настроение. Вспомнились и выступление премьер-министра на митинге, и трагический танец живых существ возле огня. «Это же борьба за жизнь, закон природы. Сильный выживает за счёт слабого, хитрый и проворный – за счёт глупого и ленивого», – сказал Рафаил. «Да, суровый закон жизни, – подтвердил я. – Вот и Джавахарлал Неру сегодня говорил о смертельной схватке с индийскими капиталистами, а также с английскими стервят-

никами, которые подобны этим хищным птицам. Но птицы, насытившись, улетали, а эти – в образе человека – не насытятся никогда, им всегда мало». – «А как ты думаешь, кто победит?» – спросил Рафаил. «Конечно, народ, – уверенно ответил я. – Их же много, семьсот миллионов человек. А Неру и его партия за народ».

Утром встали – на душе лёгкость необыкновенная. Вчерашний день был переломным в нашей жизни. Если раньше не было уверенности, что мы раскрутим эту махину, то теперь всё позади. Глава правительства Индии остался доволен, да и от нашего руководства полетели в Москву победные телеграммы о пуске цеха. «Свершилось! Свершилось! Свершилось!» – с гордостью повторяли мы про себя.

Сегодня, 28 октября, воскресенье, и у нас выходной день. Первый день отдыха за границей. Сходили в столовую. От сытного завтрака и тёплой солнечной погоды душа пела. «Были бы здесь Маруся и Люба – большего для счастья ничего и не надо», – подумал я. Они бы посмотрели, как здесь прекрасно, какое ласковое солнце, какая дивная природа, всё вокруг цветёт. А какие ароматы! Наверное, лучше, чем в библейском Эдемском саду! Посмотришь на ярко-синее небо, а там парят тысячи птиц. Воздух чист и прозрачен, тихо, ни один листик не шелохнётся. Трудно усидеть в пустой и неуютной квартире, да ещё в нудном непрерывном шуме от кондиционера. Недолго думая, мы решили сходить в город Дург, расположенный в трех километрах от нашего посёлка.

Только вышли за ворота – нас встретили два таксиста, предлагая свои услуги. Но мы решили прогуляться пешком, было большое желание осмотреть окрестности и полюбоваться чудесной природой этой страны. Шли вдоль асфальтовой дороги, справа и слева обросшей буйными кустами и деревьями. Сразу нам бросилось в глаза множество птиц – прыгающих по веткам, сидящих и летающих. Завораживало слух их разноголосое пение, чириканье и трели, а от красочного их оперения нельзя было оторвать взгляд. Мы

медленно шагали вдоль дороги, и около нас то и дело оставались рикши на велосипедах, таксисты на трехколесных машинах и обычных – с шашками по бокам и желтыми крышами. Они предлагали подвезти, но мы не хотели лишаться удовольствия интересной прогулки по пока еще прохладному воздуху в окружении дивных цветущих деревьев. Душа пела, восторгу не было границ. С октября и до февраля здесь самое прекрасное время года. После муссонных дождей природа оживает, и всё окутывается пышной зеленью. Вот в такую пору мы и идём сейчас, и созерцаем окружающее великолепие.

Пройдя полпути до города в прекрасном настроении, мы, как дети, резвились, шутили, смеялись и рассказывали друг другу всякие глупости. Вдруг сзади слышим голос: «Бабу мани, бабу мани». Оглянулись – за нами идёт почти голый, худой загорелый мальчуган с протянутой рукой и монотонно повторяет одно и то же. Рафаил достал монеты из кармана и хотел дать, но Иван Волковицкий, шедший рядом, схватил его за руку и проговорил: «Не давай! Меня соседи по квартире предупреждали, что давать не следует, потом будут неприятности». Буйглишвили не послушался, вложил нищему мальчишке в руку несколько монет, и тот исчез. Мы все облегченно вздохнули, а Рафаил еще сказал Ивану: «Вот видишь, на радостях парень отстал. А ты говоришь «неприятности». И не успел он произнести это, как словно из-под земли появилось с полдюжины оборванных и совсем голых, до предела истощенных детей. Как и первый мальчуган, они с протянутыми руками так же монотонно на разные голоса повторяли: «Бабу мани», «Сааб мани». Мы ускорили шаг – они тоже, превращаясь уже в толпу таких же попрошаек, которая тащилась за нами длинным хвостом. Чтобы отделаться от них, мы буквально бегом заскочили в какую-то лавку на окраине города. Отдышавшись, дружно пожалели, что не сели в такси: приехали бы без переживаний из-за этих голых истощенных детей. Но здесь нас ожидало другое не очень приятное испытание.

Пока хозяин магазина отгонял от дверей нищих ребяташек, мы обзревали разнообразный товар, которым доверху были завалены полки, и удивлялись такому изобилию. Зашёл хозяин, окинул нас лукавым взглядом, довольно улыбнулся, как бы говоря: «Ну вот, вас-то я и дождался!». И, предложив нам стулья, с небольшим акцентом сказал по-русски: «Здрате, садитес. Что рашен хочет пит: сода ватер, мандарин сок?». Мы хором ответили, что ничего не надо, мы зашли только посмотреть. Не скажешь же, что у нас и денег-то нет. «Вот, смотрите», – пропустил он наши слова мимо ушей и начал снимать с полок рулоны материала, сразу разворачивая его перед нами. Мы, как могли, упрасивали, чтобы он не делал этого, но тщетно. Он развёртывал тюки, кидал на пол брюки, рубашки. Наконец Буйглишвили не выдержал и сказал, что мы сегодня ничего у него покупать не будем. Придём в следующий раз со своими ледями, и тогда уж... Хозяин махнул рукой на нас, нищих, и начал собирать с пола свой товар, а мы тем временем выскользнули из магазина.

Мы шли вдоль улиц, застроенных глиняными хибарками, лавками с ветхими крышами из камыша, рисовой соломы и пальмовых листьев. По мере приближения к центру города домиков становилось всё больше, и они всё выше поднимались из земли, начали попадаться даже каменные и кирпичные.

В самом центре мы забрели на базар. Это что-то невероятное. Уйма народа, все снуют, как муравьи. Прямо на земле горы бананов, мандаринов, яблок, арбузов и ещё много чего. Мы не только названий не знали, но и видели многие плоды впервые. Воздух густо насыщен ароматами восточных пряностей и какой-то гари. Пройдя мимо рядов с фруктами, мы пробрались к тому месту, откуда исходил резкий запах жареного. На земле стояли печки и печурки, просто горели очаги, на которых варилось, пеклось и жарилось. Продавцы громко кричали, расхваливая свои блюда, зазывая покупателей. Моё внимание привлёк торговец мантами. Устроившись на пыльной земле, он одной рукой вытаскивал свою

стряпню из чёрной прокопчённой посуды, где она подогревались в мутной жиже, а другой не переставал почёсываться. И периодически менял руки. Но торговля при этом шла бойко... Не выдержав, мы поспешили отойти.

Вдоль дороги рядом с базаром расположились ремесленники: кто чинил обувь, кто ремонтировал металлическую посуду. Тут же трудились брадобреи-парикмахеры и звездочёты – предсказатели судьбы. Понаблюдав за работой одного из них, мы пришли в восхищение от того, как чётко он взаимодействует со своей помощницей – мартышкой. Известно на каком языке (их в Индии более двухсот) индеец говорил что-то обезьянке, она сразу запускала лапку в картотеку и вытаскивала потрёпанную картонку с письменами. Звездочёт читал клиенту судьбоносные слова, тот расплачивался и отходил под общий хохот толпы, собравшейся на интересное представление.

Купив на рупию бананов и мандаринов, мы, наученные горьким опытом, назад поехали на такси. В свой городок вернулись, переполненные эмоциями. Мы окунулись в самую гущу другого народа, у которого всё отличается от нашего. А главное впечатление – что люди здесь неразделимы с природой, являются такими же обитателями этой земли, как и другие живые существа, которых видимо-невидимо. Вот и скот здесь разгуливает по улицам и базару на равных правах с населением, спокойно выхватывая из кучи фруктов и овощей то вилок капусты, то картофелину. Только люди платят за это деньги, а коровы и прочие животные кормятся бесплатно.

ПЕРВЫЙ СЮРПРИЗ КОВАРНОГО СОЛНЦА

Пообедали в столовой и пришли в свою холостяцкую квартиру. Кругом серо, неуютно; нудно стрекочет кондиционер. Пробовали поспать, но сон не шёл. Более того, у меня разболелась голова. Мы с Рафаилом решили снова выйти на улицу.

Солнце красным шаром быстро исчезало за горизонтом. Походили по городку. Какая-то тоска навалилась тяжкой ношей. Вспомнились дом, родные... Бродили вдвоём молча, разглядывали проходящих мимо семьями соотечественников, пока еще незнакомых специалистов. Подошли к полицейским, охранявшим ворота нашего городка, пытались с ними заговорить, но они нашего языка не понимали, только улыбались да качали головами.

Легли спать рано. Какое-то ощущение тревоги висело надо мной. Утром проснулся – голова болит нестерпимо. Мозги сжимались, будто кто-то проник в черепную коробку и давит на них. Состояние такое, что не хотелось смотреть ни на что. Если вчера радовало всё вокруг – цветы на деревьях, птицы, то сегодня всё кажется серым и скучным.

Приехали в цех, я встретился со своими коллегами-индийцами, провёл раскомандировку, проверил расстановку их по рабочим местам и ушёл в свой кабинет. Пришла переводчица Жукова Валентина Семёновна, спросила, нужна ли её помощь в разговорах с индийцами, я отрицательно покачал головой, она ушла. Сидя за столом, начал дремать, мозги по-прежнему сжимает, голова пустая, и, кажется, начинаю терять память.

Зашёл в кабинет механик Кудва и говорит, что цех не работает из-за шума в редукторе подъёмных столов. В голове у меня пусто, ничего не соображаю: где столы? какие столы? Посмотрел на Венкатеша пустыми глазами и пошёл вместе с ним в цех. Около громадной машины стояла группа слесарей. Мастер Цибал крутится вокруг редуктора со своей бригадой, говорит мне: «Он уже сломался, плохие ваши ма-

шины». Я с трудом сообразил, о чём идёт речь, и сказал: «Не надо делать поспешных выводов. Сейчас посмотрю». Коснулся рукой корпуса, а он горячий. Прощупал подшипники – тоже горячие. Голова трещит, плохо соображаю. Напряг всю свою волю и говорю Цибалу, чтобы слесаря открыли смотровой люк. Когда сняли крышку, я осветил внутрь фонариком и обнаружил: шестерни совершенно сухие, а масло в редуктор не поступает. Попробовал покрутить вентиль на подаче смазки – он оказался закрытым. Пока судили да рядили о причине аварии, редуктор остыл. Подали на него смазку и запустили. Постояли, послушали: никакого шума не было, признаков нагрева – тоже. Мы с Кудвой пошли в свой офис. Я спросил: «Кто же мог закрыть смазку на редуктор?». Он ответил, что обязательно разберётся, и у него есть подозрение на одного человека. А вообще могли закрыть вентиль без злого умысла. Многие наши рабочие в цехе из деревень, машин вообще не видели. Так им интересно где-то и что-то покрутить, хотя бы потрогать руками...

Так начались наши трудовые будни. Приезжали на завод к восьми утра. Цех работал до двенадцати ночи, потом его останавливали, только нагревательные печи не отключались, и в них постоянно пылало газовое пламя. В полдень увозили нас на обед и отдых, а с трёх часов дня до шести вечера мы снова были на работе. В квартире я остался один: Рафаилу дали отдельное хорошее жильё в гостинице по случаю скорого приезда жены. У меня по-прежнему болела голова, но память постепенно начала восстанавливаться.

Однажды примерно через полмесяца приехали на обед, я шёл мимо здравпункта. Вдруг кто-то схватил меня за локоть и сказал: «Ага, попался голубчик! Ты что же ко мне не заходишь?» Оказалось, это наш доктор. Он завёл меня в здравпункт, усадил в кресло, смерил давление и начал интересоваться моим самочувствием, работой разных органов. И то ли кто-то сообщил ему о моём неважном состоянии, то ли интуиция подсказала, но он как-то по-особому спросил: «А как с головой? Болит, не болит? Если болит, то как?

Только откровенно». Я признался, что болит, да ещё как, и рассказал про свои мучения. Он внимательно выслушал и спросил, всегда ли я хожу без головного убора. Я ответил утвердительно и вспомнил, что дней десять назад ходил в город Дург, и голова заболела после этого. «Всё ясно, это солнечный удар», – определил доктор. «С такой копной волос?» – усомнился я. «Э, здесь солнце не такое, как в Сибири, – коварное, так что остерегайтесь, – сказал он. – Ещё хорошо отделался, без осложнений. Вот вам таблетки, попейте с неделю, потом зайдите ко мне. А вообще-то в Москве вам должны были дать инструктаж, как сохранить себя в условиях тропического климата. Мой вам совет: без головного убора не появляться на улице, пить как можно больше воды и есть побольше фруктов, кроме, конечно, манго: от избытка можете приобрести аллергию».

Из здравпункта я сразу пошёл в магазин и купил лёгкую капроновую шляпу. А по прошествии недели уже чувствовал себя прекрасно: головная боль утихла, начал лучше соображать, настроение поднялось. Весь мир я готов был обнять! Таблетки, в действенность которых я никогда не верил, и вправду мне помогли. Пришёл я к врачу, он посмотрел внимательно мне в глаза, потрогал лоб, немножко пожурил за пренебрежительное моё отношение к медицине. И со словами «Будь здоров!» проводил, пожелав ещё напоследок, чтобы болезни и дальше обходили меня стороной.

Теперь я был надёжно защищён от коварного солнца шляпой, она оказалась с хорошей вентиляцией и почти невесомая. Был только один недостаток: под прямыми лучами она плавилась, поля опускались, закрывали щёки и глаза. Шляпа превращалась в какой-то бесформенный колпак, и в ней меня перестали узнавать. Но в тени она быстро расправлялась.

Тем временем работа в цехе шла с большим скрипом. Подтверждалось всё, о чём предупреждали нас в Москве побывавшие в Индии ребята. Оставалось выяснить: это саботаж, или местные рабочие просто игнорируют то, чему

мы их учим, что им советуем? Чтобы наладить работу, я сразу решил действовать по системе, которая принята была на КМК. Начал с оперативок после каждого рабочего дня, с индийскими инженерами подробно анализировали всё, что было сделано. А утром приучал к раскомандировкам. Но первые такие сборища превращались во что-то анекдотическое – одновременно и грустное, и смешное. Я русским языком рассказывал инженеру, что надо делать и как, он по-английски переводил бригадиру, а если тот не знал английского, ему переводили на хинди. Бригадир передавал задание слесарям, а те – в основном, из деревни – не знали ни хинди, ни урду, и говорили на своём деревенском. Так что когда доходило до практической работы, начиналась чехарда, делали не то, что требуется, и не так. Потому что никто ничего не понял! После зря потраченного на объяснения время я зачастую брал с собой всю бригаду во главе с мастером-инженером, подводил их к машине, брал из их рук ключи и начинал крутить гайки, болты, потом передавал слесарю и показывал, в какую сторону нужно крутить, брал молоток или кувалду и показывал, куда и как нужно бить. И так терпеливо каждый день. А когда слесаря и бригадиры мало-мальски освоились со своей работой, я начал доверять мастерам руководство своими бригадами и выполнение простых заданий.

Был такой мастер по фамилии Апарао. Он окончил в Москве институт имени Баумана. Но оказалось, что реальные знания у него на уровне не выше нашего семиклассника, а опыта работы никакого. И такой горе-специалист должен руководить коллективом в 30 человек! Он меня иногда доводил до истерики, до нервного срыва. Как-то поручил ему довольно простую работу – спрессовать с вала подшипник. Он только с третьего раза понял, что от него требуется. Через час я пришёл посмотреть и ахнул. Новенький дефицитный подшипник слесари расколотили вдребезги, распрессовывая в другую сторону, к тому же испортили и вал, на который подшипник был насажен. А мастер Апарао смотрел

на меня с идиотским видом и улыбался. Я не выдержал и отругал его, но он только хлопал глазами и молчал.

Первое время почти все инженеры-мастера вели себя по-барски. Мастер Сони, элегантный мальчик с усиками, всегда одетый во всё белое, с иголки, носил еще и высокомерную улыбку на лице, при этом по-русски не знал ни слова и всегда находился в стороне от той работы, которую должен был делать сам. Мастер Бапат, лысый мешковатый толстяк, постоянно бесцельно ходил по цеху, жевал пан и сплёвывал направо и налево кровавую слюну. Он был лет сорока, добродушный, покладистый. И совершенно бесхитростный (если не сказать «отупевший» – от постоянного употребления наркотика). На словах он всё бы сделал, но ничего не делал, поскольку не знал, что делать и как, а спросить у нас не мог, не владея русским. Мастер-инженер Цибал (тот самый, из-за которого выпроводили назад в Советский Союз моего предшественника) был высокий, стройный, красивый, с чёрными волосами и такими же усиками, с гордым и умным лицом, но с тёмной, никак не проявляющейся душой. К работе он не стремился и не желал в неё вникать. Он руководил бригадой дежурных слесарей на стане, но бригада работала сама по себе (конечно, под моим доглядом), благо бригадир был толковый, учился и практиковался в СССР.

С первых дней работы я мог опереться разве что на механика цеха Кудву да инженера технического отдела Найера. Они вызывали во мне искреннюю симпатию. Оба прекрасно говорили по-русски и всегда поддерживали меня.

Один раз в неделю я собирал на совещание русских специалистов и индийских механиков, деловой разговор шёл по ходу работы в цехе. Я внимательно приглядывался к своим коллегам-индийцам, изучал их характер, деловые качества и искал подход к каждому. И понял: если такого, как Апарао, за промахи в работе или бездеятельность можно отчитать прилюдно, резать о нём всю правду-матку, и он не обидится, то такие, как Сони, Цибал мало того что затаят обиду, но могут ещё и навредить делу, испортить мою репу-

тацию, не говоря уже об авторитете, которого пока не было. Приглядевшись к этим людям, я убедился, что, к примеру, с таким, как Цибал, на таран идти не стоит. Чтобы поставить его на место, следует применить дипломатию и действовать обходным маневром. И я решил: будь что будет! Или примут меня за идиота, или я сделаю из этого человека настоящего мастера, изменю его отношение к своим обязанностям, проще говоря – заставлю его работать.

Дело ещё и в том, что среди индийцев-механиков он был идеологическим лидером. Разбирался в политике, знал программу своей партии Национальный Конгресс, мог рассказать о политическом строе Советского Союза, о наших вождях Сталине, Молотове, Хрущёве, о коммунистах-философах Марксе, Энгельсе, Ленине (а также и нацисте Гитлере). Нередко на оперативках он подбрасывал мне непростые вопросы, ехидно улыбаясь, с торжествующим видом: «Вот тут-то я тебя и поймал!». Я всегда обстоятельно. А не поверхностно отвечал на вопросы, чем тоже заслужил доверие. Ведь недаром же прошёл курс основ марксизма-ленинизма в педагогическом институте. Он, конечно, имел целью подловить меня в этих вопросах и потом посмеяться со своими коллегами, ведь в своей профессии он был слаб (хотя внешне показывал уверенность и амбициозность), вот и решил хотя бы в политике показать свою осведомлённость, своё преимущество надо мной.

И вот я пошёл в наступление, чтобы утвердиться в этом коллективе, доказать свою значимость и ведущую роль. Проводя очередное совещание, я спросил: «Мистер Апарао, вы во сколько приходите на работу?». Он ответил: «Когда в восемь часов, когда в девять». «А вы, мистер Бапат?» «В девять утра». «А с чего начинаете работу?» «Ходим, смотрим». «Вот именно, ходите да смотрите, а дело не двигается». Все смотрят на Апарао и Бапата, улыбаются. «А вот мистер Цибал хотя и ходит, да со стороны не смотрит на происходящее, а работает!» – говорю я. Цибал поднял голову и разглядывает меня удивлённо, оценивающе. А я про-

должаю: «Он приходит на работу даже раньше слесарей. Обходит свой участок, записывает выявленные неполадки и на раскомандировке даёт задание слесарям. А потом уже ходит и контролирует работу своих подчинённых. У него на участке нет аварий, всё оборудование работает устойчиво». Все смотрят на Цибала, некоторые хихикают над этой туфтой. А я внимательно слежу за реакцией моего подопытного. Он то краснеет, то бледнеет, но голову держит гордо. «Так вот, учитеесь, как надо работать, мистер Апарао и мистер Бапат!» – добавил я и закончил совещание.

Когда все разошлись, Цибал задержался в кабинете, подошёл ко мне и на полном серьёзе спросил: «Вы, Иван Иванович, правда так думаете обо мне?» «Ну конечно, – ответил я тоже на полном серьёзе. – У вас же лучше всех работает бригада». Хотел добавить: «работу которой я повседневно контролирую», но воздержался, дабы не испортить эксперимент.

На следующее утро, приехав в цех, я сразу пошёл туда, где обычно собирается бригада Цибала. Его увидел издали, стоящего посредине группы слесарей. Жестикулируя, они что-то громко обсуждали на языке хинди. «Победа! Лёд тронулся!» – обрадованно понял я.

На следующем собрании механиков я уже правду говорил своим коллегам, ставя в пример всем Цибала. За ним стали тянуться и Апарао, и Бапат, и Сони. Теперь мне стало легче, я получил свободу в своих действиях, и у меня появилась полная уверенность, что я работаю со всеми.

Жил я по-прежнему один. Вечером приду домой – скука беспросветная. После ужина выйду на площадку в виде веранды, сяду в плетёное из лозы кресло и читаю книгу американского писателя Драйзера. Читаю запоем, не замечаю, что уже одиннадцать часов ночи, надо идти спать. Завтра – работа, а вечером опять Драйзер. Писем из дома нет, и, как говорят здешние «старожилы», ещё долго придётся ждать. Беспокоюсь о доме, особенно о здоровье Маруси...

В один из вечеров, так же сидя в кресле на веранде, я познакомился с соседом по дому, москвичом лет пятидесяти пяти-шестидесяти. Он подсел ко мне, разговорились. Оказалось, здесь они с женой прожили уже три года, и не жалеют. И мне жалеть не надо. А что сейчас скучно, так это временно, вот приедет жена, и жизнь изменится. «А пока до её приезда ничего не покупай, – сказал сосед. – И не давай повода торгашам, иначе они будут осаждать и надоедать». В общем, советовал осмотреться. А потом заинтересовал меня такими словами: «Если будут предлагать квартиру в гостинице, – не переезжай. Здесь лучше и природа, и люди. В общем, как в деревне: все друг друга знают, и всё обо всех». И тут он предложил мне перейти в их квартиру, так как через два дня они уезжают на родину. «У нас хороший кондиционер, не гремит, а бабка оставит всю посуду, – пообещал сосед. – Твоей жене, как приедет, не надо тратить деньги, обзаводиться». Я послушался доброго совета москвича, сразу написал домой письмо и отправил с ним. А как только они с женой уехали, тут же переселился. Квартира оказалась уютная, даже со шторами на окнах, в серванте гора посуды, есть электрочайник, разные сковородки и кастрюли. Словом, жизнь как бы вновь зарождалась.

Если прежде я не завтракал (столовая утром не работала), то теперь накупил фруктов, шоколада, пряников и другой провизии. Утром варил кофе, перекусывал, и до обеда чувствовал себя комфортней. По моей просьбе индийцы привезли шланг. Возвращаясь с работы, я подсоединял его на кухне и поливал деревья, посаженные москвичом у дома. Насыщал водой красную землю, накалившую солнцем, для охлаждения окружающего воздуха и создания свежести. Уже через неделю то место, которое я каждый день поливал, покрылось зелёной травой, проросли и какие-то крупные незнакомые листья, а также роскошные листья огурцов. Вскоре у них появились плети, которые обвили тонкие стволы растущих рядом деревьев. Теперь помимо работы у меня появилось постоянное увлекательное занятие: поливка,

рыхление почвы возле растений. И через две недели перед моей квартирой появилась целая клумба живых цветов. Они красовались, как оазис, среди красной безжизненной земли. От обильного полива ожило и дынное дерево – папайя, посаженное прежним хозяином квартиры и засыхавшее от недостатка влаги. А тут оно даже выбросило цветы.

В цехе параллельно прокатке шли строительные и монтажные работы по устранению недоделок, выявленных нами с началом процесса эксплуатации. А за нашим корпусом развернулась большая стройка нового объекта. Для копки котлована подогнали мощный экскаватор «Ковровец». Но он почему-то стоял без движения, и громадную яму копали вручную. Из глубины огромной чаши женщины поднимали на поверхность глину, камни, щебень. Они несли всё это в металлических тазиках на головах, вытянувшись в длинную цепочку, создавая как бы живой конвейер. Это зрелище напоминало картину, как рабы в древнем Египте строили пирамиды – мавзолей-усыпальницы для фараонов. Картина душераздирающая, страшная. На дне котлована индийцы-мужчины кетменями долбили землю и наполняли таз, а двое крепких рабочих поднимали его и ставили на голову женщины. И она, хрупкая, тощая, как скелет, обтянутый коричневой кожей, в набедренной повязке или изодранном сари, начинала медленное движение.

Вереница таких женщин с тяжёлой ношей на голове поднималась из глубины на поверхность по тропе, утоптанной тысячами ног. «Конвейер» был настолько длинным, что конец его еле просматривался в мареве от жгучего солнца. Там был отвал. На подходе к нему два индийца снимали с головы носильщицы таз, высыпали его содержимое и снова ставили женщине на голову. Движение по замкнутому кругу продолжалось беспрерывно.

Мы с горечью в душе наблюдали за этой процессией. В это время к нам подошёл индеец и на ломаном русском спросил: «Чито, рашен, мошет быть, леди надо? Ту рупис – и какая нравится!» Мы отрицательно помотали головами

и почти крикнули: «Но, но!». Оказывается, этот тип – погоняла на женском конвейере – зарабатывает как сутенёр с каждой предложенной женщины по рупии. Об этом поведал нам русский, возглавлявший стройку как консультант. Мы спросили его: «Почему люди, обливаясь потом, копают землю, а экскаватор стоит?» «Это индийское руководство, правительство решило так, – объяснил он. – У них большая безработица, а стало быть, нищета. И чтобы хоть как-то занять людей, всё делают вручную. Вот и носят на головах за рупию в день. Они и в вашем цехе всю землю из котлованов вытаскали на головах».

Ещё раз оглянувшись на эту монотонно двигающуюся процессию несчастных женщин, мы вернулись в цех. Здесь я встретил Рафаила, а у того вид сияющий. Не успели поприветствовать друг друга, как он выпалил: «Жена приезжает завтра, пришла телеграмма!» Мы даже обнялись в порыве радости. Ещё бы, такое событие!

Через день я поехал из цеха к Буйглишвили в гостиницу. Сам он тогда не работал: по не писанному за границей закону, ему полагалось три дня отдыха по случаю приезда жены. Встретили меня радушно, как близкого родственника. Было видно, что Рафаил уже рассказал жене о нашей дружбе. Звали её Магдалина Павловна, по профессии врач. Среднего роста, белокурая, с приятным лицом. Пока мы обменивались приветствиями, с улицы прибежал мальчуган, остановился возле меня и стал внимательно разглядывать большими чёрными глазами. По грузинским чертам лица я сразу понял, кто этот юный человек. «Это Юрка, – представил мне сына Рафаил. А потом обратился к нему: – Знакомься: мой друг Иван Иванович». Мальчишка шагнул ко мне, размахнулся и с силой ударил меня по ладони. «Да ты настоящий мужик, – сказал я. – Сильный и смелый». Он расхохотался, и с этого завязалась наша дружба длиной почти два года. Я с детьми вообще сходилась быстро, умел с ними разговаривать, мог вызвать интерес. И они мне верили, даже рассказывали тайны, которые я, конечно же, хранил.

На застолье из гостей были приглашены я да главный конструктор Двинянин. Отведали «Столичной», нашей традиционной селёдки, красной икры и чёрного хлеба, по которому уже успели соскучиться.

Цех начинал набирать темп. Индийские рабочие приобретали опыт, но, к сожалению, с ним появлялось и высокомерие, и зазнайство. Если раньше трудились с максимально напряженным вниманием, то теперь, управляя сложными механизмами, операторы больше работали языком, чем головой. На пост управления приходили дружки, родственники. Им было интересно видеть сам процесс прокатки, а также то, каким великим человеком стал их сын или брат: по мановению его руки мощная машина так ловко расправляется с металлом! А этот великий человек, болтая с пришедшими на пост знакомыми, подчас забывал, что в руках его ручка контроллера, от одного неправильного движения которого может произойти беда – даже с человеческими жертвами, с последующим длительным простоем цеха.

Аварийность начала захлёстывать работу прокатного конвейера, и трудно было понять причину. Либо это была безалаберность, халатность рабочих и специалистов-инженеров, либо даже вредительство. Оснований предполагать такое было предостаточно.

ЗАРАЗА КАПИТАЛИЗМА

Звериные законы этого этапа развития общества не обошли и наш завод, цветущим оазисом выросший среди безжизненной пустыни. Новый рельсобалочный цех, поставляющий дешёвый и качественный металл на всю страну, своим пуском сразу заявил о себе в качестве опасного конкурента капиталу. И будто факелом обжёг змеиный клубок гнилой системы, столетиями угнетавшей народ Индии. Владельцы частных металлургических заводов, чуя беду, как кобры угрожающе поползли в нашу сторону, и вскоре мы на себе испытали их укусы. Один из крупнейших заводов страны владельца Таты, находящийся в Бомбее, предчувствуя своё разорение, пошёл в тайную психическую атаку. Видя, что хорошие специалисты ринулись из их допотопных цехов с устаревшими машинами на новый завод в Бхилаи, они решили заслат с этим потоком своих людей, которые бы изнутри подрывали работу нашего цеха. Мы сразу распознали их деятельность, когда у нас начали происходить первые аварии. И быстро устраняли их последствия, стали бдительны, вместе с индийским руководством предпринимая меры по недопущению подобных случаев.

Индийский начальник цеха мистер Мани – энергичный и грамотный специалист, окончивший два института – в США и Англии, рьяно взялся за дело. Наши замечания и предложения он воспринимал как закон и требовал от подчинённых чёткого их исполнения. И сам вникал во все цеховые дела – в отличие от своих собратьев, заимевших диплом и почувствовавших себя господами-барами, свысока смотрящих на тех, кто ниже их должностью, и говорящих с ними через губу.

Мистер Мани вообще во многом старался быть похожим на нас, русских. По всей видимости, на него повлияло длительное общение с нашими специалистами. Прежде он почти четыре года работал дивизионным (прорабом) на монтаже оборудования Бхилайского завода бок о бок с русскими,

и от них, как губка, впитывал наш образ жизни, перенимал навыки, характер, а особенно – душу, которая у нас нарастала. И еще он научился у наших парней пользоваться матом. Он так смачно и к месту произносил эти слова, что даже многие русские заслушивались их мелодичностью. Он владел четырьмя европейскими языками и еще несколькими языками своей страны. По-русски говорил с акцентом и коверкая слова, но маты произносил так, будто всю жизнь прожил в России. Мы ежедневно встречались в цехе, обсуждали проблемы по работе и обменивались впечатлениями. Он часто мне говорил: «Люблю русских, у вас всё запросто, начальник, рабочий – нет разницы. Работаете быстро, чётко, с людьми обращаетесь хорошо, и головы у вас хорошие, умные». У Буйглишвили и у меня с ним сложились отличные деловые взаимоотношения.

Наши кабинеты были рядом, и мы часто общались, захаживая друг к другу. Однажды, проходя мимо его двери, я услышал многоэтажный русский мат и какие-то слова на местном наречии, произносимые громким и злым голосом. Зашёл и увидел такую картину: мистер Мани (так его все называли) сидит в кресле, по-американски положив ноги на стол, и всю распекает рабочего, даже бледность проступила на коричневом лице. Рабочий что-то виновато бормотал в ответ. И, видимо, что-то в его речи не понравилось Мани. Он медленно вышел из-за стола, приблизился к этому тощему полуголому бедолаге, да как вцепит своим большим кулачищем по скуле рабочего! Тот кубарем вылетел из кабинета и покатился по коридору. Мани прикрыл дверь и, сверкая большими чёрными глазами, сел в кресло. Я впервые увидел другую сторону этих людей в лице начальника цеха. Раньше я знал его как кроткого, вежливого и даже интеллигентного в обращении, а теперь был поражён его нетерпимостью и свирепостью. Успокоившись, Мани объяснил: «Он бросил в машину болт и цех остановил». Я понял: «Так вот кто злоумышленник, устроивший аварию, которую мы только что устранили!» – «Мистер Иван Иванович, спа-

сибо, что пришёл, – продолжил Мани. – Я хотел тебя видеть и попросить, чтобы вы, русские, помогли мне. Меня увольняют с работы». Я даже растерялся, в голове закрутилась мысль: «Это похлеще того болта, это удар под самый дых. Один в цехе настоящий руководитель, и от него хотят избавиться».

Как пояснил мне Мани, его убирают из цеха из-за несоответствия должности. И больше того: впоследствии он не сможет найти работу не только начальника, но и простого инженера в течение пяти лет. Меня это сильно взволновало. Такие драконовские законы в этой стране, или просто такой талантливый человек кому-то мешает? Я немедленно сообщил обо всём Рафаилу, и мы вместе отправились к генеральному директору Голдину. Тот внимательно выслушал нас и сказал: «Да, жалко парня, я его знаю с первых дней на заводе. Этот мужик, уже обрусевший индеец, на стройке выдвинулся до дивизионного руководителя и заметно выделялся среди индийских инженеров. Помочь же ему мы никак не можем, так как не имеем права вмешиваться во внутренние дела их государства». В итоге специалиста Мани всё-таки уволили, а на его место поставили древнего индийца по фамилии Саркар. Флегматичного, недалёкого и, как мы убедились позже, бездарного марионетку. Вскоре Мани пришёл к нам попрощаться. Плакал от обиды, как подло с ним поступили. Чья-то лохматая чёрная рука и политика сделали своё дело. Мани рассказал нам, что в управление Бхилайского завода прислали с частного завода Таты и назначили главным прокатчиком специалиста по фамилии Панжа. И тот, вытеснив Мани, освободил тем самым место для бездари Саркара.

В правительстве Индии тогда была довольно мощная оппозиция курсу премьер-министра Неру и партии Национальный Конгресс, она всеми силами старалась воспрепятствовать национализации предприятий, то есть стремилась укрепить капитализм в противовес социализму, который пытался внедрить Неру. Ведь в большинстве своём во главе

государства были люди с большим капиталом из касты браминов. Они опасались за свои владения, за принадлежавшие им фабрики и заводы. А потому действовали против крупных предприятий, строящихся и уже работающих с помощью Советского Союза, всячески старались подорвать авторитет и превосходство социализма над капитализмом. Для достижения этой цели внедряли на Бхилайский завод людей, которые сдерживали производство, охаявая нашу технологию, оборудование, а нередко – и специалистов, заменяя особо толковых, активных, принявших социалистическую систему индийских инженеров (таких, как Мани) другими, преданными их капиталистическому образу жизни.

Вот такого человека и назначили к нам в цех. Саркару было 60 лет. Обросший, седой, вялый, с плохим зрением... Люди сразу почувствовали ослабление в руководстве, более того – поощрение тех, кто не проявил рвения в работе. И началась в цехе чехарда. Дисциплина среди индийцев упала, появилась неразбериха, и посыпались аварии.

Однажды ночью ко мне приехал механик Кудва и сообщил, что в цехе большая авария. Я быстро собрался, скоро мы были на заводе. Видим: около нагревательной печи стоит группа рабочих. Одни ругаются, а другие, как ни странно, хохочут. Буйглишвили и Пастухов озабоченно смотрят в печь. Рафаил говорит мне: «Взгляни, каких дел они натворили!» Я посмотрел и ужаснулся. Крупные раскалённые заготовки для прокатки балки-600 нагромоздились одна на другую, и на выдаче из печи создался затор. Авария грандиозная. В такой ситуации никто из нас, даже опытные советские специалисты, никогда не оказывался. Что делать, никто не знал. «Как бы не пришлось разваливать печь», – тихо сказал Рафаил. «Вот-вот, нагоняй страх! Это невозможно – работы на месяц. Давайте осмотрим хорошенько, тогда решим», – предложил я.

Газ в печи был перекрыт, бушевавшее пламя стихло. Появилась возможность на мгновение заглянуть в глубину печи и увидеть всю картину случившегося. С подпалёнными во-

лосами я пулей выскочил обратно и сказал: «Будем разрезать это нагромождение заготовок кислородными трубками и вытаскивать куски металла через переднее окно». Все стояли и ожидали нашего решения. Я сказал Кудве, какие инструменты и приспособления необходимы для работы. Индийцы долго обсуждали задание, наконец, разошлись.

Через некоторое время появились баллоны с кислородом, шланги, трубки, ключи. Не хватало только стропов для снятия передней крышки, через которую мы собирались вести работу в печи. Прошло уже около часа, стоим, ждём. Я говорю Кудве: «Что-то долго не несут. Может, кому-то сходить, узнать, в чём дело?» Он ответил, что у них не положено проверять. Они получили задание – должны выполнить. «А вдруг какая заминка, или с ними что-то случилось? А мы ждём, теряем драгоценное время», – сказал я. – «У нас не положено проверять, – повторил Кудва. – Тем более что они низшей касты. Должны сделать, что поручено, или прийти и сказать, почему не сделали». – «Ну, раз у вас не положено, то у нас положено всё!» – сказал я, чуть не срываясь от злости, и пошёл искать затерявшихся посланцев.

Вышел на улицу и в крошечной темноте ночи увидел светящиеся окна склада. Зашёл туда. В помещении человек пять индийцев сидят на полу и оживлённо беседуют. А около них лежат два стропа. Спрашиваю: «Почему не несёте в цех?» Отвечают, что ворота склада закрыты. Когда же их откроют? Часов в восемь, отвечают они. Я посмотрел на часы: было четыре утра. Это что, ждать еще четыре часа, пока откроются ворота? Спрашиваю у них: «А как вы сюда зашли?» Отвечают: «Через эти двери». – «Ну, и несите стропы через эти двери!» – «Так в дверях же стоит кувшин с водой», – говорят они. У меня вспышка гнева: «Так уберите же от дверей кувшин и несите быстрее стропы, там же работа стоит!» – крикнул я. Бригадир этой группы слесарей, слабо говоривший по-русски, шлёпнул себя по лбу: дескать, какой же он дурак, не сообразил. Потом, виновато глядя на меня, что-то выпалил на хинди. Все вскочили с пола, убрали

кувшин от двери, схватили стропы и выбежали из склада. Раздосадованный, я пошёл следом.

У печи Пастухов уже всё настроил для резки металла кислородом. Зацепив стропами крышку, сняли её краном. Мы вдвоём с Пастуховым надели суконные огнезащитные робы и полезли в печь через узкую щель, как в жерло вулкана.

Жара обжигает лицо, пот заливает глаза. Зажгли кислородную трубку, направили её на ещё светившееся от высокой температуры нагромождение заготовок. Зашипел металл в кислородном пламени, брызнул фонтан искр. Кричу Пастухову: «Лёва, вылезаем, уже роба тлеет, иначе зажаримся в расцвете лет!». Вылезли из печи мокрые от пота, с опалёнными бровями и прижаренными носами и ушами, а всего-то пробыли там не более двух минут.

Отдышавшись, я снова полез, теперь уже один. Разрезал заготовку пополам и через две-три минуты выскочил в уже тлевшей спецуре. Потом ещё раз слезил Пастухов. После этого я сказал Буйглишвили, что пора индийцам лезть в печь, видели же, как мы режем, пусть и они учатся. Взяв в переводчики Кудву, он подошёл к начальнику цеха Саркару. Тот сидел на стуле, специально принесённом боем, и с интересом поглядывал, как мы с Пастуховым колдуем в печи. После того, как Рафаил объяснил ему, что надо делать по ликвидации аварии, которую они устроили, Саркар отдал какое-то распоряжение на непонятном нам языке. Ко мне подошёл индеец, попросил робу, я снял, отдал ему. Одевшись, он взял трубку со шлангами и полез в печь, но не прошло и минуты, как он выскочил и что-то выпалил, как из пулемёта, своему начальнику. Саркар снова отдал какой-то приказ. Теперь уже другой рабочий, надев огнестойкий костюм, полез в печь. И тут же стремительно выскочил, объясняя что-то Саркару. Тот собрал возле себя всех присутствующих индусов, долго что-то с ними обсуждал, а потом обратился к нам. Кудва перевёл его слова, смысл их заключался в том, что его люди не могут переносить такую жару, которая сейчас в печи, и он распорядился остановить работы до полного охлаждения.

Саркар уехал домой, его подчинённые тоже разошлись, остались только мы втроём да двое дежурных индусов. Рафаил был возмущён до предела. А тут ещё Пастухов подлил масла в огонь: «Вы видели, как хохотали индийцы, когда мы приехали на аварию? Я теперь немного понимаю по хинди и услышал, как хвалился оператор на посадке металла, какой он сильный и ловкий, – забурил всю печь!» И Лёва разразился отборным матом в адрес этого оператора, а потом и Саркара. Немного поостыв, добавил: «Они, видите ли, не могут работать в такой жаре, а мы можем. Люди всю жизнь живут под палящим тропическим солнцем и не переносят жара в печи. А мы – сибиряки да уральцы – переносим... Делать нечего, надо продолжать разбуривать печь», – произнёс он уже спокойным тоном.

Снова полез я. Настроил кислородную трубку, и полился звёздный дождь сгорающего в газовом пламени металла. В печи стало уже не так жарко, и мы с Лёвой, сменяя друг друга каждые пять минут, постепенно устраняли последствия аварии. Уже заканчивали работу, когда съехалось индийское и наше начальство. Стоя в сторонке и глядя, как мы, усталые, опалённые и грязные хлопочем у печи, начальник цеха Саркар и главный прокатчик Панжа ехидно улыбались. Приехал и главный прокатчик Протасов, а за ним и наш новый директор Гончаренко. Протасов отозвал нас троих в сторону и начал изливать своё недовольство работой Буйглишвили. Рафаил вспылел. Посыпались взаимные оскорбления и нецензурщина. Гончаренко, видя, что разгорелся скандал, подошёл и спросил, в чём дело. «Уберите отсюда этого бандита, – показав на Протасова, попросил Рафаил. – Он нам не даёт нормально работать!» Протасов, видя недовольное лицо директора, блеснув злыми глазами, ушёл, не дожидаясь, что скажет Гончаренко. Панжа и Саркар оживлённо беседовали неподалёку, и в глазах их читалось торжество: «Вот оно – хвалёное советское оборудование! Только начали работать, а оно даёт сбой!».

Чтобы не было такого охаивания, и чтобы выяснить истинную причину аварии, мы попросили своего директора расследовать всё совместно с индийским руководством по горячим следам. Гончаренко с нами согласился. И при разборе выяснилось, что во всём происшедшем виновата именно индийская сторона. А вдобавок наш директор прямо заявил, что из-за бездеятельности Саркара всю работу по ликвидации последствий аварии пришлось делать трём советским специалистам.

Печь запустили, и цех заработал в нормальном режиме. Перед обедом зашли ко мне в кабинет Найер, Кудва и Цибал с чертежами. Я после бессонной ночи сидел усталый, грязный. Механик цеха Кудва подавленно произнёс: «Вы извините нас, мистер Иван Иванович, за то, что вам пришлось разбуривать печь. Наш Саркар запретил лезть из-за жары и опасности там. И ещё. В цехе опять авария, на раскатном поле ломает металл при передаче полосы из одной клетки в другую, и мы вот втроём не можем понять, что произошло». Они положили передо мной чертежи того агрегата, но я и без чертежей сразу понял, в чём дело, сработала интуиция. «Фрикцион! – сказал я. – Пойдёмте, сейчас сделаем, возьмите бригаду слесарей».

Пришли на место, цех стоит. Недокаты лежат на раскатном поле, как громадные змеи, стыннут и уже почернели. Мы подошли к механизму передвижения тележек, вскрыли редуктор. Оказалось, там ночью кто-то поработал – ослабил болты пружин, в результате фрикцион пробуксовывал. Я объяснил Цибалу, что надо сделать, чтобы восстановить механизм. Понадобился всего час, и всё опять заработало.

Приехал я вечером домой весь измотанный: мало того, что без сна и отдыха, так еще и без обеда. Помылся, сходил в столовую. Солнце давно скрылось, стало темно, а на душе ещё темнее. Одолевают усталость, тоска, обида. К некоторым специалистам, с которыми мы вместе здесь начали работать, уже приехали жёны. Буйглишвили и Волковицкий теперь живут своими семьями, своими заботами, а я оказал-

ся как бы оторгнутым, на задворках. Пришёл в свою квартиру. От одиночества на душе кошки скребут. Взял в руки книгу – читать неохота. Вот письмо бы из дома я почитал, но писем давно уже нет, так как вообще не приходит почта из Союза, уже целый месяц.

Вдруг слышу стук в дверь. Заходит начальник монтажного управления Сорокин, наш специалист с Урала, и говорит: «На следующей неделе мы, строители и монтажники, уезжаем домой. Решили завтра устроить банкет, и хотим, чтобы ты обязательно был». Я, конечно, не мог отказаться, хотя настроения ходить по гулянкам совсем не было. Эти люди, с которыми я подружился уже здесь, на заводе, мне очень нравились – деловые и добрые. При приёмке оборудования, зданий и сооружений я особых претензий им не предъявлял, особо не придирался, да и не к чему было: все мои замечания учитывались, всё выполнялось без проволочек. Словом, работать с ними было легко и интересно, тем более что они, пробывшие на строительстве завода по три-четыре года, многое мне рассказывали про индийцев, кое-чему научили в общении с ними.

Был воскресный день, в полдень собрались на прощальный банкет в столовой нашего городка. Монтажников и строителей было человек тридцать. Столы ломились от обилия закусок, фруктов, бутылок с соками, содовой водой, но также и других бутылок с яркими этикетками – с бренди, виски, ромом. Да, в штате Мадхья-Прадеш, где мы жили, существовал «сухой» закон, но мы, русские, и здесь, как и у себя дома, настолько законопослушные, что чихали на всё, надеясь, как всегда, на магическое слово «авось». Конечно, не хотели злоупотреблять гостеприимством индийцев, но и особенно себя не ограничивали. Вот и я решил: раз надо, так надо.

Банкет разгорался с каждым тостом. Меня, как уважаемого гостя и свежего человека в их уже примелькавшейся компании, изо всех сил старались угостить по высшему классу. Наседали и все вместе, и каждый в отдельности. Подходили

с рюмками к моему столу, чокались, выпивали и уходили на своё место. Сидевшие за одним столом механомонтажники уже под хорошим хмельком наперебой рассказывали истории, происходившие при строительстве и монтаже нашего цеха. «Каких только трагедий и смешных историй не было! – сказал Сорокин. – Индийцам всё равно – пальма это или металлическая колонна. Лезут, работают без страховочных ремней, никакой техники безопасности не признают. Сколько их разбивалось, падая со стропильных ферм, колонн». – «А сколько умирало от укуса змей, – добавил рядом сидевший прораб строителей. И потом ещё посоветовал мне: – Ты вот что, под подъёмные столы и под клетки не ходи, там живёт здоровенная кобра. Мы её видели несколько раз, но убить не удалось, убежала».

В этот вечер я наклюкался изрядно. То ли по своей неопытности, непривычке к таким крепким напиткам, как ром и виски, то ли от слишком душевного, тёплого приёма земляков, постаравшихся накачать меня. Так что утром я еле поднялся и на работу не поехал. Смертельная усталость сковала всё моё существо, голова гудела, словно из неё извергался вулкан. Аппетит пропал. Настроение гадкое. И ещё такое чувство безысходности и виноватости, будто совершил страшное преступление. В полдень приехал ко мне Буйглишвили, зашёл в квартиру испуганный: «Что случилось, заболел?» «Заболел, чуть копыта не отбросил, – признался я. – Так бездумно напиться – в моей жизни ещё такого не было». И как другу рассказал ему всё. «Ничего страшного не произошло, – заключил Рафаил. – Ребята хотели, как лучше. Я поеду дорабатывать день и успокою твоих коллег-индийцев. Они собирались вечером приехать, опасаются, что ты заболел».

Проводив Рафаила на завод, я пошёл прогуляться. Солнце припекало, жарко, состояние болезненное. А тут ещё навязались собаки, которых расплодилось в городке целая стая. Хотя они к нам, русским, относились дружелюбно – не лаяли, не кусали, а наоборот, норовили лизнуть руку или,

заигрывая, схватить зубами за штанину. Но при таком гадком состоянии, когда всё вокруг серо и внутри противно, эти собаки тоже только раздражали. «Лучше бы поехал в цех, там работа захлестнула бы, и время прошло бы быстрее», – думал я. Потом вспоминал вчерашнюю гулянку и клял себя, что так напился. Теперь-то всё, дудки! Чтобы я еще взял в рот спиртное, да ещё такую гадость, как ром! Я же не знал, что он такой коварный, пил его впервые...

Вернулся домой расстроенный. И вообще в таком мучении провёл сутки. Утром приехал в цех, еще полностью не оклемавшись. Индийцы интересовались, здоров ли я. Проходя по цеху, встретился еще раз с инженером Мани. У него по-прежнему было грустное и озабоченное лицо. «Прощай, мистер Иван Иванович, теперь мы вряд ли увидимся, – сказал он. – Меня уволили по статье о непригодности к руководящей должности. А это значит, что с таким документом меня здесь, в Индии, нигде на работу не возьмут, придётся уезжать в Европу». Мы с ним расстались, а на душе у меня тяжёлый осадок от несправедливости, которую допустило руководство завода: поменять такого высококлассного специалиста, молодого и энергичного, на ленивого старика Саркара! Значит, и в Индии, как и у нас, всё решают протекция и деньги...

Когда шёл мимо прокатных клетей, услышал ненормальный шум и скрежет под подъёмными столами. Подумал: «А я ведь под этим механизмом ни разу не был со времени пуска цеха в работу». Случись что, цех может остановиться надолго. Эта махина весом 250 тонн если заклинит по недогляду, – беда трудно исправимая. Хотел сразу спуститься под клетки по туннелю, но там стоял полумрак, лампочки тускло светили в ореоле тумана, постоянно присутствующего из-за охлаждения прокатных валков и проходящего через них раскалённого металла. К тому же я вспомнил предупреждение монтажников на банкете: «Под подъёмные столы не ходи, там живёт кобра». Но как не идти, ведь из-под них слышится подозрительный скрип.

Пошёл в инструменталку, взял мощный фонарь и спустился под прокатные клетки. Осторожно пробираясь по туннелю, освещаю каждый угол, видимость – минимальная. Луч от фонаря пробивает мрак не более чем на пять метров. Вода с клетей льётся сплошным валом, создавая шум водопада. Вдруг невдалеке вспыхнули два зелёных огонька, как волчьи глаза среди ночи. «Кобра!» – пронзила мысль. Я застыл на месте, направил в ту сторону луч фонаря, и глаза снова засветились. Они не двигались, словно противник выжидает, копит силы, готовясь к мгновенному удару, как это делают кобры. Но проходит минута, другая, а глаза всё смотрят неподвижно. И я стою в нерешительности, не знаю, как быть: идти вперёд или смотреть назад, подальше от опасности. Но больше всё-таки меня разбирало любопытство, желание испытать себя. Что же это за божье создание сидит в полумраке около желобов, по которым рекой течёт вода? «Вроде бы не кобра, я этих тварей уже видел, у них глаза меньше по размеру и по расстоянию между ними», – подумал я и сделал пару шагов в сторону таинственного существа. А подойдя ещё ближе, увидел гигантскую лягушку. Она сидела на одном месте и языком хватала мух и комаров, роем вьющихся над водой. Величиной она была с кролика, и глаза, как у него, только не было ушей да шерсти. Зелёно-коричневая кожа лоснилась и отсвечивала в луче фонаря.

Когда испуг прошёл окончательно, я подступил к ней совсем близко. Но она сидела невозмутимо и продолжала увлеченно набивать себе пузо насекомыми. Я прошёл мимо, осмотрел механизм, откуда исходил скрип, обнаружил неисправность. Вызвал слесарей, и мы вместе эту неисправность устранили. После чего я привёл слесарей-индийцев к лягушке, и они тоже были поражены размерами этого существа. С тех пор я стал регулярно спускаться под подъёмные столы, но никакой кобры так и не увидел, только та же лягушка всегда сидела на том же месте и занималась тем же промыслом.

Работа в цехе с каждым днём приобретала всё более устойчивый характер. Если первое время весь процесс прокатки проводили, как правило, лишь русские специалисты, то теперь некоторые операции начали доверять индийцам. Но те из-за необразованности, а главное – слабой реакции и лени начали преподносить нам сюрпризы в виде аварий. Или, как чеховские «злоумышленники», свёртывали гайки, разбирали целые механизмы, или ещё хуже – занимались вредительством, засовывая металлические предметы в зубья шестерён редуктора, перекрывая подачу смазки.

А ещё обидно было, когда индийские механики или электрики, устраняя ту или иную аварию, только больше усугубляли её. Рекордсменом в этих делах был инженер Апарао со своей бригадой. Бывало, приведёшь этого мастера на место аварии, расскажешь, как и каким инструментом её нужно устранять, а для пущего убеждения еще просишь повторить, что надо делать. Говорит вроде правильно, а делает наоборот. От безнадёжности нервы сдавали, так и хотелось съездить ключом или молотком по такой умной голове. Но молодость брала своё, нервозность исчезала, и я хохотал вместе с индийцами над тем, как из-за слабой сообразительности можно испохабить доброе дело, это тоже надо уметь!

Постепенно люди обучались, и уже появлялись проблемы в их работе. Я упорно насаждал свою систему труда среди индийских механиков, и всё настойчивее спрашивал за качество ремонтов и обслуживания оборудования. Даже на еженедельных рапортах устраивал разнос Апарао или Бапату. Но это незамедлительно вызвало реакцию не по улучшению работы, а по высказыванию обиды (индийцы – нация с особо развитым самолюбием). Начались роптания – сначала между собой, а потом и высказывания мне прямо в глаза: дескать, сам-то ты можешь сделать то, что требуешь от нас? Хотя я всё время им это доказывал, для того и приехал на завод. У них, скорее всего, не было уверенности в моих способностях, да и сам я порой чувствовал себя не на должной высоте. Я всё время помнил слова одного моего

коллеги: «Если у этих себялюбив индийцев не будешь иметь авторитет, то работать будет очень трудно». Завоевывать авторитет – процесс длительный, и не всем удаётся это сделать. Для этого надо многое уметь и иметь: светлую голову, талант, опыт работы. Я, конечно, стремился к авторитету, но чувствовал, что пока его не достиг. И вот вскоре произошёл случай, который очень сильно изменил мою работу и взаимоотношения с индийцами.

При прокатке рельсов на горячих стеллажах произошла авария. Подходя к месту, я увидел, как обычно, толпу рабочих. Все хохочут, а сильнее всех – оператор. Бегает, скаля зубы, вокруг вырванных из фундаментов больших стальных блоков и порванных тросов, что-то громко рассказывает собравшимся с превеликой гордостью, всем своим видом показывая, какой он могучий. Сам плюгавенький, втроем плюнуть – упадёт, а тут сотворил такое, что и трём слонам не под силу. Когда я увидел происшедшее, обомлел и подумал: «За такую аварию надо бы дать оператору по зубам, которые он скалит». Но здесь – не дома, да и невозможно бы было на КМК устроить такую аварию, а здесь вот и такую устроили. Обошёл весь участок, а в голове крутится: «Что делать? С кем посоветоваться?» Буйглишвили и Пастухов смотрят мне в глаза и ждут, что я скажу. А что я мог сказать? Авария грандиозная. Ликвидация потребует много времени, а значит, и цех будет стоять долго.

Собрались все мои помощники, индийцы-механики, осмотрели, покачали головами, повздыхали. Набросились на оператора, что-то кричали ему на своём языке. Я тем временем размышлял, как восстановить работу горячих стеллажей. Появлялись некоторые мысли, но я тут же их отметал. У механиков стандартных решений не бывает, всегда что-то надо изобретать.

Наконец, собрал вокруг себя коллег, спрашиваю: «Как будем ликвидировать аварию?» Все пожимают плечами, молчат. «Мистер Найер, ваше мнение: как и за какое время можно ликвидировать?» Он отвечает: «Месяца за четы-

ре. Пока отольют плиты, выточат тяги серьги, подготовят фундаменты... Да, надо не меньше четырёх месяцев». Задаю такой же вопрос механику Кудве, мастерам Цибалу, Апаро, Бапату. Все определили сроки ликвидации не меньше двух месяцев. Выслушав их доводы, я сказал: «Два месяца цех не может стоять. За это нас и вас всех разгонят. Надо устранить аварию за двое суток!»

Эти слова их ошарашили. Лица вытянулись, глаза озлобились, поднялся шум. Слышу голос механика цеха, необычно официально Кудва говорит: «Мистер Иван Иванович! Мы срок ремонта двое суток считаем нереальным. Если вы думаете по-другому и способны осуществить за столь короткое время, – делайте сами». И всё это с усмешкой, высокомерно. Всякого ожидал я от этих непредсказуемых людей, но такого ультимативного заявления – никак. Это же форменный выпад против меня! Мысленно оценив обстановку, я решил рискнуть. Сказал: «Ну что же, если так стоит вопрос, я согласен сделать ремонт за двое суток. С условием, если вы дадите в моё распоряжение две бригады слесарей, двух электросварщиков и двух газорезчиков». И назвал фамилии самых надёжных бригадиров, которые знали русский язык, хотя и слабо. Перечислил, какой металл и инструмент нужен, и добавил: «Начнём работать завтра с восьми утра. Чтобы всё было готово к этому времени».

Подойдя ближе, Протасов набросился на меня, обвиняя в самовольстве и авантюризме. Я спокойно его спросил: «А вы кто, главный механик Советского Союза, что ли? Я о вас что-то не слышал». – «Я тебе, идиот, покажу настоящее место!» – взвился Протасов и вдобавок начал поминать каких-то матерей с богами. Я прервал его бурный монолог, сказав: «Грубиян и хам, такого языка я не понимаю, говори по-русски!». Отвернулся и пошёл к работающим бригадам, а за спиной продолжался поток брани в мой адрес.

Индийцы трудились в поте лица, на смену уставшей бригаде пришли свежие, отдохнувшие ребята. Только меня сменить было некому. Усталость одолевала, но энергии и

бодрости мне придавала уверенность, что всё задуманное получается, и уже видны результаты работы.

Наступил вечер, наблюдатели разъехались по домам, а мы продолжали работу без перерыва всю ночь. К утру уже были установлены и залиты бетоном мощные металлические плиты. Оставалось установить блоки и натянуть тросы. Несмотря на усталость, индийцы-ремонтники радовались, как дети, не веря тому, что сделали своими руками.

Когда стало совсем светло, возле горячих стеллажей начала собираться толпа индийских специалистов и просто ротозеев, гадающих о том, сможет ли советский специалист сделать такое большое дело за столь короткий срок. Цеховые механики, видя, что работа завершается, были обескуражены и подавлены: их самолюбие было задето, а надежды, что я не справлюсь, не оправдались.

В полдень все работы были закончены. Аварийный агрегат ожил, и началась прокатка. Усталый до предела, еле-еле передвигая ноги, я пошёл в сторону офиса, но дорогу мне преградили собравшиеся со всего завода механики, они поздравляли меня с успешно проделанной работой.

Немного подремав за столом, я снова отправился в цех. Прокатка шла полным ходом. Подошёл весёлый Рафаил и по-доброму меня пожурил: «Ну, ты и хулиган! Я даже не подозревал, что ты можешь так разговаривать с высоким начальством!» – «Это ты о Протасове? – спросил я. – Какой он для меня начальник? У меня два начальника: ты да главный механик Сергеев». – «Но он сможет тебе навредить», – предупредил Буйглишвили. – «Поживём – увидим», – сказал я.

Потом позвонил директор завода Гончаренко, поблагодарил за быстрое устранение аварии: «Ну, ты молодец, поздравляю!» Мне было приятно, что все переживания позади, душа пела от гордости, чувства собственного достоинства. Правда, мелькнула и такая мысль: «А что такого выдающегося я совершил? Обычная работа механика». Но всё же сэкономленное время, по меньшей мере месяц, для такого цеха, как рельсобалочный, – это был громадный успех. У нас в Союзе за это полагалась бы какая-то награда, хотя бы в виде премии, но здесь...

Впрочем, и здесь награда была. Для меня эти 36 часов непрерывной работы стали переломным моментом в трудовой карьере и даже в жизни. Когда страсти поулеглись, ко мне подошли механики Кудва, Найер, Цибал. Все улыбались. А Найер виновато произнёс: «Я думаль, весь машин надо делять новий, я и сказаль надо фор месяц. А ви придумаль тругой вариант». Остальные стояли и в такт его словам кивали головами. Я их обнял и сказал, что обиды на них не держу, это такая наша работа, что всегда надо придумывать новые варианты. И привёл в пример нашу русскую поговорку: «Если бы не клин да не мох, то плотник давно бы сдох». Они, конечно, её не поняли, но смеялись вместе со мной.

После этого случая моё положение в коллективе индийцев упрочилось, авторитет рос, с особым вниманием и уважением начали относиться к моей персоне не только механики и электрики, но и технологи. Заметили меня и в других цехах. Директор завода даже распорядился перевести меня на прорыв в мартеновский цех, но Буйглишвили и индийское руководство рельсобалочного меня отстояли. Однако вскоре я всё же был направлен на капитальный ремонт блюминга. Потрудиться там пришлось в поте лица, хотя собственные кадры в этом цеху были уже устоявшиеся, сработавшиеся, и наш русский специалист являлся опытным механиком. Меня назначили консультантом по ремонту главной клетки цеха стана «1100».

Индийские инженеры меня там уже знали, и однажды ночью после беготни на ремонте я зашёл в диспетчерскую, где сидел и дремал механик блюминга. Услышав, как я вошёл, он проснулся и на чистом русском языке пригласил сесть рядом, придвинув ко мне кресло. Завязался разговор. Звали механика Прасад. Улыбаясь, он признался, что давно хотел познакомиться со мной, но никак не удавалось. Он видел мою работу по ликвидации аварии и вообще всегда восхищался работой русских. «У вас есть одно слово, которое придаёт энергии, да так, что даже кровь начинает бурлить», – сказал он. – «Что же это за слово такое?» – заинтересовался я. – Он ответил: «Это слово – «Давай!». И так многозначительно, громко и чисто произнёс его, что у меня по коже пробежали мурашки, и даже

я теперь почувствовал его магическую силу, хотя и сам производил его по нескольку раз в день. «Вы, русские, особые люди, не похожи ни на англичан, ни на немцев, с кем мне пришлось работать. И за что мы, индийцы, вас любим, так это за то, что у вас нет высокомерия, чванства, – продолжал Прасад. – Вы одинаково относитесь и к индийскому инженеру, и к простому рабочему. Здороваясь, подаёте руку, невзирая даже на касту, к какой принадлежит тот или иной наш человек». – «А что такое каста?» – спросил я. – «Кратко ответить на этот вопрос я, пожалуй, не смогу, – сказал Прасад. – Это явление, которое, подобно безудержно разросшейся лиане, оплело и опутало всю жизнь индийского общества».

КАСТЫ.

УКЛАД ЖИЗНИ ИНДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Принадлежность к касте определяет всё: в Индии рождаются, воспитываются, вступают в брак, дают имена своим детям, обучают их, отправляют все ритуальные церемонии в соответствии с теми правилами, которые предписаны членам каждой касты древним религиозным законом.

Каста – это, прежде всего, профессия. Профессия, которая переходит от отца к сыну и зачастую не меняется на протяжении жизни десятков поколений. Профессиональное мастерство входит в плоть и в кровь, всасывается с молоком матери, становится неотъемлемой частью каждой личности.

Испокон века в индийской деревне наряду с членами земледельческих каст живут и члены ремесленных, без чьих услуг не могут обойтись крестьяне. Обязательной фигурой каждой деревни является горшечник. Целый день от зари до зари вертится на его дворе гончарный круг, возле которого, как прикованный, сидит он сам, и из-под умелых рук его возникают вазы, кувшины, чашечки любого размера и назначения. Его сын – тут же. В пять-шесть лет он будет помогать раскручивать гончарный круг, месить глину, формовать заготовку и подавать отцу. А в десять лет уже сам сядет на корточке возле круга и станет повторять движения отца. И так в каждой касте, каждой профессии, а их в Индии более двух тысяч, сын принимает ремесло отца, будь то ювелир, кожевник, ткач, мусорщик и вообще все те, без чьего труда не проживут ни пахари, ни торговцы, ни учителя, ни жрецы – священники-брахманы.

Я спросил Прасада: «А какие взаимоотношения между кастами?» И он начал рассказывать: «Из всех многочисленных каст наивысшей является каста брахманов, из них формируется правительство, чиновники, врачи, учителя, – в общем, вся интеллигенция. А их обслуживают люди из нижестоящих каст; самая низшая каста – неприкасаемых. Кастовый строй в Индии подобен улью с горизонтальными

слоями сот. Каждый слой столетиями был изолирован от другого системой запретов взаимного общения, а главное – перемены профессии. Высшие не должны общаться с низшими: ни есть вместе, ни пить из их рук, ни курить с ними, ни смотреть на их женщин, ни разрешать своим детям играть с их детьми. Не было запрета только на то, чтобы пользоваться трудом человека, который относится к более низкой касте. «Рука ремесленника всегда чиста, и чист товар, вынесенный на рынок для продажи», – сказано в законе. У большинства каст есть даже свои боги, которых они чтят наряду с высочайшими богами индуизма – Шивой, Вишну, Дургой и Лакшми – и приносят к их изображениям дары и жертвы. Каста – это социальный организм. В мире и в самой Индии могло происходить всё что угодно, но неизменно члены земледельческих каст обрабатывали землю и снабжали зерном, скотоводы разводили скот и снабжали молочными продуктами, каста брадобреев брила бороды. Члены низших каст убирали улицы и дома, вывозили трупы павших животных, обдирали их и изготавливали обувь, стирали на всех. А члены самых высоких каст были жрецами, учителями, руководителями всей духовной жизни, бдительно следившими за соблюдением предписаний кастовых отношений и правил».

«По каким же законам живут касты?» – спросил я. – «Каждая каста живёт по своей дхарме, с тем сводом предписаний и запретов, создание которых приписывается богам, – продолжил объяснять Прасад. – Дхарма определяет нормы поведения членов каждой касты, регулирует их поступки и даже чувства. Существует правило: отступление от дхармы – беззаконие, и этому учат с детских лет. Человек вырастает в сознании абсолютной нерушимости законов дхармы. Она даже диктует каждой касте внутрибрачие: девушка может стать женой парня только из той же касты, что и она сама. Нарушение законов дхармы ведёт к тяжёлым последствиям. Человека, не соблюдавшего закон, изгоняют из касты, его и его семью ни одна каста не примет к себе. Общество отказы-

ваются пользоваться продуктами его рук и давать ему взамен свою продукцию. Общество не берет в жёны его дочерей и не отдаёт своих за его сыновей. Оно лишает его права пользоваться колодезцем, деревенским прудом, храмом и даже навозом от своего скота. Лишённый всего и отторгнутый от привычных, унаследованных от дедов и прадедов связей и отношений, человек должен убить себя или скатиться на социальное дно, в общество неприкасаемых».

Прервав рассказ, Прасад спросил: «Мистер Иван Иванович, вы не задумывались над тем, почему у водоохлаждителей (кулеров) трубка, из которой течёт вода, загнута концом вниз, и каждый пьёт воду из своей ладони?» – «Думал. Неудобно, конечно, пить, но привык. Так почему же?» – «Всё по той же причине, кастовому делению. Мы считаем, что если кто-то из касты неприкасаемых коснётся чего-то или кого-то, он осквернит предмет или человека. Потому мы и не здороваемся с ними по ручке, даже рядом не ходим и не сидим: вдруг коснётся и осквернит. А если пьёт воду из кружки, то из неё уже другие пить не будут. Представляете, если бы у кулера трубка, как у вас в России на питьевых фонтанчиках, была бы вверх, то наши бы никто из них не пил, так как до этого мог напиться неприкасаемый, коснувшись губами трубки и осквернив её. Поэтому индийцы пьют воду только из своей ладони».

Я вспомнил, что у нас в рельсобалке на складе готовой продукции возле бочки с водой сидел индеец, держа в руках ржавый металлический жёлоб. Как только подходил жаждущий напиться, он черпал кружкой из бочки тёплую мутную воду и лил её по наклонному жёлобу, а индеец на другом конце пил из собственных ладоней. И теперь я понял, почему именно так всё происходит. Между тем Прасад продолжил: «Если с индийцем или индианкой из низшей касты случилось несчастье, никто не поможет. Более того, дети из почитаемых сословий или каст на уроках учатся в классе, а низшие – за дверью или около окна этого кабинета познают азы науки, а зайти в класс – не могли, будешь немедленно выдворен».

«А как вы распознаёте принадлежность человека к той или иной касте?» – спросил я своего собеседника. «Принадлежность к касте всегда очевидна, как очевидны красота или уродство, – сказал Прасад. – Во-первых, психологический фактор – кастовое самосознание. Каждый твёрдо знает своё место в обществе, своё социальное гнездо. Он также знает, как он должен относиться к членам всех других каст, – с детского возраста внушают права и обязанности в обществе. Человек твёрдо знает, что общество никогда не отнимет его права. А распознать принадлежность к той или иной касте можно по одежде. Одни обёртывают бёдра широкой полосой ткани, ниспадающей до лодыжек, у других она не должна прикрывать колени. Женщины одних каст должны обёртывать полосой своё тело тканью длиной в семь или девять метров, женщины других не должны употреблять на сари более пяти метров. Одним предписано носить такое украшение, другим – другое. Характер жилища, пищи, даже сосудов для её приготовления, – всё определено, всё предписано и изучено с детства членом каждой касты. А людей из касты неприкасаемых можно отличить от других по их психическому состоянию. Жестоко подавляемые и эксплуатируемые членами более высоких каст, которые унижали их и брезговали ими, они становятся безвольными пресмыкающимися и безответными животными».

«А как же вы различаете, из какой касты тот или другой работяга?» – поинтересовался я. – «Ведь они теперь одной касты – чумазых металлургов». – «Это несложно, – заверил Прасад. – Видно птицу по полёту, как говорят русские. Вот у вас в рельсобалочном цехе работал машинистом индеец из касты рикшей. Как только он получил первую зарплату, купил велосипед, переоборудовал его в велотакси и теперь уже не работает в цехе, а возит пассажиров. В общем, они сразу себя проявляют».

А я вспомнил случай, как у нас машинист крана учинил аварию. Индеец был обучен нашим специалистом. И вдруг так врезался в тупики, что слетела тележка с рельсов. Когда

разобрались с причиной, оказалось, что это вовсе не машинист крана, а совсем посторонний, не обученный человек. Настоящий машинист уже развозит пассажиров в качестве рикши. А этого человека он пригласил на кран, поездил с ним смены две-три и оставил работать вместо себя (договорились, что тот будет платить ему пятьдесят процентов), благословив на работу на столь ответственном и опасном агрегате... Я спросил нашего специалиста по кранам, как же могло случиться такое ЧП? И он ответил: «А как их можно различить? Они же все коричневые и на одно лицо!».

Я поблагодарил мистера Прасада за интересный рассказ о кастах, теперь мне кое-что начало проясняться в жизни этого народа. Между тем время уже близилось к утру. Мы обошли все ремонтные участки блюминга, везде работа шла нормально. Попрощавшись, я пошёл в свой цех. И тут увидел такое, чему удивлялся еще долгое время. Возле дорожки, прямо под открытым небом, на траве вповалку спали люди!

Было около восьми часов, скоро автобус должен был привезти на работу русских специалистов. В цеху я встретил механика Цибала, уже пришедшего на смену. Спросил его: «Что это за люди, спящие прямо на земле между цехами?». Он удивился моему вопросу и говорит: «У нас везде спят, даже на тротуарах. Пойдёмте, я покажу ночлежки у нас в цехе». И повёл меня по туннелям, где и на трубах, и на цементном полу спали люди: кто подстелив клочок соломы, кто – тряпку, а кто и просто кусок доски. В кабельном туннеле спали рядом с силовыми кабелями. «А это что за люди?» – спросил я. – «У них нет ни дома, ни семьи. Эти – рабочие нашего цеха. Они здесь работают и живут». – «Чем же питаются?» – «А чем придётся. Днём – в столовой, а утром и вечером готовят на кострах у кого что есть». Удивительно, но в бурной, до предела насыщенной работе я не замечал ни ночлежек этих людей, ни костров около цеха, на которых они кипятят чай, варят рис или горох.

Приехав к себе в квартиру после ночной работы, я перечитал старые письма, пришедшие ещё месяц назад, по-

скольку свежих пока не было. Долго не мог уснуть, в глазах так и стояли полуголые индийцы, спящие где попало и на чём попало, но при этом спокойно и безмятежно, будто для счастья им больше ничего не надо.

На ремонте блюминга пришлось работать ещё одну ночь. С механиком Прасадом долго собирали и регулировали механизмы главной клетки и, уже порядком уставшие, пришли в диспетчерскую передохнуть. Его очень интересовала жизнь в Советском Союзе, меня же – их страна с нерушимыми древними обычаями людей и девственной живой природой.

Я рассказал о том, как, напуганный строителями, долго не ходил под клетки из-за кобры. Прасад улыбнулся и сказал: «Правильно, что тебя насторожили, а то мог бы напороться, и тогда один исход. Змеи – они коварные, особенно кобры. Тихой сапой подползёт, одно мгновение – удар, и зачастую необратимый конец. Но, несмотря ни на что, кобра у нас считается священной, её рисуют на образах покровителя добра и закона – бога Вишну, Будды. В её честь даже установлен праздник, который называется Наг-панчми («наг» переводится как кобра). В этот день заклинатели змей и просто жители деревень, где развит культ змей, идут в леса и приносят оттуда корзину змей, выпускают их на улицах и во дворах, осыпают цветами, поят молоком, набрасывают их на шеи, обёртывают вокруг рук – и змеи при этом почему-то не кусаются. Праздник длится целый день, а к ночи усталые от человеческих ласканий змеи уползают к себе домой. Кобра присутствует всё время в жизни индийцев, особенно индийских крестьян. Нигде они не застрахованы от встречи с этой змеей. Не только в поле или лесу, но и в доме. Если кобра заползёт в дом человека, её не убьют, сочтут воплощением души какого-нибудь предка и будут умолять не приносить вреда живым и уйти из их дома добровольно. Во время муссонных дождей норы заливаются водой, змеи выползают и ищут убежища в человеческом жилище. Тогда крестьяне покидают свои деревни, оккупированные кобрами, и в складчину приглашают заклинателя змей, чтобы он вывел

тех обратно в поле или лес. В народе широко распространён культ кобры. Почти у каждой деревни, где-нибудь под деревом, находится каменное изображение кобры с раздутым капюшоном. Сюда приходят люди, чтобы им молиться, приносят им дары: молоко, цветы, рисовые шарики. Здесь же рядом змеиные норы, и к ним женщины ставят сосуды с молоком, прося кобр не жалить детей, не заползать в дома и вообще быть милостивыми. У некоторых каст есть даже змеиные заповедники, где под кустами в норах живут священные кобры. Удивителен тот факт, что «домашние» змеи никого из членов семьи не кусают, как бы велика эта семья ни была. Каким-то образом эти твари отличают своих от чужих. Здесь, в окрестностях Бхилаи, да и в других районах Индии, водятся ещё более страшные змеи – кинг-кобры (то есть королевские). Это огромная, до пяти метров, змея, укусы которой убивают на месте».

Я сразу вспомнил случай, как однажды в воскресный день мы с Василием Мироновым, соседом по дому, отправились на рыбалку. Проходя по берегу большого озера, мы были напуганы длинными, как плети, серыми змеями, которые не сползали, а просто падали в воду с обрыва, видимо, согретьшись на восходящем солнце, вызывая всплески и брызги. Мы даже усомнились, забрасывать ли удочки здесь, где так много змей. Но и дальше по берегу видели всё ту же картину – всплески и брызги от падающих в воду змей. Всё-таки забросили удочки, хотя при поклёвке побаивались вытаскивать: вдруг на крючке змея? Но они, видимо, хитрее рыбы, на крючок не цеплялись. Пойманную рыбёшку я складывал в сетку, которую опускал в воду, чтобы рыба была живой. Поймав очередную, заметил, что в сетке не добавляется рыбы, а наоборот уменьшается. «В чём же дело?» – подумал я и стал наблюдать не за поплавком, а за опущенной в воду сеткой. Вижу – она задёргалась. Присмотревшись внимательно, разглядел в ячейке одну змеиную голову, потом другую. Выдернул сетку из воды, и в озеро шлёпнулись две змеи с рыбами в пасти. Я и остальную пойманную рыбу

вытряхнул, опасаясь, что она поражена ядом. Позвал Васю, рассказал о случившемся. Раздосадованные такой рыбалкой, мы направились домой.

«Но самое страшное было ещё впереди! – признался я Прасад. – Как только двинулись от озера по тропке, впереди на пустыре метрах в пятидесяти от себя увидели большую чёрную змею, отливающую на солнце блеском своей чешуи. Подошли ближе. Она, вытянувшись поперёк дорожки, лежала без движения, скорее всего, спала, согретая ярким солнцем. Дальше идти мы не решались: а вдруг?! Стоим, наблюдаем, громко разговариваем. Наверное, услышав наши голоса, змея сначала подняла голову, а потом, будто чёрная нефтяная струя, полилась в подземелье. Когда хвост этой страшной рептилии исчез, мы медленно подошли к месту, где она спала. Рядом увидели нору, обошли её стороной и благополучно добрались до дома – без рыбы и изрядно напуганные». – «А та чёрная змея и есть кинг-кобра», – заметил Прасад. – Вам повезло, что увидели на открытом месте. Будь это в траве или в кустах – трагедии не миновать, она набрасывается исподтишка. А вот случай с моим соседом по квартире, он из Малайзии. Когда он мылся в ванной, через сливное отверстие заползла кобра и оказалась перед ним в стойке с раздутым капюшоном и многообещающим взглядом тусклых серых глазок. Не растерявшись, сосед мгновенно выскочил из ванны, схватил палку и убил свою гостью на месте. А потом пригласил меня к себе, приготовив из неё жаркое. «Вот замечательно, завтрак сам ко мне явился!» – шутил он. Я, конечно, отказался от такого блюда: в Индии змей не едят».

Тут Прасад прервался на несколько секунд, а потом спросил у меня: «Вы, наверное, уже видели заклинателей змей?» – «Да, в прошлое воскресенье к нам в городок приходил один с четырьмя корзинками, – подтвердил я. – Расположился на поляне у въездных ворот в наш «Бхилай Хаус». Открыл круглые плетёные корзинки и заиграл мелодию на дудочке. Кобры медленно поднимали головы, раздув свои мешки, на-

чали танец, поворачивая головами в такт музыке все одновременно. Одной, наверное, надоело крутить головой, она выскочила из корзины и поползла по траве. Хозяин, бросив дудеть, вскочил с корточек, догнал кобру и водворил обратно в корзину, но она при этом молниеносным движением укусила укротителя в руку. Не знаю, жив ли он?» – «Скорее всего, жив, укусы змей им не страшны, – успокоил меня собеседник. – Чтобы обезопасить себя и своих детей, укротители делают своеобразные прививки: втирают яд в ранки на коже, сначала микроскопически малыми, а затем всё большими дозами. И таким образом становятся невосприимчивы к укусам. Кроме того, заклинатели каким-то способом, только им известным, могут излечивать людей, укушенных змеями, и секрет этот строго хранится в их семьях. А чаще всего заклинатели работают со змеями, у которых выломаны зубы».

После беготни по цеху, отдыхая в диспетчерской, я расслабился и развесил уши, слушая интересный рассказ Прасада. Но пора и честь знать: на мне была большая ответственность по ремонту главной клетки блюминга. Только убедившись, что дело идёт к концу, я отправился в свой цех, чтобы оттуда уехать домой на отдых. Там я сразу свалился спать, а проснулся уже за полдень. Вышел на улицу: тишина, городок словно вымер. Декабрьское солнце подогревает, и уже жарко. Весь рабочий коллектив советских специалистов после обеда и отдыха уехал трудиться до вечера, семьи же коротают время жары в квартирах под прохладой от кондиционеров.

Пошёл в столовую, а там уборка: индийцы мыли полы, протирали столы. Увидев меня, повар спросил: «Кучать надо?». Я кивнул, и он ушёл на кухню, но долго что-то не появлялся. Я сидел и наблюдал за поведением птиц внутри обеденного зала. Они, как хозяйева этой обители, летели, садились на столы и тут же помечали их своими отходами. Из плафонов люстр с соломой и сухой травой слышен был писк птенцов. Нахальничали, в основном, воробьи, они пу-

лей пронеслись мимо меня, едва не ударяя крыльями по голове, ушам, садились рядом на стол и разглядывали меня любопытными глазками, будто спрашивали: «Чего сидишь, почему не ешь?». Залетали и большие птицы, но, схватив добычу – бабочку или жука, – сразу исчезали, так как столовая была почти без стен, и воздух в ней гулял свободно.

Наконец появился повар, принёс тарелку хлеба и ещё одну, наполненную мясом и каким-то гарниром неопределённого содержания. И поставил всё это на стол со словами, путая английский, хинди и русский. Я ничего не могу понять, что он талдычит, думаю: «Ошалел, что ли?». А он, не переставая, сыплет что-то на непонятном языке, и изо рта летят красные брызги. «Да ты, хлюст, нажрался пану, вот и законтачило в голове», – понял я. Позвал официанта, стоявшего невдалеке и хохотавшего над фокусами повара. Тот взял бедолагу под руку и увёл на кухню, потом вернулся ко мне. «Он кушал мноко пан, и колова сталь пусто, – объяснил официант, покрутив пальцем у виска, – видимо, перенял этот жест у нас, русских. – Он польш воркинг, работат здэс не путет. Ево колова невпарятке».

Дома я настроил шланг, полил цветник и деревья перед своей квартирой. На деревьях с длинными тонкими стволами, как у нашей рябины, распустились бутоны больших цветов. Верхушка папайи вся была увешана крупными зелёными плодами, напоминающими нашу дыню. Рядом бананы с роскошными листьями. Я одаривал их влагой почти каждый день, и росли они быстро, на верхушке уже появился бутон, у которого под тёмно-красными лепестками высовывались, как пальчики на детской руке, маленькие плоды. Закончив поливку и налюбовавшись красотой своего зелёного островка, вернулся я в квартиру. И только сел за чтение Драйзера, как вдруг врывается Иван Волковицкий. Возбуждённый, радостный выкрикнул: «Жена приехала!». И пригласил меня на встречу. Я, конечно, за Ивана был рад, но за себя огорчён. Обидно было: ко многим специалистам уже приехали жёны, и даже с детьми, а я, как бобыль, живу один.

Но всё же я пришёл к Волковицкому на праздник по случаю приезда его жены Лизы с мальчиком Колей. Лиза привезла из Союза колбасы, солёной рыбы и водки. Меня обрадовала тем, что в Тяжпромэкспорте в Москве готовят документы для отправки в Индию большой группы жён. «Ну, уж в этой-то группе должна приехать моя Маруся! – подумал я. – Тем более что в последнем письме она писала, что оформила выездные документы».

На работе в цехе дела мои шли хорошо, авторитет мой всё больше укреплялся. Главный механик завода превозносил моё имя, где надо и где не надо. Даже директор Гончаренко начал меня замечать и отмечать. И вскоре моя фотография появилась на Доске Почёта завода. Я даже подумал: «Когда всё шибко хорошо – тоже нехорошо. Быть беде». И она не заставила себя долго ждать.

Вскоре пригласил меня Рафаил на злосчастные горячие стеллажи, где для осмотра ОТК индийцы кантовали рельсы вручную. А поскольку они хилые и слабосильные, то брались за кантовку вдвоём, и то еле переворачивали рельсы на бок или на головку. «Вот видишь, как кантуют?» – показал Буйглишвили. – «Надо есть мясо и рыбу, да побольше, – сказал я. – А на перце да рисе много не накантуешь». – «Ты не смейся, здесь дело серьёзное, – осадил меня Рафаил. – Индийские специалисты требуют кантовку не ручную, а механическую». – «Может, им выдать еще волшебные палочки, и по их мановению рельсы бы сами кантовались? Есть у них кантовки – вот пусть и упражняются. У нас на КМК кантуют вручную». – «В Нижнем Тагиле тоже кантуют вручную», – согласился Рафаил. – «Так в чём же дело?» – «А дело в том, что наши мудрецы при заключении контракта по требованию индийской стороны записали пункт, в котором указано, что кантовка рельсов должна быть механической. УЗТМ же при разработке проекта цеха не учёл этого пункта. А теперь индийские инженеры раскопали эту недоработку и поставили вопрос ребром. Если мы не выполним этот пункт, то контракт будет расторгнут, и они не оплатят за цех ни копейки. Так думай, что будем делать и как делать».

Через день директор завода собрал совещание, где перед представителями УЗТМ и нами поставил задачу немедленно приступить к разработке и решению этого вопроса. В этот же день главный конструктор уральского завода Двинянин пришёл к нам в цех, и здесь вместе с группой конструкторов начали искать пути решения. И выбрали путь самый простой: свалили всю работу на меня и конструктора Аверкина. И вот мы, два ещё молодых человека без надлежащего опыта, должны были решать вопрос государственной важности.

Целый день в конструкторском бюро вместе с главным размышляли над чертежами. Предлагалось несколько вариантов. Выбрали то, что можно было сделать в условиях завода. Подготовили чертежи, изготовили детали, смонтировали, попробовали. И, как всё новое, не получилось. Но я уловил причину и понял, что надо исправить, сказал об этом конструктору Аверкину. Тот сделал эскиз, мы снова приступили к работе. По чертежу изготовили новые детали, установили, попробовали кантовать. Со сбоями, но начало получаться.

Пошли третьи сутки, как мы с Аверкиным и бригадой слесарей, не выходя из цеха, добивались того, что ещё не работало ни на одном рельсобалочном стане Советского Союза. Утром, с началом рабочего дня на участок, где мы изобретали, пришёл Буйглишвили. Узнав, как идут у нас дела, решил начать прокатку рельсов. Когда горячие стеллажи заполнили раскалёнными рельсами, я дал команду оператору на их кантовку. Одно движение ручкой контроллера, – и сотни рельсов весом более полтонны каждый начали кантоваться, как по волшебству, издавая чёткую дробь невидимого барабанщика.

Когда за считанные секунды все рельсы были перевёрнуты в нужное положение, раздались аплодисменты собравшихся рабочих цеха. Задачу, которую не могли решить институты, коллективы металлургов Союза, решили мы с Аверкиным здесь, в Индии. Конечно, это изобретение не было никак отмечено, и никто не стал лауреатом какой-либо

премии. Да мы и не требовали ничего. Мы просто выполнили одно из условий контракта и не дали бросить тень на дружбу между государствами.

Целый день возле стеллажей стояли цеховые индийские рабочие и инженеры, приезжало и заводское руководство, все наблюдали и восхищались, как на громадном поле раскалённых рельсов в один миг происходило чудо. Особенно радовались рабочие-кантовщики. До этого изобретения им надо было вплотную подходить к горячему металлу, обжигая лицо, руки, и с невероятными усилиями кантовать рельсы; теперь же они созерцали весь процесс со стороны и улыбались. Я находился здесь же с Рафаилом и конструктором Аверкиным, мы следили за чёткостью работы механизмов. «Зря они радуются, как бы потом не пришлось плакать, – сказал я о кантовщиках. – Через неделю их уволят, и они пополнят армию безработных».

Мы чувствовали себя героями. Успех был явный, нас поздравляли и индийцы, и наше руководство. Директор Гончаренко поблагодарил меня, интересовался здоровьем и настроением. Я ответил, что на здоровье не жалею, а вот настроение дрянное. Уже почти ко всем специалистам цеха приехали жёны, а моей пока ещё нет. Он пообещал дать телеграмму в Москву, чтобы ускорить её приезд.

После напряжённой работы в течение целой недели я наконец-то приехал домой, смыл под душем всю цеховую грязь, а заодно и усталость, лёг на кровать и быстро заснул. Сквозь сон слышу: кто-то усиленно тарабанит в дверь. Встал, открыл. На пороге стоял калибровщик Прокопьев, у него весёлое настроение, глаза аж светятся. Не заходя в квартиру, Анатолий Иванович радостно выпалил: «Собирайся быстро, пойдём встречать земляка! Не спрашивай, кого, всё равно не скажу, сам увидишь!».

Прокопьев жил недалеко от меня, в конце нашего блока квартир. Зашли в его комнату, и я увидел, что за столом сидит заместитель директора КМК Павловский Сергей Иосифович. Я-то, конечно, знал его, а вот он меня – вряд ли.

У замдиректора 35-тысячного коллектива завода в день бывает несколько десятков человек, и трудно упомянуть всех, особенно таких, как я, рядовых трудяг. Но когда, поздоровавшись, я назвал свою фамилию, он произнёс: «Так вот какой ты, Иван Иванович! Меня уже заочно познакомили с тобой в Москве, да и здесь я бы определил из всех специалистов наших кээмковцев, они особенные, нашей закалки». Я подумал: «А ведь не льстит, говорит правду». Я и сам иногда, увидев человека, ловил себя на том, что этот – наш, из Сталинска, а этот – не наш. И почти не ошибался. А этот зубр – кадровик, он даже по еле заметному штриху может многое сказать о человеке, а уж распознать земляка – это запросто.

Пока я размышлял так, на столе появилась «Столичная» с этикеткой в красной рамке, московского разлива – самая качественная горилка, а также икра красная, хлеб московский чёрный плотный и селёдка – главный деликатес. Ну, и фрукты-овощи местные. Получился роскошный стол – по нашим мужским меркам, конечно, потому что из сервировки был только перочинный ножик, ни одной тарелки, а о вилках и речи не могло быть.

После выпитой на троих бутылки настроение подпрыгнуло до гималайских высот. Наш гость со своей профессиональной хваткой потребовал рассказать о заводе и о людях – кто есть кто. И Толя Прокопьев сразу выпалил то, что у него наболело на душе за прошедшие три месяца: «Главный прокатчик Протасов – мерзкий человек, он тут всех поставил на уши. В технологии рельсобалочного цеха, особенно в калибровке валков, плохо разбирается, а свою безграмотность восполняет горлом и оскорблениями, даже не хочется ходить на работу». – «Толя, успокойся, – сказал Павловский. – Его дни пребывания здесь сочтены. Я приехал вместо него. Так что через пару дней сможешь пожать ему руку на прощание». – «Пусть ему жмёт руку брянский волк, – проворчал Прокопьев. А потом повернулся ко мне: – Вот Рафаил обрадуется». – «А кто такой Рафаил? – спросил Павловский. – Да

начальник цеха, – ответил Прокопьев. – Буйглишвили». – «Знаю, мне говорили о нём в Москве, – сказал Сергей Иосифович. И тут же поинтересовался у меня: – А как у тебя идут дела?» – «Он гремит», – за меня ответил Прокопьев. «Как гремит?» – «Да по заводу. Даже индийцы в восторге». – «Толя, не преувеличивай, – вмешался я. – Они, конечно, довольны. Ломать, устраивать аварии – мастера, а нам, русским, приходится устранять».

Прокопьев на радостях, что приехал наш земляк, да еще и вместо Протасова, достал из своего заглазника бутылку виски и предложил тост, но Павловский остановил его: «По-времени. В вашем городке есть какой-нибудь бассейн? Мне с дороги искупнуться бы». Мы повели его в плавательный бассейн, находящийся метрах в ста за двумя жилыми блоками. Время два часа ночи, весь городок освещается неоновыми лампами, светло, как днём. Тишина, только слышно, как перекликаются лягушки, да нет-нет- и завоют шакалы где-то за бетонной стеной.

Как только подошли к бассейну, Сергей Иосифович сбросил с себя одежду, поднялся по ступенькам на площадку и сразу же плюхнулся в воду с высоты трёх метров. Прошло минуту, уже круги на воде разгладились, а он всё не выныривает. Наконец появилась голова. Кровь, смешанная с водой, струйками стекала со лба. Увидев окровавленного Павловского, мы с Анатолием бросились ему на помощь, вытащили из воды. Из ранки на голове сочилась кровь. Рубахой перевязали голову и повели домой. Прокопьев из распечатанной бутылки виски налил в стакан, но теперь уже не пить, а промывать рану. После обработки перевязали бинтом. «Ну, вот вам и первое боевое крещение», – сказал я. Но было не до смеха. Голова у нашего гостя гудела, и чувствовал он себя плохо. Дождавшись рассвета, я пошёл за нашим доктором. Его квартира была в том же блоке, что и здравпункт. Привёл его к Павловскому, он осмотрел рану и повёл больного с собой. Отлежавшись в здравпункте, напичканный таблетками Павловский в полдень пришёл к нам. Настроение бодрое,

будто ничего не случилось. Мы с Анатолием очень переживали из-за того, что не успели предупредить нашего гостя, что бассейн неглубокий и при прыжке с вышки можно разбить голову о бетонное дно, что и случилось.

С приездом Павловского работа в цехе пошла спокойней, некому стало нагнетать нервозность. Начальник цеха Буйглишвили стал чувствовать себя увереннее, и эта уверенность передалась всем нам. Появилось спокойствие, исчезла подозрительность. Ведь первое время ощущалась негласная слежка отдельных личностей за всем персоналом цеха, и исходило это от Протасова. Обо всём происходящем в подробностях доносили ему, а он набрасывался то на Рафаила, то на меня. Мне было легче, за меня горой стоял главный механик завода, а вот начальника цеха Протасов с каждым разом кусал всё больше и постоянно создавал о нём плохое мнение у директора. Теперь, когда этого надсмотрщика отправили в Союз, а на его место прислали другого, да ещё и нашего земляка, мы, кузнечане и уральцы, облегчённо вздохнули.

А бывших доносчиков мы быстро определили по их поведению. В основном это были электрики, приехавшие из Кривого Рога и Жданова. Лишившись покровителя в лице Протасова и перессорившись между собой, они начали доносить теперь уже Рафаилу, чтобы как можно больше облить грязью и опорочить других. И между прочим сообщали, кто на кого доносил и ради чего. Бывший главный прокатчик обещал им повысить зарплату за «сотрудничество». А поскольку мы с Рафаилом доверяли друг другу, и секретов у нас не было, он обо всём рассказал мне и спросил: «Что будем делать с этими сексотами?». Я посоветовал собрать всех специалистов цеха и прочистить мозги. Не откладывая дела в долгий ящик, Буйглишвили устроил собрание и выложил в открытую всё, что передавали ему тайком. И предупредил: «Повышать оклады никто и никому не будет, так как это право только Москвы. Всякие доносы и жалобы прекратить друг на друга. Если этого не произойдёт, на тех,

кто плохо работает, будет поставлен вопрос о пребывании здесь».

С этого дня отношения между людьми изменились, особенно между украинцами с их уверенностью, что они самые лучшие и незаменимые специалисты. Помимо улучшения работы в цехе, наконец, начала проявляться дружба между украинцами, у которых был раздор из-за зависти, жадности и нетерпимости друг к другу. Теперь, когда «надсмотрщика» выдворили, люди перестали бояться, работать стало спокойнее и интереснее.

Уже прошло три месяца, как мы здесь, в другой стране. Начали привыкать к индийцам и их образу жизни, к их рабочему ритму. Если первое время мы, бывало, опускали руки от беспомощности и чувствовали, что с этим народом упёрлись в глухую стену-тупик, то теперь наше мнение и отношение начали меняться. Появилась уверенность, что работать на нашем сложном оборудовании мы их научим.

«Большой тормоз в работе – их деление на касты, – жаловался мне Рафаил. – Ты заметил: тот, кто умеет работать, – он из касты, закон которой не позволяет делать эту работу, а кто должен делать – тот не умеет». С таким подходом к работе с учётом кастового деления на металлургическом заводе нельзя было мириться. Я сразу же повёл борьбу с таким укладом, укоренившимся у индийцев за многие столетия. Требовал у индийских руководителей-механиков выполнения работ не по кастовым признакам, а по инструкциям и обязанностям той или иной профессии и личным примером показывал, что советские специалисты не чужаются даже чёрной работы, занимая высокую должность. Я работал рядом с их слесарем, показывая, как ключом крутить гайки и болты, как работать кувалдой, как стропить детали, механизмы, как собирать и разбирать их. Сначала они смотрели на все манипуляции с настороженностью, особенно индийские инженеры. Они не понимали, почему русский специалист делает любую работу, даже грязную, переглядывались между собой, улыбались и чуть ли не крутили пальцем у ви-

ска, показывая на меня. Сами они при этом, пока я с руками по локоть в масле вместе с их слесарями делал ремонт тому или иному механизму, стояли холёные, в белых рубашках и светлых брюках, наблюдая со стороны за моим «чужацеством». На совещаниях с механиками я осторожно намекал, что неплохо бы им переломить кастовые предрассудки и последовать моему примеру, а они всегда отвечали, что им не положено. Но вскоре произошёл случай, который изменил их отношение к работе.

На нагревательной печи оператор перекошил заготовки, металл заклинило, и в результате на предохранительной муфте редуктора срезало шпильки. Эта авария повлекла за собой остановку цеха. Индийцы забегали. Я немедленно появился на месте аварии. Мастер Цибал и слесари были уже там, восстанавливали разрушенный узел. Работа серьёзная и требует опыта, сноровки, большой затраты физических сил. Когда удалили разрушенные детали и начали устанавливать новые, дело застопорилось. Слесарь, видимо, из южного штата, Мадраса или Бенгалора, загорелый до черноты, низкого роста и щупленький, кувалдой, ручка которой была в два раза толще его руки, забивал втулки в отверстие муфты. Здесь требовался точный и крепкий удар, а как мог стукнуть кувалдой слабый, еле удерживающий её мужичок с ногтей?

Как и всегда, на месте аварии собралась толпа рабочих. Выставив жёлтые зубы, все хохочут над слесарем, и никто не собирается ему помочь. Подошёл к толпе и механик цеха Кудва, спокойно созерцает, как его слесарь совсем обессилен, пытаюсь забить втулку. Я предложил мастеру Цибалу заменить этого слесаря или самому взять у него кувалду и сделать эту работу, поскольку он физически крепкий, упитанный. Цибал ответил, как всегда, что так у них не полагается. «Опять каста!» – подумал я. Сказал механику цеха то же самое, что и Цибалу, он ответил: «Слесарь делает, это его обязанность, а инженер не должен работать кувалдой и ключами, он – начальник». – «Что же вы набрали таких

неможных слесарей? Если они не способны даже поднять кувалду, работайте сами. Цех же стоит, надо принимать меры!» – добавил я настойчиво.

Реакции не последовало никакой. Тогда я взял кувалду из рук этого беспомощного индийца, который не забил ещё ни одной втулки (а их в общей сложности 24 штуки). Нацелил втулку в отверстие. Один крепкий удар – и она на месте. Ставлю другую втулку, бью, и она тоже влетела сходу, третью – и она тоже. Разгорячённый, с обидой на этих «господ и рабов», я начал щёлкать втулки одну за другой. И вот при очередном ударе закалённая втулка разлетелась вдребезги. Один из осколков пробороздил мне висок, один распорол руку от запястья до локтя, а другими – мелкими, как дробью, травмировало грудь и кисти.

Толпа индийцев с перепугу разбежалась. Кудва послал кого-то из рабочих в здравпункт, вскоре появился медик и начал перевязывать ранки, из которых сочилась кровь. Вокруг опять стояла толпа. Люди, которые сначала восхищались тем, как ловко я забивал втулки, теперь потупились и виновато смотрели на меня. Кудва взял меня под руку, отвёл в сторону и сказал: «Извините, теперь мы сами сделаем. Мы теперь вас поняли ещё лучше». Я ушёл с затаённой обидой, даже двойной. На себя – за то, что погорячился и травмировался, но особенно – на них, ещё не понимающих, что это их работа и на их благо. Нам, русским специалистам, казалось бы, должно быть всё равно, сколько простоят цех, ведь они же сотворили эту аварию, пусть сами и расхлёбывают. Но мы же одержимые, нами движет запал, который мы получили на КМК и других заводах Союза. Нас всегда и везде сопровождал боевой клич: «Давай!». И вот теперь я как никогда ощутил мудрость нашей пословицы «Нет худа без добра».

После этого случая произошёл сдвиг во взаимоотношениях рабочего-индийца и начальника-индуса. Начало постепенно исчезать барство одних над другими. Это стало заметно даже по одежде начальства. Если прежде они при-

ходили на работу во всём чистом и отутюженные, то теперь с работы уходили почти такими же, как и слесари, – со следами масла и грязи. Наверное, начали забывать о своей кастовой принадлежности и неравенстве...

Да и среди рабочих начало всё меняться. Раньше на ликвидацию неисправности или аварии слесари, механики или электрики шли целой процессией: впереди бригадир с пустыми руками, за ним цепочкой слесари человека три-четыре, у кого ключ в руке, у кого молоток, а за ними – два-три подсобных рабочих, люди низшей касты с обтирочными тряпками, щётками, скребками. Зачастую на месте ликвидации неисправности в оборудовании трудится только один человек, остальные стоят и работают только языками. Вот уж поистине: один с сошкой, а семеро – с ложкой. Доходило до анекдотов. Почти вся эта команда из пяти-семи человек разговаривала на разных языках, и чтобы сделать какую-либо работу, приходилось дольше объяснять, чем её делать. Я говорил по-русски, бригадир или мастер переводил на английский, а если слесарь не понимал этого языка, то кто-то из бригады переводил на его родной хинди, или урду, или ещё какой. А результаты работы никаким другим языком объяснить было нельзя, кроме одного – нашего матерного. Наделают такого, что хватаешься за голову, и хочется волком выть. Тем же, кто усугубил аварию, и пинкаря под зад дать хотелось. Но мы, русские, себя сдерживали. А индийцы между собой нередко так и разбирались, даже в моём присутствии, позволяя себе физическую расправу над подчинёнными.

В общем, первое время было совсем тяжело. Потом стало попроще.

...Прошло четыре месяца, как я уехал из дома, уже привык к жизни в нашем небольшом городке для русских. А поскольку нас здесь осталось мало (почти все строители и монтажники уже вернулись в Союз), узнали друг о друге почти всё, как в хорошей и дружной деревне. На работу ездили в одно и то же время и в одном автобусе. И знали, с

кем о чём разговаривать. У того, кто жил одиноким, спрашивали, когда приедет жена, а у старожиллов интересовались, когда поедут на Родину.

Жизнь протекала довольно скучно, особенно у одиноких. Конечно, в нашем клубе два раза в неделю крутили кино, но фильмы одни и те же: «Дело номер 306» и «Девушка без адреса»; их мы знали наизусть, и они изрядно поднадоели. Так что от нечего делать приходилось вечерами читать книги либо бесцельно слоняться по посёлку.

Некоторые наши земляки пристрастились ездить вечерами в «музыкальную школу», которая находилась в городе Райпуре километрах в тридцати пяти. Там они могли за десять рупий поразвлечься с молодыми индианками лёгкого поведения. Как-то раз один кузнечанин предложил составить ему компанию и поехать «разгрузить пару вагончиков угля», как он выразился. Я отказался, а потом еще долго подтрунивал над ним, называя грузчиком, хотя работал он на заводе инженером-электриком. Такие поездки были весьма опасны, так как могли вызвать большие неприятности со стороны консула, являвшегося тайным сотрудником КГБ; кроме того, имелись шансы заражения венерической болезнью с последующим позорным вылетом через Гималаи. Но естественная потребность брала верх и толкала на безрассудство, и некоторые решались на этот шаг, а потом разочаровывались.

Были и такие Дон-Жуаны, которые охмуряли чужих жён. А бывало и наоборот. Через три квартиры от моей жила молодая чета: он работал в доменном цехе, а она, смазливая блондинка, навела одиноких страдальцев на грех своими чарами – то есть вела себя развязно и одевалась соответственно, выставляя свои прелести напоказ. Муж, узнав о её влечении, устроил слежку. И однажды, обнаружив её в квартире своего сослуживца, набросился на жену и её любовника. Но поскольку физически был слаб, сам получил фингал под глаз, разбитую скулу и психическое расстройство. И был отправлен в Союз вместе с женой и её воздыхателем...

Моё одиночество разделяли индийцы-бои – уборщики квартир, а также местные коробейники (мы их называли бакшишниками). Только придёшь с работы – почти сразу раздаётся стук в дверь, и вваливается индеец с корзиной фруктов на голове или с узлом различных изделий из ткани. Я у них ничего не покупал, кроме фруктов и орехов, ссылаясь на то, что в тряпках ничего не понимаю; вот когда приедет жена – тогда другое дело.

Чаще всех меня навещал продавец нейлоновых и шерстяных изделий по имени Уттомчан. Приходил, садился посреди комнаты на пол, развязывал громадный узел и выкладывал всё его содержимое: кофточки, блузки, рубашки, шарфы и другие тряпки. Я вновь от всего отказывался, он собирал своё богатство обратно, взваливал узел на спину и удалялся. Иногда завязывался разговор, я усаживал его за стол, и мы пили чай. На вид ему было лет 25, среднего роста, довольно худой, лицо волевое, тёмно-коричневое с правильными чертами, брови густые, чёрные и такие же волосы – блестящие, с отливом синевой. Он рассказал мне, что живёт в деревне, от нашего городка километрах в шести. Семья – восемь человек, и никто не работает, так как негде. Кормятся с небольшого участка земли урожаем риса и гороха, живут в глинобитной избушке. Основной доход семье даёт он – от торговли в русском городке. Год назад он продавал товара больше, а сейчас – почти ничего. «Тогда было много русских, и торговля шла бойко, теперь много разъехалось. И что я буду делать, и как жить, когда все уедете?» – спросил он подавленно.

Далее Уттомчан рассказал мне, что в семье он самый старший и самый грамотный, учился в деревенской школе четыре года, уже пора бы жениться, да у отца нет денег на свадьбу. Узнав, что в Советском Союзе можно жениться задарма и даже без свадьбы, он удивился и позавидовал нашим женихам. А когда я рассказал ему, что у меня есть дочь, он на прощание передал для неё красивую ленту. Но я всё же заплатил за этот подарок и дал ему ещё три рупии

в знак благодарности за доброту. На одну рупию индийская крестьянская семья может протянуть целый день, за одну рупию (по нашему курсу, это 60-70 копеек) в день трудятся чернорабочие, уборщики и другие люди из касты неприкасаемых. Высококвалифицированные, такие как вальцовщики нашего цеха, машинисты кранов, операторы получают 90 рупий в месяц. Но многие жители Индии не имеют такого заработка...

Уттомчан приходил ко мне раза два-три в неделю. Убедившись, что леди (так он называл мою жену) ещё не приехала, взваливал узел на спину и уходил торговать дальше по посёлку. Мне было жаль его – скромного, правдивого, совестливого человека. Вопиющая нищета его не сломила, но и бизнесмена из него не получилось, ведь врать, вымогать, запутывать он не мог. По какой цене брал товары на фабриках Бомбея или Дели, почти по той же и продавал. Жесточайшая конкуренция таким людям хода не давала. Подобных коробейников было много, и они друг друга нещадно разоряли.

Впрочем, разорались не только мелкие бакшишники, но и маститые, опытные, имеющие капиталы. За уже прожитые в Индии пять месяцев я видел и такое. К примеру, открыл в нашем городке магазинчик приезжий торговец: продавал кофты, рубашки, носки и разную мелочь. Торговля шла бойко, у наших, русских, был большой спрос на шерстяные и нейлоновые изделия. Местные бизнесмены, братья Кавалерамс, увидели в нём соперника, рядом с лавкой этого купца соорудили свою и начали торговать точно такой же одеждой, коврами, только по цене раза в два дешевле, пускай и в ущерб себе. Как только приезжий соперник увидел, что его доходы близки к нулю, свернул торговлю и уехал в другое место. А фирма братьев Кавалерамс сразу взвинтила цены и вернула свои убытки.

В эти секреты индийской торговли меня посвятил Уттомчан. И каждый раз, когда мы пили чай у меня, он повторял: «Как придет леди, пусть сразу ничего не покупает. Если

что понравится, я принесу дешевле и лучше. А если что будете покупать, то сразу не платите деньги, которые запрашивают. Наши продавцы любят, когда с ними торгуются, и чем дольше – тем больше уважают такого покупателя. Если кто не рядится и сразу отдаёт деньги, то купец обижен на себя за то, что мало запросил, хотя цену изначально задирает в два-три раза».

Дни шли за днями. После обильных муссонных дождей, закончившихся в августе, природа начала буйно оживать. А теперь декабрь – самое благодатное время. Погода стоит тихая, небо синее, безоблачное. Тепло, ночью плюс 15-20 градусов, днём плюс 30. Деревья пышно расцвели, птицы чирикают и заливаются трелями, в небе парят орлы и грифы, их много, и залетают они на такую высоту, что еле глаз замечает.

Прекрасная пора, пожалуй, лучшее время в Индии. В деревнях идёт бурная работа по посадке риса, овощей, в садах уже созревают мандарины, бананы и многие другие фрукты. Восемь, а порой и девять месяцев в году стоят на индийской земле ясные дни. Круглый год из месяца в месяц цветут деревья – то огненными, то белыми, то сиреневыми цветами. Всё время чувствуешь себя, как на выставке цветов, и всё время ходишь по яркому ковру осыпавшихся лепестков. Круглый год вызревают то одни, то другие овощи и фрукты. Краски базаров не меркнут, на лотках продавцов сменяются по сезонам самые разные сорта бананов, манго, яблок, груш и совсем не знакомых нам местных плодов и ягод. Торговля в «прохладные» месяцы идёт с раннего утра до ночи, а в летние, особенно жаркие, почти все магазины и базары в городах прерывают работу днём на два-три часа, как и многие конторы, и ремесленные мастерские. Люди отдыхают, они просто не в состоянии работать в таком пекле. А к четырём часам дня жизнь снова возрождается и кипит уже до ночи.

На полях же в дни посева или уборки урожая крестьяне могут позволить себе только получасовой отдых в тени редких деревьев, вместе со своим усталым рабочим скотом.

Сюда по узким пыльным межам или низеньким насыпям между залитыми водой участками приходят к этому времени деревенские женщины или дети, принося приготовленный дома обед для мужчин, – рис или овощи, обильно насыщенные жгучими приправами, и неизменный напиток – простоквашу, разболтанную в воде. Здесь же в тени деревьев хранится вода в кувшинах из пористой глины – своеобразных индийских холодильниках: просачиваясь сквозь поры, влага всё время испаряется с внешних стенок кувшинов, и за счёт этого вода внутри становится прохладной.

Трудно поверить, что в столь знойный сезон можно работать под открытым небом, но это так, и в этом аду дни напролёт трудятся миллионы индийских крестьян, дорожных и строительных рабочих. Только ночь приносит облегчение, потому что ночью скрывается могучее светило, но и при этом температура воздуха опускается лишь до 30-35 градусов. Раньше всех, еще до рассвета, поднимаются женщины и направляются к колодцам или другим источникам воды, за время коротких встреч с другими хозяйками успевают обменяться новостями и спешат назад по домам, чтобы скорее разжечь в очагах сухие навозные лепёшки и на этом огне приготовить завтрак для семьи.

Очаг в углу комнаты или в отдельной кухне – царство женщины и сердце семьи, сюда не допускают посторонних. Сидя на корточках возле очага, индийские женщины из века в век готовят традиционную пищу, вручную дробят крупу, сбивают масло, растирают бесчисленные специи... А еще женщины в деревнях проводят долгие часы за изготовлением топлива для очага, смешивая навоз с сухим мусором и обрезками соломы, вручную формуя лепёшки. Дети бегают с корзинами за стадами бродячих коров, собирая навоз, а матери потом занимают его просушкой, налепляя на стены жилищ. Высушенные кизяки тщательно укладывают вокруг слоями, заостряя сверху в виде пирамиды и обмазывая глиной, чтобы не промокло дождями. Дров не хватает, да их практически и нет, они идут на сожжение мёртвых, так что эти навозные лепёшки – по сути, единственный вид топлива.

Вокруг всё благоухает, но на душе у меня беспокойно, одолевает тоска. Почти месяц из дома нет писем. К специалистам из Украины, с Урала уже приехали жёны, да и к нашим, кузнечанам, начали приезжать, а от Маруси даже весточки нет. Конечно, и приезд, и получение писем не от неё зависят. Почта из Москвы приходит с дипломатическим курьером раз в месяц в посольство, а оно находится в столице, в Дели. До нас это – 1500 километров. Доставляют нам почту либо нарочным, либо с приезжающим из Союза на Бхилайский завод пополнением. Вот и ждём корреспонденции полтора-два месяца...

Главное лекарство от тоски и скуки – работа. Приезжаем в цех к восьми утра – и понеслось-поехало. Авария за аварией. Одну устраним – какой-нибудь ротозей учинит другую. А то и несчастный случай произойдёт... Как только цех начал работать, индийцы из ближайших деревень и из города Дурга навещали нас целыми семьями, дивились, какое чудо появилось в этом диком полупустынном крае. Да не просто навещали, а забирались по колоннам на подкрановые пути, и оттуда падали с большой высоты, разбивались; были случаи и попадания под колёса мостовых кранов. Индийское руководство цехом принимало меры, таких «туристов» разгоняли. Мы тоже старались как-то обезопасить этих неопытных, наивных людей, вплоть до того, что даже останавливали работу цеха...

В суматохе, напряжении незаметно проходил день, но по приезду домой, вечером, я начинал изнывать от безделья. Бесцельно бродил по городку или, в лучшем случае, читал книги. Однако вскоре произошло событие, немало изменившее в моей жизни. Из бобыля-отшельника я постепенно начал превращаться в нормального семейного человека.

Однажды, вернувшись из цеха, еще не войдя в свою квартиру, я встретил Ивана Волковицкого. У него горели глаза и лицо расплылось в радостной улыбке. «Пойдём к нам! – выпалил он. – Жена приехала!». Когда мы вошли, молодая женщина лет тридцати хлопотала у стола, а около неё кру-

тился мальчик лет шести. Увидев меня, протянула руку и произнесла нежным грудным голосом: «Лиза. А это наш сын Коля». Потом сели за стол, и Лиза, переплетая украинские слова с русскими, без умолку рассказывала о происшедших событиях и дорожных перипетиях. «Теперь мы дома», – с облегчением сказала она и лукаво посмотрела на мужа.

Засиделись до позднего вечера. Я завидовал своему соседу. Ведь приехали сюда вместе, а его жена уже здесь, да ещё и с сыном, а моя, наверное, заблудилась в сугробах Сибири...

Утром, еле продрав глаза, я услышал стук в дверь. Открыв, увидел Лизу. Её глаза сияли. Пожелав доброго дня, она попросила электрочайник и пригласила попить чайку в кругу их семьи. Чайник я дал, а завтракать отказался: утром я ходил в столовую и оттуда сразу ехал на работу.

С того дня визиты соседки стали следовать почти каждое утро. Узнав, что в ожидании жены я запасся посудой, она приходила то за тарелками, то за сковородкой, то за кастрюлей. Увлёкшись разговором, порой задерживалась, и мне было приятно слушать её певучее щебетание. Мысленно я спрашивал себя, когда же услышу нежный родной голос своей жены...

Вскоре я начал замечать косые взгляды соседа в свою сторону. «Уж не ревнует ли?» – догадался я. В очередное утреннее посещение Лизы я сказал ей: «Пока Маруся не приехала, возьми всю посуду к себе или присылай Колю, ведь у тебя много хлопот и без того». Посуду она не забрала, а визиты продолжила, но теперь уже с сыном. Вечерами они возвращали чайник или тарелки, и Лиза уходила, а с оставшимся Колей мы долго беседовали. Он оказался любознательным мальчиком, скромным и бесхитростным. Мне было интересно с ним общаться. Я угощал его фруктами, шоколадом, он же меня – своей откровенностью, которая меня очень забавляла. За стенкой, где жили Волковицкие, всё было слышно, и иногда на наш задорный смех прибегала Лиза, чтобы поучаствовать в общем веселье. И всегда

удивлялась, как преображается их сын, находясь у меня. И с сожалением говорила: «А с отцом у них не так, Коля даже не слушается его». Бывало, мальчишка задерживался со мной до полуночи. Это происходило, когда я занимался фотографией. Его интересовало всё: проявление, печатание; я давал ему пинцет, и Коля водил им в проявителе, и очень радовался, видя, как на белой поверхности бумаги появлялось изображение.

Теперь вечера у меня уже не были пустыми и одинокими: то я проводил время в беседах с Колей, то соседи приглашали меня к себе поиграть в карты. Однажды, когда мы играли в дурака, к Волковицким зашла ещё одна соседка по жилому блоку и примкнула к нашей компании. Карты я не любил – скорее всего, из-за того, что мне всегда не везло. И вот при очередном моём проигрыше все хохотали, а незнакомка под столом нажимала ногой на мой ботинок и смотрела мне в глаза, как бы успокаивая: «Это же просто игра».

Время было уже позднее, я отправился домой, за мной вышла и эта женщина. Было тепло и тихо, небо всё усыпано крупными звёздами. Дома и тротуары ярко освещались неоновым светом. «Меня зовут Машей, а вас я знаю почти со дня приезда, Иван Иванович, – как-то подчёркнуто убедительно произнесла соседка. – Пойдёмте прогуляемся, уж очень хороший вечер». Мне отказаться было неудобно, да и подышать хотелось: просидев за «дураком» в духоте и шуме, я изрядно притомился. Пошли по бетонной галерее вдоль жилых блоков, навстречу попадались жители нашего городка, мы приветствовали друг друга. «Вы какой-то недоступный, – сказала Маша. – Никого в посёлке не знаете и ни с кем не общаетесь». – «Это как понять? – я даже обиделся. – Почти все наши работяги знают меня, а я – их». – «Я говорю о женщинах», – произнесла моя собеседница. «Так я же с ними не служу», – сразу вспомнились слова Скалозуба из «Горя от ума». – «Но они-то вас знают!»

За этот вечер она мне пыталась рассказать обо всём, но говорила так много и путано, что я не всё понимал, и в памя-

ти осталось только, что зовут её Мария Андреевна, фамилия Буряченко, муж её работает на руднике Раджар (это в 90 километрах от Бхилайского завода) машинистом экскаватора «Ковровец», а к ней приезжает раз в месяц. «Я знаю, что вы ждёте жену, – сообщила она. – Как приедет, познакомьте меня с ней, я введу её в курс здешней жизни, я изучила здесь всё, так как живём уже третий год». На прощанье она сказала, что ей интересно беседовать со мной и хотелось бы продолжить встречи. И мне польстило, что я не остался здесь незамеченным.

Утром раньше обычного постучала Лиза, вошла. Я ещё валялся на кровати, подскочил, как ошпаренный, оделся, смотрю на неё. А она внимательно обвела глазами комнату, облегчённо вздохнула и села на стул. Произнесла: «Иван, извини, но я думала, что у тебя кто-то ночевал». Меня возмутила такая дерзость: «А хотя бы и ночевал, тебе-то что?» – «Как это что? Может, я тебя охраняю от этих самых... Ведь скоро Машенька приедет, каково ей будет? Да и мне перепадёт как соседке. Знал бы ты, что здешние сударушки такие взгляды на тебя кидают! Этой кудряшке, жене начальника цеха, видите ли, нравится твоя фамилия, а этой моей землячке – Анне Борзихе нравится, видите ли, твой чуб. Ты думаешь, мне так твои тарелки да сковородки нужны? Я переживаю и боюсь, как бы какая не соблазнила! Вот теперь и Маша нацелилась...» – «Мучаетесь от безделья, некуда энергию расходовать, разъелись и сходите с ума! У меня и мысли не было заводить с кем-то шашни!» – сказал я Лизе. А про себя подумал: «У тебя самой-то действительно намерение охранять меня?».

Вечером, как только я пришёл с работы, появилась Лиза, держа за руку Колю. Показывает на него и говорит: «Вот оболтус, не хочет в школу ходить. Совсем от рук отбился». – «А что, у отца ремня нет?» – «Ремень-то есть, да и рубцы на мягком месте, а всё равно не слушается. Может, вас послушается». Я понял, что и вправду вызываю уважение, раз родители привели мне сына на воспитание. «Ну что же

ты, дружище?» – спросил я у Коли. – «В классе жарко, да и играть охота», – откровенно признался он. «А есть тебе бывает охота?» – «Бывает», – ответил он. – «А ты видишь, какие индийцы тощие? Это оттого, что они не учились. Так пойдёшь в школу?» – «Пойду», – сказал он.

Дня через три соседка снова привела Колю и пожаловалась, что он опять не пошёл в школу, а всё время проиграл с мальчишками на улице. «Как же внушить ему, что надо учиться?» – подумал я. И решил начать с шутки: «У нас дома когда ходят в школу? Зимой. А здесь же зимы нет, так какая же может быть школа?» Коля заулыбался, хитро глянул на мать, как бы говоря торжествуяще: «Вот видишь?!» Лиза, не поняв юмора, обиженным голосом произнесла: «А я думала, что вы поможете...». – «Ну, вот что, Коля, – сказал я серьёзно. – Если ты не будешь ходить в школу, то ты мне больше не друг. А стало быть, и фотографией со мной не будешь заниматься». На него эти слова подействовали больше, чем ремень. Учебный год он закончил, хотя и с большим трудом.

НОВЫЙ ГОД В ИНДИИ

Наступил новый 1961 год. Впечатления от этого праздника в Индии никакого. Здесь ни снега, ни ёлок, ни мороза. Если дома в Сибири бывало и до минус 35 градусов, то здесь 30-35 градусов тепла. Солнечно и тихо.

Но мы – русские, и в этот день у нас должна быть традиционная ёлка. И пока мужчины 31 декабря были на работе, жёны весь день хлопотали. Под потолком нашего Культурного центра, где мы обедали и смотрели фильмы, натянули верёвочки, навесили вырезанные из бумаги флажки и ленты, откуда-то приволокли небольшое дерево кипариса и нарядили его самыми невероятными украшениями, а электрики соорудили гирлянду из разноцветных лампочек.

Поздно вечером собрались все за накрытыми столами. Ровно в полночь зажглась ёлка, и мы с бокалами искрящихся фруктовых соков или содовой воды подняли тост, поздравляя друг друга с Новым годом. Некоторые старожилы, практичные ребята, где-то купили виски или рому и отмечали по-настоящему. Мы же, большинство приехавших не так давно, обошлись без спиртного.

Самодетельность, в основном, из женщин, устроила концерт: пели и плясали. Потом начались всеобщие танцы. А поскольку не все были с жёнами, и нам, «холостякам», танцевать было не с кем, мы отправились по своим квартирам досыпать остаток ночи.

С самого начала января днём становилось всё жарче. Природа буйствовала, пустынная красная земля приобретала всё более яркие краски. Природа поднимала настроение, да и письма начали приходить регулярно, что тоже благотворно сказывалось на состоянии души. И в цехе аварий по-прежнему сказывалось на состоянии души. И в цехе аварий по-прежнему сказывалось на состоянии души. И в цехе аварий по-прежнему сказывалось на состоянии души. И в цехе аварий по-прежнему сказывалось на состоянии души.

Когда мы начинали работать, ни о каком почёте, конечно же, не думали, трудились не ради славы. Но было чувство долга и большой ответственности перед Родиной. Ведь и для индийцев всё советское было хорошим. Они восхваляли наш образ жизни, особенно молодые специалисты, инженеры, которые учились в наших вузах или были на практике на заводах СССР. Нередко в индийских газетах, особенно в центральной «Хиндустан таймс», появлялись статьи, прославлявшие нашу социалистическую систему. Только при таком развитии общества человек по-настоящему свободен. Наши коллеги по работе восторгались тем, что у нас один хозяин – государство, и оно всех уравнило в правах. У них же пока есть хозяйева, а значит, есть и рабы. «Частная собственность – это плохо, – сказал мне однажды инженер Кудва. – Это, пожалуй, главное зло у нашего народа: вопиющая несправедливость и неравенство между уровнем богатых и бедных людей. Если рабочий в городе получает зарплату в месяц 50 рупий, а бывший низам, правитель города Хайдарабада получал от правительства ежегодно пять миллионов рупий пенсии, да столько же давали ему на содержание дворцов! А ведь он ещё владелец несметных сокровищ, кроме запасов золота и драгоценностей, у него обширные земли, обрабатываемые его людьми! Бывшему махарадже Джайпура назначена пенсия в два миллиона рупий в год, за ним сохранены тысячи гектаров земли, пастбища, фермы, озёра, каналы, десятки дворцов. У махараджи 45 легковых автомобилей («роллс-ройсы», «кадиллаки»), грузовики, а также лошади, слоны и верблюды. Национализация в стране обошлась боком для народа. За махараджами, раджами, низамами и князьями не только были сохранены владения, они еще и освобождены от налогов, им воздаются почести почетными караулами, салютами и иными церемониями. Они не подлежат аресту. Государство на бывших махараджей, князей тратит громадные средства, но им мало, они прикидываются нищими и просят увеличения пенсии. Бедный низам хайдарабадский, сокровища которого оцениваются в

полтора миллиарда рупий, постоянно кланчит у правительства средства для содержания его армии слуг (а их 12 тысяч) и иждивенцев (которых 35 тысяч). Многие махараджи, князья сдают свои дворцы в аренду под музеи. В старом дворце Удайпура выставлен крупный экспонат – изображение солнца, отлитое из чистого золота, и много драгоценных камней, старинных изделий из бесценного богатства, принадлежавшего именитым махараджам Индии».

Сейчас, по словам Кудвы, начинает многое меняться. Особенно, когда Советский Союз начал помощь Индии – экономическую и техническую. Бхилайский завод, можно сказать, перевернул ход истории страны, это новая эра в жизни народа. «Бхилаи! – сказал он. – Как много глубокого смысла таит это имя в себе! В нём воплотилось и дружеское сотрудничество советского и индийского народов, и будущий прогресс Индии, и победа человека над мёртвым безжизненным краем!»

Да, если ещё пять лет назад здесь лежала бескрайняя рыже-красная полупустыня, то сейчас вечером линия горизонта предстаёт чудесным ожерельем, светящимся тысячей огней. Это завод и город Бхилаи, вытянувшийся на многие километры вдаль и вширь от предприятия. Вид этих новостроек еще более величественен днём. Красавец-завод и сотни жилых домов выросли на месте большой пустоши штата Мадхья-Прадеш!

Как напоминание о безрадостном прошлом сохранилась в стороне от завода окружённая пустырьём и сухими полями деревушка Бхилаи. В один из воскресных дней я встал пораньше, пока солнце ещё не припекало, накинул на плечо фотоаппарат и отправился в то селение, что дало название нашему заводу. При подходе я увидел в деревне всего одну улочку, да и та настолько узкая, что по ней едва можно разъехаться двум повозкам. Сжатая глинобитными лачугами и земляными заборами, она тянется от шоссе к искусственному водоёму. Ещё не так давно автомобиль здесь был редким гостем. Кругом лежала сухая равнина, лишь кое-где по-

крытая засухоустойчивыми деревьями. Только теперь, когда прошли муссонные дожди, начали зеленеть крестьянские поля и пустыри. Деревья покрылись листвой и зацвели.

На окраине деревни у серой глинобитной лачуги сидел старик. На его морщинистом, огрубевшем от солнца и жары лице лежала печать страдания, недуга. Когда я подошёл к нему, он встал и тихо поздоровался. Я протянул ему руку и пожал его ладонь – костлявую и сухую. Лицо старика просветлело, он даже улыбнулся. Я сказал ему несколько фраз по-английски, которые успел выучить за четыре месяца работы на заводе. Он, не поняв меня, что-то выкрикнул в сторону жилища. Из дверей халупы, а точнее сказать, из норы появился мальчишка лет десяти – такой же худой и загорелый, как дед. Они заговорили о чём-то между собой, потом, обернувшись ко мне, мальчик спросил по-английски, кто я и что мне нужно. У нас завязался разговор. Оказалось, что его мать с отцом работают на заводе, они копают каналы. Нанялись вместе с другими односельчанами работать у хозяина-индийца за две рупии в день. Тяжело им, но и таких денег они никогда не видели. «Спасибо вам, русским, – сказал парень, – что вы построили такой завод. Теперь мы едим каждый день рис, зерно и даже жиры и овощи». Я сфотографировал деда с внуком и отправился домой.

Вернулся к обеду, и тут меня встретила Лиза, вручила сразу два письма из дома. Залпом прочитал оба и расстроился. Маруся написала, что после больницы она очень исхудала и чувствует себя неважно. Вызова для отъезда ко мне так и нет из Москвы, да она и сомневается, что поедет. Оставлять престарелого отца и малолетнюю дочь не решается, и упадок сил после несостоявшихся родов пока не позволяет пускаться в дальнюю дорогу... Письмо, написанное дочкой Любой, было веселее. Во-первых, мама теперь дома, и всё встало на свои места. Учёба идёт успешно в обеих школах, в музыкальной даже разучила вальс «Амурские волны». Нарядили ёлку. Снега выпало много, в свободное время она запрягает Трезора в санки и катается по нашей улице. Но

и в этом письме проскальзывала грустная нотка: дочке не хотелось бы, чтобы мама уезжала так далеко.

Дважды перечитав письма, я понял, что о скором приезде жены и мечтать нечего. Да и приедет ли она вообще? На душе стало тяжело. Отправился в столовую, пообедал. На обратном пути у квартиры Буряченко встретил Машу. «Иван Иванович, зайдите к нам. Муж приехал с рудника, да ещё есть сюрприз», – сказала она и загадочно улыбнулась. Зайдя в квартиру, я увидел сидящего за столом человека лет сорока пяти, худощавого, с вытянутым лицом и редкими светлыми волосами на небольшой голове. Он показался мне невзрачным и угрюмым. Познакомились, он назвался Иваном Андреевичем, я тоже представился. «Значит, тёзки», – сказал хозяин и заулыбался. Мы разговорились, и чем дольше мы общались, тем больше он мне начинал нравиться. «Не такой уж он суровый, – подумал я. – А глаза хоть и маленькие, но весёлые».

Пока его жена готовила на стол, он вынес из другой комнаты корзинку с сюрпризом. В ней были два котёнка – серые, пушистые, с воздушным мехом. Я вопросительно посмотрел на Ивана: мол, и какая же здесь невидаль? Просто котята. А он, словно прочитав мои мысли, ошарашил меня новостью: «Это тигрята!».

Я даже отпрянул от корзинки, хотя котята выглядели совсем обычно и мирно играли лапками. Иван засмеялся, сказал, что этих бояться пока не надо, а вот их мать нагнала страху. И поведал такую историю.

В посёлке на их руднике давно заметили тигрицу, появляющуюся в окрестностях. Среди русских нашлись заядлые охотники. И хотя ружей ни у кого не было, решили просто узнать, где эта тигрица живёт. Много дней бродили по кустарникам и по редколесью, по нагромождению камней, и, наконец, выследили, куда она скрывается от людских глаз. Устроили засаду и караулили несколько вечеров, когда хозяйка выйдет на охоту. И однажды, убедившись, что тигрица ушла, они осторожно подобрались к месту её укрытия. И

увидели среди камней и кустарника гнездо, а в нём три тигрёнка. Забрали их и принесли в посёлок. «А утром, только взошло солнце, мы услышали рёв и увидели тигрицу, медленно шествующую по посёлку. Целую неделю она ходила около наших домов и нагоняла страх. Конечно же, никто не выходил из квартир, боялись, – признался Иван. – За своих детёнышей она могла наброситься и разорвать любого. Она, конечно, чувствовала, что её котята здесь. Но поревела, покучала и ушла куда-то в горы. Вот я и привёз двух из трёх котят». «Зачем же вы их взяли?» – спросил я. «А чёрт его знает, романтика! – засмеявшись, сказал мой собеседник. – Покормим, позабавляемся и отдадим их индийцам. Здесь есть такие дрессировщики, которые даже кобр заставляют танцевать, а уж этих зверей они быстро научат даже плясать и будут с ними ходить по базарам, зарабатывать рупии. Или сдадут в цирк».

Маша пригласила нас за стол. По русскому обычаю полагалось бы выпить по стопке-другой, но здесь «сухой» закон. Я был только что из столовой, поэтому от предложенного обеда отказался, только похрустел свежими огурчиками, которых давно уже не ел. Долго сидели за столом. Хозяева рассказали, что приехали из Украины, из Кривого Рога, здесь живут уже третий год, привыкли, уезжать не хочется, контракт продлили ещё на год. И мы договорились с Иваном в следующее воскресенье пойти на рыбалку, он знает места, где ловится хорошо.

Но на рыбалку в следующий выходной пойти не пришлось: была организована экскурсия на рудник Раджар, откуда Иван привёз тигрят.

Выехали рано утром на автобусе все пожелавшие из нашего городка, некоторые даже семьями. Автобус быстро мчался по добротному шоссе. Было даже удивительно: беднейшая страна, а такие прекрасные дороги – ни ямки, ни выбоины, поверхность блестит, как политая лаком. Если у нас летом в солнечные дни асфальт плавится и становится рыхлым уже при температуре 25 градусов, то у них и в боль-

шую жару он не плавится никогда; даже если плеснёшь воду на дорогу, – вода кипит, а асфальт не плавится.

Для меня это была первая поездка на большое расстояние, и в окно автобуса было интересно наблюдать деревушки, утопающие в зелени садов, и крестьянские поля, где полным ходом шла уборка риса. Вызывало удивление, как на небольшом клочке земли чуть ли не вплотную друг к другу полуголые женщины серпами сжинали злаки, складывали пучки в виде снопов, а мужчины, погоняя по ним волов взад-вперёд, молотили рис копытами этих животных. Или раскладывали равномерно снопы по току, выметенному и очищенному от мусора, и с помощью незамысловатого агрегата тоже вели молотьбу. Сделан этот агрегат был так: посредине тока забит толстый кол, к нему привязана длинная оглобля, а к ней в ряд – три-четыре быка или буйвола; мужчина-погонщик бичом или прутом слегка хлестал животных, и они, шествуя в ряд, своими копытами вымолачивали рис.

На одних полях шла жатва, на других – пахота. Причем так же, как это делали и сто лет назад, и тысячу. На быках или буйволах деревянной сохой. Мы, наблюдая за происходящим, будто окунулись в глубину веков, в годы древней жизни. Настолько всё примитивно, и требует так много затрат человеческого труда, да ещё и в такой непомерной жаре! Становилось понятно, почему народ этой страны так мало живёт. Если японцы и американцы в среднем – 70 лет и более, то индийцы – не более 30 лет.

Автобус обгонял повозки, нагруженные мешками, соломой, и велосипедистов, которые тоже везли разные грузы на багажниках и рамах. Наконец, приехали на место экскурсии – рудник Дхалли Раджар. Но что это за рудник? Среди других гор – еще одна ничем не примечательная гора, у подножия стоит экскаватор «Ковровец», захватывает ковшем руду прямо из карьера и грузит в вагоны, которые стоят тут же на железнодорожных путях. В моём представлении было, что рудник – это нечто грандиозное, с шахтой, терриконом,

подъёмными механизмами, мощными электроустановками. Но моё разочарование перешло в восхищение, когда экскурсовод – начальник рудника рассказал о своём хозяйстве. Оказывается, природа или господь бог наделил эту страну таким богатством, которое можно встретить только здесь или в сказках. Это не что иное, как железная гора. Даже не руда, а настоящий чугун с содержанием железа 60 процентов и выше, а фракции или кусочки как будто прошли через специальное решето – в аккурат такие, какие должны загружаться в доменную печь. Не надо ни спекать, как это делается у нас на аглофабриках, ни дробить. Я взял два рудных камня, ударил друг о друга – и они зазвенели, как чистый чугун. Экскурсовод, увидев, как я прислушиваюсь к мелодии, издаваемой камнями, сказал: «А вы посмотрите их в изломе». И подал мне кусок с отбитым краем, где заметна была однородная масса металла. Нам, металлургам, увидеть такое было особенно удивительно.

Поднялись на гору почти по сплошному металлу: неросло здесь хоть какого-то дернового слоя, лишь местами пробивалась чахлая травка. Начальник рудника подозвал нас к отверстию, проделанному в массиве горы. «Это скважина, которую бурили наши геологоразведчики, – объяснил он. – Пробурили 500 метров, и дальше не стали: на всей глубине однородный металл. Этих залежей для переработки на бхилайских домнах хватит на сотни лет, ведь мы каждый год отправляем всего полтора миллиона тонн... Я вас хочу предостеречь: здесь обитают опасные змеи; длиной в два карандаша, а укус смертельный сразу, они и называются минутками. До меня здесь руководил наш советский специалист; однажды он проводил экскурсию нашим соотечественникам. Показывая скважину, сунул в неё палец, и его укусила эта коварная змейка, отчего он сразу же умер».

На столь трагической ноте и закончилось наше знакомство с этой удивительной горой. Спускаясь вниз, я подумал: «Таким богатством обладает этот народ! Если у нас руда добывается в неимоверно трудных условиях в глубо-

ких шахтах, сырых и холодных, с содержанием железа в два-три раза меньше, а потом ещё проходит дорогостоящую обработку (обогащение, дробление, спекание), то здесь она дармовая – насыпай в вагон экскаватором да вези на завод. Наши советские металлурги додумались бы, как восстанавливать железо из такой руды, минуя доменные печи».

Спустившись вниз, мы очутились в посёлке, где жили наши специалисты, работающие на руднике. Вдоль широкой улицы расположено десятка два домов, вокруг никакой растительности, голо и невзрачно. «Так вот где прохаживалась тигрица, наводя страх на жителей», – подумал я.

Отъехали пару километров от селения и увидели большое озеро. А так как солнце уже прижаривало основательно, и даже в тени было плюс 35 градусов, мы решили искупаться. Разделись и... залюбовались. По водной глади величаво плыли пеликаны и дикие гуси. Совершенно не боясь людей, подплыли к самому берегу, посмотрели на нас с надеждой: вдруг что-нибудь перепадёт? Но, поняв, что мы не собираемся их кормить, поплыли дальше вдоль берега. Вдруг мы услышали крик: «Смотрите! Посмотрите! Вот рыбаки похлеще нас!» Мы повернули головы в ту сторону и увидели, как один пеликан из плывущей стаи, нырнув, выхватил из глубины большую рыбку и держит её поперёк клюва. Через секунду, подбросив её и раскрыв свой огромный клюв, пеликан поймал рыбу на лету и заглотил целиком. Потом то же проделала и вторая птица, словно демонстрируя нам: «Если вы не смогли накормить нас, так учитеесь, как добывать пищу от природы». Третий пеликан, настоящий виртуоз, тоже выхватил из воды добычу, подбросил её высоко в воздух, и рыба будто сама влетела головой вниз в широко раскрытый клюв.

Вода в озере была чистая и прохладная, но купались мы с опаской: как бы не укусила водяная змея. Хотя индийцы говорили, что в воде они не кусаются, да и не ядовитые, но от одного их вида бросает в дрожь!

Освежившись прохладной бодрящей водой озера, мы отправились в обратный путь. Снова вдоль дороги тянулись

поля, золотистые от созревшего риса. Издалека заметили, как в одном месте работают люди, но в каком-то беспорядке, неестественно прыгая в середине поля. Подъехали ближе и увидели вместо людей стаю обезьян, жадно уплетающих рис, а один индиец, скорее всего – хозяин поля, бегает по меже и бьёт колотушкой по железной посудине, пытается их отпугнуть.

Мы остановились, вышли из автобуса, наблюдаем. Обезьяны с одного края поля перебегают на середину, а потом на другой конец, топчут посев. У крестьянина, видно, силы уже на исходе, да ещё солнце палит; он остановился и смотрит на нас угрюмым взглядом, вот-вот заплачет от беспомощности и от того, что прямо на глазах непрошенные гости пожирают его урожай. Недолго думая, мы подбежали к полю, а потом со свистом и гиканьем помчались по межам в сторону стаи. Обезьяны, увидев наступающую грозную силу, – подобных себе, только ещё не обросших шерстью, – сначала отступили после трубного сигнала вожака, а потом большими прыжками, задрвав хвосты, покинули поле и скрылись в кустарнике.

Хозяин-индеец, загорелый до цвета обожжённого кирпича, тощий, как скелет, подошёл к нам, поприветствовал и что-то сказал. Среди нас был переводчик с английского, знавший немного и по хинди. Он перевёл слова этого бедолаги. Индеец поблагодарил нас за помощь: если бы не мы, то обезьяны всё поле бы поели и потоптали, а у него семья 17 человек, и вся надежда только на этот клочок посева; если его лишиться, все умрут с голода. Мы поехали дальше, а он стоял на обочине дороги, высохший, как мумия, его чёрно-коричневая кожа блестела на жаре и, казалось, вот-вот начнёт плавиться под палящими лучами солнца.

Приехали в свой городок уже под вечер. Зашёл я в квартиру, а там кондиционер работает, струя холодного воздуха приятно ласкает. Сел в плетёное кресло и блаженствую, даже глаза начали слипаться. Вдруг открывается дверь, заходит Иван Андреевич и сразу влепляет мне выговор: «Ну

что, предатель?! Договорились на рыбалку, а укатил на рудник! У меня весь день пропал в ожидании». Когда его обидела улеглась, договорились сходить на рыбалку в следующее воскресенье. «А сейчас пойдём к нам, Маша приготовила обед и послала за тобой», – сказал Буряченко. Я сказал, что уже собрался в столовую. «Тебе что, не надоела индийская еда – переперченная, переваренная? А тут настоящий украинский борщ со свежей бараниной, и жена готовит его по высшему классу». Я вспомнил, какие борщи готовила моя хохлушка Маруся, и сразу аппетит разыгрался. Я согласился и потом не пожалел. Маша действительно оказалась отменным кулинаром. Накормила вкусным настоящим борщом с буряками и настоящей сметаной, которую сама сделала (ни квашеной капусты, ни сметаны в Индии не купишь, всё продаётся только в свежем виде). Хозяйка порхала от кухни до стола, подливая нам добавки, и мы хвалили её, не жалея добрых слов.

После празднования Нового года и экскурсии на рудник потянулись однообразные дни. Работа сменялась домашними делами, поливкой сада и клумбы, на которой огромной шапкой цвели красные герани, на папайе уже начали вырисовываться зелёные плоды. Когда жизнь в посёлке затихала и все готовились ко сну, я нередко открывал фотолабораторию, проявлял плёнки и печатал карточки, а со мной вместе просиживал до полуночи соседский мальчик Коля. Мне с ним было весело, особенно забавно было наблюдать за удивлением в его глазах, когда на бумаге появлялось изображение.

Однажды в середине января, приехав на завод, мы обнаружили, что цех стоит, хотя должен был работать на полную мощность. Прошли по стану индийцев – ни души. Не можем понять, что случилось. Зашли на склад готовой продукции и увидели странную картину. На вычищенном до блеска полу сидел весь персонал цеха, чуть поодаль расположились группой ИТР. Перед ними стоял украшенный гирляндами цветов алтарь, на нём – изображение какого-то бога и скульп-

тура. У алтаря сидел священник и произносил молитву. И тут же, немного в стороне, висел крюк мостового крана, опущенный почти до пола и тоже украшенный венком из цветов. Все люди сидели со сложенными перед грудью ладонями и устремлённым на алтарь взором. Вокруг тишина, слышен только негромкий протяжный голос священника.

Мы растерянно смотрели на происходящее и не знали, как поступить. Наконец к Буйглишвили подошёл инженер-прокатчик Шастри и, чтобы не нарушать всеобщую тишину, объяснил вполголоса: «Сегодня у нас праздник Бога труда и День инструмента, если желаете принять участие, садитесь с нами и делайте то же, что и мы». Нам было интересно, какие обряды у них в этот праздник, и мы сели на металлический пол рядом с индийскими инженерами. Священник монотонно читал какую-то проповедь, все повторяли его последние слова, делали руками «намасте» и кланялись (мы только мычали и кланялись). Инженеры Кудва и Трипати следили за костром, горевшим неподалёку от жреца, время от времени подбрасывая в него сухие ветки. От лёгкого дыма исходил приятный аромат сандалового дерева. Длинноволосый плотный священник с перекинутым через плечо жгутом из ткани читал так же, как в наших церквях попы читают Евангелие. Тот же речитатив, те же распевы, те же интонации. По окончании службы жрец окропил водой и посыпал рисом крюк крана и гору инструмента, принесённого рабочими и сложенного у алтаря; потом окропил нас всех. Нам, русским, навесили гирлянды цветов на шею, а столовские работники разнесли всем бананы и мандарины, после чего все разошлись по своим местам. С главного поста управления прозвучала сирена о запуске цеха.

Когда уже началась прокатка, механики пришли ко мне в кабинет, и я попросил Цибала рассказать о сегодняшнем празднике. «У нас теперь богов много, одни отмирают, другие нарождаются вновь, – начал Цибал. – У наших предков была незыблемая вера в богинь-покровительниц. Она передавалась от поколений к поколениям без изменений. Слово

«мать» прибавлялось к имени каждой богини, а таких богинь столько, сколько деревень на индийской земле. Богини рек, прудов и колодцев, богини дорог и перекрёстков, богини болезней и страхов, богини угрожающие и благие, милостивые и карающие царили в душах людей и в храмах, требуя безоговорочной веры, почитания и жертвоприношения. В жертву богам резали перед алтарём петухов и козлят. Наши люди слепо верят в жрецов и молитвы, в мистическую силу, которая помогает преодолевать жизненные препятствия или даже болезни. Основная религия у нас – индуизм, самый сложный религиозно-философский социальный комплекс. Это соединение самых разных вероучений. Каждая группа людей, даже каждый человек может почерпнуть для себя то, что соответствует их укладу жизни. Религия формирует и национальную культуру народа, семьи. Вот, например, отношение индийцев к животным. Вы нигде не почувствуете, что у зверей, птиц и даже насекомых другие права на жизнь, чем у человека. Убить или не убить муху или муравья – это для индийца не проблема. Существует один всем известный ответ: не убивать! Жизнь священна во всех её проявлениях. Есть в этом вопросе только два мнения или течения. Одно – убивать только ради пищи или жертвы богам; другое – не убивать ни для пищи, ни для жертвы. У нас вы не увидите, чтобы дети мучили животных или давили насекомых. Животно-насекомо-птичий мир живёт полнокровной жизнью рядом с людьми и вокруг людей, не испытывая перед ними страха. И в целом это очень украшает жизнь».

Тут я вспомнил крестьянина, изгоняющего со своего поля обезьян. Он даже не ударил прутом ни одну из них. Довелось бы нам такое испытать – уничтожение своих посевов – мы бы сразу этих обезьян перебили. А здесь религия всеильна и закон предков – нерушим.

«И вот теперь появился у нас новый бог труда и инструмента, – продолжал Цибал. – Жрец освятил цех, и мы все молились за процветание этого нового на нашей земле и за ваши успехи и благополучие. Благодарили бога за чудо, которое вы создали для нас».

Как только Цибал вышел из кабинета, раздался телефонный звонок. Из отдела кадров сообщили, что приезжает моя жена, она уже в Дели. «А завтра будет здесь, так что встречайте».

Я был так обрадован, что сразу побежал сообщить эту новость самому близкому мне человеку – Рафаилу Буйглишвили. В кабинете его не оказалось, я направился в цех. По дороге встретилась переводчица Валентина Жукова, она не знала, где начальник, но обратила внимание на моё необычное состояние и спросила: «Что, приезжает жена?». Я ответил утвердительно. И пока нашёл Буйглишвили, весь цех уже знал, что и я наконец-то дождался. Рафаил был искренне рад за меня, хотя я высказал своё сомнение, ведь в письмах из дома Маруся сообщала, что ещё не оформляла выездных документов, и вдруг приезжает, такого не бывает. «В нашем бедламе всё бывает, – сказал мой начальник. – После обеда в цех не приезжай, готовься к встрече».

По дороге в «Бхилай Хаус» в автобусе все поздравляли меня с приездом супруги, завидовали. Я вяло отвечал, потому что сомнения сверлили душу. Приехал домой, пообедал в столовой, по возвращении увидел около нашего блока боя – мальчика-индийца, который всегда убирал в моей квартире. Позвал его и сказал, что приезжает моя леди, надо всё протереть и перемыть ещё раз, хотя он уже делал уборку утром. Дал ему бакшиш – рупию, а сам пошёл по магазинам кое-что купить для встречи. Когда вернулся с покупками, в квартире всё было убрано, а в вазе стояли красивые цветы. Мальчик-индеец оказался более догадлив, чем я: нарвал с моей клумбы и с ещё чьих-то роскошный букет. Я разложил ананасы на кондиционер и полку для книг, а бананы и мандарины – в вазу на столе.

Почти всю ночь не смыкал глаз, то и дело смотрел на часы, а время будто остановилось. Мысли одна перегоняла другую, заполняли голову, и так хотелось рассказать Марусе всё, что пережил за эти долгие пять месяцев... Встал, погладил брюки и рубашку, хотя они и так были отутюжены,

но надо было убить время, ведь поезд из Нагпура прибывал только в 11.30. В семь часов пришла Лиза за посудой и чайником, посидела, порадовалась вместе со мной, предложила приготовить что-нибудь к встрече. Я сказал, что ничего не надо, да встречи может и не быть, я чувствовал здесь какой-то подвох. Подошло время, я взял такси (они постоянно дежурили у ворот нашего городка) и поехал на железнодорожную станцию Дург.

К станции приближался поезд, а у меня сердце колотилось так, будто ему тесно в груди. Поезд остановился, я прошёл вдоль состава раз, другой. Все пассажиры уже давно вышли из вагонов и разбрелись, а я одиноко стоял на платформе в ожидании чуда, но чуда не произошло. Огорчённый, сел опять в такси и поехал прямо на завод. Пришёл в отдел кадров. Начальник, увидев меня, начал извиняться за ошибку. А я был озлоблен и наговорил ему всяких дерзостей. Он терпеливо выслушал и объяснил причину недопонимания. Оказалось, когда звонили из Дели, была плохая слышимость по телефону, и в его отделе перепутали фамилию. На самом деле речь шла о другом нашем специалисте. Тот, пробыв за границей полтора года, уже собирался домой из-за окончания контракта и перестал ожидать жену. А кадровики не расслышали по телефону, к кому едет жена, и посчитали, что ко мне, так как всё начальство вплоть до посла было озабочено этим приездом. Конечно, меня не очень-то разжалобило такое оправдание, и на прощание я сказал: «Если жена не приедет в течение мая месяца, то с первого июня не выхожу на работу. Об этом я заявлю и директору завода в очередной приём».

В моём присутствии была послана телеграмма в Москву с требованием ускорить прибытие Рогинцевой Марии Васильевны. Но я уже потерял веру во всякие звонки послу и телеграммы. И если бы не визит на завод Председателя Совета министров СССР, то наверняка еще долго пришлось бы мне ждать свою благоверную. Косыгин приехал через неделю и как исключительно деловой и обязательный человек расставил все точки над «i».

ПРИЕЗД КОСЫГИНА И ЗЫКИНОЙ

Встречало его индийское правительство и руководство завода довольно сдержанно, а почему так, нам не ведомо. Если ждали какого-либо босса из индийского правительства, американского или английского, то накануне в цехе мели, скребли и подкрашивали. За сутки или двое спецорганы приезжали на джипах, осматривали все тёмные уголки и выставляли караул с автоматами по всему периметру цеха. А перед самым визитом подкатывали военные машины, из них важно выходили чины с большими звёздами на погонах, а из-под тента грузовиков выпрыгивали с трубами музыканты духового оркестра, выстраивались и играли торжественный марш или гимн, встречая высокого гостя.

При приезде Косыгина ничего этого не было. Встретили скромно – так же, какой и сам он человек. Подъехало к цеху несколько лимузинов, вышли из них люди, в том числе Алексей Николаевич – просто одетый, щупленький, с добрым лицом и пронизательными глазами. Мы стояли в ряд перед входом, он пожал нам руки и вместе с сопровождающими (я заметил посла Бенедиктова, управляющего Тяжпромэкспортом Скачкова, советского директора завода Гончаренко и индийского Шриваставу) отправился внутрь цеха, где полным ходом шла прокатка.

Мы тоже прошли в конце этой процессии. Рафаил, шедший рядом со мной, очень переживал и шептал: «Хоть бы пронесло, хоть бы ничего не случилось, хоть бы катали без сбоев». Руководитель нашей страны со свитой зашёл на мостик, откуда хорошо был виден весь процесс. Сначала раскалённые полосы металла на скорости с грохотом влетали в прокатные клетки, уменьшались в сечении и удлинялись, потом появлялись с противоположной стороны, извиваясь, как огненные змеи, и снова врезались в клетку, формируя профиль железнодорожных рельсов.

Поскольку не было ни военных часовых, ни простых полицейских, собравшаяся толпа индийских ротозеев плотно

стояла вдоль раскатного поля. Изумлённые, с широко раскрытыми глазами, они шарахались из стороны в сторону, с ужасом и необъяснимым азартом наблюдали за раскалённой полосой металла. В диком возбуждении некоторые забегали прямо на раскатное поле, обжигая босые ноги о настил, с криком и визгом мгновенно спрыгивали в сторону, испытывая страшную боль от ожогов, но, несмотря на это, лезли на настил другие. Так же, как и в приезд премьер-министра Индии Неру, забирались на подкрановые пути и стропильные фермы, чтобы лучше рассмотреть главу советского правительства.

Мы, руководители цеха, следовали за своим вождём почти рядом. По случаю приезда Косыгина я захватил с собой «Киев» с полностью заряженной плёнкой и старался незаметно выхватить интересный кадр. Сопровождая Алексея Николаевича, мы слышали, какими вопросами интересовался он в разговоре с индийским руководством. Конкретно, лаконично формулировал и так же со знанием дела отвечал индийцам. В цеху внимательно всё рассматривал, вникая в технологический процесс.

Я старался не упустить интересного мгновения, щёлкал затвором и снова высматривал интересную позицию. При выходе из цеха я выскользнул из процессии, забежал вперёд на несколько метров, присел на корточки и навёл объектив на Косыгина. Он был уже близко, и я щёлкнул затвором. В этот момент он злобно глянул на меня, а потом по сторонам – на идущих рядом посла и директора завода. «Почему не уберут отсюда эту братию, которая мне уже надоела», – говорил весь его вид.

Это был мой последний снимок премьер-министра. Я не хотел быть настолько назойливым и нахальным, чтобы меня удалили с такого важного события. Я снова влился в группу сопровождения поближе к высокому гостю, надеясь услышать, о чём будет говорить этот авторитетнейший руководитель страны.

На складе готовой продукции он увидел огромные штабеля произведённого проката: балок, швеллеров, рельсов.

Спросил у индийского директора завода Шриваставы: «Почему столько проката лежит мёртвым капиталом?». Тот обстоятельно, как и все индийцы, ответил: «Никто не покупает внутри страны, нам по контракту прокатную продукцию поставляет Япония на 400 миллионов рупий». – «Вам проще покупать в Японии, чем использовать свою?» – спросил Косыгин. – «Нет, конечно, но мы не можем расторгнуть контракт, у нас в правительстве коррупция», – ответил индийский директор. – «Тогда продайте нам», – сказал Косыгин. – «Я не уполномочен решать такие вопросы», – замылся Шривастава.

Слово «коррупция» из их разговора мне особенно врезалось в память, да ещё «лоббирование». Тогда я не понимал их значения. Только теперь, через много лет, когда и у нас повсюду – от верховной власти до нижних чиновников – правит «дикий капитализм» с лозунгом «всё на продажу», смысл этих слов стал мне понятен...

Вечером в главном офисе завода состоялось совещание с участием премьер-министра Косыгина, где присутствовало только советское руководство предприятия. Разговор шёл начистоту и довольно откровенный. Косыгин коротко рассказал о положении в нашей стране, а потом пояснил цель своего приезда. Она заключалась в том, что индийское правительство просит дополнительный кредит для развития Бхилайского завода. «Товарищ Буйглишвили, когда будет достигнута проектная производительность рельсобалочного цеха?» – спросил Председатель Совета министров. – «Я думаю, через год, как записано в контракте», – ответил Рафаил. – «Индийская сторона просит оставить советских специалистов до двух лет, а некоторые специальности – до трёх, – сообщил Косыгин. – Так что о скором возвращении домой не мечтайте».

Потом он выслушал наши предложения и просьбы, и одним из главных, конечно, был вопрос приезда жён. Глава правительства сразу дал задание руководителю Тяжпромэкспорта Скачкову обеспечить этот приезд не позднее июня 1961 года. И еще раз поблагодарил нас за хорошую работу.

Вечером я ехал домой, а душе пела. И не только оттого, что нам твёрдо было обещано решение казалось бы неразрешимой проблемы с приездом жён. Меня глубоко взволновало то, как этот человек, в моих глазах – великий человек, обладающий даром аналитического мышления экономиста и государственного деятеля, смог увидеть главное. Он вселил в нас уверенность и в отношении работы, и обычной повседневной жизни.

Март принёс с собой усиление жары, даже в тени столбик термометра подбирался к отметке 40 градусов. И хотя дышать прогретым воздухом было легко, пот начинал струиться по груди и спине, заливал глаза. Даже лёгкая ситцевая рубашка становилась мокрой, хоть выжимай. Постоянно хотелось пить. Наш доктор, зазывая в медпункт чуть ли не каждого, проводил беседы о том, как сохранить здоровье с наступлением жары, и главный упор делал на воду. «Пейте как можно больше и чаще, – говорил он, – иначе можете разделить судьбу специалистов, у которых отказали почки, и они уже отправились в мир иной». И называл фамилии для еще большего устрашения. Мы, конечно, старались, пили, но вода не задерживалась, сразу выделялась через кожу, не доходя до почек. «И это ещё цветочки, – предупреждали нас старожилы. – Подойдёт май – вот тогда будут ягодки: в тени бывает до плюс пятидесяти!»

С правительственной делегацией приехала в Индию и народная артистка СССР Людмила Зыкина, прославленная на весь мир певица. Обладая мощным красивым голосом и особой душевностью исполнения, по популярности она была в одном ряду с Шаляпиным. А ещё шла молва, что у неё любовная связь с Косыгиным, потому-то и её нынешний приезд не случаен.

На заводе и в городе Зыкина дала два концерта. Выступления проходили на открытой эстраде при огромном стечении народа. Это было поразительно: какое «радио» сообщило индийцам о предстоящем событии, откуда жители деревень, посёлков, все бездомные и бродячие узнали о нём

и стали стекаться со всех сторон сотнями тысяч? И теперь на концерты собралось целое людское море. А насколько нравились местным зрителям выступления Зыкиной, можно было судить по реакции индийцев. После исполнения каждой песни – гром аплодисментов, восторженный свист и выкрики. В общем, высшее признание и восхищение чудным голосом нашей артистки, особенно когда она исполняла индийские песни на их родном языке. Публика неистовствовала!

Мне посчастливилось быть на одном из концертов, и я запомнил его в мельчайших деталях. Погода стояла тихая, тёплая. Всего шесть часов вечера, а солнце уже скрылось за горизонт, только на западном склоне неба еще горели розовые, оранжевые блики заката. Над стадионом зажглись прожекторы. Шум, гам многотысячной толпы зрителей вдруг смолк. На эстраде появился конферансье, и кто бы мог подумать, что наш Боря Ерошкин, известный разве что как ярый ловелас, обладает еще и даром ведущего?

Среди всех советских специалистов он сразу выделялся комплекцией, был высок и широк в плечах. Но слегка маляхольная физиономия с тоже крупными и грубыми чертами сводила на нет все его остальные достоинства. Работал он электриком прокатного стана-350. Специалистом был неплохим, однако его не всегда ответственное поведение и лёгкость в суждениях у многих вызывали недоверие. И в целом его воспринимали как не слишком далёкого, пустоватого балагура. И вот теперь он вышел на помост эстрады в сопровождении маленькой и щупленькой Саша Чаплиной – переводчицы нашего цеха. «Народная артистка Советского Союза Людмила Зыкина!» – громко и торжественно объявил Боря по микрофону. То же самое Саша повторила на английском языке. И стадион взорвался аплодисментами.

На сцену вышла высокая стройная женщина. Передвигаясь величаво, как английская королева, приблизилась почти к самой кромке помоста и поклонилась на три стороны громадного стадиона. Одета она была в старинный русский наряд – цветной сарафан и накидку.

Увидел я Зыкину впервые, но песни в её исполнении слышал много раз. Меня поразило её лицо: чисто русское, красивое, с большими весёлыми глазами. Густые чёрные брови вразлёт, а на голове копна волос – тоже чёрная и волнистая. У меня аж дыхание перехватило от нахлынувшего чувства к этой женщине, хотелось воскликнуть: «Вот она – наша русская красавица, описанная в стихах Некрасова! Эта действительно и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт!».

Стадион затих. Послышалась музыка двух сопровождавших Зыкину баянистов, а потом и её чарующий голос: «Издалека долго течёт река Волга...» Голос нарастал, в него вливалась такая душевная сила, которая буквально завораживала многотысячную массу народа. Все сидели, как загипнотизированные. А над стадионом плыла русская песня с волнующими словами: «Течёт моя Волга, а мне уж тридцать лет...»

Я очнулся от грома аплодисментов. Мощное рукоплескание перешло в свист – так индийцы выражают особое восхищение увиденным или услышанным. Конечно, они не понимали смысла слов этой песни, их подкупала душевность её исполнения, чистый мощный голос и то, что исходили эти звуки из уст прекрасной женщины.

Овации не смолкали. Наконец конференсье Ерошкин не выдержал, поднял обе руки, призывая к тишине, но зрители продолжали аплодировать. Тогда он крикнул: «Да хватит вам, турки неотёсанные!» И то ли эти его слова подействовали (хотя вряд ли, их слышали только сидящие в первых рядах, где находился и я), то ли просто все уже отбили себе ладони. Когда всё стихло, Боря объявил: «Рамаяна – индийская народная песня». Саша перевела его слова на английский, и опять долго продолжались рукоплескания – до тех пор, пока артистка не запела. Индийцы были поражены: русская женщина на хинди поёт их песню, да ещё как! Мощно, красиво, уверенно выводя тонкие нюансы их древнего фольклора!

Как только Зыкина кончила петь, люди встали и опять громко аплодировали, свистели, оглушая всех вокруг. Вдруг стадион осветился фейерверком, от взлетающих с хлопками ракет разлетались разноцветным дождём яркие звёздочки, сыпались на зрителей. Концерт завершился, но восторженные индийцы вызывали певицу на бис еще несколько раз.

Потом Зыкина выступала в Бхилайском университете, пела для учителей и врачей города в культурном центре, остальное время проводила в обществе наших женщин. В городке «Бхилай Хаус» певица прожила три дня. Для организации встреч с русскими и индийцами, сопровождения Людмилы на концерты выделили того самого инженера-электрика Ерошкина, что выступал в качестве конференсье. А этот хлюст решил приударить за ней, причём неприкрыто и грубо. В один из вечеров, сидя с нашими женщинами на лужайке перед жильём, певица рассказала им о навязчивом приставании Бори. Я узнал об этом от соседки Лизы: она присутствовала при том моменте, когда оскорблённая Людмила жаловалась на прохвоста.

Утром на работе я спросил у Ерошкина: «Ну как, Боря, твои амурные дела?». Он захохотал и без тени смущения признался: «Отшила!». Чтобы наказать его за самодовольство и подпортить настроение, я сказал: «Ты не очень-то улыбайся, она собирается пожаловаться Косыгину». Боря, кажется, серьёзно струхнул, ухмылка исчезла с его лица, и от меня он пошёл с угрюмым видом – таким я его увидел впервые за всё время.

ЖАРКОЕ ВРЕМЯ

А вообще после приезда Косыгина настроение у всех поднялось. У части специалистов срок пребывания в Индии по контракту составлял четыре, шесть месяцев, и он уже подходил к концу, а уезжать не хотелось. Ведь на Родине такая зарплата, как у нас здесь, была разве только у директоров крупных заводов да министров, а питались и одевались мы и того лучше. Конечно, работать было непросто, но игра стоила свеч, и мы мирились со всеми трудностями. Физически особенно угнетала жара, и мы готовились к ещё большей, которая приходится на апрель, май и июнь. А местный персонал порой и вовсе доводил до белого каления...

Однажды меня срочно вызвали на печь. Пришёл на механизм загрузки, а там скопище народа. Механики, рабочие, как всегда, кричали и размахивали руками. При виде нас с начальником Буйглишвили все притихли, смотрят виновато. И было отчего. Открывшаяся картина повергла нас в шок. Прямые, как стрелы, мощные штанги толкателя сейчас были изогнуты и напоминали горб верблюда. «Что же они натворили! – только и смог произнести Рафаил. – И как они еще всю печь не развалили...» А в это время оператор, учинивший эту грандиозную аварию, забрался на горб изогнутой штанги, хохотал, скаля зубы, и что-то возбуждённо твердил на непонятном нам языке. Я спросил механика цеха Кудву, чему радуется этот подонок. Кудва сказал: «Он гордится, какой он сильный, что смог погнуть такие штанги». Я не выдержал и говорю: «Если бы такое сотворил наш оператор, да еще радовался, то точно получил бы по зубам». Кудва, не раздумывая, подозвал этого аварийщика и дал такого пинка под зад, что тот улетел в толпу зевак. Больше мы этого «Геракла» в цехе не видели, но легче нам от этого не стало, последствия аварии были слишком велики.

Буйглишвили приказал разжигать резервную печь. Работа эта непростая, требует большого времени и кропотливого труда целого коллектива. Горбатые штанги снимали целый

день, механики не могли сообразить, где и как выправить эти махины весом по пять тонн каждая. Одну отправили в кузнечный цех завода, с ней возились полмесяца, другую я с бригадой слесарей выправил за два часа с помощью стотонного крана с грузом в 90 тонн. Для индийских специалистов это было чудо, событие номер два. (Первое было, когда я сделал ремонт на горячих стеллажах за полтора дня вместо двух месяцев). Они даже не предполагали, что достигнуть нужного результата можно таким простым способом. Механики, которых я обучал, были в восторге, хвалились талантом своих русских специалистов перед коллегами из других цехов. Через полмесяца из кузницы привезли вторую штангу. Там над ней долго колдовали, но она всё равно осталась кривой. Мне с бригадой слесарей пришлось и её поправлять.

После этого события позвонил мне главный механик завода Сергеев: «Говорят, что ты какие-то чудеса там делаешь. Пришёл бы рассказал, давно не виделись, да и земляки всё же». Я решил навестить его. Друг друга мы знали еще с КМК, где работали в соседних цехах: Василий Васильевич на листостане, а я в рельсобалочном. Отдел главного механика Бхилайского завода находился в полукилометре от нашего цеха. На улице стояла неимоверная жара. Пока дошёл до здания ОГМ, шляпа у меня на голове начала плавиться, полы обвисли на уши, пот заливал глаза. Наконец вошёл в вестибюль, начал вытирать лицо.

В кабинете Сергеев обнял меня, усадил в кресло. «Ну, как дела? – спросил Василий Васильевич. – О тебе среди механиков завода идёт такая молва – диву даёшься. Только и слышно: мистер Рогинцев то сделал, другое. В общем, хвалят тебя. А как здесь вообще в Индии, привыкаешь?» – «Да, хотя и трудновато, и скучновато. Скоро волком завою, глядя, как большинство живут семьями, а я только созерцаю да жду письма из дома». – «А часто пишут?» – спросил Сергеев. – «Пишут-то часто, да получаю редко, ты же знаешь, как ходит почта. Иной месяц ни одного письма, а в другой

до десятка приходит. Вот читаю да перечитываю, одна радость». Потом поговорили о перспективах дальнейшей работы в Индии. «Уезжать не хочется, – признался Василий Васильевич. – Не знаю, продлит ли индийское правительство контракт на четвёртый год. Хотелось бы машину купить, но Зина против, у нас же есть «Москвич». – «А я жду свою Машу, и если всё будет благополучно, то будем стремиться купить «Волгу», хотя тоже есть «Москвич». Пожелав друг другу успеха, мы расстались с глубоким взаимным уважением.

В службе механиков завода чувствовался прогресс. Инженеры, которые учились в Советском Союзе и хорошо знали русский язык, технически и в практической работе росли на глазах. Система в работе, которую я насаждал с великим трудом, начала восприниматься как производственная необходимость. Даже такие механики, как Бапат и Апарао начали подавать надежды.

Бапат – высокий, грузный, как Атлант, с тёмно-серым лицом, внешне выражающим глубокомыслие и даже незаурядный ум, был на самом деле человеком слабо соображающим и безвольным. Голова у него была без волосяного покрова, глаза – красные, как у рыбы, и зубы такого же цвета от постоянного жевания пана. Всю смену он ходил по цеху и плевался по сторонам красной слюной. Из-за этого наркотика вёл себя отчуждённо и странно. А его познания в качестве инженера-механика не превышали уровня ликбеза. Таким же по квалификации и развитию был и Апарао, но, в отличие от Бапата, он не употреблял наркотика и ростом был вдвое ниже. Я с этими горе-специалистами часто заходил в тупик и никакими методами не мог их расшевелить. Они постоянно выводили меня из состояния равновесия. Но у них были толковые бригадиры, которые и тянули всю работу.

Хуже дело обстояло у технологов, хотя Лёва Пастухов отдавал всего себя, чтобы научить их работать. Да и Рафаил Буйглишвили в одной с ним упряжке прилагал все силы, но улучшение шло медленно. Рабочие и инженеры были беза-

лаберны, особенно операторы, в разгар прокатки они могли покинуть пост управления, в результате чего цех останавливался, в клетях стыл металл. Они ссылались на то, что в сильную жару работать не могут. Мы же, русские люди, никогда не видевшие такой жары, как здесь, оказались ответственной и закалённой. Обливаясь потом, разбуривали клетки, прыгая по раскалённому полю, как рыба на сковородке.

Однажды я купил себе отличные туфли лучшей индийской фирмы: сами светло-коричневые, блестят, а подошвы белые, толстые. Надел их первый раз на работу, и случилась именно такая ситуация, когда в пик жары операторы сбежали с поста, забуривав металл в клетях. Я зашёл на раскатное поле, чтобы помочь Пастухову в устранении аварии. И вдруг почувствовал, что плыву. Поглядев на туфли, я оторопел: подошвы плавятся и уже прижигают подошвы ног. Прыгая по раскалённым плитам, как заяц, я наконец оказался на холодном полу. Осмотрел свои новые модельные туфли, и так мне стало досадно! В одно мгновение они превратились в бесформенные обутки, хорошо хоть, что ноги не подпалили.

Плохая работа технологов сдерживала наращивание производства, но еще более серьёзным препятствием была конкурентная борьба между частным капиталом и государственным сектором – социалистическим (именно к социализму стремилась тогда Индия, взяв ориентацию на Советский Союз). В управлении завода, да и среди руководства цехов было немало индийских специалистов, которые тормозили работу предприятия либо вообще срывали её. Одной из главных причин такого саботажа была финансовая. Ведь если рельсобалочный цех достигнет проектной мощности, Индии придётся выплачивать стоимость этого громадного производства, возвращать многомиллионные кредиты...

Мы эту скрытую политику чувствовали, но явно с ней столкнулись, увидели в реальном проявлении только при освоении нового профиля «шпала». Дело в том, что в Индии нет дерева для железнодорожных шпал, их делают металлическими в виде корыта и заливают бетоном. Такие шпа-

лы и предложили прокатывать нам. До этого их поставлял для страны частный завод, которым владел капиталист Тата. Профиль этот очень трудоёмкий, а следовательно, и затрат требует много. Вот Тата и решил его сбавить на наш завод. А поскольку сторонников этого капиталиста в Бхилаи было много, его план сработал.

Получив задание на прокатку такого профиля, Буйглишвили собрал всех, кто должен был осуществлять этот проект: калибровщика Прокопьева, начальника ВТЦ Пряхина, технолога Пастухова и меня. Долго обсуждали, начальник цеха высказывал сомнение, ведь неспроста же нам подсунили такой профиль, да его и в контракте не было. Более того, для него не было ни шаблонов, ни валков, ни калибровки. Сидели долго, всё обдумывая. Поднял всем настроение Анатолий Прокопьев: «Не бойсь, ребята! Конечно, есть сложности, но есть и возможность утереть нос этим местным. Вот увидите, у нас получится!» На том и разошлись.

Подготовка к прокатке нового профиля велась целый месяц. Точили новые валки, делали шаблоны, готовили арматуру проводки, линейки. Пастухов и Буйглишвили почти всё время проводили в других цехах – механическом, литейном, кузнечном: следили за ходом и правильностью изготовления оборудования для прокатки шпалы. Когда всё было готово, мы произвели перевалку клетей и утром следующего дня сделали пробную попытку. Прокатав первую заготовку раскалённого металла, сразу получили профиль – без бурёжки и сбоев в работе оборудования. Все торжествовали, жали друг другу руки, кричали и свистели от восторга.

На пилах длинный раскат разрезали; один небольшой кусочек принесли на контрольный стол ОТК. Когда он остыл, проверили шаблонами. Оказалось, что профиль получился, но геометрические размеры немножко не соответствовали проектным. Буйглишвили вопросительно посмотрел на Пастухова, тот ни слова не говоря подошёл к прокатным клетям, сказал что-то оператору, дал задание вальцовщикам и через 15 минут заказал «штуку». На рольганге у печи по-

казалась раскалённая заготовка; пройдя через все прокатные клетки, она превратилась в длинную полосу. На пилах взметнулись пять фонтанов искр от разрезаемого металла. Рабочий принёс новый кусок на контрольный стол, его тоже замерили шаблонами. И вот оно – счастье: шаблоны сидели безукоризненно.

Снова все торжествовали, слышались возгласы: «Профиль получился!», «Профиль о'кей!». Только один человек из всей толпы рельсобалочников стоял угрюмый и мрачный, и это был начальник цеха Саркар. К нему подошёл Буйглишвили с переводчицей и сказал: «Профиль получился, что дальше делать? Или начинать прокатку, или приглашать руководство завода, чтобы они дали своё распоряжение?». Переводчица перевела. Саркар долго топтался на месте, не принимая никакого решения. Пока он раздумывал, кто-то позвонил в заводоуправление, и вскоре целая делегация во главе с директором Шриваставой появилась около контрольного стола.

Главный прокатчик Панжа сразу схватил шаблоны, начал прикладывать к куску прокатанной шпалы. Его лицо стало бледнеть, глаза загорелись, и он со злостью произнёс: «На заводе Таты мы осваивали прокатку шпалы полгода. Там и специалисты-прокатчики были высокого класса. А вы захотели со второй штуки получить профиль?!»

За шаблоны взялся начальник ОТК завода Гупта. Но как бы он ни прикладывал их к поверхности металла, сидели они безупречно. Так же, как и у главного прокатчика, лицо его исказилось в злобе. Они сказали что-то на хинди друг другу, потом директору завода Шриваставе. Стоят, лица недовольные, обсуждают что-то – аж брызги летят. И вдруг у Панжи глаза осветились радостью, он обвёл всех торжествующим взглядом и спросил что-то уже по-английски. Переводчица перевела: «А вы взвешивали профиль?». Буйглишвили ответил, что не взвешивали, и сказал, чтобы принесли весы. Пока за ними ходили, Панжа и Саркар в приподнятом настроении со злорадством сказали нам: «Вот с

весом у вас не получится, придётся попотеть, пока профиль не будет соответствовать весу».

Принесли весы, положили на них кусок профиля; оказалось, что вес превышает расчётный на полкилограмма. У руководящей кучки индийцев во главе с директором озабоченность сменилась радостью, глаза их говорили: «Ну что, голубчики русские, не вышло?!». А главный прокатчик Панжа, издеваясь, ехидно рассмеялся прямо в лицо Буйглишвили и Прокопьеву. Анатолий побледнел. Хорошо, что сдержался. Нас убивало их злорадство: вместо помощи они, бывшие начальники с частного завода капиталиста Таты, старались нам препятствовать и ставили рогатки.

Мы стояли в стороне от группы индийских руководителей. Директор Гончаренко, главный прокатчик Павловский спросили у Буйглишвили: «Что собираетесь делать?». Рафаил ответил: «Подождите, пусть они побеснуются. Видите, как они восхваляют завод Таты и сами себя». — «А что ждать-то? Сейчас пойду к клетям, немножко прижму валки, и всё получится!» — сказал Лёва Пастухов. Он был оптимист и классный прокатчик.

После того, как он подрегулировал клетки, и прокатали ещё одну полосу, образец от неё лёг на стол ОТК. Панжа и Гупта схватили шаблоны, проверили профиль и, кинув его на весы, убедились, что и вес соответствует. Кратко переговорив о чём-то, они опустили головы и подошли к своему директору Шриваставе. Потом, ни слова не сказав нам, двинулись из цеха. За ними потянулась цепочка цеховых технологов во главе с Саркараром. Мы остались около контрольного стола. Директор Гончаренко в недоумении проговорил: «Что с ними случилось, почему такая озлобленность?» — «А эти хлопцы, — показывая на нас, ответил Павловский, — выбили у них последнего козыря. Они надеялись этим профилем затормозить сдачу цеха в эксплуатацию». — «Да, это Индии пока выгодно», — признал Гончаренко. Больше всех за исход «сражения» переживал Прокопьев. Он стоял здесь же, вместе с нами, всё ещё бледный, и потихоньку отпускал маты в адрес Панжи.

Создалась более чем странная ситуация. Мы работали на индийцев, прокатный металл им позарез нужен, а они, встав в позу, будто кровно обиженные нашим успехом, злые и раздосадованные ушли из цеха. Наш директор, видя всё это, сказал: «Катайте, ребята! Чем больше, тем лучше. Правительство Индии нас за это оценит».

Снова начали прокатку, профиль сразу же пошёл хорошо, а деятели типа Панжи стали редко появляться в цехе. И атмосфера у нас стала улучшаться. Индийский начальник цеха Саркар превратился в полную марионетку, своим коллективом не управлял совсем, а всё руководство цехом взяли на себя Рафаил и я. Авторитет у нас был высокий, и все указания выполнялись без лишних слов. Калибровщик Прокопьев в дальнейшем в глазах Панжи вообще превратился в бога, он даже предлагал Анатолию перейти на завод Таты с окладом семь тысяч рупий (здесь он получал всего полторы тысячи). Но в те времена это было невозможно, даже если бы он захотел перейти: всё решалось за «железным занавесом»...

Мои дела в цехе шли хорошо, индийцы в службе механика относились и ко мне дружелюбно, и между собой ладили. Теперь я уже не боялся ходить по тёмным туннелям и каналам под цехом, змей никаких там не встречал, только под подъёмными столами постоянно светились зелёные глаза громадной лягушки, и она даже не пряталась, когда я пробирался мимо.

В полдень мы, советские специалисты, выходили из цеха к высокой водонапорной башне. Здесь мы ожидали автобус, который возил нас на обед. Пока его не было, общались между собой и наблюдали за хамелеонами. Интересно было видеть, как быстро они меняли цвет кожи. А все разговоры сводились к одной теме — приезду жён. Их ещё не было, но все коллеги уже знали, какие замечательные они хозяйки и нежные подруги жизни. Их знали даже в лицо, ведь фотографии передавались на всеобщее обозрение...

Вечером я возвращался с работы, и сразу наваливалась тоска. На столе у меня постоянно лежали письма из дома, и

я в который раз брался перечитывать их. Письма были подробные и тёплые, ни нотки обиды на жизнь в разлуке. И Маруся, и Люба понимали: охами и вздохами настроение не поднимешь. Люба всё время писала об успешной учёбе в двух школах – общеобразовательной и музыкальной – и толково излагала обстановку в стране. Я восхищался её столь большими для детского возраста познаниями и гордился ею перед друзьями. Мать в письмах тоже не могла нарадоваться дочерью, подробно описывая её успехи в учёбе и особое отношение учителей обеих школ. Сообщала, что и с подругами у девочки всё ладится. В свободное время около нашего дома собирается целый хоровод: играют в снежки, катаются на санках, а для потехи запрягают Трезора, и он их возит по очереди. У Любы отменная память. И по всем предметам пятёрки. «Да, память у неё прекрасная, двух-трёх лет уже знала много стихов и сказок Некрасова, Пушкина, – вспоминал я. – Да и о чём бы мы ни говорили, она запоминала всё дословно».

После таких воспоминаний и чтения старых писем я выходил на улицу подышать свежим воздухом и отдохнуть от шума кондиционера. В марте днём было уже жарко, но вечером, в темноте, воздух становился прохладней и был насыщен особым ароматом. Тишина завораживала, слышался только монотонный стрекот саранчи да иногда плач шакала, похожий на детский. Всё казалось чужим: и опустившаяся ночь, и воздух, и тишина. А посмотришь в ночное небо – глаза разбегаются от множества крупных звёзд. И находятся они как будто совсем недалеко, и расположены не так, как у нас, и светят ярче.

Долго всматриваюсь в это чудо Вселенной, и хотя знаю, что ни ковша Медведицы, ни какого другого знакомого созвездия здесь быть не может, всё-таки ищу и ищу. Разочарованным и расстроенным иду в свою квартиру, бросаю взгляд на крону папайи, что растёт напротив моих дверей, хочу убедиться, сидит ли там птица, которая постоянно прилетает сюда на ночлег и прячется в листьях этого роскош-

ного дерева. Протягиваю руку и натываюсь на перья. А от неё никакой реакции, спит своим птичьим мёртвым сном. Захожу в квартиру, ложусь и я, но заснуть так же спокойно и глубоко не могу, одолевают разные мысли...

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ

1961 год, воскресенье, 12 марта. Мы с Иваном Буряченко, соседом по квартире, встали задолго до рассвета, сели на велосипеды, взятые накануне напрокат, и поехали на рыбалку на реку Сионат, протекавшую в десяти километрах от «Бхилай Хауса».

Ехали по гладкой асфальтной дороге. Солнце начало всходить, просыпалась и природа. Справа и слева от дороги на деревьях поднялся гомон птиц. Перелетая с ветки на ветку, они закатывали такие трели, что заслушаешься, выглядели так необычно и ярко, что залюбуешься. А поскольку было ещё рано, и движения по шоссе почти не было, мы не боялись наблюдать за птицами и слушать их пение.

Проезжая через городок Дург, мы видели просыпающихся жителей, в основном, женщин, они с начищенными до блеска медными и латунными кувшинами на голове направлялись за водой. На улицах и в переулках лежал скот. Уже выезжая из города, заметили длинную вереницу людей – мужчин, женщин, детей и стариков, несущих на головах небольшие кувшинчики. Вереница следовала в направлении длинного невысокого холмика. Приблизившись, мы увидели, что эти люди разделились на два потока: женщины пошли на одну сторону пригорка, мужчины – на другую.

Когда подъехали к реке, нас встретили мальчишки, предлагавшие дождевых червей в коробочках. Мы с Иваном Андреевичем купили аж на две рупии. Проходя по берегу, любовались тем, как из тихой зеркальной глади выпрыгивали большие рыбины.

Остановились в тенистом месте, забросили удочки, ждём – клёва нет. Вытаскиваем удочки – на крючке ни рыбы, ни червя. Забросили ещё – результаты те же. И только взглядевшись в прозрачную воду, поняли, почему. Множество мелких рыбёшек разноцветной окраски беспорядочно сновало близ берега. Они-то и пожирали мгновенно наживку на наших крючках. Мне удалось вытащить одну полосатую рыб-

ку величиной с детскую ладонь, я перецепил её и закинул крючок подальше. Вскоре леска натянулась, как струна, я дёрнул и выбросил на берег большую рыбину.

Рыбачили ещё долго, но понапрасну, больше ничего не ловилось. Солнце начало припекать уже нестерпимо, мы сели на велосипеды и вдоль реки направились в сторону дома. Проехав с полкилометра, услышали шум воды, а потом увидели дамбу, перегородившую реку. Через неё сплошным потоком переливалась вода, образуя водопад. Бетонная дамба была высотой метров пять, и вода, падая с такой высоты, создавала шум и брызги в виде тумана.

Возле этого сооружения собралось много народа, люди кричали и хохотали, бегали и прыгали. А несколько индийцев стояли между мощным потоком падающей воды и стеной дамбы и били палками по струям. Сразу мы не поняли, для чего они это делают, а потом стало ясно: они рыбачат. Только не так, как мы, а палками выбивают рыбу из воды. Дело в том, что внизу по течению перед этим водопадом скопилось много рыбы, стремящейся пробиться на нерест. Вот она и вынуждена подниматься по встречной струе на пятиметровую высоту, чтобы перевалить через дамбу и отметать икру в верховьях реки. Тут-то её и поджидают ушлые «рыбаки»: выбивают из струи и просто собирают «улов».

Жутко было смотреть на это издевательство над природой. Рыбе надо подняться вверх по течению на привычное естественное нерестилище, а человек перекрыл ей путь, построив это препятствие. Многие тысячи крупной и мелкой рыбы, подплыв к этому водопаду, должны были преодолеть его, но не все отваживались, только самые сильные и смелые, да и тех сбивали палками... Взглянув на реку ниже дамбы, мы увидели, что она вся кипела, и казалось, будто рыбы там больше, чем воды.

Пока ехали до дома, всё продолжали возмущаться увиденным. Оба мы были большими любителями рыбалки, но только не такой варварской. Жалко было прекрасные создания и горько оттого, как мы, люди, безрассудно распоряжа-

емя природным богатством. Решили больше сюда на рыбалку не ездить, чтобы не расстраиваться.

Вернулись в свой городок. Сидя в плетёном кресле в галерее напротив квартиры, нас уже поджидала Маша – жена Ивана Андреевича. На обед она и меня пригласила. Я отдал ей рыбину, она быстро её пожарила. Обед получился праздничным – с украинским борщом и индийской рыбой под названием полина. Маша была на седьмом небе: порхала, смеялась, весело ворчала по-украински: «Черты вас носылы по такой жаре да ще за таки гроши! Я бы купила рыбы – хватало бы на целый мисяц» – «Что-то ты сегодня такая возбуждённая, жёнушка», – заметил сосед. – «Как же, у нас такой гость. Хоть и живёт рядом, но не заходит». Иван Андреевич посмотрел на неё, на меня. Ничего не сказав, уткнулся в свой борщ и весь обед потом молчал. Его взгляд показался мне тяжёлым и каким-то значительным. «Уж не ревнует ли меня к жене? – подумал я. – И она, дурёха, уж не влюбилась ли? Уж очень часто и откровенно бросает взгляды в мою сторону. Всё, больше к ним не шагу!»

Я рассказал, как мы рыбачили, и какое прекрасное там место: возле реки поляна, а кругом деревья, птицы поют и по веткам прыгают обезьяны. Маша была в восторге: «Как приедет жена – обязательно нас туда свозите!».

Вечером в Культурном центре шло кино «Девушка без адреса» – уже который раз. Все знали его наизусть, но всё равно пялили глаза на экран, дожидаясь, когда, например, появится Гарин со своей мимикой и скрипучим голосом незаурядного комика. Посмеявшись дружно, медленно расходились – кто играть в домино, кто в шахматы. А я – дочитывать «Финансиста» Драйзера да спать. Завтра снова напряжённый день, ремонт цеха, и я в нём, как всегда, играю первую скрипку.

На следующий день, набегавшись по цеху до седьмого пота, я зашёл в кабинет к Буйглишвили. Там было прохладно, работал кондиционер. Рафаил вёл переговоры с индийским руководством. Переводчица Валя Жукова хотя и за-

пиналась немного, но уже уверенным голосом и довольно внятно излагала мысли своего чифа.

Первые месяцы в Индии нам приходилось учить переводчиц техническим терминам, иногда прибегая к помощи индийских инженеров, знающих русский язык. Доходило до анекдотов: не переводчицы объясняли нам, как называется по-английски тот или иной предмет, деталь, механизм, а мы ей. Та же Валя Жукова, конечно, не виновата была в своём незнании, всего знать никто не может. Она окончила Московский институт иностранных языков по курсу английского, разговорной речью владела в совершенстве, а вот с техническими терминами, особенно с переводом слов производственного процесса, возникали проблемы. И нам приходилось долго и терпеливо объяснять их значение, вместе с Валею рыться в её толстом гроссбухе, чтобы найти соответствующий перевод.

Через год пребывания на Бхилайском заводе мы уже не пользовались услугами своей Валентины, а случалось, и помогали ей в переводе статей и служебных писем, приходящих в цех. А первые месяцы часто чувствовали себя беспомощными из-за незнания языка. Потом дошли до собачьего положения, когда всё понимали, но сказать ничего не могли. А из положения мычания и невнятной речи на английском помогла мне выйти переводчица главного прокатчика Саша Чаплина.

Как-то заявился главный прокатчик Протасов в наш цех и набросился на меня из-за аварии. Так бывало раньше и на КМК, и на других заводах Союза – когда начальство, не разобравшись, начинает крестить всех и вся. Но этот тип сам был плохим специалистом, да к тому же ещё бессовестным грубияном. Я как физик знал закон противодействия, а потому нашёл, что ему ответить, причём его же словами, только добавил юмора. Многие люди, присутствовавшие при нашем разговоре на высоких тонах, сдержанно улыбались, а переводчица Саша прямо расхохоталась. Протасов, не зная, как отпарировать, повернулся и ушёл. А в конце рабочего

дня Саша пришла ко мне в кабинет и призналась, что восхищена тем, как я дал отпор её начальнику, не побоялся этого, как она выразилась, барбоса. «Я ещё не видела его таким разъярённым после подобной «задушевной» беседы, – сказала она. И добавила категорично: – Вы мне понравились, хочу учить вас английскому языку. С 15 марта организовываю курсы и записываю вас».

Мне это предложение польстило, и я начал посещать уроки. Группа наша состояла из двадцати человек, я был избран старостой. Помимо всего прочего в мои обязанности входило подписывать ведомость для оплаты преподавателю за проведённые уроки. Для этого Саша приглашала меня к себе на квартиру, где она жила с подругой – переводчицей из мартеновского цеха. И когда я приходил с документом, эта подруга исчезала под разными предлогами. Сначала я не придавал этому значения, но когда Саша начала как-то нежно наседать на меня, даже струхнул. Сразу вспомнились слова консула, чтобы мы не разводили тут шашни, иначе всё кончится плохо. Консул одновременно служил в КГБ, и у него наверняка надёжно работала сеть доносителей-агентов. Я знал по опыту фронта, как невинные люди попадали под колпак СМЕРШа, откуда возврата уже не было. Так что по отношению к Саше я держал себя в жёстких рамках, чтобы не случилось непоправимого. К тому же меня воодушевляло обещание Косыгина: «Ваши жёны должны приехать не позднее июня».

И вот я в раздумье сидел в кабинете начальника цеха. Он уже закончил совещание, переводчица Валя ушла, мы остались одни. «Что с тобой происходит? – спросил Рафаил. – Стал каким-то замкнутым, мрачным». – «Уже сил нет дрессировать этих местных, – сказал я. – Никак не могу наладить чёткой слаженной работы». – «Ну, ты, брат, загнул. Твоя служба гремит по заводу, приходят механики учиться из других цехов, а он недоволен, – не поверил Рафаил. – Дело, наверное, в другом». – «Да вот именно, в другом, – признался я. – Скучно и обидно. Вот к Прокопьеву жена

приехала уже как полмесяца, а моей всё нет. А ведь из Союза летели сюда в одном самолёте с тобой и с ним. Вы-то живёте семьями, а я?» – «Чем дольше расставание, тем жарче встреча, – рассмеялся мой друг. – Ну, вот что. Давай хандру побоку, приходи к нам в воскресенье, а то Юрка прохода не даёт, всё о тебе спрашивает. Да и Магдалина упрекает и даже обвиняет меня, будто мы поссорились». Я обещал приехать, и мы расстались.

Но в автобусе, когда ехал с работы, мысли снова одолевали: «Как там дома? Маруся, наверное, уже извелась в ожидании отъезда. А Люба переживает, что уедет мать, и она останется одна с больным дедом». В общем, опять расстроился. «Надо непременно развеяться! – решил я. – Пойду в воскресенье к Рафаилу. У него сын Юрка – не ребёнок, а пострелёнок».

Юрка был мальчуган лет четырёх, очень подвижный, с круглой головой и большими чёрными глазами, своими грузинскими чертами очень похожий на отца. Когда я приходил к ним, Юрка менялся в лице, бросал все свои дела и подбегал ко мне, радостно щебеча, чем немало изумлял родителей. Он показывал мне свои игрушки или предлагал побегать, иногда забравшись мне на плечи, и мы бегали по банановым зарослям около их гостиницы. А ещё он всё рассказывал о своих родителях, даже о таких интимных делах, которые они наверняка хотели бы сохранить в тайне. Видимо, они и не подозревали, что он в таком возрасте уже многое знает и понимает, что к чему. Однажды он выдал такое: «Ты, Иван Иванович, нам родной, как мой брат». – «Это почему же?» – спросил я. – «А потому что как тебя долго не бывает, так я скучаю и даже переживаю. А мои старики, как ты уходишь, говорят: «Ушёл твой благодетель». И тоже со мной переживают. А вот когда уходит от нас дяденька Ерешкин, они ругаются, а папа даже говорит, что наконец-то ушёл хмырь. А почему он так говорит?» – «У него и спроси». – «Я спрашивал, он сказал: «Вырастешь – узнаешь». – «Ну, вот и старайся побыстрее расти, тогда всё поймёшь». –

«А я уже догадался. Я видел только, как дядя Ерошкин маму целовал, а папа увидел и съездил его по мордуленции. Он так скраснел и один глаз стал хмурым. Вот теперь папа и называет его хмырём».

Пока мы вели с Юрой такие тайные переговоры, Лина с Рафаилом накрыли стол и позвали нас обедать. Насытившись, мать с сыном отправились в спальню на послеобеденный отдых, а мы с Рафаилом решили проявить плёнку, на которую я заснял приезд к нам в цех Косыгина. Делать это нужно было в ванной комнате, где была абсолютная темнота. Договорились, что проявлять буду я, а Рафаил – следить за временем в соседней комнате; по прошествии семи минут он должен окликнуть меня и сообщить об окончании проявления.

Но этого не случилось ни через семь минут, ни позже. Я сижу в полной темноте, кручу ручку бачка с проявителем и по своему опыту фотографа чувствую, что нужное время уже прошло, но сигнала от моего помощника не поступает, а на мой крик он не отзывается. Тогда я из проявителя быстро погружаю плёнку в закрепитель, потом промываю в воде и в волнении выбегаю из ванной. Смотрю на свет, а плёнка почти вся чёрная! Досадно стало до слёз. Ведь сколько я потратил труда и изворотливости, чтобы заснять такого великого человека – второе лицо государства, и вот всё рухнуло, брошено коту под хвост. В ярости ищу Буйглишвили, но в комнатах его не оказалось. Я вышел на улицу и увидел его в тени раскидистых деревьев: Рафаил сидел в обществе главного конструктора УЗТМ Двинянина и о чём-то оживлённо с ним беседовал. Увидев меня, он оборвал свою речь на полуслове, хлопнул ладонью себе по лбу и вскочил: «Прости меня, забыл дуrolом! А тут ещё Сергей вышиб меня из памяти».

Осмотрев плёнку внимательно и убедившись, что она загублена перепроявлением, мы будто на похоронах чьих-то побывали, какое-то время сидели и угрюмо молчали. Потом я сел в такси и поехал к себе домой в городок, находивший-

ся от гостиницы, где жил Рафаил, в десяти километрах. Впоследствии из 36 кадров плёнки я смог отпечатать только два, да и то серых, плохого качества снимка.

Когда шёл по открытой веранде нашего жилого блока, увидел идущую навстречу Машу Буряченко. Остановившись у моей квартиры, она дождалась меня и спросила: «Чего это вы такой грустный, расстроенный?». Я объяснил причину своего плохого настроения, мы вместе зашли в мою квартиру. А поскольку женщины от природы очень жалостливы и готовы помочь чужому горю, она засиделась со мной допоздна. На мой намёк, что пора отдыхать, так как завтра рано вставать на работу, она ответила, что не может оставить меня одного таким расстроенным. «А если твой муж узнает, то ты ещё больше расстроишься», – сказал я. – «Не узнает. Он уже месяц не приезжает, вкалывает на руднике», – объяснила она. Я понял, что её отношение ко мне приобретает уже совсем не дружеский соседский характер, а нечто большее. И я сказал ей прямо, без всякой дипломатии: «Маша, ничего у нас не получится. Я люблю одну женщину – свою жену. И она скоро приезжает». Маша, ни слова не говоря, глянула на меня уничтожающе и ушла, не попрощавшись.

Утром, приехав на работу, я увидел, что многие рабочие и инженеры одеты в отутюженные белые рубахи и брюки, стоят группами, и цех тоже стоит, не работает. Как только я появился, бригада слесарей во главе с механиком Апарао подошла ко мне: «Мистер Иван Иванович, сегодня у нас праздник – День краски. Можно вам поставить по нашему обычаю пятно на лоб?». Я ответил: «Валяйте, коли у вас такой обычай». Бригадир сделал мне пятно на лбу, а потом кто-то, даже не предупредив, осыпал меня с головы до ног ярким порошком. И сразу началась дикая вакханалия, как у нас на день Ивана Купалы. Появились банки с жидкой краской, бутылки, даже кувшины. Все друг друга поливают и обсыпают. Люди, только что разнаряженные во всё новое и чистое, превратились в пёстрое разноцветное сборище.

Кругом хохот, ликование и стихийно возникшие танцы. И я, поражённый такой дикостью нравов, в то же время восхищался этим несусветным обычаем.

Наконец, выбравшись из толпы полностью раскрашенных людей, я направился к прокатным клетям, где обсуждали что-то Пастухов, Буйглишвили, Шастри и Трипати. Увидев меня, всего такого красивого, они расхохотались. Но не успели толком поиздеваться надо мной, как и их постигла та же участь. Подбежавшие с ведром краски и бутылками индийцы их тоже окатили с головы до ног и скрылись за клетями. За ними погнался инженер Шастри, а они вдобавок ко всему плеснули краской ему в лицо и всё-таки улизнули. Теперь уже я смеялся над всеми инженерами, видя, как с их одежды стекала струйками и капала краска. Рафаил сказал: «Какая тут может быть работа, поехали домой!».

По дороге мы наблюдали, как вдоль шоссе шли толпы людей, полностью разукрашенных и бурно жестикулирующих. Вдруг вереница шархнула в сторону, а причиной тому была пожарная машина,двигающаяся нам навстречу. Включив брандспойт, она из рукава поливала краской всех, кто попадался на пути, в том числе и в транспорте. Мы, увидев ещё такой сюрприз, быстро позакрывали окна в автобусе, и вовремя: струёй из пожарной машины краска мигом залила и окна.

На другой день все рабочие цеха пришли на работу в той же одежде, что и вчера, но самых невероятных цветов.

Если весь март температура воздуха не превышала сорока градусов, то с наступлением апреля столбик термометра быстро полез вверх. И одновременно с изнуряющей жарой появилось много всякой мухоты, комарья (москитов), саранчи, бабочек, жуков. И особенно стрекачей (сверчков). По цеху они роились тучами и грызли, уничтожали, сметали всё на своём пути: траву, листья деревьев, и, кажется, даже металлом не брезговали. Летали, ползали и тут же погибали на полу цеха, на металлоконструкциях, а на подкрановых путях лежал такой их слой, что чуть до головок рельсов не доходило.

Как раз во время такого нашествия саранчи приехал я вечером домой, открыл дверь квартиры, и сразу на меня полетела эта гадость, ударяя в лоб, глаза и вообще во все части

тела. Я вынужден был оставить дверь открытой, чтобы они поскорее убралась. Часть так и сделала, но многие ещё и не собирались, а летали по комнате, ползали по потолку, стенам, стрекотали, верещали и свистели. Я взял веник и, размахивая им, пытался выгнать непрошенных гостей, колотил их на стенах, на полу. За этим беспощадным занятием застал меня мой бой, мальчик, убирающий квартиру, и попросил: «Мистер, но посибол!» – «Почему «но»? – с досадой сказал я. – Тогда убирай эту мразь сам». Он покачал головой и принялся их ловить. Наберёт пригоршню, выходит на улицу и аккуратно опускает в траву, да так, чтобы, не дай бог, не поломать им ножку или крылышко. Но только отпустит их, они снова летят куда попало, в том числе и в мою квартиру. Я смотрел, смотрел и не выдержал: «Да так ты ловить их будешь до второго пришествия!». Снова взял веник и хлестал им до тех пор, пока не очистил от них всю комнату. А мальчуган посмотрел на меня с обидой и ушёл, ведь я так плохо поступил с живыми созданиями...

После успешно проведённой операции по выдворению саранчи я внимательно осмотрел комнату, душевое помещение и нигде не обнаружил даже незначительной щели. Это и понятно. У нас в Сибири, готовясь к морозной зиме, заделывают все щели, заклеивают оконные рамы. И здесь делают то же самое, только из-за жары. Единственное, что я нашёл, так это тоненький просвет под дверью. И ещё заметил небольшую светло-коричневую, почти прозрачную ящерицу в углу под потолком. Так неожиданно у меня появилось интересное развлечение и заодно – надёжный охранник от москитов и различных мошек, которые донимали меня своими укусами, особенно ночью.

Эта небольшая рептилия, молниеносно бегая по потолку и стенам, ловила насекомых и питалась ими. А я начал понимать, как всё-таки правы индийцы, не уничтожающие живого. В природе нет ничего и никого лишнего, и всё находится в тесной и жёсткой взаимосвязи. Теперь долгими вечерами, читая книгу или письма из дома, я мог оторваться и понаблюдать, как ящерица набрасывается на добычу. Бла-

годаря своей прозорливости она и росла быстро. Для меня было загадкой, как она вообще оказалась в комнате. Будто какая-то невидимая рука специально поселила её здесь для обслуживания человека. Сначала, правда, её вид вызывал у меня отвращение и даже страх: вдруг ночью упадёт с потолка на лицо, от такого и зайкой можно сделаться с перепугу. Но в последнее время у меня и занятия интересней не было, как наблюдать за ящерицей.

Также я продолжал поливать клумбу и деревья перед квартирой. Волковицкие почему-то не приглашали играть в карты, да и Лиза перестала ходить за посудой. Только Коля, их сын, забегал один, иногда даже засиживался долго, помогая мне печатать фотографии. А Мария Андреевна старалась избегать меня.

Уроки английского я посещал регулярно. Преподаватель Саша очень старалась вдолбить мне в голову этот трудный язык, у которого написание не похоже на произношение. А для меня дело осложнялось ещё и тем, что я немного знал немецкий, даже мог на нём разговаривать. От этого у меня в голове и образовывался сумбур: постоянно путаясь, я читал английские слова, а произносил их по-немецки. Саша сердилась и, как ребёнка, стыдила меня перед всей группой. Но как бы сложно ни было, первые успехи уже проявлялись. Я даже решил блеснуть своими знаниями перед коллегами-индийцами. Однажды заявил им, чтобы они со мной разговаривали только по-английски. Первое время уговор соблюдали, и я гордился, что заговорил, пускай и медленно, и коряво. Но продолжалось это только до первой аварии. Когда она случилась, в ход пошли самые разные языки, и ещё больше – жесты. Но я и дальше продолжал совершенствоваться в познании иностранной речи среди многонационального трудового люда, который искажённо говорил по-английски, смешивая слова с языками хинди, урду, бенгальским и другими. И в итоге вырабатывался какой-то новый язык, цеховой, который хорошо понимали только рельсобалочники.

Исторический день 12 апреля 1961 года нам, советским специалистам, запомнился на всю жизнь. Приехав утром на

работу, увидели ликующую толпу индийцев, которые скандировали: «Га-га-рин! Га-га-рин!» Они бросились нам навстречу, обнимали, поднимали в воздух, подкидывали, ловили и беспрерывно кричали: «Гагарин!».

Я понять ничего не могу, пробовал отталкивать от себя разгорячённых людей, но они снова хватали меня кто за что, подбрасывали и громко выкрикивали слово «Гагарин». Наконец через возбуждённую толпу ко мне пробрался Найер, инженер по оборудованию, хорошо владевший русским языком. Он приостановил этот душевный порыв своих соотечественников и объяснил мне: «Сегодня передали по радио: в Советском Союзе запустили космический корабль с человеком на борту, Гагариным. Я поздравляю тебя». И опять начался галдёж: «Гагарин, Гагарин!»

Мы, советские специалисты, в тот момент еще ничего не знали про этот полёт. Телевидения тогда не было, да и радио мы слушали только по вечерам в клубе. А индийцы, на первый взгляд казавшиеся людьми недалёкими, тёмными, держали руку на пульсе планеты и бурно реагировали на разные важные события, происходящие в разных уголках земли.

Весь этот день мы, русские, ощущали себя, как в заоблачном небе, чувство гордости за нашу Родину переполняло нас и выплёскивалось наружу. Любой, где бы он ни находился в цехе, при встрече даже с незнакомым индусом на возглас «Гагарин, бхай, бхай!» в порыве радости отвечал теми же словами.

Чуть позже, проходя по офису, я зашёл в кабинет механика цеха Кудвы. Там сидели мастера и механики участков. При моём появлении все встали и поздравили меня как представителя Советского Союза с запуском Гагарина в космос. Потом сели за стол, где проходило совещание, и инженер Цибал задал мне вопрос: «А правда ли, что в Советском Союзе не верят никаким богам?». – «Да, – ответил я. – Большинство у нас атеисты». – «А как же тогда, не веря богам, вы смогли запустить человека в космос? Такого не может быть, бог не позволит». – «А вот и позволил», – сказал я. – «Всё равно без бога здесь не обошлось!» – категорично заявил Цибал.

СЕМЬЯ НАЧИНАЕТСЯ СО СВАДЬБЫ

17 февраля 1961 года директор Бхилайского завода Гончаренко, собрав главных специалистов, объявил, что мы приглашены на свадьбу индийским директором Шриваставой по случаю замужества его дочери.

Я сел в джип вместе с начальниками рельсобалочного цеха и блюминга, и вскоре мы подкатили к особняку, недавно построенному специально для молодых на обширной площади в черте города. Дом, где играли свадьбу, был заметен издалека. Его стены, крышу, а также деревья рядом и ограду густо увивали гирлянды цветов, листьев и электрических лампочек. Чем больше света, как гласит индийское поверье, тем больше счастья должно выпасть на долю молодых.

Мы глазам не поверили, увидев настоящее чудо. На пустыре, где раньше даже трава не росла, теперь выросло новое здание в окружении целого оазиса. Напротив парадного входа в дом были сооружены ворота из бамбука, перевитые банановыми и пальмовыми листьями. К этой триумфальной арке вела аллея из молодых пальм, посаженных по обеим сторонам дороги, только что покрытой асфальтом. Когда мы подъехали к дому, во дворе уже стояло более пятидесяти легковых машин, отсвечивая блеском лака различных расцветок.

Поставив свой пикап рядом с шикарными «фордами» и «кадиллаками», мы пошли навстречу показавшейся вдали процессии, двигающейся к особняку. В пальмовой аллее у каждого ствола стоял военный с ружьём, в красном мундире и брюках с зелёными галунами, на голове – тюрбан, украшенный метёлкой ярких птичьих перьев. Пока мы разглядывали этих высоких красивых сардаров с чёрными, как смоль, усами и такой же бородой, скрученной валиком, процессия уже приблизилась. Впереди оркестра шёл барабанщик в шкуре тигра, перекинутой через плечо, за ним другие музыканты, тоже одетые ярко и причудливо, в высоких чал-

мах с метёлками перьев. Далее следовали старейшины, уважаемые люди, полуголые, лица раскрашены разноцветными полосами, на шеях гирлянды цветов, а в руках – посохи. За ними в некотором отдалении медленно ехала белая открытая машина, длинная, с изящными формами, блестящая золотистыми молдингами. За рулём сидел нарядный шофёр, а посреди салона стоял высокий, стройный, одетый во всё белое индус в чалме, тоже белоснежной. Стоял он торжественно и недвижимо, только взгляд перемещался вправо и влево – на коридор зевак, собравшихся по обочинам дороги. И только эти двигающиеся глаза выдавали в нём не застывшую скульптуру, а живого человека, да ещё и жениха, считаемого за несметные богатства.

За сиятельной машиной жениха тянулась кавалькада разноцветных автомобилей и карет, причём лошади тоже были ярко наряжены. Поравнявшись с нами, оркестр заиграл военный марш, а потом послышалась мелодия вальса «Амурские волны». Жрец, махая веником из павлиньих перьев, окроплял водой людей, плотно выстроившихся по обе стороны дороги. Когда процессия и мы с ней вместе скрылись за воротами, военные с карабинами отсекали толпу любопытных, стремившихся проникнуть внутрь двора, где уже собралось около пятисот гостей; потом вокруг ограды дома были выставлены полицейские.

Как только машина с женихом остановилась и он соизволил сойти на землю, на его чело была надета высокая, сияющая золотом и драгоценными камнями корона. Потом его повели к невесте. Пока священник производил обряд бракосочетания, почти непрерывно гремели выстрелы ракет, петард и хлопушек. И вот после особенно громкого, почти пушечного выстрела ракета, поднявшаяся на невысказанную высоту, разлетелась на несколько цветных шаров, которые на раскрывшихся парашютиках медленно спускались вниз, освещая всё вокруг.

Фейерверк продолжался почти до утра. Во мраке ночи, на фоне чёрного неба, разлетаясь брызгами разноцветных

огней, это чудо изображало то звезду с искрящимися от центра огненными лучами, то водопад зелёно-голубых огней. Море света от украшенных электролампами деревьев и фейерверка вызывало восторг у всех, собравшихся на это торжество. Умение создать столь великолепный эффект – несомненное достижение и достоинство индийского народа, народа, в большинстве своём живущего бедно, даже на грани нищеты, но несмотря ни на что способного радоваться, восторгаться и устраивать для себя подобные праздники.

Свадьба – это, пожалуй, самый знаменательный день в жизни каждого индуса, к нему родители готовятся чуть ли не со дня рождения детей. Деньги на свадьбу откладываются даже из самого скудного дохода, чтобы праздник получился с размахом, не хуже, чем у других, – у друзей, соседей. Нередко приходится залезать в долги, чтобы справить свадьбу по полному древнему обряду, чтобы все видели, какие они щедрые родители, ничего не жалеют для своих детей, что они не самые нищие. Свадьбы бывают разорительны не только для семьи, но и для всей общины, в которую семья входит. Не имея достаточных средств на свадьбу, некоторые молодые люди так и не могут жениться или выйти замуж всю жизнь, оставаясь одинокими до старости...

Свадьба, на которой присутствовали мы, была обставлена по высшему разряду. Молодые люди, сочетавшиеся браком, были из богатых семей и высшей касты – брахманов. Денег для торжества не жалели. Мало того, что для молодой четы был построен огромный двухэтажный дом, специально для свадьбы соорудили площадку-трибуну с навесом из цветного полотна. Издали казалось, будто навес поддерживают встроенные колонны – половина зелёных и половина белых. На самом же деле оказалось, что зелёные – действительно стойки из стволов бамбука, перевитые банановыми листьями, а белые – гирлянды искусно нанизанных цветов, ниспадающие от навеса по углам тента. Верх каждой бамбуковой колонны венчали золотистые гроздья кокосового ореха, а над висячими гирляндами возвышались султаны из

колосьев риса. Вершину балдахина украшал такой же султан, только большего размера. На самом пьедестале стояли вазы с неочищенным рисом.

Торжественный обряд выглядел довольно поэтично. Жениха с невестой усадили на землю рядом, лицом на восток. Перед ними горел костёр. По бокам от молодых, тоже на земле, разместились их родители. Жрец с бородой и в яркой чалме долго читал какую-то проповедь, после чего ему сразу вручили 500 рупий. Затем жених снял свою белоснежную одежду и, надев наряд странника, направился со двора за ворота – якобы намереваясь совершить паломничество в святой город Бенарес. За воротами его встречал отец невесты. Выслушав сетования молодого человека, отец должен был уговорить его отказаться от путешествия и взять в жёны его дочь. После чего жених и будущий тесть с довольным видом возвратились на прежние места.

Теперь слово было за женщинами. Они принесли молодым рис на бронзовом блюде, а сверху на зёрнах лежали цветы и нитки. Жених и невеста привязали эти цветы нитками друг другу на запястье. Заиграла музыка, мать невесты с другими женщинами, взяв бронзовый кувшин с водой, удалились за ворота. Там они вылили воду, воздав тем самым поклонение земле, и вернулись во двор.

Начался самый ответственный момент – дарение жениху девушки. Выглядело это так. Отец невесты садится перед женихом, смотрит на него пристально, громко называя богов и своих предков, а затем в бронзовом тазу моет жениху ноги. После этого отец берёт руку дочери, соединяет её с рукой жениха, брызгает на их руки водой и даёт жениху бетель (то есть жвачку из этого растения), что означает преподнесение подарка, гостеприимство, радушие. Вслед за этим будущий тесть и совершает сам акт дарения. В дар входит часть капитала, которым владеет отец, и обязательно особые мелкие камешки, в которых, как все в Индии считают, заключена большая сила. Раздаётся музыка, звучит песня. Жених встаёт и повязывает невесте ожерелье-амулет, потом

они снова садятся. Молодые угощают друг друга бетелем. Затем жених берёт ногу девушки и трогает ею камешек, смазанный сандаловым маслом, одновременно и своей ногой прикасаясь к камешку. После этого выносят два блюда с неочищенным рисом, и молодые начинают осыпать им друг друга.

На этой свадьбе осыпание продолжалось до изнеможения, пока родители не остановили новобрачных. Длилась эта церемония очень долго. Наконец гостям предложили праздничный обед. На банановые листья, разложенные на земле, подали сушёные остро-маринованные овощи, отваренный рис, фрукты. Пригласили к яствам и нас. Только тогда, когда пообедали гости, принесли еду и молодым, обоим на одном банановом листе. Они стали есть вместе, выражая этим прочность брачного союза, единство интересов. Такая честь женщине в индийской семье оказывается только раз в жизни – именно во время свадьбы. Затем она будет есть только то, что остаётся от обеда мужа...

Нам, русским, были интересны, но не очень понятны эти обряды. Всё было как-то не по-нашему. Такая грандиозная свадьба, народу полтысячи, и ни одного пьяного, ни одного бокала шампанского, ни одной путевой песни (лишь где-то под шатром играла какая-то дудка да пела женщина заунывно тонким голосом). И угощение никому из нас не понравилось: то слишком сладкое, то так наперченное, что из обожжённого рта вот-вот вырвется пламя. Утомившись от этой церемонии за земляным столом, мы пошли прогуляться по саду, разбитому вокруг дома. Между деревьями стояли временные будки, обтянутые материей, в них можно было выпить сока, содовой воды, «кока-колы». Мы взяли по напитку, чтобы хоть немного затушить пожар во рту, а потом нас подвели к палатке, где торговец предлагал пакетики, обёрнутые золотой фольгой. «Возьмите и пожуйте, это очень дорогой пан, – сказал сопровождавший нас индус. – Поднимает настроение и придаёт бодрость». А поскольку свадьба затянулась, время было за полночь и уже хотелось

спать, мы решили взбодриться. Взяли по пакетику, заложили в рот и начали жевать.

Ощущение было такое, будто я взял в рот ежа или ещё что-то противное колюче-жгучее. А вкус такой пакостный, что меня чуть не стошнило. Но, чувствую, вот-вот стошнит. Зашёл в кусты, где потемнее, выплюнул этот чуждый нам «бальзам» и вернулся к своим. Другие в нашей компании, старожилы, наверное, не первый раз пробовали это снадобье, жевали и сейчас, и даже не морщились. Я же вскоре почувствовал не прилив бодрости, а что-то вроде опьянения, мне ещё больше захотелось спать.

Мы прошли в шатёр, где недавно проходила свадебная церемония, а сейчас танцевали дети. И залюбовались на них. Ребятишки, почему-то белые, легко и красиво исполняли индийский танец. «Как здорово, настоящий детский балет! – поразился я. – И откуда взялись такие белые индусята?» – «Да это же наши русские дети выступали, ученики русской школы, – объяснил один из приглашённых гостей. – Вот и моя дочь, она тоже выступала». К отцу подбежала белокурая девочка, наряженная в индийскую национальную одежду танцовщицы. А он стал рассказывать, что в нашей школе преподают русские учителя, имеется четыре класса – с первого по четвёртый. Детей мало, в ином классе всего по пять-шесть ребят. Помимо учёбы занимаются художественной самодеятельностью. Учительница третьего-четвёртого класса сама увлеклась индийскими танцами и детей учит. Уже побывали в нескольких школах и колледжах Бхилаи с концертами. Местные зрители принимают их выступления с восхищением и даже завидуют, что русские дети исполняют индийские танцы лучше, чем их дети.

Свадьба продолжалась, но мы уже устали от её однообразия и скуки. «Эх, побывать бы на нашей свадьбе, там теперь бы дым шёл коромыслом!» – сказал Рафаил, и мы все так же думали. Сели в джип и поехали домой.

Спал я хорошо, а проснулся поздно, от стука в дверь. Солнце уже было высоко.

Зашла соседка Лиза, обеспокоенная тем, что я долго сплю. Я рассказал о свадьбе и о том, что решил расслабиться по случаю воскресенья. Лиза спросила, скоро ли приедет Мария Васильевна, и как-то настороженно, со значением. Я ответил, что когда приедет, не знаю, но чувствую, что скоро. Она помедлила, видимо, решая, сказать или не сказать, а потом всё-таки выпалила: «Да ничего вы её не ждёте! И вообще ваше поведение мне не нравится! Приедет жена, я ей всё расскажу, как вы где-то до полночи гуляете, и то, что Маша Буряченко вас посещает». Тут уже я не выдержал и взорвался: «Какое твоё дело, где я и с кем я? Уж не спутала ли ты меня со своим Иваном, ведь имена-то одинаковые. А насчёт моей Маруси можешь не беспокоиться: если даже и расскажешь, она не поверит твоим надуманным сплетням!». Лиза разволновалась, лицо стало красным, аж пот выступил. Потупив взор, произнесла: «Мне обидно, что эта зануда к тебе приходила, и я не хочу, чтобы вообще ходили к тебе бабы». – «Ко мне никакие женщины и не приходят, ты знаешь. А то, что Маша – зануда, это ты зря, она скромная порядочная женщина, к тому же ещё твоя подруга. Вместе ездите на базар, да и по вечерам в карты играете». – «Мне обидно!» – повторила она и удалилась в свою квартиру.

Оставшись один, я задумался над словами этой обычно кроткой, застенчивой женщины. Что-то же ей от меня надо, кроме посуды, за которой она приходит чуть ли не каждое утро. Неужели в семье не ладится? Вроде бы взаимоотношения хорошие, и муж Иван – порядочный мужик, добрый, покладистый, рассуждает толково. Да, иногда его заносит, но это в политике или по работе, а в семейных делах он мужик что надо, к тому же не пьёт и не курит. Здесь что-то не то, что-то для моего ума непостижимое.

Настроение испортилось, да ещё во рту всё горит от вчерашнего пана. На второй день свадьбы решил не ходить, хотя и приглашали. Вспомнил, как мы праздновали свадьбы дома: разудалые компании, песни, пляски, хмельное лилось рекой, обильные закуски. Пей, ешь, сколько хочешь. Юмор, интересные рассказы со всех сторон. А здесь скукота, за-

унывая мелодия оркестра – одна дудка и два или три барабана – и такие же заунывные песни. Да ещё угнетающая жара. Если вчера свадьба начиналась при закате солнца и продолжалась при луне и относительной прохладе, то сегодня солнце палит нещадно. Нет, не пойду!

Пока я так сидел-размышлял, в дверях показался мой частый гость – купец-бакшишник Уттомчан. Первый его вопрос был: «Леди ещё не приехала?». Получив отрицательный ответ, он сел в кресло рядом и загрустил вместе со мной или сделал вид, что тоже сожалеет. Я предложил ему чаю, он охотно согласился. За чаепитием завязалась беседа. Я рассказал ему о свадьбе у главного чифа Шриваставы, он, конечно же, знал об этом событии, так как молва о видном человеке в Бхилаи мгновенно разносится по всей округе. Меня интересовали некоторые обычаи, и он рассказал не только о свадебных обрядах, а вообще об индийской семье, этой основе жизни народа.

Начал повествование Уттомчан с анекдота о женщине, имевшей двухнедельного ребёнка. Она спросила у мудреца, когда ей надо начинать воспитывать своё дитя, и он ответил, что она уже на две недели запоздала. В Индии детей воспитывают чуть ли не с первого дня их жизни. А в основе воспитания, в основе всего, чему их учат, – доброта. Учат всем своим отношением и к самим детям, и друг к другу, учат личным примером, словами и делами. Терпеливость, которую проявляют в индийских семьях по отношению к детям, просто поразительна. На них не кричат, их не шлёпают, на них даже не сердятся. Каким бы усталым ни чувствовал себя человек, как бы горестно он ни был настроен, он никогда этого не покажет детям. Ни отец, ни мать, вообще никто из старших. Обуздание чувств – вот главная нить воспитания, главная линия личного поведения, главная тема многих проповедей. Одним из самых больших пороков считается неумение сдерживать своё раздражение, свой гнев. Речь жены, обращённая к мужу, должна быть сладостна и благоприятна. Дети растут в атмосфере доброжелательности. Первые слова, которые они слышат в семье, призывают

и их к доброму отношению ко всему живому: не раздави муравья, не ударь собаку, козу, телёнка, не наступи на ящерицу, не бросай камней в птиц, не разорь гнёзд – в общем, не приноси никому вреда. Не обижай младших и слабых, уважай старших, будь верен семье.

Сдержанность в чувствах, манерах, разговоре характерна для индийцев. Это страна, где женщины естественны, как цветы. Никаких кривляний, никакого кокетства. Они замыкаются в своём семейном кольце. Для них не существует другого мужчины, кроме мужа. Они любят красиво одеться – для мужа. Они холят свою кожу, сурмят глаза, окрашивают красной краской пробор в холёных волосах, надевают украшения – ради мужа. Они учатся петь и танцевать – ради мужа. И если муж жив и здоров, если он предан семье, – женщина счастлива, она больше ничего не желает, ни к чему не стремится. Муж дан богом, муж – это судьба, мужа нашли родители и отдали ему свою дочь в соответствии с древнейшими обычаями. Мужа она ждала с детства, зная, что только одного она должна любить, только к нему стремиться.

Правилом являются браки по выбору родителей. Выбранного не ею мужа девушка готовится принять со всей полнотой первого и последнего чувства, со всей преданностью и покорностью. Молодые впервые видят друг друга в день свадьбы. Брак считается актом религиозным, и для обеих сторон в равной мере его расторжение является в высшей степени нежелательным.

«Меня интересует жизнь индийской семьи, взаимоотношения между членами семьи. И правду ли говорят о саможжении женщины, потерявшей своего мужа?» – спросил я у Уттомчана. Не отвечая прямо, он начал издалека: «Невестка в индийской семье является самым незащищённым существом, она в полной зависимости от свекрови. А если она выходит за младшего в семье, то над ней полную власть имеют и жёны старших братьев мужа. Индийская семья образует как бы общину из родителей женатых сыновей с жёнами и детьми, неженатых сыновей, незамужних дочерей. Все они живут вместе, иногда человек по пятьдесят. Муж-

чины отдают весь свой заработок родителям, а старший из семьи или свекровь определяет, на что и как надо истратить деньги. Если свекровь недостаточно добра к невестке, то она не балует её ни подарками, ни вообще вниманием. Часто удел младшей невестки – быть бесплатной прислугой, проводя свои дни у очага, у детской кроватки, у посуды, не имея права голоса ни в чём. Найдут нужным отослать её детей к каким-нибудь родственникам – отошлют. Найдут нужным взять для её мужа вторую жену – возьмут... Но самая тяжёлая участь ожидает женщину, если умер её муж. Вдова должна пожизненно служить прислугой в доме его родственников. Все её презирают и угнетают, ведь по традиции считается, что в одном из своих прежних перерождений она так грешила, что боги наказали её теперь. Зачастую эту женщину изгоняли из семьи за то, что она не сохранила мужа. С неё снимали все украшения, брили голову. А если она возвращалась в родную семью, то и там ей было не слаще от попреков своих родителей и жён своих братьев. К тому же, уходя в свой дом, она должна оставить своих детей у свекрови. А какая женщина добровольно пойдёт на это? Перед молодой вдовой, душа которой ещё не успела сложиться и окрепнуть для таких испытаний, открывается страшный путь: либо к глубокому колодезю, либо к самосожжению, когда она обливает себя горючей смесью, заготовленной для осветительных ламп. Бывали случаи, когда не выдержавшие домашней травли бросались под поезд либо в тот же костёр, где сжигали покойного мужа... Плохо приходится и бездетным женщинам. Их обычно довольно скоро заменяют новыми жёнами. Только кроткие, работающие, терпеливые невестки, сумевшие родить сына, являются радостью семьи. А если у женщины ещё несколько мальчиков и девочек, такая мать может занять в семье-общине достойное и прочное место. Но не только от жены требуется покорность мужу и безмерная преданность ему, дети тоже воспитываются в духе покорности и целомудрия до брака. И чистота отношений среди молодёжи соблюдается. Древняя традиция вообще воспрещает всяческие связи мужчины и

женщины до брака... В общем, пока жив муж, индийская женщина не печалится, так как плохие отношения с супругом почти невыносимы, а уж непочтение со стороны детей просто невозможно».

Напившись чаю, мы с Уттомчаном вышли на улицу. Солнце уже заходило за горизонт, и в сумеречном небе были видны всполохи и огненные брызги от фейерверка продолжающейся свадьбы, на которую я не пошёл.

Следующий день был особенно жарким. Ехали в автобусе на работу довольно медленно из-за потока рабочего люда, двигавшегося в сторону завода. На велосипедах по два, и три, и более человек – и это на одном двухколёсном, а пешеходы идут вяло, полусонно, с намотанными на голову чалмами невероятных размеров, вместив сюда чуть ли не весь свой гардероб. Двигаются монотонно, качаясь и шарахаясь из стороны в сторону. Машины грузовые и автобусы переполнены до предела, даже поверх кабин сидят люди. Слышен гомон сплошной толпы и непрерывные гудки машин, отчаянно сигнализирующих, чтобы хоть как-то пробиться вперёд, к заводу. Вдруг автобус перед нами резко тормозит, сворачивая в сторону. Останавливаемся, впереди масса людей, крики, стоны. Выбираемся из пробки, проезжаем медленно мимо собравшейся кучи очевидцев, видим валяющийся искорёженный велосипед и трех индусов, корчащихся в судорогах, а дальше лежат ещё два пешехода. Кровь растекается по раскалённому асфальту. Случилась трагедия, какие нередко бывают на этой дороге. Люди, разморенные жарой, засыпают на ходу и попадают под колёса; а бывает, что шофёр заснёт, и его машина врежется в толпу идущих...

Этот день был наполнен трагическими событиями и в цехе. Машинист крана вёз валки на перевалку, и то ли от жары уснул, то ли что случилось с головой: низко опустил груз, сбил ограждения на переходном мостике и людей, проходивших по нему, серьёзно покалечил двоих. Позже я стал свидетелем другой зловещей сцены. Когда вышла на работу вечерняя смена, я обратил внимание на сварщика печей: он был очень бледен и еле передвигался, был предельно вялым.

Я сказал об этом начальнику смены Трипати. Тот ответил, что уже знает об этом сварщике, но он не болен, а укушен змеёй. «Его же в больницу надо!» – воскликнул я. – «Не надо, – сказал Трипати. – Он всё равно умрёт». – «Так как же, такой хороший человек, надо помочь ему!» – «Змеи хороших людей не кусают, а он всё равно умрёт», – категорично заявил Трипати, давая понять, что разговор окончен. Через два часа этот человек действительно умер на рабочем месте, и никто ему не помог, даже не попытался. «Вот тебе и заповедь этого древнейшего народа, что всё живое должно жить!» – с горечью подумал я.

Индийские люди религиозны до фанатизма, свято верят в сверхъестественные силы, а также тому, что им преподносят жрецы-священники. В одном из храмов я видел статую богини в ожерелье из черепов с высунутым языком. Страшные белые глаза горят (это в пустые глазницы вставлены электрические лампочки). Прихожане сидят на земляном полу перед жрецом – длинноволосым плотным мужчиной лет пятидесяти и с непоколебимой верой исполняют всё, что он велит. Подходят поочередно, пьют воду, которую он наливает им в ладони, в двух-трёх фразах излагают суть своего несчастья и словно в истинном озарении, как божественную панацею от всех бед повторяют слова короткой молитвы, казённо выданную им привычной скороговоркой! Этот жрец считался великим святым, говорили, что ему 150 лет, и он ничего не ест, хотя тело выглядело довольно упитанным. От столицы Дели до самых до окраин шла молва, что нет такого горя, от которого не смог бы избавить этот святой, и что лет десять назад он ещё вкушал земную пищу, но только то, что откусывала от лепёшки или плода змея, которую он всегда носил вокруг своей шеи...

Массовая слепая вера в неотвратимые высшие силы коснулась однажды и нашего цеха непосредственно. Приезжаем утром на работу, а здесь тревожная тишина – непривычная уху металлурга и прокатчика, потому и тревожная. Индусы стоят по всему цеху кучками, понурые и разговаривают чуть ли не шёпотом, словно боясь громким голосом навлечь ещё

большую беду. Мы с Буйглишвили переглянулись, ничего не понимая. «Эти фанатики опять что-нибудь выкинули, какой-нибудь праздник», – предположил Рафаил. Но никакого праздника не было, даже наоборот. Подходит к нам инженер Чатри и говорит: «Вы, наверное, не знаете, что с минуты на минуту произойдёт конец света». Оказывается, звездочёты предсказали катастрофу, столкновение Земли с какой-то большой кометой. И, по словам Чатри, конец света уже начался. За ночь на заводе погибли уже два человека: один попал под поезд, другой свалился с подкрановых путей и разбился насмерть. В больших городах – Бомбее, Калькутте, Дели и других – собрались миллионы людей и молят богов, чтобы они отвели эту беду.

Весь день цех простаивал, и никакая сила никого из индийцев не смогла бы заставить приступить к работе. Все они изменились до неузнаваемости: взгляд безразличный, движения скованные; словно находясь в каком-то трансе, многие стояли неподвижно и только шевелили губами, повторяя что-то еле слышно.

Когда возвращались домой вечером, город был окутан каким-то таинственным мраком, люди на пути почти не попадались, и ощущение было такое, будто действительно что-то произойдёт, ведь не зря же вся многомиллионная Индия молится и погружена заранее в такой траур.

Прошла тревожная ночь, утром я проснулся часов в шесть. Солнце было на восходе, обычное утреннее небо окрасилось красно-оранжево-голубым цветом, и я сразу понял, что конец света не состоялся. По дороге на работу в автобусе оживлённо болтали всё на ту же тему, а шофёр Сардар, посматривая в салон, улыбался нам гордо и довольно, словно говоря: «Знай наших!». Только подъехали к цеху – навстречу выскочили индийские коллеги, все весёлые, празднично одетые и с намасленными волосами, сиявшими на солнце так же, как и их счастливые лица. Заговорили наперебой: «Отмолили! Не произошло конца света!» И стали перечислять, сколько миллионов молилось в том или ином городе. «Вот находка для их священников, теперь ещё круче

загнут веру во всевышнего! – сказал я Рафаилу. – Так же, как и у нас было в матушке-Рассе во время засухи. Хлеба горят без дождей; попы соберут крестьян, пройдут с молебном по полям – и дождь пошёл. Урожай спасён, и все ещё больше уверовали в силу бога, в силу святости. А секрет-то был не в боге, а в показании барометра на дождь и в ломоте костей, происходящей у старых людей перед ненастьем».

«А теперь как? – спросил Буйглишвили у начальника станца Чатри. – Работать будем?» Тот согласился и, раз конца света не случилось, дал команду на начало прокатки. Индийские рабочие обнимались и искренне радовались, вознося хвалу богам и даже не подозревая о том, что комета пролетела, минув Землю, на расстоянии многих миллионов километров. И переубедить их было невозможно. Всё время твердили, что это чудо произошло благодаря тому, что они молились.

Апрель приближался к концу, и жара всё усиливалась, порой даже доводя до отчаяния: «Выдержу ли?». Уже не раз я до волдырей обжигал руки о металлические трубки сидений автобуса, ведь носили мы только рубахи с короткими рукавами. Иногда выйдешь из цеха на улицу в поисках прохлады, а там ещё жарче, чем в горячем цехе. Невольно позавидуешь орлам и грифам, медленно кружащим в небе, подумаешь: «Вот кому хорошо, там, на высоте, прохлада, и они блаженствуют – парят и парят, расправив большие крылья».

Перед Первомаем Рафаил предложил вместе справить праздник у него дома. Накануне, в выходной день, мы с ним и его сыном Юрой сели в джип и поехали на базар за продуктами. Закупив всё необходимое, собрались обратно. И вот когда я уже был у машины, ко мне подошла до предела высохшая оборванная женщина с ребёнком на руках. Поскольку он был совершенно голый, сразу бросалось в глаза и его полное истощение. А за юбку женщины держался мальчуган чуть постарше, но такой же страшно худой – скелетик, обтянутый кожей. Женщина протянула ко мне костлявую руку и нараспев проговорила: «Бабу мани, сааб мани». Нас предупреждали, чтобы мы не подавали нищим, иначе могут возникнуть неприятности, мне и по своему опыту это

было известно. Но, увидев страдающую мать и двоих детей, и вспомнив, как сам чуть не умер от голода в Челябинске, а потом в блокадном Ленинграде, зная, как это мучительно, я не выдержал и высыпал ей в руку всю мелочь, что была в кармане. Шофёр-индус наблюдал за этой сценой, тоже находясь около джипа. А нищенка, сжав деньги в кулаке, быстро отошла. Еще пять-шесть минут я ждал Рафаила с Юрой. Вдруг слышу топот множества ног и вижу, как из-за угла здания на базарной площади вываливает толпа и несётся в нашу сторону. А впереди всех бежит та самая нищая женщина с ребёнком и показывает рукой на меня. Хорошо, что Рафаил с сыном были уже рядом, шофёр крикнул, чтобы все скорей запрыгивали в машину. И едва мы успели отъехать, как толпа накрыла то самое место, где только что находился наш джип. Шофёр, хоть и слабо говорил по-русски, смог объяснить, что если бы мы не успели уехать, эта толпа растоптала бы нас. А я ещё раз убедился, что страшнее и беспощаднее голода ничего нет. И индуистское учение о гармонии всего живого верно во всём, кроме надежды на человека. Это человек породил господ и рабов, капиталистов и нищих. А нищих всякого рода эксплуататоры давят не только жестокой эксплуатацией, но и голодом. Разумное существо – человек – выходит явным противником закона природы, который не терпит, если нарушено равновесие, насылает катаклизмы и всякие проклятия. Но сыплются они не только на злостных нарушителей, в большей мере несут беды неимущим...

Пока я так раздумывал, доехали до гостиницы. Магдалина уже орудовала на кухне, ей в помощь подошла Вера, жена Пастухова, а вскоре появился и сам Лёва с дочкой Наташей. Меня, как всегда, оседлали два прелестных создания – Юра с Наташей, завалили своими расспросами и рассказами. Рафаил сервировал стол тарелками, ножами, вилками, открывал бутылки с виски и ромом. И, наконец, ввалился начальник ОТК цеха индус Кини с двумя дочками-близняшками.

Кини – человек грузный, упитанный (даже излишне), волосы чёрные с проседью, глаза большие, лицо широкое, серое, не характерное для Индии, черты его грубые. Зато дочери

– будто сошедшие с экрана героини индийского кино, только имена у них были не Зита и Гита, а другие. Живя уже полгода в этой стране, я впервые увидел таких красавиц и так близко. Глаза у них были большие, выразительные, лица овальные и немного смуглые, волосы чёрные блестящие. Но особый восторг вызывали их фигуры – стройные, точёные, женственные, будто специально сделанные талантливым скульптором изваяния на выставку. Красивые разноцветные сари, шитые бисером, плотно облегли тело, ещё сильнее подчёркивая прелести этих красавиц. Очень шли им и украшения: кольца, браслеты на руках и ногах, в ноздри продето тонкое золотое кольцо с драгоценными камнями, с пробора гладко причёсанных волос на лоб свисает золотая розетка, сверкающие серьги в ушах бросают светлые блики на шею и щёки.

Девушкам было лет по 18. Заметив наше повышенное внимание и восхищённые взгляды, они опускали глаза, и сквозь смуглую кожу лица проступал румянец.

Осмотревшись и перезнакомившись, все сели за стол, поздравили друг друга с праздником 1 Мая, и, по нашему русскому обычаю, начихав на «сухой» закон, выпили по традиционной рюмке. Поднялось настроение, начались воспоминания, как мы справляли этот праздник дома, и теперь уже юные индианки с любопытством наблюдали за каждым нашим движением. Им явно было интересно, как мы проносили тосты, чокались, как одним махом опрокидывали стопки с виски и после этого сидели за столом и не падали, тогда как их отец осоловел от одной рюмки. Сами они даже не притронулись к своим фужерам, хотя в них был не какой-то крепкий напиток, а сухое вино.

Беседа разгоралась. Наш индийский гость, сначала с трудом изъясняясь по-русски, незаметно для себя начал бойко говорить по-английски, а мы, ничего не понимая, только кивали головами. Один Лёва, первое время сидевший молча, словно проснулся и вступил в полемику с индусом, мы с Рафаилом даже рты раскрыли. «Вот чешет, и когда он успел нахвататься? Я хожу на курсы английского, и то не понимаю, что толкует этот иностранец. А Лёва шпарит, будто родился

в Англии», – сказал я. – «А секрет весь в том, что Лёва работает с индусами, которые не умеют разговаривать по-русски, – сказал Рафаил. – А у тебя почти вся мехслужба говорит по-русски, да ещё есть переводчица. И ты думаешь, он говорит по-английски? В его речи несуразная помесь английского, урду, хинди, вот он и шпарит на интернациональном».

В разговор вмешалась Магдалина, попросила Лёву, чтобы мистер Кини рассказал об индийских танцах. «А если его дочери танцуют, нам бы хотелось посмотреть», – добавила она. Лёва перевёл её просьбу, и наш гость мгновенно преобразился, по лицу пробежала довольная улыбка. Он поговорил с дочками, сходил за своим саквояжем и извлёк из него бубен. И тут же по натянутой коже инструмента заработали его пальцы. Обе красотки повели глазами под длинными ресницами и, прямо как профессиональные танцовщицы, начали, изгибая точёный стан, выделять разные фигуры, движения руками, ногами и головой – то плавные, то резкие, то вращаясь, двигаясь синхронно в одном направлении, а потом в другом. Мы восхищались их грациозностью и гибкостью, увлечённо смотрели на необычные красивые движения, хлопали в ладоши в такт ритму бубна, но понять, что они выражают своим танцем, не могли.

Когда закончился танец, Кини обвёл всех взглядом и, заметив наше замешательство, начал объяснение. Лёва Пастухов переводил, но так, что смысл увиденного представления так и остался нам неясен. До нас дошло единственное, что они изображали похождение одного из своих многочисленных богов. Перед тем, как начать новый танец, Кини рассказал нам его содержание по-русски. И хотя он безбожно коверкал слова, мы поняли, что сейчас будет показан крестьянский труд в уборке и обмолоте риса.

Снова зазвучал бубен, девушки вспорхнули со стульев и начали танцевать. Мы изумлялись точности их движений. Глядя на этот танец, мы будто присутствовали на рисовом поле, увидели самую трудную работу – уборочную страду. Даже страдания крестьян были тонко воплощены в их движениях. На лице усталость, глаза скорбные, веки опущены,

и прямо чувствуется, как по длинным ресницам стекает пот, который они смахивают молниеносным движением рук. А вот стан изгибается от тяжести снопа, скошенного серпом. А вот глаза и ладони поднимаются к небу: люди просят богов помочь им в тяжком труде или ниспослать прохлады, защиты от палящего солнца. А вот они трепещут и извиваются, отмахиваясь от саранчи или других насекомых, мешающих им в работе. Заканчивался танец победой труда и радостью от выращенного урожая, изображалось это движением рук, пересыпающих из одной ладони в другую полновесные, спелые зерна, а также радостными глазами на сияющем лице.

Мы так вжились в этот танец, что малейший жест девушек рукой, ногой и даже пальцем был для нас естественен и понятен. У них пробежала по лицу тень усталости, и нам казалось, что от работы серпом начинают болеть спины...

У всей нашей компании глаза светились от этой чудо-поэмы, возникшей благодаря искусным движениям двух хрупких юных созданий. Я впервые почувствовал естественность, неотрывность от природы и образность, воспроизводимые танцем, от которого все присутствующие получили великое наслаждение. Своими бурными аплодисментами мы выразили искреннее восхищение. И тут я вспомнил рассказ своего друга Петра, механика рельсобалочного цеха КМК, который однажды то ли по пьянке, то ли по другой нелепой причине оказался в городском драмтеатре (ныне Театр металлургов) на выступлении народной артистки СССР Ольги Лепешинской. Встретились мы в цехе, и он сказал, что вчера побывал на балете. «Ну и как?» – спросил я. – «Что «как»? Выбежала на сцену почти голая баба, да как закрутится! А потом как сиганёт! Подскочил мужик в одних плавках, схватил её, а она его, как змея, обвила всего... Больше не пойду!» – заявил он в заключение. Вот такие мы были неотёсанные. А теперь я, увидев танец индийских девушек, как бы прозрел. Оказывается, балет – это чудо, это вершина, пик искусства, где в танце выражается любовь и ненависть и вообще всё духовное и физическое, воплощённое в человеке. И мне, как и всем на этом празднике, захотелось увидеть и другие танцы в испол-

нении двух этих красавиц, и вообще индийские танцы: так выразительны они были и понятны даже нам.

Банкет закончился, но уходить от этой весёлой домашней компании мне не хотелось. Тоскливо стало, даже жалко себя до слёз. Все семейными парами расходятся, между собой разговаривают, только я один, как бобыль, сижу никому не нужный. Подошли Пастуховы и, увидев меня таким расстроенным, дружески обняли, жена Лёвы Вера добрыми словами и женской лаской успокоила меня. Я сел в такси и уехал из гостиницы к себе домой.

Снова потекли однообразные дни, дни ожидания. Настроение у меня становилось всё хуже, появилась нервозность, смотреть ни на что не хотелось. Соседи заходили ко мне, приглашали играть в карты, в шахматы, но я отвечал коротко: «Приедет жена – тогда всех навестим». На душе было муторно, не хотелось ни читать, ни английским заниматься. А тут еще соседка Лиза, раньше приходившая за посудой с сыном Колей, зачастила одна, и то рано утром, то поздно вечером. И таким вкрадчивым нежным голосом со мной разговаривала, что вынуждала меня на грубости. В конце концов я собрал посуду и, как только она опять появилась, выпалил: «Вот вам посуда, и больше не приходите до приезда жены!». Она, конечно же, ничего не взяла и до приезда моей Марии больше не показывалась.

Наконец я получил из дома обнадеживающее письмо. Маруся написала, что пришёл вызов, и она начинает оформлять выездные документы. Это известие меня так обрадовало, что всё засияло в радужных цветах, окружающие меня люди показались иными, добрыми ко мне, всех их мне хотелось обнять и рассказать о своей радости. Я и рассказывал, и показывал письмо. Первым сообщил Рафаилу и Лёве. А к вечеру уже знали все наши русские в цехе и жители городка «Бхилай Хаус».

Впервые за шесть месяцев, в эйфории возвращаясь с работы, я наблюдал закат солнца прямо из автобуса, мне он показался прекрасным, и я запомнил его на всю жизнь. Если раньше я не замечал этого природного явления, то теперь,

находясь в хорошем настроении, я как мальчишка радовался всему. Краски зари играли в ясном безоблачном небе, она вся целиком наливалась разными цветами поочередно. Краски проплывали по своду неба от горизонта до горизонта, меняясь неуловимо и восхитительно. И кончилось всё это тем, что небо превратилось в прозрачный сияющий купол из розоватого золота, и потом это золото начало меркнуть, терять блеск и быстро таять во тьме, которая обрушивалась сверху на землю с невероятной быстротой, пока густой мрак не заполнил всё вокруг.

Обычно вечером с работы мы выезжали ещё засветло, но проходило всего 15-20 минут, и до своего городка добирались уже с зажжёнными фарами автобуса. Так случилось и в этот раз. Пока шёл по веранде до своей квартиры, встретил соседку Машу. «Это правда, что жена едет?» – спросила она. – «Только оформляется, до приезда ещё далеко», – ответил я. – «Ничего не далеко, – возразила она. – Смотри не просчитайся, ведь письма идут целый месяц. А за месяц можно оформиться и приехать». – «Да ты провидец, Маша! – воскликнул я. – Зайдём в квартиру и разберёмся с письмом».

Когда я вновь прочёл его и изучил штемпель на конверте, убедился, что письмо шло ровно месяц. «Так вот что, дружок, – добродушно сказала соседка, – надо навести порядок в квартире, чтобы был праздничный вид. А то у тебя, как в пещере: шторы грязные, старые, ширма тоже ветхая». Ну, и так далее: в холодильнике пусто, кондишен гремит, на подоконнике пыль... Осмотрев женским взглядом всю квартиру, в заключение Маша сказала, что завтра же вместе с боем-уборщиком она наведёт чистоту, в воскресенье мне надо ехать в город Дург покупать материал, а остальное всё она сама сделает.

За эту неделю Мария Андреевна с уборщиком-индусом навели в моей квартире полный порядок. С комендантом городка я договорился о замене кондиционера на новый. В выходной день мы с соседкой съездили в город и купили парчи для портьер и занавесок. В течение недели Маша резала, шила, и к середине июня всё было готово. После того как мы заменили

старьё на новое, жильё приобрело совсем другой вид. Парча переливалась нежным цветом золота и создавала впечатление не квартиры, а церковного алтаря, только без икон.

Всё было готово: и портьеры шелестели новые, и кондиционер работал почти бесшумно, и перемытая посуда стояла в шкафу в ожидании хозяйки, а её всё не было и не было. Я даже съездил на железнодорожную станцию города Дурга, узнал, когда прибывают поезда из Дели, Нагпура. Поинтересовался, не опаздывают ли они.

Прошёл еще месяц тяжёлого ожидания, но вместо Маруси пришло от неё письмо. Оказалось, выездные документы она оформила и отослала уже давно. Также она писала, что скучает и уже вся извелась от неопределённости. А вот Люба призналась, что она рада, так как мама пока с ней.

Наконец я не выдержал, и как-то на работе на меня такая злость нашла – чуть ли не до истерики. Я все дела в цехе бросил и решительно направился прямо к консулу. Миновал все преграды, ворвался к нему в кабинет. Он был на месте и, впервые увидев меня таким разъярённым (а встречались мы на совещаниях не один раз), испуганно спросил: «Что произошло?». Я ему подробно изложил свою обиду. Он попросил подождать в приёмной результата. Я просидел с полчаса, он меня вызвал и сказал, что Рогинцева Мария Васильевна уже в Москве, оформляет отъезд. Максимум через неделю будет здесь, «так что встречайте, поздравляю».

Шёл я от консула – душа пела, а на память пришла строчка стихотворения Пушкина: «Как ждет любовник молодой минуты верного свиданья». Шёл до цеха и в мыслях повторял и повторял эти слова в такт, который отстукивали мои туфли по разогретому солнцем асфальту. Не чувствуя ног и даже пяток, а их обжигало раскалённой дорогой, примчался в цех весь мокрый от пота, и жажда мучила так, что во рту всё пересохло, не мог говорить. Подскочил к ближайшему кулеру (у нас было установлено штук десять американского производства, они фильтровали воду и охлаждали её до заданной температуры) и пил из своей ладони до тех пор, пока пот ручьём не потёк по спине и груди.

Вечером, только я вернулся домой с работы, в дверь постучали. Зашёл купец Уттомчан с неизменным своим спутником – громадным узлом с различным ширпотребом. Окинув внимательным взглядом мои апартаменты, он спросил: «Леди ещё не приехала?» – «Скоро приедет», – ответил я. Тогда он забросил свой купеческий узел не на плечо, как обычно, а под кровать, сказал: «Намасте», и ушёл.

А на другой день заявила ко мне вся семья Волковицких: Иван, Лиза и их сын Коля. «Слышали, приезжает Мария Васильевна, – сказал Иван Тимофеевич. – Вот, пришли: может, чем помочь надо? Всё-таки соседи, да и ты нас выручаешь посудой и деньгами». О моей семье они давно всё знали. Пока Лиза сюда не приехала, Иван часто навещал меня, и у нас было много разговоров в жёнах. А потом Лиза всё время выпрашивала меня о Марусе и постоянно твердила, что они обязательно подружатся, ей моя жена уже заочно нравится. В этот раз просидели-просудачили допоздна, если бы дома в России, то давно бы напились и спели не одну песню. А здесь, в условиях сильной жары, еще и «сухой» закон многих удерживал от соблазна. Хотя за деньги можно купить всё, в том числе и спиртное, я сам в этом убедился. Вчера приходил ко мне шустрый индус, прозванный среди нас, русских, Контрабандистом. Так он предлагал мне и ром, и виски, и бренди. Он хорошо говорит по-русски, и я спросил, не боится ли он продавать спиртное, полиция же может арестовать. На что он ответил: «Полиция тоже любит деньги, как и я». А может ли он достать нашу советскую «Столичную»? «Сразу – нет, а через неделю – можно», – заверил он. Я купил у него бутылку виски и бутылку бренди.

ИСПЫТАНИЕ ЗНОЕМ

Дни тянулись бесконечно долго. Я уже дважды покупал различные фрукты и дважды раздавал их соседским детям, чтобы не испортились. Изнывал от ожидания, а ещё больше – от жары. Казалось, спасения от неё никакого нет. Кондиционер слабо помогал: если на улице плюс 45 градусов, то в квартире – плюс 35. Раньше душ выручал, но в последние дни из распылителя бежал чуть ли не кипяток, так как магистральные водопроводные трубы здесь проложены не в земле, как в СССР, а над ней, на высоте более одного метра от поверхности. И под палящим солнцем вода в них нагревалась почти до кипения.

Изнемогая от жары, люди становились вялыми, тупели, у них замедлялась реакция. В полдень, когда солнце стояло в зените, жизнь, казалось, вообще замирала. Редко когда по дороге проезжали автомобили, а люди вообще не показывались. Магазины закрывались, учреждения – тоже. Всё вокруг утопало в зловещем мареве. От безысходности со злостью посмотришь на солнце и подумаешь: «Когда же ты перестанешь палить и выжигать всё живое?!» А оно вертикально над головой, совсем не яркое и даже маленькое. Не то, что у нас: смотреть на него нельзя – сразу слепит. Здесь же покрыто какой-то пеленой, и смотришь на него свободно, даже глаза не режет. Но печёт так, будто воздух раскалён не этим светилом, а льющейся с высоты магмой вулкана.

А природа? Если два месяца назад повсюду буйно росла трава, деревья были пышно одеты листвой, цвели и благоухали, а под густыми кронами щебетало несметное число птиц, теперь стояли одни голые стволы, травы будто вообще никогда не было, и только отдельные вечнозелёные манговые деревья не боялись никаких лучей.

В нашем цехе с наступлением полуденной жары тоже прекращалась работа. Горячий воздух от раскалённого металла и палящее солнце создавали нестерпимую атмосферу. Ни операторы, ни вальцовщики, ни машинисты кранов не выдер-

живали экстремальных условий, покидали пульта и рабочие места, убегали либо в машинный зал, где воздух охлаждался мощными кондиционерами, либо в тень, на сквозняки.

Вечером дома многие садились по струю спасительного ветерка от кондишена, или под душ, даже если вода текла совсем не холодная. И, как ни странно, от горячих сквозняков заболели простудными болезнями.

Особенно худо было людям с сердечно-сосудистыми проблемами, они задыхались и доходили до обморочного состояния. Через три квартиры от моей жил машинист правильной машины нашего цеха Вася Миронов. На вид он был крепким, но от жары просто умирал. Приезжая с работы, с трудом доплетался до своей квартиры, голым ложился на бетонный пол в душевой комнате, от которого исходила хоть какая-то прохлада, открывал душ и лежал под текущей водой часами, еле приходя в нормальное состояние. Чтобы избежать трагедии, таких людей, как правило, отправляли обратно на Родину.

Наблюдали мы и удивительный парадокс. Индийцы, живущие в таких природных условиях тысячелетиями, казалось бы, должны переносить жару лучше, чем мы, но получалось наоборот. На их изнурённые, застывшие от муки безразличные лица жалко было смотреть. Если мы только обливались потом, они падали от теплового удара. Работали почти голыми, только голову тщательно укутывали чалмой невероятных размеров, и было впечатление, будто полускелет несёт на голове корзину с каким-то скарбом, а от их почти чёрной кожи исходили солнечные блики, как от зеркала. Удивительно было ещё и то, что кожа у них никогда не облезла, мы же боялись выходить на солнце, не прикрыв тело; загар индийский к нам не приставал, наша кожа мгновенно краснела и через день покрывалась волдырями от ожогов.

Солнечная радиация здесь настолько сильная и опасная, что с непокрытой головой нельзя показаться на улице: велик риск теплового удара. Небо в Индии прозрачно-чистое и даже не голубое, а синее. Раньше подобное я видел только на картинах и не слишком верил такой синеве. Теперь же вижу на-

яву каждый день от восхода до заката. Я часто всматривался в этот бездонный океан с надеждой, не покажется ли хотя бы небольшой обрывок тучки. Воздух обычно стоял неподвижно, ни малейшего дуновения ветерка, но если слегка потянет, то обжигает лицо и руки – так же, как у нас в Сибири мороз.

В первые дни июня небо начали посещать редкие облака, и лёгкий ветерок шуршал в засохших листьях деревьев. Потом облака стали уплотняться и превращались в тучи, которые застилали всё небо. Но тень от этих туч не радовала нас, ведь она только усиливала зной. Если раньше хоть ночью жара немного спадала, и становилось полегче, то теперь и ночью было так же жарко, как днём. Накалённая за день земля отдавала своё тепло, но конвекции воздушного потока не происходило, те же облака и были препятствием.

МУССОННЫЕ ДОЖДИ

Но самый кромешный ад мы испытали, когда на раскалённую землю хлынул первый дождь. Казалось, крупные капли не долетали до земли, а испарялись ещё до её поверхности, превращаясь в горячий туман, который обволакивал всё вокруг. Вся наша одежда промокала и становилась горячей, даже если мы находились в укрытии. Волосы, ресницы насыщались влагой и будто утолщались, если от локтя до кисти проведёшь рукой – вода стекает ручьём.

Первые дни муссонных дождей (их здесь называют мансунами) стали для нас самым тяжёлым испытанием. Болела голова, во всём теле ощущалась слабость, отсутствовал аппетит, затруднялось дыхание, особенно у сердечников. Появилось какое-то безразличие ко всему. Но через три дня паровой, как в бане, эффект пошёл на убыль, стало даже прохладно. То есть градусов на десять меньше обычного. Просто мы, привыкшие к 40-45-градусной жаре, и такое снижение температуры воздуха сразу почувствовали с облегчением.

Зато теперь природа приготовила нам другое испытание – бесперывные проливные дожди. Они продолжались и днём, и ночью, да еще и с громом и молниями. Все знают это явление, называемое грозой, но не все видели и слышали его по-настоящему грозную силу. В Индии грозы – жестокая и жуткая стихия. Молнии толщиной с руку и в самом деле напоминают пляску бесов, как в стихотворении Пушкина. Смотришь на горизонт – а землю как бы пронизывают, пробивают ярко-голубые зигзаги, раз за разом выскакивающие из сплошных туч. Ошеломляющий гул грома заглушает всё вокруг, от очередного удара землю встряхивает, и дрожат дома.

Но и это было ещё не всё. Самое страшное началось, когда из-за непрекращающихся дождей стали выходить из берегов мелкие и крупные реки, и напор воды был такой, что легко смывало деревушки. Все дома нашего городка превратились в островки среди моря. И теперь-то я понял, почему

наши жилые блоки стоят на сваях, возвышаясь над землёй на целый метр. Но и этого бывало недостаточно: иногда вода подходила к самой кромке порогов и могла переливаться в квартиры.

С мансунами пришла и другая беда – змеи. Дождями залило их норы, и они, спасаясь от воды, выбирались на любое возвышение – будь то дом, косогор или шоссе, предусмотрительно проложенное по высокой насыпи. Каждый день коллеги по работе рассказывали истории со змеями – одна страшнее другой. К Ивану Чернявскому, механику рельсоотделки, за один вечер приползло на кухню аж две кобры, и он убил их. У индуса Апарао змея оказалась прямо на кровати, он обнаружил её утром и прогнал. Когда я спросил, почему он не убил её, она же заползёт снова к нему или к соседям, Апарао ответил, что убивать нельзя: если бы убил, то другая приползла бы и укусила его. (Тут я подумал: а вдруг приползёт к Чернявскому и укусит его, он же убил сразу двух).

Все дни продолжались ливни, и утром, проезжая на работу, мы видели на всём пути до завода лежавших поперёк дороги двух-трехметровых змей, раздавленных машинами. Индусы, живущие в глинобитных избушках, рассказывали, что змеи – их частые гости, заползают на крыши и внутрь, прячутся по тёмным углам жилья. И домочадцев они не кусают – наверное, потому, что хозяйки поят их молоком. Но мы, русские, слабо верили в дружбу змей с людьми. Однажды семилетний мальчуган, сын нашего специалиста, охотясь за земляным крабом, залез рукой в нору. А там оказалась змея и укусила его. Если бы вовремя не была оказана медицинская помощь, то наверняка скончался бы парень, но наш врач сделал блокаду и ввёл вакцину. Мальчишка выжил, но долго болел. И мы тогда окончательно убедились, что змея не щадит никого – ни старого, ни малого, и кроме страха перед этими тварями ничего не испытывали, а при случае убивали их беспощадно.

Кроме змей из земли поползли жуки, крабы, ящерицы и другая живность, а по ночам не давали спать появившиеся

москиты. Это такой небольшой комар, но кусал он похлеще нашей осы. Днём, пока светло, и вечером, когда горит электролампочка, их не видно и не слышно. Но стоит только погасить свет – и начинаются заунывные мелодии, как у пикирующего бомбардировщика. Зажжешь свет – всё исчезает. Снова ляжешь и начинаешь засыпать – он опять пикирует и противно гнусавит. Иногда такие состязания продолжались по целой ночи, и лишь когда москиты искусали меня до шишек, я начал тщательно искать, где они прячутся. Оказалось, их целый рой под кроватью, где они были недосыгаемы для охранявшей меня ящерицы.

Расправившись с москитами, я успокоился, но ненадолго. Как-то вечером захотел напиться чаю, достал стандартную коробочку рафинада, заглянул в неё, а там вместо белых пиленых кусочков какая-то тёмно-рыжая масса. Пригляделся и понял, что это муравьи. Вышел на улицу и вытряхнул их из коробки вместе с изъеденным сахаром. А когда вернулся в квартиру, увидел: по полу двигалась непрерывная цепочка таких же муравьёв! Из щели под дверью они ползли по диагонали через всю квартиру в душевую комнату и там через щель выбирались на улицу. Я в течение целой недели пытался справиться с нашествием этой армады, но тщетно. Заделал все щели, а они пробивались в другом месте. Двигались рядами в два-три мураша сплошным потоком. Сахар я теперь прятал в сахарнице, подвешивая её с потолка на верёвочке посередине комнаты, но они и здесь его находили и набивались плотной массой. И пока весь огромный муравейник, взявшийся бог весть откуда, не переселился, я не знал покоя...

...После месяца разгула стихии, когда вода потоками обрушивалась с неба, непрерывные ливневые дожди начали сменяться на кратковременные, иногда сквозь тучи пробивалось солнце. На земле появилась светло-зелёная травка. И мы, отдохнувшие от жары, чувствовали себя бодро.

ЖЕНА ПРИЕХАЛА!

У меня настроение было прекрасное, да и как ему не быть таким, если со дня на день должна приехать моя опора и надежда. О, боже! Как я её жду! На работе зайду в кабинет и подолгу смотрю на телефон: не зазвонит ли? И, наконец, раздался долгожданный звонок. Начальник отдела кадров сообщил, что моя жена сегодня выехала на поезде из Дели, завтра будет здесь.

Я тут же поделился этой новостью с начальником цеха Буйглишвили. Рафаил заранее поздравил меня и сказал: «Можешь три дня не выходить, за твоим хозяйством присмотрит Иван Чернявский». Я нашёл в цехе своего помощника Чернявского, передал ему неоконченные дела, и в этот день после обеда уже не поехал на работу, а занялся подготовкой встречи.

Прошёл по городку, нарвал букет цветов, поставил их в горшок с водой. Нашёл продавца фруктов и сделал ему заказ: чтобы завтра утром принёс свежих, а также булку хлеба и буйволиного молока.

Утром стук в дверь, открываю – продавец стоит с полной корзиной на голове. Я купил у него бананы, мандарины, ананасы – в общем, всё, что он принёс. Разложил фрукты по полкам, на стол, на холодильник, и по комнате поплыл чудный аромат. Пока рассчитывался в дверях с продавцом, вышли из своих квартир Лиза Волковицкая и Маша Буряченко, поинтересовались моими делами, хотя по глазам было видно, что они и так уже поняли, что происходит. «Да, в 11 часов еду встречать», – сказал я.

Нарвал ещё букет цветов, теперь уже на своей клумбе, переоделся в праздничное и на такси поехал на железнодорожную станцию Дург. По приезду туда увидел толпу встречающих индусов, а среди них и несколько наших специалистов с завода. Постояли-посудачили, и вот уже поезд показался, стал медленно приближаться. И ещё в окне вагона я разглядел родное лицо. Сердце заколотилось, всё моё существо

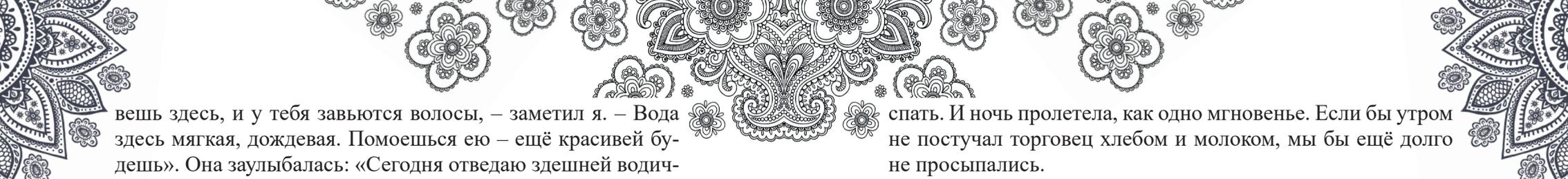
пронзила радостная молния. И я пошёл рядом с вагоном, рядом с рукой, которая махала мне из раскрытого окна.

Наконец поезд остановился, и на ступеньках показалась она – такая свежая и красивая. Она не спустилась по ступенькам, а прямо упала на меня с площадки. Я поймал, подхватил свою долгожданную на руки, отнёс от вагона. Маруся целует меня, обнимает, а индусы стоят вокруг и хохочут. Говорю ей: «Здесь не принято целоваться», а она в ответ: «Нам везде принято, даже и здесь». Я махнул рукой на все запреты и целовал её, как на нашей свадьбе.

Начал накрапывать дождик. Индус поднёс вещи жены и уложил в такси. Мы сели вместе, теперь уже семьёй, и поехали. Она всю дорогу сидела, повернувшись ко мне, и я тоже смотрел только на неё. Дождь хлестал, как из ведра, даже в машине было темно. «Такой дождь к счастью», – сказала жена. – «Ты моё счастье», – ответил я.

Такси остановилось, дождь тоже, как по заказу, приостановился. Зашли в квартиру, следом таксист занёс вещи, улыбнулся нам и вышел. В комнате стоял густой аромат от цветов и фруктов. Маруся мельком огляделась и полушёпотом произнесла: «Как тут хорошо!». И кинулась мне на шею, поняв, что здесь теперь и дом, и семья, и земное счастье, которое нас наконец-то навестило.

Когда первый приступ эйфории и объятий кончился, и мы начали приходить в нормальное состояние, Маруся как-то осторожно и даже робко заглянула в шкаф с посудой. Потом поставила тарелки на стол, нарезала красных помидоров, свежих огурцов, хлеба. Раскрыла чемодан и извлекла из него бутылку «Столичной», баночку красной икры, колбасу. Всё это аккуратной женской рукой было расставлено и разложено, и получился богатый праздничный стол. Мы сели за него, но не притрагивались ни к рюмкам, ни к еде, а говорили и говорили, не спуская друг с друга глаз. «Ну, ты превзошёл сам себя! – сказала Маруся. – Какая пышная и кудрявая шевелюра! Тебе здесь завивку делают, что ли? И мордочка разгладилась, хоть на образа рисуй!» – «Пожи-

вешь здесь, и у тебя завьются волосы, – заметил я. – Вода здесь мягкая, дождевая. Помоешься ею – ещё красивей будешь». Она заулыбалась: «Сегодня отведаю здешней водички, мне это очень кстати после такой дороги».

Мы подняли рюмки за встречу, и после этого она начала рассказывать, а я слушал и наслаждался самым звуком её певучего голоса. Попутчицей из Сталинска у неё оказалась жена бригадира слесарей с КМК, который сейчас работает в мартеновском цехе Бхилайского завода. Поскольку эта женщина раньше никуда не выезжала, Марусе пришлось с ней водиться, как с ребёнком, везде её опекать. В поезде та поссорилась с проводницей, да так, что поставила ей синяк под глаз, начальник поезда вызвал милиционера, хотели высадить на полустанке, но Маруся заступилась, и женщину только оштрафовали. Когда приехали в Москву, та вообще растерялась, всего боялась – и людей, и машин, а в метро вообще шарахалась, когда с гулом приближался поезд. «Так я устала от этой женщины! – сказала Маруся. – Себя так нахально вела, а где надо быть решительной, она терялась. Когда прилетели в Дели и зашли в аэропорт, она так испугалась обезьяну, проходившую мимо, что её затрясло, и она упала без сознания, пришлось отхаживать». – «Хватит об этой женщине, – сказал я. – Давай выпьем ещё по стопочке, да расскажи о себе, о доме, наших друзьях». Мы сидели, закусывали; я нажимал на копчёную селёдку, по которой успел соскучиться, а моя жёнушка – на фрукты. И не было большего блаженства, чем это: сидим вдвоём после девяти месяцев разлуки, дышим одним воздухом, думаем одними мыслями и говорим, говорим без конца, то и дело дотрагиваясь друг до друга губами. Мы немножко опьянели, но больше не от выпитого, а от радости встречи. Маруся улыбалась, смеялась, и только один раз слёзы выступили у неё на глазах, когда она сказала: «Была бы здесь рядом доченька – для большего счастья ничего не надо».

Не заметили, как пролетел день, начало смеркаться, а мы всё сидели за столом. Наконец усталость взяла своё, легли

спать. И ночь пролетела, как одно мгновение. Если бы утром не постучал торговец хлебом и молоком, мы бы ещё долго не просыпались.

Я вышел на улицу. Было по-прежнему пасмурно, шёл дождь. Я взял с подоконника хлеб и молоко и вернулся в квартиру. Маруся уже мылась под душем. Вот и начался второй день нашего совместного жития. Я сел в кресло, протираю глаза: уж не сон ли это? Да вроде нет, под душем плещется человек, на втором кресле лежит платье, около шкафа стоят туфли. «Как хорошо, что она решилась, приехала!» – сказал я про себя.

И вот выходит моя дорогая из душевой – свежая, румяная. Улыбается и с восхищением говорит: «Да, действительно, здесь очень мягкая вода, ты подумай только». Вот они, родные слова, любимая присказка! «Ты подумай только» – эти слова она часто повторяла, не замечая их, а я после этих слов всегда задумывался, и ясные, добрые мысли приходили в голову.

Мы сели завтракать вдвоём, и никто нам не мешал, только по бетонному полу веранды шаркали чьи-то шаги, наверное, любопытные соседки подходили к двери, но не решались зайти.

Сегодня волнения от встречи уже поулеглись, и мы разговаривали не урывками, стараясь рассказать обо всём сразу, а осмысленно, спокойно, отпивая небольшими глоточками кофе с буйволиным молоком. Видя, как Маруся смакует это заморский напиток, я спросил: «Нравится?» – «Очень, только молоко очень жирное». – «Конечно, а если его пить цельным, то даже приторно. Но ты ведь любишь сметану и сливки, пей и поправляйся», – сказал я, глядя на неё, похудевшую и, кажется, ставшую ещё стройнее. – «А не хочу больше поправляться, мне сейчас так легко, только придётся платье ушивать». – «Подожди, как бы не пришлось расставлять. Здесь такой климат, он отрицательно действует только на местных, индийки почему-то в большинстве худые, зато наши русские женщины так раздобрели, что хо-

дят, как гусыни, переваливаясь с боку на бок». – «Нет, я не хочу быть такой гусыней, мне сейчас так легко и дышать, и ходить. Вот только давление нестабильно». – «Здесь подлечишься. Индийские лекарства очень эффективные, выпьешь один блок таблеток – и давление стабилизируется», – успокоил я её.

Она опять стала рассказывать о своём путешествии, о скандальной попутчице. А я слушал и слушал её нежный, почти девичий голосок, плавную речь без единого лишнего слова, только иногда проскакивало это «Ты подумай-ка». Её слова были для меня, как нежная мелодия, я даже боялся, что она неожиданно прервётся. Но, чтобы закончить её неприятное воспоминание о бессовестной и грубой землячке, попросил рассказать, как прошло расставание с отцом, дочерью и всеми родственниками. И лучше бы я этого не делал. Выражение её лица, бывшего до этого волевым и сосредоточенным, сразу изменилось, она сникла, слёзы покатались из глаз, слова она стала выговаривать с трудом. И скоро окончательно расплакалась. «Ты что, уже соскучилась, что ли, за неделю разлуки? Тогда мне как быть, ведь прошло уже девять месяцев. Давай тогда слёзы лить вместе». Успокоившись, она продолжила говорить, но я теперь то и дело прерывал её уточняющими вопросами, потому что рассказ её стал слишком лаконичным. Скажет одно слово, а мне приходится его расшифровывать. Мне не верилось, что Люба в свои двенадцать лет уже повзрослела. Сама уже готовит пищу, стирает и наводит порядок в доме, да ещё успешно учится в двух школах. «Учителя её хвалят, а в дневнике одни пятёрки», – рассказала Маруся.

Наш завтрак длился часа два, он и ещё бы продолжался, но послышался стук в дверь, и вошла соседка Лиза. Мы пригласили её за стол, я познакомил женщин. Лиза сказала Марии: «Я так вас и представляла. Иван Иванович о вас много рассказывал, и всё только хорошее». Жена была польщена, улыбнулась и посмотрела на меня как-то особенно нежно и с благодарностью.

Между ними завязался разговор. Соседка, уже умудрённая опытом здешней жизни, сразу перешла на практическую тему: что можно купить и по каким ценам. «Лиза, ты пощади хоть сегодня, она же только с дороги! – попросил я, сбив её с любимого конька. – У вас ещё будет время на эти дела, всё равно она пока ещё ничего не запомнит».

Наконец закончили завтрак, и я предложил пройти по городку и показаться на людях. А то ещё начнутся пересуды: «Приехала, заперлись в квартире и носа не показывают». Вышли, на наше счастье дождь, хлеставший всю ночь, прекратился. Я хотел показать Марусе клумбу цветов, которую растил почти полгода, но та оказалась полностью под водой (и уровень воды всё поднимался, дошёл уже почти до пола веранды нашего жилого блока). Показал ей деревце папайи, на котором уже висели плоды величиной с небольшую дыню (потому это дерево и называют дынным). Прошли по бетонным тротуарам, связывающим жилые блоки между собой, через них тоже вот-вот начнёт перехлестывать вода, если дожди и дальше будут лить так же обильно, как в прошлые дни. Около жилых корпусов было почти безлюдно. Редкие встречные, в основном наши русские женщины, раскланивались, улыбались.

Вернулись в квартиру, и Маруся сразу же принялась за домашнюю работу, начала доставать содержимое своего багажа. Она была человеком исполнительным, и привезла всё, что я просил в письмах, даже то, чего в нашем городе не было: икру чёрную и красную, балык кетовый, а спирта и вовсе в два раза больше таможенной нормы. Как только она закончила с этим, я выложил всё, что купил за время пребывания здесь. Жена радовалась и удивлялась, глаза её снова наполнились слезами: «Вот бы увидела доченька». Ведь всё, что я приобрёл, было для Любы. Я знал, что Маруся, приехав, для себя всё обязательно купит сама.

Счастливые, в прекрасном расположении духа, мы опять проговорили весь день, не считая того, что жена ещё успела сварить настоящий домашний борщ, по которому я так со-

скупился. Обедали вдвоём в уютной обстановке, за столом, по-домашнему заставленным закусками. На улице опять хлестал сильный дождь с грозой. От грохота вокруг всё дрожало, а мы сидели счастливые и спокойные, разыгравшаяся стихия нас не пугала.

На следующее утро мы встали с восходом солнца. Небо очистилось от облаков, и день обещал быть погожим. Договорились сходить в город Дург, я торопился сам показать ей магазины, базар, чтобы одну её не захлестнул соблазн к красивым вещам, от которых ломились полки лавок и лавочек, чтобы с ней не случилось такое, как с соседкой Лизой, которая набирала всякое барахло, даже в долг, у индийских торговцев. Решили такси не брать, а прогуляться три километра пешком, чтобы Маруся увидела окрестности места, где придётся жить, может быть, даже долго.

Шли не торопясь, солнце пригревало. Я привык и к большей жаре, чем сегодня, а жена только начинала привыкать, пот уже пробивался на лице, тем более что после дождя происходило сильное испарение. Она с интересом разглядывала встречных полураздетых индусов, у некоторых наготу прикрывали только набедренные повязки. Её удивило, что у пожилых женщин даже не прикрыты груди, она косила на меня глаза и улыбалась растерянно, пытаюсь понять, как я отношусь к такому странному явлению.

Мы прошли с километр, когда за нами увязались нищие попрошайки: идут цепочкой худые раздетые дети и протяжным голосом повторяют: «Бабу мани, бабу анну». Маруся спрашивает: «Что им надо?» И я, наученный горьким опытом, сказал: «Придётся ехать, иначе они нас доведут до нервного состояния. Они же не отстанут до самого города, да ещё их прибавится». Остановили трёхколёсное такси, называемое здесь «шмелём», и благополучно добрались до города. Идём к базару, справа и слева от дороги сидят ремесленники, за рупию починят обувь, если надо – подстригут и побреют, даже тут же выдернут больной зуб. Воздух густо насыщен запахами специй, дыма от костров, на которых жа-

рят и варят. А на самом базаре и вовсе стойкое зловоние от смеси запахов гнилых фруктов, коровьего помёта, тухлой рыбы и горелого кокосового масла. Новому человеку с непривычки даже дышать трудно. Мария стала дёргать меня за рукав и просить: «Пойдём отсюда, я не могу здесь находиться, сейчас вырвет». А тут ещё рядом в ряду овощей и фруктов бродячая корова схватила вилок капусты, и в это же время у неё из-под хвоста начали падать лепёшки прямо на кучу мандаринов. Маруся увидела это, и её совсем замутило. Мы завернули за угол торговой палатки, и там её вырвало.

Мы поспешили покинуть это место. Пошли по узеньким кривым улочкам городка: я решил познакомить жену со здешним образом жизни. Но она настойчиво запросилась домой, подальше от этой грязи, смрада и пока неведомого ей нового мира людей, которые сновали вокруг, как муравьи, в великом множестве, глазели на нас, улыбались или, угрюмо повесив голову, проходили мимо. Вдруг Маруся вздрогнула и качнулась в сторону. Дело в том, что рядом проходил почти голый молодой парень, а на плече у него сидела мартышка с протянутой лапой, едва не схватившая её за волосы. «Обезьяна!» – удивлённо произнесла моя жена. Потом, оправившись от испуга, сама протянула мартышке руку. Та быстро отдернула лапу и посмотрела на парня. И хозяин, видимо, разрешил ей пообщаться, потому что она снова протянула лапу и вложила её в ладонь Марии. Я сказал: «Ну, вот и познакомились». Дал парню рупию и спросил, можно ли сфотографироваться с обезьянкой. Он охотно согласился.

Продолжая свой путь, зашли в магазин – самый престижный и богатый в Дурге, принадлежащий братьям Кавалерам. Здесь меня уже знали – и продавцы, и управляющий. Встретили нас радушно. Русских индусы вообще любили, да к тому же считали богатыми европейцами. Продавцы и хозяева хорошо говорили по-русски. Рассказывая и показывая свои товары, повели нас по магазину. Это была не просто лавка, а настоящий двухэтажный универмаг. Полки

забиты одеждой, обувью и различными хозяйственными предметами. Младший брат хозяина предложил нам кресла за столиком около полок и принёс бутылочки с мандариновым соком. Мы сидели, потихоньку тянули охлаждённый сок через соломинку, а продавец перед нами разматывал куски ткани, показывал новые поступления товаров. Материал беспорядочно падал прямо на пол, образуя громадную кучу переливающейся золотом парчи, шёлка и ситца. Я просил, чтобы он не разматывал рулоны, так как мы пришли только посмотреть, покупать ничего не будем, а продавец ответил: «И не надо, вы только посмотрите, может, леди что-то понравится, потом купите». Маруся смотрела, как виртуозно продавец то сматывает, то разматывает куски материи, а потом принёс целое беремья кофточек – шерстяных, нейлоновых – и, раскладывая перед ней, возбуждал азарт. Я видел, как у неё загорались глаза, она глядела то на продавца, то на меня вопросительно. Я уже не раз наблюдал подобные сцены в магазине, а потому встал и пригласил жену на выход. Но хозяин остановил нас и пригласил пройти на второй этаж – к нему в квартиру. Отказываться от гостеприимного предложения в Индии не принято, и мы зашли.

Нас встретила молодая, лет двадцати, красивая стройная женщина, рядом с ней стояли девочка лет четырех и мальчик лет двух. Кавалерамс сказал своей жене несколько слов на хинди, она протянула руку Марусе, назвала себя Камилой и повела её в другую комнату. Следом за ними пошли и мы. Нас усадили за стол, уже заставленный тарелками с фруктами, овощами, рисом и бутылками с соком. Мы отведали все кушанья, приготовленные хозяйкой. Больше всего нам понравилось манго, мне до этого случая не приходилось есть такого вкусного и ароматного фрукта. Поблагодарив хозяев, мы пригласили их побывать у нас, на что они охотно согласились.

После этого по дороге домой мы заходили еще в несколько лавочек и магазинов. Я специально водил жену по этим местам, чтобы она увидела изобилие товаров и различных

изделий здешних мастеров, хотел узнать её мнение и решить вопрос, куда потратить деньги, накопленные мной за девять месяцев. Обратный путь до «Бхилай Хауса» мы решили пройти пешком: погода благоприятствовала, дождя не было, и жара спала. По дороге то и дело останавливались «шмели», предлагали подвезти, один рикша настойчиво упрашивал прокатиться в его кибитке на трёхколёсном велосипеде. Нам льстило такое внимание, но мы решили размять ноги после долгого сидения у Кавалерамсов, к тому же пользоваться услугами рикши нам вообще было нельзя, так как в нашем государстве социализма отсутствовала эксплуатация человека человеком.

На всём пути до городка нам встречались люди, для Маруси это был другой мир, она с любопытством разглядывала встречаемых, одетых в разные одежды, полуголых, а были и совершенно голые; она прижималась ко мне от страха перед худыми загоревшими и чёрными, как смоль. Многие несли на головах разные ноши, даже невероятных размеров: мешки, кувшины. Вдруг Маруся прошептала, показывая на странную процессию: «Смотри, какая важная персона шагает». Навстречу нам шёл упитанный, крупный индус во всём белом, с чалмой на голове, а сзади метрах в трёх-четырёх следовала группа из пяти человек. Скорее всего, это была его семья: жена несла грудного ребёнка на бедре, рядом, уцепившись за подол, семенили двое малышей, а чуть поодаль шли дети чуть постарше. На голове женщины стояла корзина, заполненная свёртками, посудой и какими-то узелками. Несла она это всё, обливаясь потом, согнувшись под тяжестью груза. Маруся долго смотрела им вслед, а потом с горечью в голосе произнесла: «Бедная женщина, какая у тебя доля... А впереди, как я понимаю, муж. Разъелся, как боров, идёт налегке, хотя бы помог жене». – «Поживёшь здесь – ещё и не такое увидишь, – заметил я. – Такое нам кажется странным, а им – нет». Настроение у жены явно упало, озабоченная, она вдруг вспомнила: «Пригласили гостей, чем же будем их угощать? Их блюд я не знаю, и как их го-

товить?» – «Не переживай, угостим по-нашему, по-русски, для них даже то, что мы их пригласили, большая радость, теперь растрезвонят на весь Дург».

За обеденным столом я заговорил о той задумке, которую вынашивал уже полгода. Снял никелированную трубку, на которой висели гардины, и объяснил: «Это мой сейф». Потом вытряхнул из неё трубочкой скатанные деньги, отдал их Марии: «Вот наш капитал. Считаю и думай, на что их будем расходовать». А жена всё удивлённо смотрит на трубку-«сейф». «О, это вынужденная мера, – сказал я. – Индусы, уборщики в квартирах, никогда и ничего не берут, не воруют, но если найдут деньги, то не расстанутся, ведь они не пахнут. Вот в этом ещё один секрет – не пахнут. А находят в самых невероятных местах. Сегодня ты в Дурге видела всё или почти всё на базаре и в магазинах. Надо решить: или будем расходовать их на всякое барахло, или будем выплачивать за машину. Этих денег ещё не хватит, но месяца через три-четыре расплатимся даже за «Волгу». Маруся, мой единомышленник, долго не раздумывала, сказала просто: «Как ты решил, я согласна». Так мы и порешили купить машину.

Три дня отпуска, положенные мне по неписаному закону, пролетели мгновенно. Приехал я на работу, и цех показался мне совсем другим. Опостылевший за последнее время, сейчас он стал уютным, как родной дом. А люди словно подобрели, улыбаются, поздравляют меня.

Не откладывая в долгий ящик, я сходил в главный офис, уплатил первый взнос за машину, получил чек и облегчённо вздохнул. Теперь деньги в надёжном месте. Ведь до этого я дважды терял кошелек в автобусе. К счастью, обошлось: вернули.

Но был ещё случай, который изменил моё отношение к людям, научил быть более осмотрительным и менее доверчивым. Ведь могли сойти на нет все затраченные мною здесь усилия, весь труд в поте лица.

Однажды, находясь на совещании в заводууправлении, я оказался за столом рядом с начальником производственного

управления завода по фамилии Кочан. Мы в какой-то степени были земляками: он долгое время работал на КМК, потом уехал в Днепропетровск, а уже оттуда – в Индию. Он произвёл на меня впечатление человека доброго, прямо-таки не коллега, а отец родной. Правда, уже при знакомстве меня немного озадачило, что великовозрастный человек (ему тогда было около шестидесяти лет), занимающий высокий пост в управлении огромным заводом, заговорил о тряпках. А поняв, что меня это не слишком интересует, спросил, куда же я расходую деньги. Я ответил, что пока ещё не определился, как с ними поступить, ношу в бумажнике и дважды чуть не потерял. Позже, когда мы встречались ещё два раза, он снова доброжелательно спрашивал о моих деньгах, не потерял ли я их. Этот повышенный интерес я по своей наивности как-то пропускал мимо ушей, не придавал ему значения. И вдруг, как гром среди ясного неба, новость о Кочане: его отправляют в Советский Союз за какие-то махинации на сотни тысяч рупий. Смутные мои подозрения начали подтверждаться, когда в лавке нашего городка, куда я зашёл купить рубашку, хозяин Синг спросил: «А что, мистер Кочан уезжает домой?» Я ответил, что ничего не знаю об этом. «Я дал ему товара на 14 тысяч рупий, – объяснил Синг свою обеспокоенность. – Он же теперь деньги не отдаст. Пойду к консулу, наверное, он поможет».

И вот стали вскрываться всё новые и новые случаи. Как выяснилось, авантюрист Кочан обобрал многих наших русских, да и торговцев-индусов пощипал. Этот человек умел подойти тихой сапой и выпросить деньги в долг, а потом «забывал» вернуть и занимал у других. Разведка консула работала с опозданием, и только когда аппетит Кочана разыгрался уже не на шутку, когда его кредиторы забегали в панике, наша власть начала принимать меры. Чтобы избежать возможного инцидента и попросту обезопасить Кочана, посол организовал немедленную отправку его в Союз.

После этого отъезда началось настоящее паломничество пострадавших к нашему руководству. Консул объявил, что

индийским кредиторам деньги будут возвращены, а русским надо было думать, когда давали в долг, да ещё без расписок. А ведь я мог тоже оказаться в их числе. Отдал бы все деньги в долг, не задумываясь: такому авторитетному и доброму человеку отказать было нельзя. Задним числом, конечно, у всех раскрылись глаза, начали вспоминать, как Кочан почти с каждым отъезжающим на Родину отправлял посылки с вещами, купленными на занятые деньги. Среди русских ещё долго шли пересуды. Противно было узнавать, как из-за жадности и жажды наживы меняются люди. Получая деньги, которые им раньше и не снились, некоторые наши соотечественники, представители великой страны, становились скрягами.

После выдворения Кочана целая комиссия побывала у него на квартире. Там стоял невероятно спёртый запах от гниющей картошки, капусты и фруктов, грязь была непролазная. Жил он один и экономил на всём, в столовую не ходил, в стирку бельё не отдавал... Жадность погубила не только Кочана, но и его жену. За преступление, совершённое в Индии, он получил четыре года заключения, а жена за спекуляцию дефицитом, который он высылал ей в Днепрпетровск, тоже на четыре года попала в тюрьму.

Однажды приехал я домой на обед, а Маруся угрюмая, чем-то озабочена. Спрашиваю: «Что случилось?» – «Замутил ты мне мозги этой машиной, – отвечает она. – Вон Лиза уже накупила разных шерстяных кофточек, костюмчиков и материала целую гору, сегодня показывала. А когда я ей рассказала, что мы хотим купить машину, назвала нас дураками. Сказала, если купить на эти деньги здесь изделия из шерсти, нейлона и парчи и продать дома в Союзе, то за вырученные деньги можно купить три «Волги». – «Может быть, это и так, – сказал я. – Но кто у нас в семье сможет провернуть такую коммерцию? К тому же есть и ещё одно «но». Это же спекуляция, а за неё по закону сажают за решётку с конфискацией имущества. И ещё есть одно препятствие – таможня, где могут отобрать половину вещей, а может

быть, и больше. Недавно, почти перед твоим приездом, по городку пронеслось такое тайное сообщение про работавших здесь в здравпункте врачей из Союза, мужа и жену, евреев. А как ты знаешь, они люди предприимчивые, хоть кого обведут вокруг пальца. На тряпки они не разменивались, а вкладывали свои рупии в самую устойчивую валюту – золото и драгоценные камни. И вот когда закончился контракт и они поехали домой, у них все ценности конфисковали на таможне в городе Дели. И четыре года, которые они парились в этой стране, пошли коту под хвост. А если бы на нашей таможне обнаружили эти запрещённые к вывозу ценности, то их бы ещё и осудили. Вот тебе, дорогая, ответ на предложение Лизы. А вообще не слушай никого, особенно людей жадных. Это их губит, от этого они слепнут и тупеют. Ты видела, какой материал и изделия из шерсти набрала соседка по дешёвке? Вот поживёшь здесь, осмотришься, тогда и поймёшь, что вещи, которые она купила, не стоят и ломаного гроша даже у нас дома».

К этому разговору мы больше не возвращались, но вскоре Марусю начали осаждать купцы-коробейники. Пока я на работе, они приходят на квартиру с громадными узлами товаров, садятся на полу и раскладывают перед ней принесённые вещи. «Я их просила уйти, но они не уходят, – пожаловалась жена. – Говорят: «Мистер нам обещал, когда леди приедет, будет покупать. Ты же приехала!» Вот я отложила то, что мне понравилось, но деньги не платила до твоего прихода, скоро она нагрянут за деньгами. Ты подумай-ка, вот какие настырные, не могла отказать». Я посмотрел на вещи и увидел, что жинка понимает толк, кофточки и блузки новые, не залежалые. А пока я так думал, послушался стук в дверь и вошли двое. Первый был Уттомчан, а второго я не знал, и он показался мне неприятным: глаза наглые и сам дёрганый, неуравновешенный, не как большинство индусов. Да еще к тому же волосы рыжеватые. Уж не отпрыск ли какого англичанина? За двести лет господства Великобритании над Индией они оставили много подобных себе

на этой земле. И этот полу-индус повёл себя нахально, развязно. Товары у него были добротные, но его поведение мне не понравилось, и я решил тут же его окоротить. Уже зная цену того или другого товара, я сразу же предложил ему половину того, что они стоили. Продавец возмутился, я – ещё больше. И выпер его из квартиры. Когда он ушёл, Уттомчан улыбнулся и сказал: «Он получил своё, чего давно добивался». Сам он, зная, что со мной рядиться бесполезно, назвал истинную цену на вещи, которые отложила моя жена, я уплатил ему и дал ещё бакшиш. Разошлись мы довольные, договорившись, чтобы он приходил к нам только вечером, когда я дома.

Как только коробейник ушёл, Маруся спросила у меня удивлённо: «Когда ты успел овладеть такой коммерческой хваткой, да ещё столько нахвататься английских слов? Не ожидала таких способностей». – «А с ними надо торговаться, они же сразу запрашивают двойную-тройную цену. Это такие психологи, насквозь видят покупателя и знают, сколько и с кого можно сорвать».

Жизнь наша теперь потекла приятно и безоблачно. В цехе работа ладилась. Индийский персонал относился ко мне исключительно благосклонно и доброжелательно, при встрече каждый рабочий, инженер старался пожать руку, называя по имени и отчеству (возможно, еще и потому, что у меня они легко запоминаются, хотя индусам русские имена, так же, как и нам индийские, произносить непросто). Первое время после приезда жены я не ходил по цеху, а порхал. Если раньше меня здесь многое раздражало – надоедливая саранча, летавшая повсюду, лягушки, прыгающие где попало, хамелеоны, ползающие вокруг, – теперь я ничего этого не замечал. Теперь мир и окружающие люди не вызывали у меня брезгливости и неприязни, душа моя пела. Кроме того, и в природе произошло важное изменение: спала жара, пошли дожди. Поэтому и вялость, и сонливость исчезли.

Когда я возвращался домой с работы, меня ждал, улыбаясь, любимый человек. Что может быть лучше? Обычно у

Маруси к этому моменту уже была масса новостей, которыми с ней делились соседки. Теперь она, познакомившись со всеми, влилась в их общество. А оно возникло стихийно. Как только мужья уезжали на работу, они выносили из своих квартир легкие плетёные кресла и усаживались кружком на лужайке, позеленевшей от прошедших дождей. Кто вязал, кто вышивал, а некоторые просто мололи языками, озвучивая разные небылицы и сплетни, рассказывая о своих похождениях и жизненных приключениях. По словам Маруси, иногда проскальзывало что-то и по нашему поводу. Нам завидовали, что такая интересная пара, и живём без конфликтов.

Однажды я приехал с работы, а у жены вид пасмурный. Она поведала, что в квартире у соседки Лизы произошла ссора с Машей Буряченко, кого-то они не могли поделить. «По их возбуждённым голосам я поняла, что тут замешан ты», – сказала Маруся. Я успокаивал её, как мог, просил не обращать внимания. «Здесь у всех обострённые нервы, и от безделья приходит в голову всякая ерунда», – объяснил я. Конечно, у моей благоверной отложился на душе неприятный осадок от таких разговоров, но она никогда об этом не вспоминала.

Как только немного обжилась Маруся в новых условиях, к нам зачастили гости: то земляки, то коллеги по работе. Жена моя готовила и щедро угощала всех закусками, а я – спиртным, пока запасы не закончились. Пополнить их удалось очень необычным образом. Однажды в воскресный день, возвращаясь из поездки в ближайший городок, мы остановились в большой деревне. Прошлись по базару, наши женщины стали выбирать из горки манго плоды получше и рядились с торговцем. А Иван Буряченко, проходя по другим рядам, заметил что-то интересное и позвал меня. Оказалось, что внимание моего соседа привлёк торговец банками с автолом. Я спрашиваю: «Зачем тебе машинное масло?» – «Я чувствую всеми своими потрохами, что это не масло, а что-то иное!» – говорит Иван Андреевич. По-

дошли к банкам, составленным в два ряда; мой сосед, за два года уже поднаторевший в разговоре на хинди, обратился с вопросом к торговцу. Тот, взяв кружку, налил в неё из банки какую-то светло-зелёную жидкость и протянул нам. Мы понюхали. От жидкости исходил приятный аромат. Индус жестом показал, чтобы мы выпили. Мы тоже жестами отказались, а Иван Андреевич опять сказал что-то продавцу. Индус взял кружку, одним махом опустошил её и наполнил снова. Мой друг стал осторожно потягивать жидкость, причмокивая губами, как дегустатор. Потом сделал несколько глотков и передал кружку мне. Я попробовал, ощутил во рту приятный вкус и говорю: «Это же какое-то крепкое вино!» – «И мне показалось то же», – сказал сосед и снова заговорил с продавцом. Потом достал из кармана 20 рупий, расплатился с индусом и забрал у него 20-литровую банку. «Ты шо купыв?» – спросила у него жена, когда мы встретились. – «Бач, яку посудыну горилки мы купылы, и всяго за 20 рупий», – обрадованно произнёс Иван Андреевич. – «Завсим подурьылы наши хлопцы, – рассмеялась Маша. – Якаж цэ горилка, в таких банках у нас в Кривом Роги продают автол!»

Приехали в свой городок, зашли в нашу квартиру. Маруся начистила и нарезала манго, и мы сразу начали дегустировать «автол». Он оказался ароматным и вкусным, и мы быстро захмелели аж до песен. Впоследствии мы определили, что этот напиток даже целебный. Головной боли после него совершенно не чувствовалось, наоборот, появлялась бодрость, настроение поднималось, хотелось смеяться. Эту банку мы осваивали месяца полтора, угощали и друзей, и товарищей по работе. Как-то раз зашёл бакшишник Уттомчан, я и ему предложил попробовать этот напиток. Поначалу он не хотел осквернять свой организм не дозволенным предками питьём, но когда увидел светло-зелёную жидкость, оживился, глаза заблестели, и он с превеликим удовольствием осушил рюмку. А поскольку спиртного, видимо, давно не употреблял или совсем не пробовал из-за «сухого» закона, сразу же опьянел. Застрочил, как пулемёт, то на английском,

то на хинди. Маруся, находясь в квартире соседки, услышала оживлённый разговор через стену и поспешила узнать, что здесь происходит. Увидела нас и расхохоталась. Уттомчан сидел, обняв меня, и громко скороговоркой шпарил что-то, путая слова разных языков. Когда хмель у него начал проходить, он с удивлением посмотрел на Марусю, потом на меня, не понимая, в чём дело. Я попросил его повторить то, что он только что говорил, но по-русски. Уттомчан сокрушённо покачал головой и медленно стал рассказывать. Это вино, оказывается, он пил и раньше, индийцы давно научились его делать. Ещё в древности люди заметили: когда начинают цвести определённые деревья, обезьяны, наевшись их листьев и цветов, начинают себя вести необычно: громко кричат, прыгают, бегают, летают с дерева на дерево. Люди решили набрать этих цветов и попробовать. Поели приятные на запах и вкус лепестки и почувствовали, что пьянеют. И с тех давних пор из этих бутонов делают вино. «В некоторых штатах, где нет «сухого» закона, сами пьют, а у нас только продают», – уточнил Уттомчан. «Вот страна! Здесь даже на деревьях растёт вино, – сказала моя жена. – Не страна, а клад земной».

В один из погожих воскресных дней нас на автобусах повезли на экскурсию в город Райпур, расположенный в пятидесяти километрах от Бхилаи. Мы ехали по добротному шоссе, и перед нами раскрылась необъятная равнина, до самого горизонта разрезанная небольшими участками полей – серых, только что вспаханных, или жёлто-зелёных от зреющего риса, проса и других посевов.

Переехав железнодорожное полотно, помчались вдоль насыпи. Вдруг шофёр автобуса резко затормозил. Мы высыпали из салона и увидели слева, метрах в десяти от дороги, в беспорядке валяющиеся пассажирские вагоны, все искорёженные. Шофёр что-то стал объяснять нашей переводчице Саше Чаплиной. Осмотрев груды металла, раньше бывшие вагонами, мы подошли к Саше. И та рассказала: неделю назад здесь прошёл смерч такой силы, что оторвал от рельсов

пассажирский поезд, шедший на полной скорости, поднял его и отбросил через дорогу. Мы ещё раз глянули в сторону кучи вагонов, и кто-то сказал: «Кинул метров на тридцать, вот это силища!» – «А вот посмотрите ещё!» – послышался другой голос. Мы посмотрели туда и поразились: телеграфные столбы из металлических труб диаметром более тридцати сантиметров, до смерча стоявшие вдоль дороги, теперь лежали, прижатые к земле, как тростник или камыш, перегнутые у самого основания. Если бы я не видел это своими глазами, не поверил бы, что может быть такое. Это какая же должна быть сила ветра, чтобы вот так забросить состав и согнуть такие трубы! И здесь я вспомнил слова, сказанные Мичуриным: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Накось, выкуси! Попробуй, возьми у неё, она сама так тебя возьмёт, так тряхнёт, что не останется и скелета.

С тяжёлым чувством сели в автобус и поехали дальше. Вдали на почти безлесной равнине видны были деревушки с глиняными жилищами, похожими на наши среднеазиатские дувалы без окон, но только с крышами из тростника, соломы и пальмовых листьев. Наконец показался Райпур с двух-трёхэтажными домами, утопающими в зелени. Заехав в него, мы сразу окунулись в многолюдную суету городской жизни. По дороге в три-четыре ряда едут велосипедисты, сквозь толпу пешеходов, повозок и тех же велосипедов с трудом продираются машины. На головах людей узлы, корзины, кувшины, причём у некоторых эти ноши составлены в несколько этажей, диву даёшься, как можно нести на голове такую тяжесть, да ещё такой высоты. Тут же рядом и дети четырёх-пяти лет, на головах которых тоже корзины, кувшины, как у взрослых. Мы поняли, что они с ранних лет приучаются к этому – носить все грузы на голове.

С великим трудом наш автобус пробрался до центра города, мы вышли и сразу растворились в разноцветной толпе на площади. Среди деревьев увидели фонтан, возле которого собралось много людей: кто пил воду, зачерпывая её

ладонью, а кто мыл руки и лицо прямо в чаше фонтана, из которой и пили. Здесь же в тени деревьев и под листьями молодых пальм расположились индусы семьями, отдыхали на воздухе, охлаждённом брызгами фонтана. Мы с Марусей присели на кромке чаши и с интересом наблюдали, с какой любовью и лаской взрослые относятся к детям: умывают их, причёсывают. Видно было, что дети для них – радость и счастье, и нет большей ценности на свете. Ребятишки нарядные, у совсем маленьких девочек уже висят золотые серьги в ушах, на руках и ногах сверкают браслетки, даже таким кнопкам проткнули нос и вставили туда золотое украшение. Но закон жизни суров, и не у всех счастливая судьба. Только мы отошли от фонтана, как за нами увязалась стайка других детей – грязных, оборванных и даже совершенно голых. Следуя за нами на некотором расстоянии, они протягивали руки и монотонно повторяли: «Бабу мани, бабу бакшиш». Да, голод здесь заставляет выпрашивать и даже работать еще совсем малолетних.

Тем временем мы вышли на другую площадь, где собралась большая толпа зевак, а в середине трое индусов с громадными удавами показывали номера, как у нас в цирке. Удавы обвивали тела мужчин, сжимали их кольцами, те с трудом сбрасывали эти кольца, освобождались и позволяли удавам снова обвить себя, это повторялось и повторялось. Я хотел сфотографировать эту сцену, только нацелил аппарат, как подошёл индус и, показывая на одного из укротителей, сказал: «Ему надо платить». Я щёлкнул затвором и двинулся было к хозяевам странных рептилий, но Маруся схватила меня за руку и не пустила: «Они ещё и тебя так же обовьют и задавят!». Я отдал рупию индусу, предупредившему меня, и мы пошли дальше по площади. И в глубине её увидели такое, от чего нас охватил ужас. Тощий индус в одной набедренной повязке стоял, запрокинув голову, и держал на лбу длинную жердь, наверху которой шевелился... маленький ребёнок! Там, на высоте, он взмахивал то ручками, то ножками, но при этом, что удивительно, не издавал ни едино-

го звука. А взрослый циркач то и дело переступал ногами, удерживая равновесие, чтобы шест не сполз с потного лба и не упал вместе с младенцем, привязанным к концу. Мы долго ждали, когда же он опустит жердь на землю, чтобы убедиться, правда ли это живой ребёнок. Наконец индус с помощью, скорее всего, своего сына, такого же худого, стал наклонять шест вниз, и мы увидели, что на конце действительно трепыхается карапуз. Большими чёрными глазами он с удивлением рассматривал публику, как бы говоря: «Люди добрые, чего вы тут собрались? Ох, какая невидаль». А люди добрые подходили к отцу ребёнка и бросали пайсы, анны и рупии в колпак, лежащий на земле у ног акробата. Я тоже бросил рупию.

Когда мы отошли, Маруся произнесла подавленным голосом: «Что же они делают с детьми?! Такую кроху выставил на шесте, да ещё под палящее солнце! Как им не жалко?!» – «А между прочим, эта кроха, возможно, кормит всю семью, – мягко возразил я. – Я-то уже насмотрелся, как беспощадный голод косит людей. А этот годовалый карапуз уже зарабатывает. Ты видела, сколько в колпак набросали денег? Рупий десять, не меньше. А землекопы и женщины, которые носят землю на голове из котлована, в день зарабатывают всего две рупии. Вот он – суровый и беспощадный капитализм: у одних дети сверкают золотом, а у других сверкают голым телом на шесте под палящим солнцем». – «Всё-таки счастливые мы, что живём в Советском Союзе, где нет нищих и голодных, а за такое издевательство над ребёнком посадили бы в тюрьму!» – сказала с гордостью мой политолог. – «Погоди, поживём здесь – ещё не такое увидишь, – заверил я её. – Мне недавно рассказал наш электрик Максимов такую историю. Пришёл он в магазин, купил продуктов, а при выходе его остановил пожилой измождённый индус, попросил идти за ним. Завёл за угол магазина, а уже смеркалось. И тут из темноты появилась молодая – лет четырнадцати-пятнадцати – смазливая девчонка. Индус говорит, что это его дочь, и если мистер уплатит десять рупий, – она его, и что хочет,

то может с ней делать. Максимов был крайне удивлён таким предложением и хотел уйти, но индус сказал, что если русский не поможет, то семья умрёт от голода. Максимов достал десять рупий, дал старику и пошёл. Индус схватил его за руку, держит и смотрит по сторонам, а дочери уже рядом нет. Пошли её искать. Обнаружили за магазином: в темноте кто-то схватил её и насилует. Максимов дернул его за волосы и закричал: «Что ты делаешь, мразь!». А тот в ответ: «Ты же уплатил, не пропадать же деньгам». Максимов дал ему коленкой под зад, и тот улетел в темноту. Но пока он разбирался с этим гадом, отец и дочь уже исчезли». – «Ну, это ты уже подзагнул, – возмутилась моя жена. – Или твой Максимов придумал. Чтобы отец повёл дочь её телом торговать – не поверю ни за что!»

Идя дальше по городу, мы наткнулись на зрелище, от которого у Маруси расширились зрачки, она схватила меня за руку и потянула в сторону. Так напугал её вид заклинания змей. Молодой индус сидел с дудкой, перед ним стояли три круглые корзинки, а в них лежали кобры, свёрнутые по спирали. Раньше Маруся никогда не сталкивалась с этими пресмыкающимися. На посиделках с женщинами наслушавшись страшных рассказов о змеях, смертельно жальщих кого ни попадя, она, конечно, оробела. И теперь ни в какую не хотела подойти поближе. Наблюдая издали, мы увидели, как парень открыл крышки корзинок, взял дудочку и заиграл мелодию. Все кобры одновременно начали раскручиваться, раздувая капюшоны и делая стойку, будто для нападения на жертву. Но нападать они, похоже, пока ни на кого не собирались. Подняв головы на высоту чуть ли не полметра, они слушали музыку, которую исполнял индус на своей флейте. И не просто слушали, а в такт мелодии танцевали – поворачивали и качали головами все вместе то в одну, то в другую сторону. Даже Марусю это представление словно заморозило, и мы всё-таки подошли поближе, чтобы рассмотреть внимательней этот адский танец смертельно опасных существ. А я и вовсе осмелился подобраться почти

вплотную к заклинателю, бросил ему рупию в крышку змеиной корзинки и сфотографировал. Как только парень перестал играть на дудочке, две кобры начали закручиваться в спирали и плотным диском улеглись в своих гнёздах, а одна ещё держала стойку. Укротитель попытался ладонью, занесённой над её головой, осадить змею, но она, напротив, молниеносно выпрямилась и ударила его в край кисти. Не знаю, либо он сделал это для эффекта, либо кобра на самом деле его укусила. Окружающая толпа ахнула, а он поднял руку, показывая всем красные точки, оставленные зубами. «Он же умрёт!» – испугалась за парня Маруся. «Может быть, но, говорят, для таких, как он, укус не смертелен, – успокоил я её. – Они с детских лет вырабатывают иммунитет, втирая в ранки кожи микроскопические дозы яда».

После зрелищ на площадях Райпура нас ожидало ещё и представление в цирке. Громадный шатёр из прочной ткани крепился на длинных бамбуковых жердях. Внутри был круглый манеж и сидения, расположенные амфитеатром. В общем, классическое сооружение, одинаковое, наверно, во всём мире. Только вот программа представления отличалась от привычных, во всяком случае, виденных мной ранее. Все номера здесь были построены на страхе зрителей, то есть на балансировании артистов на грани жизни и смерти. Многие из них основаны на достижениях йогов. Большой популярностью пользуется йога в Индии. Это древняя система физической тренировки человеческого организма, но не только. Это настоящая наука, сложный комплекс философии, психологии, физиологии и медицины. Йоги постигли и разработали до тонкости умение управлять нервной деятельностью. Обладают способностью обмена мыслями на расстоянии и массового гипноза. И сейчас в цирке мы смогли убедиться в этом воочию. Введя в транс почти половину зрителей, они проделывали со спящими наяву такие номера, что от хохота у меня чуть не расходились скулы, а подвергшиеся гипнозу люди даже травмировали себе носы и лбы, когда, к примеру, маг и волшебник приказал им плыть и нырять в песок, на-

сыпанный на арене. А ещё всех поразил йог, спокойно прогуливавшийся по горячим углям и прижигавший себе кожу на груди раскалённым стержнем, не оставляя даже следа на месте прикосновения, хотя на весь цирк распространялся запах палёного мяса.

Потом были и другие номера, которые ошеломляли и ужасали публику своей жестокостью и бесчеловечностью. Сначала на арене появился мощный атлет в одной набедренной повязке, с резко выступающими мускулами рук и ног. Вслед за ним шесть индусов вынесли большую чугунную плиту, в нижней поверхности которой было закреплено множество ножей, отбрасывающих зловещие блики. Так же вшестером они с трудом насадили этого страшного «ежа» на стальной шест. Богатырь, играя мускулами, выхватил у помощников шест с плитой и одним рывком поставил его себе на широкий лоб. Зал замер в ожидании. И вот последовал смертельный номер: силач ударом руки выбил штангу, удерживающую «ежа» на высоте (и она отлетела в сторону), а сам мгновенно пал ниц, и плита с ножами накрыла его. К месту падения подбежали те же шесть индусов, с невероятными усилиями подняли плиту с ножами, которые глубоко вонзились в землю, и отнесли её в сторону. Геркулес же лежал на земле, не подавая признаков жизни. В зале стояла гнетущая тишина, у нас с Марусей даже дыхание перехватило. И вдруг этот человек, как пружина, вскочил с высоко поднятой головой, раскинул руки и стал кланяться, поворачиваясь лицом от одной трибуны зрителей к другой. Весь цирк рукоплескал ему в восторге и свистел.

Потом выступали слоны. Повинуясь своему дрессировщику, они выполняли упражнения, доступные, казалось бы, только подвижным и гибким существам, а не таким громадинам. Синхронность в движениях двух слонов нас вообще восхитила. Как и номер, когда они, перебирая ногами на совершенно гладких бочках, смогли проехать вокруг всего манежа. Как они могли удерживать равновесие на округлой поверхности, да ещё и вращать её, чтобы двигаться, – было непостижимо.

После следующего номера, когда артист с завязанными глазами бросал ножи, и они втыкались совсем рядом со стоящей у деревянного щита полуголой красоткой, Марусе стало плохо, и больше на манеж она не смотрела. Я же увидел номер ещё страшнее: поставили ребёнка лет двух-трёх на стол совершенно голого и на голову ему положили яблоко, в которое стрелял из лука охотник с переброшенной через плечо тигровой шкурой. К счастью, стрела точно пробила яблоко и отлетела в сторону, не повредив и даже не напугав юное создание.

На обратном пути в автобусе моя леди сидела молча в глубокой задумчивости. «Чем же ты опечалена, дорогая?» – спросил я. – «На душе тяжело, – ответила она. – Лучше бы не ездила. С самого утра такие увидела ужасные события, а на закуску – этот цирк. Как можно в человека кидать ножи: а вдруг промахнулся бы? А зрители-индийцы довольны, хохочут и даже аплодируют!» – «Это для нас кажется всё дико, а они живут по своим обычаям, по своим законам, – сказал я. – Народ-то они добрый, миролюбивый, но закон природы жестокий: все хотят есть. Но не все могут заработать на миску риса, и не всем удаётся поесть каждый день, много умирает от голода. Народ терпеливый, религиозный, поэтому не происходит ни голодных бунтов, ни борьбы за социальную справедливость. Если бы такая жизнь была в Европе или Америке, то давно бы размели все дворцы властителей и разграбили бы всё».

Домой приехали уже вечером, и здесь нас ожидал сюрприз. От Любы пришло письмо. Для нас это был праздник. Целый месяц ожидания, и вот, наконец, почта. Мы читали, плакали и радовались, что дома всё благополучно. А особенно тому, как дочь повзрослела в свои 13 лет. Правда, были в письме и слова, в которых чувствовалась и грусть, и тоска по нам, родителям, отчего мать заливалась слезами и у меня щёки становились влажными.

Когда в третий раз перечитывали письмо, пришла Лиза Волковицкая и сообщила, что завтра отъезжают наши

специалисты домой в Союз и готовы забрать почту. Увидев, что у Маруси слёзы текут ручьём, и она присоединилась к нам за компанию, хотя у неё вроде бы повода плакать совсем не было: вся семья жила здесь, в «Бхилай Хаусе». Теперь мы уже плакали и смеялись втроём, снова перечитывая письмо. Потом стали делиться впечатлениями от увиденного сегодня в Райпуре. Лизе самым страшным показался номер («от которого и сейчас проходит дрожь по телу»), когда артист цирка протыкал иглой щёки и протаскивал через рот нитку, а потом той же иглкой с ниткой прокалывал и язык. Я к её словам добавил: «Хорошо бы было, если некоторым индусам пришить язык к губе. А то они им болтают, как вибратором, надоедает слушать».

После ухода Лизы мы написали дочке длинное письмо, благо сообщить ей было что, вон сколько событий произошло только за один день. Последующие дни проходили однообразней и скучней, но это лишь относительно. У нас дома в Союзе однообразие утомляет, и жизнь становится неинтересной. Но здесь, в другом мире, вникая во всё, не проходя мимо даже мелочей, открываешь для себя каждый день, каждую минуту что-то необычное, неизведанное. Правда, порой это вызывает не только интерес, но и страх – прежде всего, от незнания. Вот и моя жена первые дни после приезда боялась полупрозрачной коричневой рептилии, которая шустро бегала по полу и потолку нашей квартиры. Сначала Маруся даже просила, чтобы я поймал её и выкинул. Но потом поняла, что это создание приносит большую пользу, уничтожая мошек и комаров. И ящерица прописалась у нас уже как член семьи, хозяев не боялась, спокойно ползала, обихаживая наше жильё. И не раз становилась темой для разговора, как обычно говорят о домашней кошке или дворовой собаке. А когда москитов и мошек стало больше, на помощь приползла ещё одна ящерица.

Однажды, приехав домой на обед, я увидел лежавшего около нашей квартиры красивого лохматого пса. При моём появлении он встал, отошёл от двери и, глядя на меня до-

брыми глазами, замахал хвостом, будто приветствовал. Зашёл я в квартиру и говорю: «У тебя появилась охрана? Ты хорошо устроилась! Даже меня не выпускает». – «Не загибай, это хорошая собачка, – сказала Маруся. – Меня уже давно сопровождает на автобус, когда я еду на базар, и встречается, когда приезжаю обратно. А сегодня первый раз пришёл охранять квартиру, а может быть, и меня. Он и тебя знает, только боится подходить: вдруг погонишь». – «А ты скажи своей собачке, что я добрый и не погоню». Она улыбнулась: «Уж ладно, так и быть, поговорю».

Каждый день в нашей деревне происходили какие-то события. Раз пришёл я с работы, а Маруся озабоченная. Собирая на стол ужин, ходит и озирается. Я спрашиваю: «Что-то случилось?» – «Да, случилось. Я боюсь заходить в душ и туалет. В одну квартиру напротив нашего блока заползла змея через сливную трубу от душа». Зашёл я в свой душ, осмотрел. Никого не обнаружил. Успокоил свою трусиху: «Не бойся никого и ничего. Индусы говорят, что змеи кусают только плохих людей. А ты хорошая, так что тебе ничто не угрожает».

Успокоившись, легли спать. И вдруг послышался громкий детский плач. «Ой, что это?!» – подскочила с кровати жена. «Трусиха, опять переполошилась! Это плачет ребёнок. За нашей стеной живёт семья индусов в хибаре, оттуда и слышится плач». Жену мои слова успокоили, и она быстро заснула. И это было хорошо, потому что опять послышался плач – но теперь уже дуэтом и с переливами. «Паразиты шакалы! Уже и сюда добрались!» – подумал я с возмущением. И когда тишину ночи снова заполнил вой этих зверей, я был доволен, что Маруся спит крепко и не слышит такого жутковатого хора.

Просыпаясь утром, я всегда тщательно осматривал квартиру: не появилось ли какое новое чудовище в виде лягушки, земляного краба или хамелеона. Однажды встал, посмотрел на стены, а они за ночь из белых превратились в зелёные. Начал присматриваться, кто и чем их перекрасил. Оказалось,

это микроскопические мошки обсели плотным слоем всю поверхность. Уходя на работу, сказал жене, чтобы она их не сметала, иначе можно подавить, и потом придётся отмывать стены. Приехав с работы на обед, я увидел, что стены снова стали белыми, а на полу возле них лежит узкая зелёная лента. Маруся, видя моё изумление, улыбнулась и сказала: «Не сметала я, сами осыпались. И не убирала, чтобы ты сам посмотрел на это новое явление».

И нечто подобное происходило чуть ли не каждый день. То муравьи строгим военным строем, как на параде, движутся бесконечной вереницей из одного угла комнаты в другой, то налетит саранча, вгрызается в занавески, пожирает ткань, бумагу и вообще всё, что попадётся ей на пути. А то ночью появятся москиты и искусают тело до шишек. Из таких эпизодов и складывалась разнообразная и по-своему весёлая жизнь в этой «райской» экзотической стране под названием Индия.

Теперь мы уже начали обживаться капитально, тем более что нам дали новую квартиру «улучшенной планировки». Она, конечно, была не новая, но просторнее, и меблировка лучше. Жалко было покидать обжитый уютный уголок, но соблазн более комфортной обстановки пересилил. На старом месте – красивая клумба, на дынном дереве уже начали созревать крупные плоды, вот-вот зацветёт банан, а на самую верхушку высоченного дерева забрались плети огурцов. Перед переездом моя хозяйюшка сорвала с папайи несколько плодов, а я залез в заросли древесной кроны и потянул за огуречную плеть. И был крайне удивлён: там наверху болтался огромный огурец. Потянув снова, я увидел ещё несколько штук, оказывается, огуречные плети укутали все ветки этого дерева. Я сорвал один огурец для пробы, длиной он был с полметра и весом в килограмм-полтора. Но оказался совершенно безвкусным.

Из старой квартиры в новую перебрались быстро. На второй день я пошёл в свой бывший сад, чтобы полить его, но на папайе уже не было плодов, как и огурцов на дереве. Ин-

дусы уже похозяйничали. У них на этот счёт связь работает оперативно и бесперебойно. Пока хозяин есть, они ничего не трогают, но всё, что оставлено беспризорно, – сметают так быстро, что и глазом не успеешь моргнуть.

Верный пёс с нашим переездом на другую квартиру перешёл туда же, не задумываясь, и теперь приступил к охране новой двери. Маруся его регулярно подкармливала, он в ней души не чаял, ходил рядом след в след, внимательно и преданно смотрел в глаза, словно говоря: «Ты мне только дай сигнал, и я всё немедленно исполню». Даже и меня он стал признавать за своего. Начал встречать с работы у остановки автобуса, а утром провожать на работу, выказывал своё дружеское отношение повизгиванием и вилянием хвоста. Смотрел я на своего новоявленного друга и удивлялся: ради чего и почему он охраняет нас, пришельцев из другой страны? Да ещё как! Попробуй индус пройди в нашу квартиру – он облает и даже покусает своего земляка. А нам радуется, даже хвостом виляет. И не только эта собака так себя ведёт, но и почти все, живущие в «Бхилай Хаусе». Стоит только индусу появиться в воротах – они бегут со всех сторон и набрасываются с лаем. Даже на полицейских, охраняющих наш городок. И долаялись. По этой ли причине, или другой какой, но приехали собаколовы с клеткой на машине и с большими сетками, переловили всех псов на территории и увезли куда-то. Если бы у нас в Союзе было дело, то попали бы они на живодёрню, и оттуда никогда бы не вернулись. Но здесь, в Индии, по закону предков даже муравья задавить считается большим грехом, потому собак только увезли в какие-то дали и просто выпустили. И пока ехали собаколовы обратно, псы были уже на прежнем месте в городке. Тогда решено было снова засадить их в клетки, но не тут-то было! Только показалась машина в воротах, собаки подняли лай и разбежались в разные стороны, а охотники только руками развели. Следующим утром наш Чиж (так называли мы своего сторожа) уже снова лежал около дверей и потом сопровождал меня на работу, как ни в чём не бывало.

А вообще всё живое, населяющее Индию, живёт в каком-то замедленном ритме. Либо угнетающая жара так действует на состояние животного мира, в том числе и человека, либо с древних времён выработана такая привычка никогда не торопиться, следуя пословице «От судьбы не уйдёшь». Самое большое животное в этой стране – слон. И сколько мне ни приходилось их видеть, слоны никогда не проявляли поспешности. Вот он пришёл на водопой и медленно, со значением тянет воду хоботом, а потом, напившись, устраивает ещё и душ: набрав воды, фонтаном обливает себя. После этого так же медленно идёт с водопоя, щиплет траву или обрывает листья с деревьев; насытившись, беззаботно стоит и не шелохнётся. Ему спешить некуда, впереди ещё долгая жизнь, и питания ему всегда хватит: вокруг изобилие растений. Даже лев, и тот не торопится, ходит медленно твёрдыми шагами, выискивая добычу. И он тоже знает, что рано или поздно ему всё равно попадётся какая-нибудь живность. Ведь в этой стране – равновесие в природе. Растения и животные существуют за счёт саморегулирования. А вот всем людям еды не хватает, часть умирает от голода, и таких в Индии до пяти миллионов человек в год. Лучше всех, наверное, живётся москитам: индусов полно – кусай по выбору. Но и на них там есть управа: лягушки, змеи и, конечно, птицы.

Я вообще нигде не видел столько птиц, как здесь. В ясный солнечный день посмотришь в небо – и пока глаз хватает, замечаешь их великое множество, в том числе больших грифов, орлов и других, парящих в вышине. И они не просто там кружат, они ждут и тоже высматривают добычу. Зачастую они связаны невидимыми нитями со стадом диких коров. Они как птицы-санитары оберегают стадо от болезней и сами живут за его счёт. Находясь на большой высоте, грифы, почувствовав больную корову в стаде, начинают её «пасти». День, другой, третий кружат, пока корова не окачурится. И сразу большая стая голодных грифов падает камнем вниз и начинает свой пир. Острыми клювами и когтями

эти птицы разрывают шкуру и добираются до мяса. И уже через полчаса на месте падения больной коровы остаются только кожа да кости (другие останки доедают более мелкие хищные птицы и шакалы). Грифы набивают себе зобы так, что в течение нескольких часов не могут взлететь. И они теперь, сделав своё дело, сидят, отдыхают... А от их дела польза не только им самим, коровьему стаду и другим животным, но и людям-заготовителям. Те ездят по полям и лесам и собирают свою добычу: чисто обработанные шкуры – для изготовления обуви, а кости – для технических целей.

Интересная дружба сложилась у буйволов с белыми цаплями. Эти птицы тоже по-своему являются санитарами и живут за счёт обработки своих «пациентов». Когда видишь стадо пасущих буйволов, на спинах у которых пасутся цапли, создаётся впечатление, что животным это даже приятно: они совсем не пытаются отгонять птиц и пускать в ход свои большие острые рога. Дело в том, что в толстой коже у буйволов заводятся различные насекомые – жучки-червячки. Цапли выклёвывают их и, питаясь таким кормом, делают этим животным доброе дело.

Такая взаимосвязь живого наблюдается в Индии повсюду, и начинаешь чувствовать как-то особенно обострённо, что всё здесь едино, и не надо человеку силой брать милости от природы – она сама их отдаёт. А если действовать по-мичурински нахально, природа покажет зубы, как собака или обезьяна, когда у них что-то отбирают. Например, если вырубить лес, на этом месте появится мёртвая пустыня. Человек и природа едины. И поэтому человеку нельзя пытаться обхитрить окружающий мир. А там, где это происходит, возникает дисбаланс и, как следствие, – катастрофы и катаклизмы. В борьбе с энцефалитом у нас в стране, особенно в Сибири, опрыскивали поля, тайгу дустом. И так уничтожали не только клеща, но и других насекомых, птиц и животных, в том числе и полезных. В результате остались лишь отдельные виды, а клещей стало ещё больше. В Китае уничтожали воробьёв как вредителей полей, а в итоге

урожаем резко снизился. Там, куда прикладывается жестокая рука человека, где мозг его бесцеремонно стремится влезть в великие тайны природы, нарушается равновесие. А это – самый высший закон.

...В общем, если поначалу меня раздражала какая-то общая медлительность индийцев, то потом я к ней привык, а временами даже чувствовал, что и она бывает оправданна и даже необходима (прямо как в нашей пословице «Тише едешь – дальше будешь»). Например, тот же шофёр Сардар, который, по нашему мнению, слишком медленно вёл автобус на завод или с завода, вызывая тем самым наше неудовольствие, просто не мог ехать быстрее, так как шоссе постоянно было загружено движущимися пешеходами, повозками, велосипедами, и обгон в таких условиях был по-настоящему опасен.

Так что некоторые черты характера, обычаи, примеры из образа жизни этого древнейшего народа и нам не худо было бы позаимствовать. Во многом это касается особого отношения к природе, детям, семье в целом. Не считая того, конечно, что, при всей священности брака в Индии, зачастую даже замужняя женщина (не говоря уже о вдовах и старых девах) оказывается бесправной и угнетённой.

Вопиющую несправедливость по отношению к женщине (по нашим меркам) в этой стране можно встретить на каждом шагу. Мать не вправе присутствовать даже за праздничным столом по случаю годовщины её ребёнка, она может наблюдать за торжеством только либо в щелку приоткрытой двери, либо из другого места. Развод по желанию жены невозможен. Но практически разводов и по желанию мужа тоже не бывает. Во-первых, потому, что каждый мужчина с детства приучен смотреть на свою будущую жену как на необходимую, неотъемлемую часть своего существа, без участия которой все дела жизни, по традиционной вере, являются недействительными и бесплодными. Брак считается актом религиозным, и для обеих сторон его расторжение в высшей степени нежелательно. Во-вторых, жена являет-

ся матерью его детей и заслуживает благодарности и всемерной поддержки, поскольку потомство – залог вечности. Это гарантия совершения поминальных церемоний, без которых невозможно спасение души. В-третьих, общественное мнение, которое в жизни индийского общества играет огромную роль, всегда восстанет против развода, осудит и покроет позором всю семью, родню мужа, если он его осуществит. Однако только бездетную женщину муж может отослать обратно к отцу...

Об этих индийских обычаях я однажды поведал своей жёнушке. «Вот какие пережитки древности и законы существуют здесь, и на них создаётся семья и удерживаются нормальные взаимоотношения на протяжении всей жизни», – сказал я. И добавил, что бывают и совсем дикие случаи, как, например, со свипером (уборщиком) нашего цеха, который с утра до вечера подметал пол. «Звали его Кришанал, – начал я рассказ. – Он был очень маленького роста, имел длинный нос, длинные ресницы и застенчивые глаза. На его губах всегда играла улыбка Моны Лизы – лукавая, грустная и непонятная. А ещё он имел привычку петь тонким голосом какие-то печальные песни, когда передвигался на корточках по полу, подметая его щёткой или вытирая тряпкой. Среди свиперов он был главный, и когда сердился на подчинённых, то, бывало, и бил кого-нибудь из них. Те молча сносили это, признавая его авторитет. Но во вне рабочее время они над ним посмеивались и намекали на разные его несовершенства и беды. Первая его беда заключалась в том, что он рано потерял родителей, и в соответствии с древним обычаем отца ему заменил родной дядя. И этот дядя (на хинди – чача) воспитал своего племянника наравне со своими детьми. Когда мальчик подрос, чача, опять же в соответствии с древним обычаем, нашёл ему жену. Кроме того, взял на себя все свадебные расходы и внёс выкуп за девушку. Так Кришанал женился. Но очередная беда была в том, что чача подобрал для маленького невидного племянника крупную здоровую девушку, которая была скорее под стать ему самому

(он был и высок, и широк в плечах). Не прошло и полгода, как жена Кришанала стала одновременно женой его чачи. Вскоре она вообще предпочла дядю своему мужу, и Кришанал остался один. Прошло несколько лет. Чача, накопив денег, снова женил племянника, снова выбрав для него высокую цветущую девушку. И вскоре соседи, члены их касты, узнали, что жена Кришанала чуть ли не сразу после свадьбы ушла к его дяде. Бедный племянник подал жалобу в панчаят (совет) старосте деревни, где жил чача. Панчаят разобрал жалобу, признал её справедливой и повелел дяде вернуть жену племяннику. Дядя не посмел ослушаться и отправил жену обратно к мужу в город. Несколько недель Кришанал был счастлив. Но вдруг его дядя надумал приехать к нему из деревни и предъявлять свои брачные права на его жену прямо у него дома. А поскольку в Индии развито чувство уважения к старшим, Кришанал довольно долго терпел любовные отношения чачи с его женой прямо у него на глазах. Сколько бы всё продолжалась так и дальше, неизвестно, потому что жена опять сбежала с чачей в деревню. Кришанал попросил в цехе отпуск и поехал судиться с дядей. Панчаят вторично велел вернуть жену, но на этот раз чача отказался. Тогда панчаят объявил ему бойкот. В результате чача не мог найти применения своему труду, а это в условиях касты – смерти подобно. Не выдержав бойкота, чача переехал в другую местность, увезя с собой и всех жён. Кришанал снова попросил отпуск и уехал на неделю. А вскоре уборщики принесли заявление начальнику цеха с просьбой не давать ему больше отпуска, потому что Кришанал ездит в деревню, чтобы продавать свою жену. По древнему обычаю, муж, недовольный своей женой, может вернуть внесённый за неё выкуп, перепродав её кому-нибудь другому. Когда Кришанал вернулся, его начальник осторожно начал расспрашивать, чем же дело кончилось. Тот отмахивался, глядя в сторону из-под своих длинных ресниц, и улыбался лукаво и печально. Не выяснив толком ничего, начальник отправил его работать. И вот месяца через два жена вдруг вернулась к

Кришаналу, да ещё привезла с собой новорождённого сына. Его радости не было предела. Ведь неважно, от кого этот ребёнок, он будет его сыном, если это сын его жены (да, видимо, к тому же и его родного дяди). Подметая пол в цехе, Кришанал пел весело и живо улыбался во весь рот. Как тут не радоваться, у него же теперь жена с ребёнком, что ещё нужно для полного счастья?! Гром снова грянул над его головой, когда сыну исполнилось месяцев восемь. В один из дней Кришанал не вышел на работу. Когда его навестили дома, увидели, что он лежит больной, расстроенный и не хочет вставать, потому что жена опять ушла к чаче и ребёнка забрала. Потом он всё же начал работать, как всегда, но в знак печали больше не прибирал у себя в комнате, не надевал чистой рубахи и не стригся. И с тех пор в цеху слышались уже только его жалобные, стонущие песни, которые на всех нагоняли тоску».

Маруся слушала меня и удивлялась, а в конце спросила: «Так что же это, жена – не человек, а вещь, которую можно даже продать?» – «Скорее, не вещь, а рабыня, – ответил я. – Ведь во время свадьбы не женятся, а скорее родители жениха покупают себе в дом рабыню, которая будет безмолвно выполнять любую работу по велению старейшины семьи. А в семье может быть и 20, и 40 человек – членов этой общины, и основная работа лежит на плечах рабынь. И всё-таки замужняя женщина чувствует себя счастливой, пока муж жив и дети рядом. Хотя жизнь в общине нелёгкая, осложнённая ещё и тем, что здесь всё делится поровну. Пусть даже из всей многочисленной семьи, состоящей из отца, матери, дядьёв, тёток, сестёр и их детей, лишь один мужчина работает, допустим, на фабрике или заводе, его заработанными деньгами распоряжается глава семьи и распределяет их на всех. Если бы общинного образа жизни не существовало и не было бы семейной поддержки, смертность от голода в стране была бы намного выше. В семейной жизни у них нет понятия «моё», «твоеё», есть понятие «наше», и распоряжается всем «нашим» старейшина. И жёны, мужа которых работают и приносят зарплату в общий котёл, – не ропщут».

УКРАШЕНИЯ

Особое пристрастие у индийских женщин к украшениям, и смысл в них гораздо больший, чем кажется на первый взгляд. Ещё совсем маленькой девочке родители начинают покупать браслеты, дарят разные (в зависимости от достатка) серьги. Женщины нанизывают на руки (а кто и на ноги) стеклянные, а также металлические – серебряные и золотые – браслеты. Я видел у некоторых на ногах браслеты с маленькими колокольчиками, которые при ходьбе издают тонкий мелодичный звук; говорят, что этим звоном они отпугивают змей.

Индианка надевает цветное платье или сари, ставит на лоб красное или коричневое пятнышко – бинди, а замужняя женщина, у которой жив супруг, делает красным и пробор на голове, чтобы отличить себя от девушки. Украшения на женщине показывают окружающим, что она счастлива в семейной жизни. По древним канонам, только та женщина достойна уважения в обществе, которая умирает раньше мужа. Вдова или должна совершить обряд сати, то есть сжечь себя вместе с кремируемым мужем, или лишиться всех радостей жизни. Со смертью мужа жена должна снять с себя все украшения, разбить и не носить браслеты, не красить пробора, не ставить на лоб бинди или тилаки – декоративного пятнышка. Вдова может надеть только белое или чёрное сари. Ей надлежит регулярно брить голову. Вдова не присутствует на семейных праздниках. Ест только оставшееся от обеда других членов семьи. Вдовец может жениться, а вот женщине снова выйти замуж обычай не разрешает...

Подолгу вечерами мы с Марусей просиживали в интересных беседах. За день на работе наберёшься впечатлений, наслушаешься разных необычных жизненных историй, так что было о чём рассказать друг другу после ужина.

Муссонные дожди закончились, и образовавшееся море воды вокруг стало убывать. Реки входили в свои русла, обозначились берега, земля в полях подсыхала под жаркими

лучами солнца. В это время мы с женой начали устраивать прогулки по окрестностям нашего городка, а потом решились и на более длительные путешествия вдвоём.

В один из выходных дней в конце сентября, когда установилась сухая и относительно прохладная погода, мы проснулись ещё до восхода солнца, положили в рюкзак съестное, охлаждённую воду в термосе и отправились, куда глаза глядят. На улице только начинался рассвет, и всё небо загоралось разноцветными красками. Поначалу шли с опаской, внимательно вглядываясь под ноги, чтобы не напороться на змею. Красная земля от прошедших дождей начала покрываться травкой, воздух был чистый и свежий, и идти было легко, тем более по равнине, которая простиралась до самого горизонта.

Прошли с километр и оказались возле леса из высоких прямых эвкалиптов, уже распустивших листья фикусов и множества других деревьев. Зайдя немного вглубь этого леса, услышали рядом глухой стук, потом ещё и ещё, будто падают яблоки с высокой яблони. Вдруг около моего уха что-то просвистело и шлёпнулось совсем близко, это какой-то зелёный плод упал и раскололся, половинки разлетелись в стороны. Я глянул наверх и увидел, что прямо на нас летят еще несколько таких же плодов. Схватил жену за руку и прижался с ней к толстому стволу. Переждав, когда закончится град летящих плодов, мы вышли из-под дерева и начали пристально всматриваться в густые кроны. И тут я заметил, что не с верхушки падают плоды, а гораздо ближе: метрах в пяти над землёй сидит обезьяна на толстой ветке и кидает в нас эти неведомые фрукты. Я поднял кусочек плода, попробовал грызть. Он оказался очень твёрдый и безвкусный, зато если бы попал по голове, шишку долго пришлось бы носить. Опасаясь такого «гостеприимства» обезьяны, мы выскочили из укрытия и побежали в сторону опушки, а вслед нам опять, как шрапнель, посыпались фрукты.

Дальше шли по степи, вдаль увидели деревушку, утопающую в зелени деревьев. Преодолели километра три и оказались на окраине этого селения. Сразу бросилась в глаза убо-

гость жилищ. Вросшие в землю хибары навевали тоску, мы будто попали в партизанский край Ленинградской области или Белоруссии во время войны. Избушки без окон и дверей, земля голая, вытопанная ногами селян. Лишь роскошные манговые деревья хоть как-то скрашивают общий вид.

Как только мы показались на улице деревни, взрослые и дети высыпали из своих хижин – посмотреть на белых людей, наверное, впервые появившихся в их уголке. Индийские ребятишки – любопытные, шустрые, пока ещё лишённые застенчивости и боязни – в один миг окружили нас. Удивлёнными глазами смотрели изучающе, переговаривались между собой, показывали на нас пальцем и хохотали. Маруся, предвидя встречу с детьми, позаботилась, прихватила с собой конфет, и вот теперь сразу начала раздавать. На всех не хватило, ведь желающих набралось больше трёх десятков. Те, кому достался гостинец, сияли от радости; остальные смотрели на леди укоризненно и с надеждой, не появится ли ещё пакетик с лакомством. Осмелев, ребятишки подходили к нам вплотную, показывали на блестящую штучку, висевшую у меня на плече, что-то спрашивали. Я как мог объяснил жестами, что это фотоаппарат, и сейчас всех сфотографирую на память. Расставил их ряда в три с Марусей в центре и щёлкнул затвором, раздался общий рёв восторга. Дети снова окружили нас, перебивая друг друга, что-то рассказывали, показывали жестами, но мы ничего понять не могли. Вдруг один из мальчиков отделился от толпы и побежал вдоль деревни – видимо, за переводчиком. А мы тем временем разглядывали окружившую нас толпу и удивлялись, какие чистенькие дети, одеты в большинстве своём в белые рубашки, платица или просто обмотаны клочком материи, но чистой. Как, живя в землянках, можно оставаться чистым?

Вскоре возвратился мальчуган-посланник, ведя за руку парня года на три старше себя – прилично одетого, даже в галстук. Этот повзрослевший мальчик подошёл ко мне и по-английски произнёс: «Хэло, мистер», потом подошёл к Марусе, сделал жест «намасте» и тоже поздоровался: «Хэло,

леди». Толпа мальчишек притихла и внимательно наблюдала, что же будет дальше. Я сказал, что мы из Советского Союза, я работаю на заводе. Переводчик заулыбался, сказал, что и его отец работает на заводе, на блюминге. На радостях, что встретил русского, да ещё и из СССР, он заговорил часто и не очень разборчиво, перемешивая английские слова со словами местного наречия. Я поинтересовался, сколько ему лет, и он ответил: одиннадцать. И добавил, что учится в шестом классе. Я решил, что он мне присочинил: «Ты что, пошёл в школу с пяти лет?» – «Да, – подтвердил он, – у нас в школу ходят с пяти лет». – «А где ваша школа, можно посмотреть?» – «Конечно», – сказал он и повёл нас по деревне. Остальные ребята толпой шли за нами.

«Гид» подвёл нас к сараю, стены которого были слеплены из глины, крыша покрыта соломой. Мы зашли в проём двери. Помещение внутри совершенно пустое, пол земляной. На передней стене со стенами штукатурки просматривалось что-то похожее на классную доску: не то лист кровельного железа, не то клочок рубероида. Ни парт, ни скамеек или табуреток не было. Я спросил: «А как же вы пишете и на чём?». Он объяснил, что ученики сидят прямо на земле и пишут на грифельных досках, которые приносят с собой. Бумаги у них нет. То, что пишут на досках, запоминают и потом стирают, чтобы записать следующий урок. Если бы не этот случай, мы не поверили бы, что в таком сарае может быть школа. А тут еще при входе, в правом углу, увидели большой разлом в стене и щель. Причём глина в разломе была будто бы отшлифована. Я вопросительно посмотрел на юного экскурсовода, и он начал рассказывать. Как мы поняли, через дверь в школу могут входить все дети, кроме детей из касты неприкасаемых. Когда идёт урок, те забираются в щель, терпеливо сидят там и постигают азы науки. «Вот какая тяга к знаниям у здешних детей, – подумал я. – Их, пятилетних, никто не ведёт и силой не загоняет в школу, скорее, наоборот, ребяташек низшей касты не пускают внутрь, чтобы не осквернить учеников из других каст, а они всё равно слушают уроки».

После посещения школы мы опять же в сопровождении детей пошли по деревне. Попросились в один более ухоженный домик. Хозяйка, женщина лет 35, одетая в цветное сари, провела нас внутрь. В слабом свете, исходящем из двух противоположных дверей, мы разглядели деревянный стол, скамейки вдоль стены, какие-то тряпки, сложенные в углу. Дом перегорожен ширмой, за которой видна печка, а на полке – медные кувшины, чашки, начищенные до блеска. Пол земляной. Пока мы осматривали «хоромы» и обстановку в доме этих обездоленных людей, хозяйка, улыбаясь, что-то сказала. Наш переводчик пояснил, что она хочет нас угостить. Мы поблагодарили, но отказались, а Маруся из сумки выложила фрукты и пирожки с капустой, угостила хозяйку своей стряпнёй. Мальчику, сопровождавшему нас, я дал рупию. Провожая нас вдоль деревни, он свысока поглядывал по сторонам на своих односельчан, глаза его искрились, и видно было, что он очень горд шествовать рядом с русскими.

Распрощавшись, мы двинулись в обратный путь. Лес, в котором обезьяны забросали нас фруктами, обошли стороной, чтобы снова не попасть под обстрел. Домой пришли разморёнными от жары, но довольными прогулкой и знакомством со здешней деревенской жизнью. «За что люди так страдают?» – сказала жена. – «Почему ты думаешь, что страдают? – возразил я. – Это их образ жизни. Они так живут веками и чувствуют себя счастливыми. Вот эта хозяйка, в доме которой мы только что были, думаешь, ропщет на свою судьбу? Вряд ли. Настроение у неё хорошее, всё время улыбалась. В доме чисто, и сама одета хоть и в простенькое и поношенное сари, но чистое и не порванное. Она счастлива, что есть муж и с полдюжины детей. Ты заметила, какие ухоженные ребяташки, выдержанные и скромные, которые целой ватагой сопровождали нас по деревне? Но вообще, то, что мы сегодня увидели, – только крупица деревенской жизни. Поживём здесь – ещё не раз побываем в индийских селениях».

Маруся внимательно слушала меня, глубоко задумавшись, закусив губу, уйдя в себя. А потом проговорила: «А мне жаль

эту женщину. В такой хибарке, никакой обстановки, кругом мрак. У них даже нет электричества и водопровода и даже колодца. Где же они берут воду, чем моют посуду, как стирают бельё?» – «Какое бельё? Вот в чём они ходят – это и всё. Ты ещё увидишь, как ловко они стирают своё сари. Собираются у лужи или какого-либо водоёма, сматывают с себя метра три-четыре полотна, обмотанного вокруг тела, заходят по колено в воду и долго полоскают без мыла или порошка. Выжимают стиранный кусок и наматывают на себя ещё мокрой, а потом разматывают остаток, и пока полоскают его, то, что намотано на тело, высыхает. Когда женщина выходит из воды, сари на ней уже высохло полностью под палящим солнцем».

Я рассказал Марусе про крестьянскую долю, выпавшую людям в деревнях этой страны. Штат Мадхья-Прадеш, где мы теперь живём, находится почти в центре Индии. Место равнинное, с редколесьем, здесь называемое саванной. Земля изрезана клочками полей с рисом или просом. Деревни похожи одна на другую, везде глинобитные лачуги без окон. Заходишь в деревню и видишь сплошные серые стены, как будто идёшь не по улице, а по открытому земляному туннелю. Редко увидишь траву во дворе, даже деревья растут далеко не везде. Почти неизменно на окраине – зазеленевший от застоявшейся воды пруд, рядом с которым примостился едва возвышающийся над лачугами индуистский храм. Верующим отдалённых от реки деревень приходится совершать обряд очищения водой в таком зловонном водоёме. В некоторых деревнях отрадным контрастом на сером фоне лачуг выглядят строения школ – одноэтажных, без мебели, но всё-таки новых по своему облику.

Когда-то здесь были настоящие джунгли, населённые зверями и пресмыкающимися. Но английские колонизаторы превратили этот цветущий край в полупустыню, вырубая деревья миллионами кубометров на дрова для топков паровозов. А потом, борясь с нуждой, начал отгеснять джунгли с плодородных земель индийский крестьянин. Тяжело приходится труженику села. Деревянная соха, волы, а то и сам в упряжке. Утреннюю и вечернюю зори встречает он

в поле. А бывает, что и в полночь топчет крестьянин свой крошечный клочок земли, ухаживая за каждой бороздкой, каждым ростком. Лишь в полуденный зной он урывает время для короткого отдыха или копошится в доме. Но как бы ни старался крестьянин, главная надежда у него на дожди. Без них нет урожая. А дожди то напоят влагой почву, то, разгулявшись, слизнут плодородный слой земли вместе с посевом. Местная поговорка гласит: во время паводка даже попугаи дохнут с голода. Попугаи, как и воробьи, живут налётами на крестьянские поля. А в сезон муссонных дождей всё во власти паводка. И приходится трудяге неимоверными усилиями возвращать к жизни мёртвое поле. Но не успеет он оправиться от разлива, как наваливается на него новая, ещё более страшная беда, – засуха. Три месяца в году почти беспрерывно льют дожди, и девять месяцев стоит жара. И такой цикл неумолимо повторяется из года в год...

Результаты постоянной борьбы за урожай, громадный труд крестьян, вложенный в поединок со стихией, видишь, когда проезжаешь по просёлочным дорогам вдоль полей: всходы сочные, крепкие, вселяющие надежду на добрый урожай. И тем не менее, даже в удачные годы по всей стране ощущается нехватка зерна, риса, овощей. И большинство населения страны переживает недостаток продуктов питания. Нехватка плодородной земли, низкая урожайность порождают нищету, голод и болезни. Поэтому многие люди измождены от недоедания, и так много нищих, попрошаек на каждом шагу.

Долгие вечера мы засиживались в беседах. Маруся была любознательна и всегда слушала мои рассказы с большим вниманием. Бывало, что я в шутку начинал вешать лапшу ей на уши, но она быстро распознавала мой загиб и, поначалу поддакивая, потом как бы невзначай говорила: «Будя врать-то». После чего мы вместе долго смеялись.

Первые месяцы после её приезда в Индию время бежало быстро и интересно, всё, что происходило вокруг, было неожиданно и будоражило воображение. Ей было непривыч-

но, что здесь неделями можно не выходить из квартиры: всё необходимое для жизни принесут индусы, только закажи в нужное время и в нужном количестве. Первое время у Маруси глаза горели на диковинные товары, красивые вещи из шерсти, нейлона и парчи. Потом поостыла, говоря: «Зачем нам много всего закупать? Вот если доченьке, она уже почти девушка, захочет нарядиться, уж ей-то надо выбрать что-нибудь». И ни один купец не уходил от нас, чтобы не продать какую-либо вещь. С работы приезжаю домой, она хвалится приобретённой обновой. Я реагировал по-разному, иногда браковал её покупку. А она часто ссылалась на соседку Лизу, что та у купцов метёт всё подряд: «Показала стопку детских кофточек, которые купила сегодня и оставила у нас, чтобы её муж не ругал за очередной набор барахла. Она в Жданове собирается всё продать и купить за эти деньги машину. А нас с тобой назвала непрактичными людьми за то, что мы здесь выплачиваем деньги за машину. Но ведь и Буряченко Иван и Маша, глядя на нас, тоже вносят деньги за машину. Так что мы хоть и дурачки с тобой, но не одинокие!» – попытожила она с улыбкой.

Почти каждое воскресенье жена ездила на базар. Автобус с нашими женщинами отходил в шесть часов утра, на восходе солнца, пока стояла утренняя прохлада. Базар находился недалеко, всего в десяти километрах от нашего городка. Возвращались в девять часов с продуктами на всю неделю. В основном закупали там мясо (свинину, баранину), картошку и различные овощи. После второй поездки Маруся возвратилась прямо-таки восторженной. Встретив её у автобуса, я сразу заметил: «Что-то ты сегодня особенная. Свежая и не разморённая». Она отвечает: «Я теперь леди. Вот как!» – «Кто же тебе присвоил такой титул?». Она ещё больше заулыбалась: «Пойдём домой, всё расскажу».

Забрал я тяжёлые сумки с продуктами, пришли мы в квартиру, сели в кресла, и она начала рассказывать о сегодняшней поездке: «Как только автобус подвернул к обычной стоянке на базаре, и мы вышли, к нам подбежали индийские

мальчишки. И каждый схватил за ручки сумку той или другой женщины. Один мальчуган из толпы подростков схватил и мою сумку, дёргает и что-то говорит, повторяя одно и то же слово: «Мими, мими!» Я испугалась, а Маша Буряченко говорит: «Не бойся, этот мальчишка теперь у тебя будет постоянным помощником, это бой по-ихнему или просто слуга. Отдай ему сумку, он от тебя не отстанет и не затеряется. Покупай, что надо, а он будет следом носить, а при отъезде поставит все твои покупки в автобус. Только не забудь ему дать рупию при отъезде». Мне было так интересно: он, как хвостик, ходил со мной по базару и носил сумки, которые становились всё тяжелее от покупок. Мне стало жалко мальчугана, ведь он такой маленький, а носит такую тяжесть. Хотела забрать, но он не отдаёт, что-то говорит и показывает рукой в сторону автобуса. Только мяса я купила мало: когда подошла к мясному ряду, там остались рожки да ножки, наши женщины самое лучшее всё раскупили. Мы с Машей подошли к одному маркетану, она что-то сказала ему на их языке, он ответил, а потом на ломаном русском пояснил: «Леди, если хотите хорошего мяса, придите в Дург завтра». И назвал адрес. И ещё добавил: «Будем резать поросят, и какое хотите мясо возьмёте. А если не придёте, резать не будем» – «Конечно, не будут, где им хранить мясо при такой жаре? У них холодильника-то нет», – сказал я. – «Так что теперь я леди, а не баба-домработница!» – улыбаясь многозначительно и даже с гордостью, произнесла Маруся.

В понедельник я поехал на работу, а моя леди в компании Лизы и Маши поехали на «шмеле» в Дург за свежениной. Возвращаюсь домой в обеденный перерыв, а в квартире дым коромыслом. Три подруги-соседки работали в поте лица. Маруся жарила котлеты, а Лиза и Маша разделявали большие куски парового мяса, крутили фарш и делали заготовки на отбивные. «Бог в помощь, леди!» – поприветствовал я. – «Сенкью, мистер» – хохоча, ответили мне труженицы. С этого времени они на базаре мясо не покупали, а когда надо, ехали в город Дург, там хозяин свиарника забивал для них кабанчика – того, на какого они покажут.

ТЯЖЕЛОВЕСЫ-ЖЕНЩИНЫ

В один из вечеров по нашему посёлку пронёсся слух, будто бы в Бхилаи приехали московские артисты. Это известие всех обрадовало, ведь после отъезда Зыкиной прошло почти полгода, и никто нас больше не навещал. Воспоминания о ней постоянно присутствовали в разговорах, а однажды я рассказал Марии и о концерте Людмилы, и о громком скандале, связанном с домогательствами к ней инженера-электрика Ерошкина.

Об этом Дон-Жуане мне было известно ещё до приезда Зыкиной из рассказа Буйглишвили. Они оба приехали с Нижнетагильского завода, знали друг друга ещё там. Рафаил по своей душевной простоте однажды пригласил его в гости, а у того разыгралась кровь после выпитого спиртного, и он начал подкатывать к Магдалине. Прижимал, лез целовать, когда муж удалился на минутку. Она пожаловалась Рафаилу, а тот, имея от предков грузинский вспыльчивый характер, расвирепел и съездил Ерошкину по толстой морде. «И ты думаешь, как этот тип отреагировал? Он рассмеялся и сказал: «Что же тут такого? Я же её не изнасиловал. Не удалось с ней – получится с другой», – рассказал я жене. – А Зыкина ему что – залётная птица. Прилетела и так же улетит. А думая, что она крутит роман с Косыгиным, надеялся, что и ему отломится от неё. Не получилось. И, думаешь, он расстроился? Сомневаюсь». – «А что, у них любовь с Косыгиным?» – спросила Маруся. – «Вряд ли. Он такой старый, да ещё очень занятый человек. Если и дружит она, то скорее, с кем-нибудь из своих баянистов. По крайней мере, единомышленники в музыке, да и ребята молодые. А Косыгин для неё стар и скучен». – «А Ерошкина-то накажут хоть как-нибудь за обиду Людмилы?» – спросила жена. – «Если пожалуется, обязательно накажут», – заключил я. – «Кобель он. Жена-то у него прекрасный человек. Узнает – так будет большой скандал, мало не покажется!» – сказала Маруся. – «Э, для него эти взбучки – как с гуся вода. Поржёт, как конь,

на этом всё и кончится. А вообще-то зря Зыкина его оттолкнула. Боря поёт здорово, могли бы и спеться», – подмигнув, произнёс я в заключение.

Эта история продолжения не имела. Народная артистка, скорее всего, жаловаться на этого оболтуса посчитала низким для себя занятием, способным даже бросить на неё тень. Забегая вперёд, хочу сказать, что Борис Ерошкин, возвратясь из Индии в свой родной Нижний Тагил, сошёл с ума и вскоре умер. Вот и поверишь в учение Махатмы Ганди, которое доказывает, что в природе всё находится в состоянии равновесия, даже добро и зло. Если человек в жизни делал зла больше, чем добра, то космос за это отомстит ему или его потомкам.

Наконец, приехали цирковые артисты. Сначала они гастролировали в цирке города Райпура, потом в Бхилайском культурном центре, и с заключительной гастролью выступили перед нами. После показа нескольких номеров клоунады, фокусников и других вышли на сцену две молодые женщины. У всех сидящих в зале невольно вырвался возглас восхищения. Это были настоящие русские красавицы. Лица сияли свежестью, волосы были чёрные, вьющиеся. Но больше всего поражали их фигуры с естественной женской талией и плотным, упругим и в меру загоревшим телом. Раздался гром аплодисментов. Мужчины горящими глазами жадно разглядывали этих почти голых изумительно сложенных артисток, женщины – немного смущаясь, но тоже с интересом и, наверное, с завистью смотрели на них.

Рукоплескания продолжались долго. Наконец, перестав раскланиваться, артистки взяли в руки по пудовой гире и начали перебрасывать их друг другу, ловя на лету. Мускулы их напряглись, тело стало красным и потным. А когда они принялись поднимать штанги с тяжёлыми стальными дисками, нам вообще стало их жалко. Вместо восхищения в зале послышался ропот: «Что же они так себя истязают? Не женское это дело. Им бы детей рожать да воспитывать, а не поднимать стокилограммовые штанги, надрываясь!» Де-

монстрируя цирковые номера, их гармоничные женские фигуры превращались в атлетические мужские, как у библейского Самсона. Бюстгальтеры и плавки, еле прикрывавшие их прелести, врезались в плотные тела, вызывая восторг у мужчин и страх у женщин: а вдруг разорвутся? Но они были крепкими и блестящими, как усыпанные бриллиантами, шитые золотом и бисером.

Если до начала представления многие любовались этими артистками, то после, когда расходились, испытывали полное разочарование из-за утраты их женственности, красоты. В выходящей из зала толпе были слышны высказывания зрительниц: «Вот дурёхи, занялись бессмысленным делом. Это же удел мужиков».

На другой день приехал из цеха на обед, Маруся мне говорит: «А знаешь, эти циркачки с нами сидели целый день на лужайке. Рассказывали про себя и плакали. Мужья их бросили, детей нет и не будет. Ты подумай-ка, до чего себя довели этим увлечением спортом. Сначала им было интересно, хотелось переплюнуть мужиков в подъёме штанг и грузов. Но надорвались. Наверное, каждому своё: богу – богово, а кесарю – кесарево, – вздохнула она. А потом добавила: – Приходил твой друг Уттомчан со своим младшим братом, принесли жареных земляных орехов, вот попробуй-ка», – и она протянула мне тарелку, наполненную орехами. Я взял, попробовал, и во рту заполыхало от перца. «Ну как?» – спросила она. – «Да так, что рот закрывать неохота. Но зато вкусно». – «Уттомчан натаскивает теперь своего брата к торговле. Он из Бомбея привёз новые товары, вечером придёт показывать». – «Это значит, готовь деньги. Насядет так, что придётся покупать», – уверенно сказал я.

Вечером приехал с работы, зашёл в квартиру, а там торговля уже идёт полным ходом. Маша Буряченко аж до хрипоты рядится с Уттомчаном за каждую кофту или трусы, а Лиза и Маруся наблюдают за поединком. Увидев меня, Маруся отошла со мной в сторонку и говорит: «Вот это торговля! Ты послушай, как она улаживает индуса». Я прислушался

и расхохотался. Во даёт Маша! Коверкает слова английские вперемешку с русскими и хинди, да ещё и оскорбляет торговца: «Ты что, балбес, не понимаешь русского языка?!» – «Завидую я ей, – призналась Маруся. – Она уже всю говорит по-ихнему». Я успокоил: «Скоро и ты научишься». – «А я уже умею считать до десяти, – похвасталась она. – А «комбиен» что означает?». Я ответил: «Сколько стоит». Она подошла к Уттомчану, взяла нейлоновую рубашку и спрашивает: «Комбиен?». Он ответил: «Твенти ту рупис». Маруся повернулась ко мне и говорит: «Двадцать две рупии». Я удивился: «Ты скоро всех нас заткнёшь за пояс своими познаниями английского». А у неё на лице улыбка и гордость. И мне стало понятно, что и она перешагнула наконец-то рубеж собачьего положения, когда всё понимаешь, а сказать не можешь.

С этого дня у неё появился интерес к иностранному языку, она стала чаще спрашивать меня, как называется тот или иной предмет. А приезжая с базара, хвалилась, какие слова подцепила там. «А меня ещё обучает бой, теперь мы постоянно с ним ходим по базару, он даже помогает торговаться и учится говорить по-русски. Такой смышлёный мальчишка, запоминает слова быстро».

Однажды приехала кормилица с базара, а лицо серое, настроение дрянное. Я спросил, что случилось, кошелёк потеряла, что ли, или чего-то не досталось? Она явно избегала разговора и отвечала на вопросы односложно: «Скучно. Да и от Любы нет писем». – «Вчера тоже не было писем, – сказал я, – но настроение у тебя было весёлое, даже песни мурлыкала». Она не выдержала и резко ответила: «Всё из-за тебя!» – «Это что-то новое, – удивился я. – Я что, на твою тень наступил, что ли?» – «Наши соседки тебя не могут поделить. Уж пошёл бы ты их успокоил или ублажил, что ли, чтобы они меня в свои дрязги не впутывали. Устроили скандал на базаре и всё повторяли: «Иван Иванович». – «Ну и что? Может, речь вели о другом Иване Ивановиче, мало ли таких имён?» – «Вот именно, мало. О тебе они говорили, – произнесла Ма-

руся. – И меня упрекнули, вроде я тебя захапала». – «Ну что же, пойдём, разберёмся, что им нужно от нас». – «Я не пойду, и ты не ходи, не унижайся», – попросила она. – «В таком случае будь от них подальше», – произнёс я.

Маруся как женщина умная и рассудительная сразу же прекратила с соседками дружбу и положила конец всяким пересудам. Лиза и Маша рассорились между собой окончательно. Находясь за границей, вдали от близких и родных, большинство людей испытывает состояние повышенного напряжения и нервозности, все очень ранимые. Даже незначительные сдвиги во взаимоотношениях вызывают обиды, а нередко и слёзы. После услышанной на базаре «дуэли» двух соседок Маруся стала замкнутой и по малейшему поводу вспыхивала, пытаясь высказать накопившееся на душе. Состояние её ещё более обострялось отсутствием писем из дома. Я ломал голову, как восстановить отношения, хотя у самого на душе скребли кошки, и было обидно, ведь я не был перед ней повинен ни в каких грехах, и меня так же одолевала тоска от отсутствия писем и однообразной жизни в добровольном заточении. Продолжаться долго такое состояние не могло.

И вот вскоре в цехе подошёл ко мне механик Кудва, которого я уже готовил на главного специалиста, и пригласил к себе в гости. Он и прежде несколько раз делал попытки, но я отказывался под разными предлогами, а тут ответил на его приглашение согласием, расценив эту возможность как повод для разрядки. Приехал домой и сообщил об этом жене. Маруся долго молчала. Потом произнесла с сомнением: «Ты-то как считаешь, не опозоримся мы с нашими русскими привычками?». Она боялась выглядеть невеждой в изысканном обществе высокопоставленных особ. Но после моих уговоров, что пора и знакомиться с незнакомыми людьми, и что надо развеяться, побывав совсем в другой атмосфере, она согласилась.

В следующее воскресенье мы сели в такси и поехали в ту часть города, где жило руководство завода. «Я почему-то

волнуюсь, лучше бы не ехать, – переживала Маруся. – Ведь богачи – они привередливые, особенно женщины. Они как рентгеновский аппарат – просверлят глазами насквозь, а потом будут склоняться на каждом углу, что русские – невежды, одеваются не по моде, и ещё всякое разное наговорают». – «Не нагоняй на себя страхов и всякой несурезицы, успокойся, Венкатеша Кудву я знаю уже больше года. Он простой добродушный парень. Семью его я не знаю, но сейчас узнаем, уже подъезжаем к району, где они живут, здесь их называют жилыми секторами», – заметил я. Перед нами появились однотипные коттеджи, построенные из бетона, напоминающие наши точилинские, только окружены они не тополями и берёзами, а молодыми пальмами и густым кустарником, усыпанным малиновыми, жёлтыми, белыми и синими цветами.

Наконец такси подкатило к нужному дому. Только мы вышли из машины, из двери показался улыбающийся хозяин. Венкатешу было тогда лет тридцать, он был худощавый и высокий, лицо светлое, нос с горбинкой, волосы чёрные, густые, отливающие блеском, обильно смазанные кокосовым маслом. Он свободно говорил по-русски: выучил наш язык, обучаясь пять лет в Московском институте стали. Когда мы зашли в дом, хозяин объяснил, что они недавно переехали и ещё не совсем обустроились. До этого жили с родителями в Калькутте большой семьёй, двенадцать человек, а теперь он получил этот небольшой коттедж от завода.

Войдя в прихожую, мы увидели молодую женщину, одетую в новое цветастое сари, плотно облегавшее изящную стройную фигуру. Лицо у неё было смуглое, овальное, с большими чёрными глазами, брови плотные, тоже чёрные, как и волосы. «Моя жена Камила, знакомьтесь, – сказал Венкатеш. – А это дочка Майя», – показал он на маленькую большеглазую худенькую девочку, рассматривавшую нас. На её смуглых ручонках болтались металлические браслетики, на крылышках ноздрей блестели аккуратно приклеенные крохотные золотые звёздочки, на лбу было накрашено

пятнышко. Хозяйка дома, похожая на статуэтку, вырезанную из сандалового дерева, стояла в прихожей, обхваченная за ноги маленькой дочкой. Она что-то сказала мужу, Венкатеш перевёл нам: «Жена приглашает осмотреть наш дом». Камила сказала ещё что-то звонким и уверенным голосом, и Венкатеш объяснил, что они ещё не привыкли к такой роскоши, в которой оказались теперь. Если раньше в маленькой хибарке размещались двенадцать человек, то сейчас они живут в таких хоробах втроём. «Вот наша комната», – показал он. В помещении не более девяти квадратных метров было сложено всё имущество семьи: несколько циновок, матерчатая сумка, из которой высывались книги, небольшой узел, по-видимому, вмещающий гардероб. Всё было аккуратно сложено в одном углу, остальная часть комнатки была совершенно пустой.

Пройдя через дверь в другое помещение, хозяйка сказала торжественно, а муж перевёл: «Ванная». Мы оказались в крохотной конурке, где из стены торчал водопроводный кран, а под ним стояла кадка. У Камилы радостно блеснули глаза, она заговорила о чём-то, Венкатеш терпеливо выслушал её монолог и передал нам его смысл: «Для нас большая радость и счастье, что есть вода в доме, не надо ходить с кувшином и выстаивать очередь у колонки или колодца. Вода для нас главное сокровище». А потом добавил от себя, говоря обо всех индийцах: «У нас же много богов, некоторые фанатики от религии и воду обожествляют, молятся на неё». – «А может быть, есть в этом большой смысл, ведь история накапливает опыт, – сказал я. – Только мы быстро забываем, чему она учит. Ну да ладно, это особый разговор, а на воду молятся и у нас. Ведь вода и огонь – самые необходимые человеку (конечно, когда они ласковые и спокойные). Но когда разгуляется стихия, то люди обращаются к богу, а кто кроме него успокоит природные катаклизмы? Только он да человеческий разум». – «А в этой бочке мы купаемся, – объяснил хозяин. – Но скоро будет настоящий душ, уже приходили водопроводчики. Камила не представляет, как это: в квартире будет свой дождь».

Проходя в следующее помещение, хозяйка торжественно объявила, что это кухня. Здесь в глаза бросились, прежде всего, два начищенных до блеска медных кувшина и медное блюдо, похожее на утреннее солнце. Выйдя через другую дверь, мы увидели грядки прилегающего к дому огородика, аккуратно и хорошо возделанные; на них выращивались земляной орех и похожее на горох съедобное растение дал.

Потом мы вернулись в первую комнату, и Камила произнесла несколько слов по-английски. Венкатеш перевёл её возвышенное обращение: «Она сказала, что теперь вы видели наш дом и наше хозяйство!» Камила выжидательно смотрела на нас весёлым гордым взглядом, скорее всего, впервые принимая гостей издалека, да ещё в самом настоящем доме, где был даже водопроводный кран. Маруся, поняв настроение хозяйки, сказала: «Госпожа Камила любит, чтобы всё было аккуратно и красиво». Кажется, эта похвала удовлетворила хозяйку. Она кинула какую-то фразу своему мужу. Он сказал: «Жена приглашает за стол». И шутливо добавил от себя: «Наверное, проголодалась».

Убранство стола было необычным и очень нас удивило. Стояли две вазы: одна была наполнена мандаринами с гроздью винограда, другая – ломтиками манго. Также на столе лежало с десяток каких-то упаковок, стояло несколько бутылок с соками и содовой водой. Мы с Марусей обменялись растерянными взглядами, она даже шепнула: «Чего есть-то будем?» Я ответил так же тихо: «Переживём, не голодные».

Тем временем хозяева тоже сели за стол и начали кушать. Видя нашу растерянность, Кудва заговорил: «Вам не привычно наше угощение, я знаю, русские так не едят, а питаются другой пищей. В Москве, когда я учился, ел в столовой всё, что едят русские. Мы решили угостить вас нашими национальными блюдами. Я специально для встречи с вами заказал в Бомбее всё это, что в коробках, и прошу вас покушать». Мы начали по очереди вскрывать коробки и извлекать из них пластмассовые посудинки, наполненные какими-то сыпучими и кремообразными яствами. И для пробы чайными ложеч-

ками стали отправлять в рот неведомо что. Первое ощущение – будто во рту всё обожгло кипятком. Но когда ожог проходил, появлялось ощущение чего-то вкусного, ароматного, необычного, ранее не изведанного. И так ложка за ложкой, блюдо за блюдом мы испробовали все бомбейские деликатесы. И, набирая помаленьку одного, другого, третьего, мы незаметно насытились, а потом загасили пламенеющий рот кусочками манго и натуральными соками.

Такое угощение было удивительно, но оно нас восхитило. Мы-то думали, что вкуснее наших винегретов, солёных огурцов и грибов ничего на свете нет, а тут попробовали и даже наелись букетом экзотических закусок. Хозяйка на нас внимательно смотрела и заботливо меняла блюдо за блюдом. Венкатеш, да и Камила, конечно же, заметили наше замешательство и некоторую настороженность от необычного угощения и сервировки стола. Между собой они что-то обсуждали, а потом хозяин перевёл нам свой разговор с женой: «Для вас то, что мы едим, наверное, не вкусно. Вы употребляете много мяса, рыбы, хлеба, мы же этим не питаемся. Мы вегетарианцы, едим только растительное. И все блюда, которые вы сейчас испробовали, приготовлены из орехов, фруктов, перцев и множества других приправ».

Всё время, пока мы находились в гостях, в нас своими большими глазами внимательно всматривалась Майя – нарядная и ухоженная дочка Венкатеша и Камилы. Нас поражало поведение и общение с родителями этого юного создания. Неужели все индийские дети такие же нежные и кроткие, так хорошо воспитаны? Она вела себя так, будто её здесь не было совсем: не надоедала ни отцу, ни матери расспросами или капризами. Маруся, глядя на этого ребёнка, на его глаза, блеском зрачков напоминающие крупную чёрную смородину, становилась задумчивой, уходила в себя. Я, конечно, понимал её состояние и мысли, которые в этот момент были далеко за Гималаями, в нашем доме, где сейчас в одиночестве находится другая девочка, чуть постарше этой – счастливой и беззаботной, под крылышком своих родителей...

Окунувшись в совершенно иной мир, мы интересно провели целый день. У моей леди заметно поднялось настроение – от положительных эмоций этих людей, наших новых друзей, как будто от них исходила мощная, добрая жизненная энергия. От множества их вопросов, порой наивных для нас, а для них очень важных, от их суждений нам становилось весело. Они уверяли, к примеру, что всем миром управляет бог Кришна, поэтому Индия – миролюбивая страна, живёт почти без войн, и за это они ему молятся. А христиане почти непрерывно воюют, убивая друг друга, поэтому во всей Европе населения меньше, чем в Индии.

Распроставшись по индийскому обычаю жестом «намасте» – сложенными перед грудью ладонями – и пригласив их посетить нас в следующее воскресенье, мы уехали. За последующие дни Маруся оживилась, на лице чаще стали появляться улыбка и даже румянец. Наверняка на неё повлияли письма, полученные из дома от Любы и из Мурманска от брата Николая, а также, возможно, встреча с молодой индийской парой и день, проведённый в этой приятной семье. Вспоминая рассказ Венкатеша, как их поженили родители, она поражалась тому, что можно выйти замуж или жениться, ни разу не увидев друг друга до свадьбы. Я сказал, что так, наверное, правильнее создавать новую семью, ведь в итоге они довольны выбором родителей, да и браки у них в стране почти не распадаются. «Мне в одно не верится: как в большой семье уживаются мирно снохи между собой, со свекровью, даже двоюродные братья, сёстры, дяди и тётки, – произнесла жена. – Кудва сказал, что он получает 400 рупий и почти всё отдаёт родителям, оставляет на свою семью всего 100 рупий. Куда смотрит его жена Камила?» – «Это ещё по-божески, – возразил я. – Когда они ютились в одной хибаре, то все деньги он отдавал отцу, а тот делил поровну между всеми членами семьи. А в этой семье, между прочим, жили ещё две тётки, а работал один Венкатеш. Такой у них древний закон или обычай. У них в общине вообще интересные взаимоотношения. Если умер старший брат, то

его жену либо гонят из семьи, либо она становится женой младшего брата, независимо от того, есть ли у него жена».

Дня через три после нашего похода в гости она озабоченно сказала: «Чем же будем угощать наших приглашённых? Ведь скоро воскресенье. Будешь заказывать, чтобы привезли из Бомбея их национальные деликатесы?» – «Может, ещё из Парижа лягушек или из Китая змеиный суп?» – «Ты брось свои шуточки, я же не могу готовить их блюда». – «Будем их кормить и даже поить по-нашему, по-сибирски! – сказал я. – Во-первых, сделай винегрет, огурчиков малосоленных и обязательно пельмени. А остальное подскажет фантазия, как это делала дома». – «Ты что, они же мяса не едят!» – по-прежнему сомневалась Маруся. – «У нас всё будут есть. И здорово не печалься и не переживай, всё будет по высшему классу, даже с горилкой. Я ещё к твоему приезду покупал бренди, так мы его и попробуем».

С этого дня хозяйка занялась подготовкой к встрече гостей. И вот в воскресенье в назначенный час подкатила семья Кудва. Венкатеш был в белой рубашке и светло-коричневых брюках, выглядел свежим и подтянутым. Камила же и вовсе была великолепна в красивом сари и кофточке, с украшениями на руках, ногах, шее, в волосах и ушах, и все они отливали блеском и желтизной золота. А Майя вообще была разнаряжена и украшена, как куколка: кроме серег, колец на руках и ногах, золотые кнопки у неё блестели ещё и в носу; ногти, выглядывающие из босоножек, накрашены ярко, – так же, как и на пальцах рук.

Гостей мы встретили у клумбы цветов перед нашей квартирой. Любопытные соседи высыпали на веранду, увидев таких нарядных людей, отличающихся от тех серых индусов, которые нам уже примелькались в повседневной жизни. А эти шли нам навстречу, улыбаясь, и были какие-то особенно чистые и свежие, от них буквально исходил свет доброты, молодости и национальной красоты. Майя, узнав нас, улыбалась своими большими чёрными глазами, Камила шла стройной походкой, глаза опущены, на смуглом лице румянец – скорее всего, от волнения, из-за неожиданной

встречи со столькими людьми. Она сделала «намасте», ей таким же знаком ответили наши соседи.

Зашли в квартиру. От кондиционера шла прохлада, в комнате и на кухне уют, что сразу же отметила Камила, сказав об этом мужу. Он перевёл эти слова с хинди на русский, добавив, что они так же сделают у себя. Стол был уже накрыт, и мы дружно заняли свои кресла. Увидев непривычные блюда, гости растерялись, точно так же, как и мы у них, не знали, с чего начинать. Заминка произошла ещё и потому, что я налил в рюмки бренди и расставил их перед каждым. Камила начала что-то быстро говорить своему мужу. Он объяснил: «У нас же «сухой» закон, и она в своей жизни ещё не пробовала вина». Я сказал своему коллеге, что надо же когда-то и такое отведать, хотя бы ради уважения к нашим обычаям. И предложил тост за встречу. Когда Венкатеш перевёл мои слова Камиле, на лицах у обоих появилась грустная улыбка. Махнув рукой, наш гость сказал: «Будь что будет!» и выпил рюмку. За ним последовала и его жена. Сначала пригубила, вкус напитка не поняла, но, кажется, он показался ей приятным. Выпила половину рюмки, через мгновение опьянела и заговорила громко и быстро, сыпала что-то, как горох, жестикулируя руками. Венкатеш сначала пытался переводить её речь, но, чувствуя, что она говорит слишком сумбурно, даже не совсем понятное ему самому, укоризненно посмотрел сначала на меня, а потом на смеявшуюся Марусю. Я сказал Кудве, что скоро опьянение пройдёт, только надо хорошенько покушать, а пить Камиле больше не надо. Он убрал от жены рюмку и начал кормить её со своей вилки. Она ела и, похоже, не понимала странного и непривычного для неё вкуса.

Мы выпили ещё, и Маруся принесла пельмени – вкусно пахнущие и с парком, вьющимся над большой полной тарелкой. Камила, почувствовав приятный запах, немного успокоившись и отойдя от ударившего в голову хмеля, спросила, что это такое, и можно ли ей есть это кушанье. Венкатеш подал ей вилкой один пельмень, она настороженно и медленно жевала. Мы с женой даже напряглись: выплюнет, не выплюнет? А Камила, пожевав, проглотила и сразу же

запросила ещё. И, не дождавшись, пока её муж зацепит на вилку и подаст новый, стала рукой брать пельмени и есть, почти не жуя. «Она же обожжёт пальцы!» – забеспокоилась Маруся. «Не обожжёт, – успокоил её Венкатеш. – Мы же привычные есть без вилок и ложек. Вот только она может переесть, и тогда будет плохо». Он что-то сказал жене на своём языке, та положила руки на стол, стыдливо опустила глаза и умолкла.

Тем временем Маруся занималась девочкой: накомила её пельменями, потом поставила перед ней торт, изготовленный по домашнему рецепту собственными руками, и чашечку чая с буйволиным молоком. Торт Майе понравился, и она с удовольствием ела его, запивая чаем. И тут Камила, просидев спокойно минут пятнадцать, повернулась к мужу и что-то ему сказала. Венкатеш, немного захмелевший от выпитого, начал переводить откровенно, не стесняясь: «Она спрашивает, что с ней было. Она ничего не помнит – что говорила, что делала. Я такой жену ещё не видел. Да, она никогда вина не пробовала, у нас «сухой» закон, и женщины его соблюдают строго, только мужчины изредка, чтобы никто не знал, позволяют себе пропустить глоток-другой. А я, когда учился в Москве, понемножку выпивал в праздники».

Когда Венкатеш закончил, Камила снова подала голос, о чём-то расспрашивая мужа и пальцем показывая то на пельмени, то на винегрет, то на жареную рыбу. Муж, выслушав её, спросил, обращаясь к моей жене: «Скажите, миссис Маша, из чего и как вы готовите все эти кушанья? Камиле, да и мне очень понравилось, она хочет готовить такое у себя». Маруся, польщённая высокой оценкой своих кулинарных способностей, рассказывала, как всегда, обстоятельно, и показывала, из чего и как готовится то или иное блюдо. Камила внимательно слушала перевод мужа, и лицо её становилось напряжённым и мрачным. Вдруг по щекам её полились слёзы, сквозь всхлипывания она возбуждённо проговорила что-то и снова залилась слезами. Муж уговаривал её не плакать, показывая на нас и, видимо, напоминая, что нельзя так вести себя в гостях. Камила совсем сникла и замолчала, а Венкатеш

сдавленным голосом пояснил нам: «Ей очень понравились пельмени, но когда она узнала, что они готовятся из мяса, то сказала, что мы согрешили, осквернив себя и всю родню. Ведь мы ели запрещённую богами и законом предков пищу, приготовленную из убитого животного». Я сказал Венкатешу: «Весь мир питается мясом, и никакой бог ни на кого проклятий не насылал, и вас должен пощадить. Тем более что вы ничего не знали, так что весь грех ляжет на нас». – «Я-то понимаю, что вы хотели угостить нас, как лучше, – продолжал наш гость. – Я и сам очень люблю мясные блюда, я всё время их заказывал в Москве, когда учился, да и здесь иногда захожу в ресторан, чтобы отведать жаренную курицу (теперь и у нас готовят мясные блюда из курицы, хотя это вроде бы запрещено нашими обычаями). На севере Индии, в Кашмире, едят мясо, как и европейцы. Но в нашей семье, в нашей касте строго соблюдается закон. Мы вегетарианцы. И если только узнают родители и панчайт (совет касты), то нас проклянут. Хорошо, что я работаю на заводе, руки касты до меня не дотянутся и не смогут повлиять на мою карьеру. А если бы жил в деревне, то был бы наказан и я, и вся семья по всей строгости закона».

После этого рассказа нашего индийского друга мы с женой чувствовали себя виноватыми. «Но ведь никто не узнает, что вы ели мясо и пили вино!» – сказала перепуганная Маруся. – «Конечно, ни вы, ни я об этом никому не скажем, – подтвердил Венкатеш. – Но она, – показал он на Камилу, – обязана рассказать своим родителям, иначе будет грех. Но, думаю, я отговорю жену от этого поступка».

Расставались в подавленном настроении. Я сфотографировал на память семью Кудва, хотя это, наверное, было не очень уместно – запечатлевать такие расстроенные, угрюмые лица. Одна Майя, ещё не зная суровых законов своих предков, была весела и всё что-то говорила и говорила, находясь на руках своей матери, направляющейся к такси. Проводив гостей, мы вернулись в свою квартиру. На душе было тяжело. «Готовить индийские разносолы и деликатесы

я не умею, – упавшим голосом сказала Маруся. – Так что больше их к себе не приглашай». И я с ней согласился.

Заканчивался 1961 год, на подходе уже был 1962-й. Завершающийся год для меня оказался счастливым, несмотря на все трудности. Счастье привалило с приездом жены, моего единомышленника, главного советчика, кормилицы, а стало быть, и вдохновителя на добрые дела. Казалось, она мало вникала в мою работу на заводе, но по настроению и каким-то другим, только ей известным признакам, безошибочно определяла, как идут дела: случилось ли какое-то происшествие, неполадки в цехе или, наоборот, очередной успех. Успехи действительно были немалые, это было заметно ещё и по тому, каким становилось отношение ко мне как индийских рабочих и инженеров, так и наших, советских. Однако высокий авторитет обязывал меня и к высокой ответственности. Больше всего я боялся ошибиться, и неважно – в большом или в малом. Меня повысили в должности и, соответственно, добавили оклад. Рельсобалочный цех досрочно достиг проектной мощности и выполнил все обязательства по контракту. Это означало, что наше государство получит от Индии валюту, предусмотренную договором, а специалисты, у которых заканчивается срок контракта, могут поехать к себе на родину. Но индийское руководство не спешило нас отпускать, хотя, конечно, и не всех. Возник парадокс: тех, кому очень хотелось уехать, не отпускали, а мечтающим остаться предлагали досрочный отъезд. Эти люди (в основном, из Украины и Москвы) осаждали дирекцию завода и консула, просили оставить их хотя бы ещё на полгода. Некоторые шли навстречу – благодаря ходатайству руководства цеха. Нам же, основным специалистам, – Буйглишвили, Пастухову и мне, срок пребывания продлили и в третий раз, хотя и второй срок ещё далеко не истёк. Нас уже морально готовили и в нашем руководстве, и в индийском, предупреждали: «Ребята, не рыпайтесь, вам здесь придётся, как медным котелкам, ещё долго служить».

Забота индийского правительства была понятна, об этом мы узнали из основной газеты страны «Хиндустан таймс».

Там нередко появлялись статьи о нашем предприятии. А недавно был напечатан не только очерк индийского журналиста о выполнении контрактных обязательств советскими специалистами на Бхилайском металлургическом заводе, но и кричащая статья о работе заводов в Руркеле и Дургапуре, которые строили Англия и Германия; в ней предлагалось немцам и англичанам поучиться работать у специалистов Советского Союза, вместо того, чтобы заниматься проституцией и пьянством.

Обстановка в нашем цехе складывалась довольно благоприятная. Производство набирало темпы. Мы освоили прокатку самого сложного профиля – балки-600, а также других профилей, даже не предусмотренных контрактом. Наши недруги в лице главного прокатчика Панжи и начальника цеха Саркара, которые пытались подорвать работу, потерпели фиаско. Панжа перестал ходить в наш цех, а Саркар вообще занимался, наверное, только своей общиной, семьёй в 23 человека (в свои 60 лет он «выдал на-гора» семнадцатого ребёнка, девочку, а с ним под одной крышей жили ещё и племянницы). Руководили всей работой цеха мы втроём. Индусы – и специалисты, и рабочие – безоговорочно выполняли всё, что мы требовали, приобретая при этом большой опыт работы и полезные профессиональные навыки. Трудились уверенно и почти без аварий. Наши русские вальцовщики, операторы, механики, электрики по целым дням работали «не покладая рук»: всё по технологическому конвейеру выполняли уже индусы. Но свалившаяся беда нарушила уверенный ритм работы цеха.

А произошло всё неожиданно и нелепо. День в цехе выдался напряжённым. Пора бы уже ехать на обед, а у нас не ладилось с прокаткой. Я нашёл своего начальника Буйглишвили на главном посту управления, он нервничал и разносил инженера Трипати за слабую работу операторов. Чтобы разрядить обстановку, я пригласил его ехать на обед: те, мол, сами разберутся. Но он отказался. Мы сели в автобус и уехали. А после обеда, вернувшись в цех, мы услышали, что Буйглишвили разбился.

Он поехал на обед позже нас на мотороллере, которым управлял мастер-прокатчик Гупта. А как ездят индийцы, нам, к сожалению, уже хорошо было известно. Ощущение скорости у них отсутствует. На газ жмут до предела, на крутых поворотах о тормозах забывают, перекрёстки стараются проскочить максимально быстро. Вот и в этот раз, проезжая перекрёсток по кольцу, Гупта не сбросил газ и не притормозил, в результате мотороллер на полной скорости перевернулся, оба с большой силой ударились об асфальт: Гупта – боком (и лишь поцарапав его), а Рафаил – головой.

Обоих доставили в госпиталь. Рафаил долго был без сознания. Я, узнав, где он находится, сразу же поехал к нему. Около больного сидела жена Магдалины и плакала. Она по профессии врач, и понимала всю серьёзность случившегося. Мне шёпотом сказала: «Это очень опасно». Рафаил всё ещё не приходил в сознание.

Жена не отходила от больного трое суток. Когда он пришёл в себя, я снова приехал в госпиталь. Магдалины была усталая и в полной растерянности. Но, обладая твёрдым характером, взяла себя в руки и сказала: «Рафаилу надо делать операцию. Рентген показал: в том месте, каким он ударился головой об асфальт, под черепом образовалась шишка. Собираются его отправлять в Москву на операцию, но я не согласна. Там такие операции делают плохо, надо же вскрывать череп. Главврач госпиталя советует везти его в Бомбей, там опытные врачи, но нужны деньги, и немалые». Я, как мог, успокоил Магдалину и поехал в главный офис завода. Нашёл там главного прокатчика Павловского, рассказал ему о состоянии Буйглишвили. Павловский произнёс: «Надо спасать мужика». И в ту же минуту пошёл в кабинет к директору завода Гончаренко. Возвратившись, сказал: «Директор обещал раскрутить немедленно».

Гончаренко сдержал своё слово, оперативно организовал отправку Рафаила в Бомбей в сопровождении врача нашей санчасти и Магдалины. Через неделю они вернулись в Бхилаи, а ещё через две недели Рафаил вышел на работу вполне нормальным человеком. Изменилось только лицо – оно каза-

лось усталым и грустным. Если до травмы Рафаил в любой ситуации не терял чувства юмора, улыбался, то теперь стал задумчивым и угрюмым. После встречи с ним меня охватила тревога: «Уж не повредили ли ему мозг во время операции, удаляя гематому?». По прошествии недели Рафаил сам откровенно поведал мне о причине своего плохого настроения. Оказалось, что врач нашей санчасти настаивает на отправке его в Советский Союз, ссылаясь на то, что после такой сложной операции надо пройти реабилитацию дома, в тех климатических условиях, в каких человек постоянно жил. А в здешней жаре и повышенной влажности могут быть осложнения. «Так он заявил директору Гончаренко. И ещё сказал, что снимает с себя ответственность за моё здоровье, если не отправят меня на Родину, перестраховщик! – возмутился Буйглишвили. И печально добавил: – Директор дал задание готовить выездные документы. Так что, дружище, скоро расстанемся».

Отъезд его последовал действительно уже скоро. Провожали мы его семью с железнодорожной станции Дург. Поезд тронулся, и сердце у меня так защемило, будто проводил родного брата навсегда. С первого дня знакомства мы стали большими друзьями и единомышленниками. Друг за друга стояли стеной. В сложных условиях работы и жизни за границей взаимная поддержка, опора на твёрдое плечо нужны, как воздух.

Бывали у нас сложные ситуации с индийскими специалистами и рабочими, но мы их решали без особой нервозности и моральных потерь. Другое дело – проблемы, возникавшие внутри коллектива электрослужбы. Дело в том, что технологи и механики приехали сюда в основном с Урала и из Сибири, люди с открытой душой и работяги без особых запросов. Приехали честно и добросовестно работать, а не сводить счёты, как это случилось в электрослужбе. На металлургических заводах (да, как, наверное, и везде) электрики считают себя «высшей расой» или людьми «с голубой кровью», имея намерения на чужом горбу пролезть в рай. А здесь, поняв, что их авантюрные дела, попытки переложить свои грехи на плечи технологов и механиков не проходят, устроили грызню между собой. По стечению обстоятельств, электрики у нас

собрались с разных заводов Украины, а эти люди, упрямые, как волы, лучше всего работают языком. И начались скандалы. Прежде всего, потому, что в Москве им назначили разные оклады, хотя делали, по сути, все одну и ту же работу – надзор за электрооборудованием и обучение индусов. С этого пошла междоусобица: «Ты больше получаешь, а меньше работаешь, я же меньше получаю, а работаю больше».

И вот однажды остановился цех из-за аварии на электродвигателе. Мы с Рафаилом зашли в машинный зал и вместо работы по устранению аварии застали грызню и споры. Наши хохлы поносят друг друга непотребными словами и чуть ли не набрасываются с кулаками. А вокруг стоят электрики-индейцы и хохочут. Начальник цеха Буйглишвили, увидев этот бедлам, приказал индийцам разойтись по своим рабочим местам, а наших специалистов завёл в свой кабинет. И устроил им такое прочищение мозгов, после которого они бегом побежали устранять аварию. Рафаил со своим грузинским характером настолько рассвирепел, что хотел идти к директору и консулу, чтобы особо рьяных тут же отправить в Союз. Я едва отговорил его от такого шага. Он всё повторял: «Чего захотели! Требуют повышения окладов! Знают же, что только в Москве этот вопрос могут решить, а канючат!» Потом, чуть успокоившись, спросил: «Ну, как ты думаешь, вразумил я их?» – «Давно надо было, – ответил я. – Как только они начали показывать зубы».

Теперь, после отъезда моих друзей Рафаила, Лины и их сына Юры, я понял, как мне их не хватает, особенно скучал по мальчугану. У нас с ним завязалась хорошая дружба. Хотя жили они довольно далеко, в гостинице в десяти километрах от нашего городка, я бывал у них регулярно, иногда заезжал и вечером после работы. Юра встречал меня, не зная от радости, на что потратить вспышку своей детской энергии: баловался, забирался мне на шею. Родители, конечно, пытались его уговорить, но тщетно. Он бегал, прыгал, хохотал; наконец, выдыхался и начинал показывать мне свои игрушки и рассказывал свои новости, от которых мать с отцом краснели и впадали в смущение, не подозревая такой особой наблюда-

тельности в своём чаде. Этот пострелёнок с большими чёрными глазами веселил всех и снимал нервное напряжение, накопившееся за день. Часто задавал неожиданные вопросы. Например, как-то раз спросил у меня: «Мой папа начальник?» – «Начальник», – признал я. – «Он тебя ругает?» – «Нет», – отвечаю. А Юра прямо в присутствии отца говорит мне: «Будет ругать – скажи. Я проведу с ним беседу». И это выдаёт ребёнок четырёх лет! А однажды спрашивает Ерошкина, который тоже заезжал к Рафаилу нередко: «Ты служил в армии ефрейтором?» Тот ответил: «Нет». – «А почему у тебя нахальные глаза?» Отец, с трудом сдерживая смех, схватил «дознавателя» за ухо и выгнал на улицу. А откуда вскоре слышались выкрики: «Ефрейтор! Ерошкин Ефрейтор!»

Через совсем небольшой промежуток времени все в цехе почувствовали отсутствие такого энергичного, требовательного, авторитетного человека, как Буйглишвили. Особенно среди индийского руководства. Их начальник цеха Саркар давно уже самоустранился, и всю работу осуществлял именно Рафаил. Теперь, после его отъезда, многие расслабились, и больше всех – индийские инженеры. Среди них началось брожение. У Саркара было два заместителя – Чатри и Трипати, которыми раньше в обход Саркара руководил Буйглишвили. А теперь, в отсутствие в цехе единого начальника, между ними началась борьба за власть. Чатри был толковым, энергичным инженером-технологом, его весь персонал прокатчиков уважал. Трипати же, напротив, никакого авторитета не имел, был безалаберным и чересчур болтливым. Из-за их распрей зашаталась дисциплина среди рабочих, производство в цехе стало снижаться. Видя это, Пастухов и я пытались примирить двух соперников, но они не унимались.

Когда в цех приехал главный прокатчик Павловский, мы с Лёвой рассказали ему о причине ухудшения работы и попросили повлиять на обстановку. «Мы не можем вмешиваться во внутренние дела Индии, но я попробую поговорить с их руководством», – пообещал Сергей Иосифович.

Павловский был человеком дела. Не прошло и недели, как Трипати из цеха исчез. Работа потекла в прежнем нормальном режиме.

НОВЫЙ 1962 ГОД

По мере приближения Нового года моё настроение поднималось. Ведь подходил год нашего возвращения домой.

Когда я приезжал с работы, мы с женой целыми вечерами просиживали за воспоминаниями, как раньше готовились к этому празднику. Как наряжали ёлку, привезённую мною из тайги под Апанасом или из соснового бора. Как Люба радовалась игрушкам, которые сияли в лапнике пахучей пихты, и штудировала стихи, которые она будет рассказывать перед гостями.

Здесь ёлки не растут, а для проведения праздника срубили и привезли в наш клуб кипарис. Инициативная группа творческими силами коллектива готовила номера художественной самодеятельности. У консула выпросили разрешение на поездку в соседний штат, чтобы закупить спиртное, так как в нашем действовал «сухой» закон. Собрали деньги и отправили на «виллисе» главного заводилу нашего городка Борю Ерошкина с электриком Максимовым. Те вернулись вечером, привезя всё, что было заказано: ром, виски, бренди и различные вина.

В канун праздника весь городок советских специалистов собрался в Культурном центре, где уже были накрыты столы. Ленты, флажки, гирлянды цветов украшали зал. Расселись по местам, налили в бокалы шампанское, и ровно в полночь тамада произнёс: «С Новым годом!» Загремели выстрелы, хлопки, и фейерверк разноцветных огней навис огромным шатром под тёмным, тихим небом. А потом зазвенели бокалы, как куранты, возвещая наступление Нового года. У всех сияющие лица, на глазах слёзы радости и грусти, а у моей леди они и вовсе потекли ручьём. Склонившись ко мне, Маруся произнесла: «Как там наша дочечка?»

Тосты тамады перекликались с выступлениями самодеятельных артистов. Мы даже не предполагали, что среди наших специалистов есть такие талантливые певцы, танцоры, фокусники и рассказчики. Пели и танцевали до утра, потом

гуляли по площади, обсаженной цветами, и по аллеям среди цветущих деревьев и кустарников. Все были одеты в лёгкие платья и футболки, лица у всех весёлые и торжественные, особенно после очередных хлопков праздничного салюта. Мы, кузнечане, собравшись своей группой земляков, плясали и пели наши сибирские песни.

После наступления нового года жизнь в городке, да и у нас в семье как-то оживилась, скорее всего, из-за того, что схлынула жара. Погода стояла, как у нас в Сибири в июне-июле, и мы чувствовали себя бодро. Маруся без устали то вязала, то шила, а в один из воскресных дней даже совершила подвиг – пошла со мной на рыбалку.

Встали чуть свет, собрали наготовленные с вечера снасти, термос с холодной водой, пирожки, мандарины и отправились на озеро, расположенное километрах в четырёх от «Бхилай Хауса». Шли осторожно, только по открытым местам, свободным от кустов и высокой травы, чтобы не напороться на змею или кабана. Добрались до озера благополучно, остановились на берегу и, как замороженные, смотрели на водную гладь, в которой отражались синее небо и восходящее солнце. По зеркалу озера, приближаясь к нам, плыли пеликаны. Казалось, они даже не плыли, а находились в невесомости между верхним небом и нижним. Только всплески крупных рыб нарушали тишину и порождали круги волн на идеальной глади воды.

Я начал готовиться к рыбалке, а жёнушка почти шёпотом, словно боясь спугнуть всю эту красоту, попросила: «Давай ещё постоим, посмотрим. Такого чуда природы я никогда не видела». Хотя и мне было трудно оторвать глаза от такой идиллии, но рыбалка манила рыбака, как море моряка. С замиранием сердца забросил я удочку, предвидя удачный лов, так как вокруг вода начала плясать от игры крупной рыбы на утренней зорьке. Однако меня ожидало полное разочарование: как только крючок касался поверхности озера, наживку тут же съедала мелкая рыбёшка. Самые отчаянные даже цеплялись за крючок, но эта мелюзга была настолько красивая, что мы сразу отпускали её обратно.

«Тебе ещё не надоела такая рыбалка?» – спросила Маруся. – «Такая – надоела. Но ведь должна же зацепиться крупная, вон, видишь, какие подплывают к берегу». Моя рыбачка, недолго думая, смотала свою удочку, села на берегу, жуёт банан и говорит: «Вот и лови больших и маленьких, фанатик! Чтобы я ещё пошла тратить бесполезно время – ни в жисть!».

Я почти беспрерывно забрасывал удочку и вытаскивал сразу же, но только для аквариума – разноцветных, полосатых, с длинными бархатистыми плавниками рыбок. «Пойдём домой, горе-рыбак, уже солнце припекает, жарко», – твёрдо высказалась моя спутница. Приказ начальника – закон для подчинённого. Собрались и двинулись в обратный путь. Проходя мимо дамбы, мы заметили, что в одном месте размыло плотину, и вода тонкой речушкой устремилась вниз. В конце этого водопадика образовался небольшой водоём. Подошли к нему. Не выдержав соблазна, я размотал удочку, забросил, и сразу же поплавков потонул. Сердце замерло, в голове пронеслась мысль: «Большая рыбина!». Я дёрнул, и на берегу заплясал бычок – но средней величины. Забросил ещё, и снова клюнуло. Я мгновенно потянул, на крючке опять бычок, и чуть покрупней.

У моей рыбачки в глазах вспыхнул огонёк. Забросила и она. И сразу же вытянула большого бычка. Быстро перецепила наживку, снова бросок – и увесистая рыба уже у неё в руках. Я забыл про свою рыбалку и внимательно начал наблюдать за удачей новичка. А Маруся, не замечая моего пристального внимания, продолжала забрасывать и вытаскивать. Даже лицо покрылось потом от жары и азарта. Я её же словами говорю: «Пойдём домой, а то солнце уже припекает». А она мне в ответ: «Ты подумай-ка, какая рыба ловится, а как интересно!». Я опять ей: «Хватит, без привычки перегреешься». Только тут она нехотя смотала удочку: «Пойдём, Ваня. Дома пообедаем и снова придём».

Домой пришли с хорошим уловом. Пообедали. Но на рыбалку в тот день уже не вернулись. Нас разморило от жары,

мы крепко уснули и проспали до позднего вечера. А рыбу жарила хозяйка только на следующий день. Рыба оказалась очень вкусной, наверное, из-за того, что поймана была женскими руками.

МИР ОБЕЗЬЯН

После празднования Нового года мы ни одного воскресенья не оставались дома. Поднимались ещё до восхода солнца, выходили за ограду нашего посёлка и шли в том направлении, куда шагали ноги. Соседи, узнав о наших путешествиях, примкнули к нам; так было и веселее, и безопаснее.

Однажды выбрали маршрут в лес на берегу реки Сионат, километрах в десяти от нашего городка. Собралась компания в шесть человек, решили устроить своеобразный пикник. Сели в такси и быстро домчались до назначенного места. В лесу выбрали поляну среди могучих деревьев, поросшую мелкой травой, расстелили скатерть. Женщины быстро заставили этот импровизированный стол яствами, и мы уселись завтракать в тенёчке.

Пир уже подходил к концу, как вдруг наша соседка Анна Миронова испуганно закричала, показывая рукой по сторонам. Мы повернули головы и обомлели: вокруг на расстоянии 30-40 метров сидели обезьяны и внимательно смотрели на нас. Когда мы оправались от испуга, поднялись с мест и осторожно начали пробираться к выходу из леса. До обезьян осталось несколько метров, и тут послышался их писк, они начали показывать зубы. Мы остановились и осмотрелись. Вокруг нас сидело свыше тридцати взрослых особей. Эти лохматые существа с серо-коричневыми телами и конечностями, с лицами, обросшими короткой чёрной шерстью, явно имели в своём облике что-то человеческое.

Древняя индийская легенда утверждает, что обезьяна родила бога Ханунпа – покровителя обезьян. Обезьяны в этой стране священны, их не убивают и даже не бьют, а только отгоняют от посевов злаков и культурных посадок. Целыми днями ходит человек с барабаном или колотушкой вокруг фруктовых садов, непрерывными громкими звуками стараясь отпугнуть обезьян. Они наносят громадный урон крестьянам, совершая набеги на рисовые поля и почти полностью уничтожая урожай. Про образ жизни обезьян, которых

в Индии очень много, мне рассказывал инженер Найер, он работал в цехе в техотделе. По его словам, живут обезьяны стаями до четырёх десятков особей в каждой. Во главе стаи вожак – крупный и сильный самец. Он хозяин, он опекает всю стаю, он её и охраняет. Его повеление – закон для каждой обезьяны. Никто не может есть, пока он не наелся, никто не посмеет пить, пока он не напился. Новорождённый детёныш в стае живёт год, после чего молодых самцов изгоняют из стаи, а молодые самки пополняют гарем вожака. Весь распорядок жизни стаи устанавливает вожак, и команды исходят только от него. Мощным трубным голосом он повелевает совершить то или иное действие. Без него не произойдёт ничего.

Вообще обезьяны – существа очень осторожные, прекрасно умеют затаиваться. Вот и сейчас, перед тем, как разместиться в лесу на пикник, мы тщательно осмотрели поляну и всё поблизости: нет ли змей, лягушек или насекомых в виде муравьёв, пауков. Признаков присутствия обезьян тоже не было, мы могли и в этот раз их не увидеть, поскольку около этого места мы с Иваном Буряченко уже неоднократно бывали на рыбалке на реке Сионат, протекающей рядом. Скорее всего, раньше просто не было команды вожака спускаться на траву. И все обезьяны из этой стаи, спрятавшись в кронах деревьев, сидели без движения и малейшего шороха. А вот теперь мы почему-то оказались в их окружении, чем был довольно неожиданно нарушен наш запланированный отдых.

Сначала мы испытали страх перед этими незнакомыми нам, подобными нам, но всё-таки дикими созданиями. Однако после краткого наблюдения за ними поняли, что опасности они не представляют. Кроме рычания и демонстрации своего оскала никакой агрессии обезьяны не проявляли. А поняв, что мы миролюбивые представители примерно той же породы, спрятали зубы под толстыми губами и перестали рычать.

Неизвестно, сколько ещё продолжалось бы такое взаимное изучение друг друга, если бы не трубный клич вожака.

Моментально всё вокруг ожило, закрутилось, завертелось. Мы даже в испуге попятнулись назад, к стволам могучих деревьев. Но хозяева этого жизненного пространства вовсе не думали причинять нам вреда, они словно совсем забыли о нас, занялись своими делами. Обезьяны кувыркались, прыгали друг через друга. Лапами хватались за обвисшие ветки и мгновенно взбирались на дерево. Прыгали оттуда на землю. Раскачивались на ветвях, снова падали, кувыркались, гонялись друг за другом, либо, зацепившись хвостом за толстую ветку, висели вниз головой и при этом держали в лапах другую обезьянку. Крутились через голову, как акробаты под куполом цирка. Пищали, кричали, дрались. Матери с маленькими детьми и молодые обезьянки – будущие матери – усевшись кружком, нянчили малышей заботливо и нежно, как люди, бережно передавали из рук в руки соседке, и так по кругу. Каждая, в свою очередь, целовала ребёнка, гладила, по-своему люлюкала его, а соседка с нетерпением ожидала, когда ей передадут это чадо, чтобы хотя бы подержать его и полюбоваться этим сокровищем. А мать ребёнка внимательно следила, чтобы с ним не случилось чего в чужих руках. Некоторые обезьяны, уединившись парами, искали друг у друга в шерсти блох и уничтожали их, раскусывая зубами. Старые обезьяны с седой шерстью и бородой сидели обособленно в стороне от молодых, сидели угрюмо, временами делая поклоны головой, будто молясь. Даже между собой они не общались, и никто к ним не подходил, точно так же, как и у людей. Состарился человек – и никому он уже не нужен, и доживает свои дни нередко в полном одиночестве...

Моя Маруся со своим смелым и рискованным характером взяла со скатерти пирожок и пошла к обезьянкам. Те по-прежнему бегали, катались по траве, но, увидев приближающегося человека, насторожились. Не доходя до них метров десять, Маруся положила пирожок на землю и отошла, наблюдая. Наблюдали и мы. Наконец одна, видимо, самая храбрая обезьяна отделилась от стаи, подошла к пирожку,

взяла в лапу незнакомый подарок, понюхала и, положив на то же место, отбежала. Через минуту-другую та же обезьяна снова приблизилась к пирожку, взяла его, лизнула, откусила кусочек, пожевала. Положила опять. А когда раскушала, поняла вкус, схватила и быстро проглотила, почти не жуя. Села и смотрит на Марусю: не даст ли ещё? И только поняв, что угощения больше не будет, вернулась к своей компании.

Тут снова раздался мощный голос вожака, как мы поняли, извещающий об опасности. Поглядели по сторонам: не подбирается ли к ним и к нам какой-нибудь хищник? Но ничего опасного не увидели. Волковицкий и Миронов, подняв с земли по суку, даже пошли в глубину леса – разведать, нет ли тигра или льва. А стоя тем временем, всполошившись, начала разбегаться, прыгать на деревья. При этом матерей с детьми пропускали первыми, взрослые обезьяны даже помогали этим матерям с вцепившимися им в живот детёнышами побыстрее взобраться наверх, и только убедившись, что те уже находятся в безопасности, сами прыгали в укрытие. Последним взобрался на дерево самый крупный член стаи. Мы поняли, что это и есть вожак, подавший сигнал тревоги.

Всё замерло, поляна опустела, только множество зелёных листьев и мелких сучьев на земле напоминало о недавнем присутствии здесь десятков живых существ. И сколько мы ни всматривались в кроны деревьев, нигде обезьян обнаружить не могли, так искусно они спрятались. Вскоре вернулись наши следопыты; ничего такого, что могло бы спугнуть стаю, они не заметили. Наверное, только вожаку известно, почему он так поступил, решив спрятать своих подопечных подальше от чужих глаз.

Домой мы возвращались в приподнятом настроении. Ещё бы! Совершенно неожиданно увидеть в лесу такое интересное представление – это было большой удачей. Сразу же договорились ехать в следующее воскресенье на то же место. И уже в своём городке, когда женщины, как всегда, собрались на лужайке перед нашей квартирой на посидел-

ки, разговор шёл об одном – как снова попасть на «выступление» диких обезьян.

Наконец, дождавшись выходного, мы тем же составом приехали на ту же поляну. Вокруг было почти безжизненно, только чирикали какие-то невидимые птицы, да попугаи один раз пролетели мимо большой стаей. Мы сели на траву в ожидании гостей. Наконец, видим: с одного дерева спрыгнула обезьяна, с другого, с третьего. Приближаются к нам. Моя Мария, как уже имеющая опыт общения с ними, взяла три банана и пошла навстречу. Не дошла метров десять, когда обезьяны вдруг бросились в её сторону. Маруся, испугавшись, выронила бананы и бегом к нам назад. А этих «разведчиков», похоже, совсем не интересовал пришелец неведомо откуда, их интересовали именно бананы – самые лакомые для них фрукты. В один миг расхватали добычу и, точно люди, отделили шкурку, оттянули её вниз полосками и начали есть мякоть, быстро работая зубами. Тут же слетело вниз на землю ещё десятка два таких же зверьков. Они поглядывали с завистью на своих сородичей-счастливицев, смакующих божий дар, а также в нашу сторону – с надеждой, что и им перепадёт. Наши женщины взяли еще бананов и направились было кормить других обезьян, но мы с Волковицким, вспомнив про случай, когда эти зверюги искушали мальчика, не всем давшего фруктов и орехов, не пустили сердобольных дам к этим непредсказуемым созданиям.

Между тем обезьяны, будто зная, зачем мы снова оказались в их лесу, позировали перед фотоаппаратом, которым я делал снимки: бегали, прыгали, летали с дерева на дерево; на лету хватали друг друга за хвосты, срывались, делая сложные сальто в воздухе, шлёпались на землю, снова вскакивали, катались по траве, гонялись друг за другом, давая подзатыльники. Мы хохотали, даже аплодировали. И они на этот раз, приняв нашу компанию за старых знакомых, сами подбегали всё ближе и нас подпускали на расстояние до трёх шагов. Набравшись храбрости, я вообще подошёл на метр к седой древней обезьяне и хотел погладить её, сидя-

щую отдельно угрюмо и задумчиво. Или думал хотя бы сфотографировать её крупным планом, но эта старая стерва так рывкнула на меня, оскалив зубы, что я и забыл, зачем подходил. Мгновенно отскочил, и одна только мысль мелькнула в голове: «Такая хватит зубами – сразу что-нибудь отхватит». Зубы у неё были большие и жёлтые.

Отказавшись от попытки снять на память эту старую сварливую бестию, я переключился на других обитателей леса: шёл и щёлкал всех подряд, кто попадался на глаза. Потом вернулся к нашему столу, повесил фотоаппарат на ближайшую ветку и сел со всей компанией обедать. Вдруг слышу – что-то зашелестело, сверху посыпались листья. Вскочил на ноги, а прямо надо мной обезьяна: сидит на ветке, схватила за ремешок фотоаппарат и пытается снять его с сучка. Я выхватил из её лап ремешок, размахнулся, но не успел съездить по нахальной лохматой морде. У неё реакция оказалась лучше, чем у меня: стремительно отпрыгнула на соседнюю ветку и скрылась в густой листве дерева. Теперь, наученный опытом, я положил аппарат рядом с собой. Но только приступил к еде, как почувствовал, что по моей соломенной шляпе застучали капли. Ещё подумал: «Как такое может быть? Светит солнце, на небе ни облачка, и вдруг дождь». Вскочил и увидел струю с ветки дерева, направленную прямо на меня. Вглядевшись попристальнее в гущину листьев, заметил ту же обезьяну, которая пыталась умыкнуть фотоаппарат. В отместку за свою неудачу она обрызгала меня мочой. Эту хулиганку я сфотографировал на месте преступления...

Питаются обезьяны в основном листьями деревьев и молодыми сладкими побегами, дикими фруктами. Неискушённому человеку порой опасно ходить по лесу: может прилететь в голову какой-нибудь увесистый плод, брошенный точно в цель рассерженной обезьяной. Множество их живёт в городах Индии. Они настолько привыкли к людям, машинам, что бродят в толпе прохожих на равных и спокойно высматривают, чем бы поживиться. И если кто зазевался,

выхватывают из кармана либо из сумки съестное и убегают. Обезьяна может зарычать и показать зубы, когти человеку, замахнувшись на неё или просто нечаянно затронувшему её шерсть. Я был свидетелем, как не этот зверь уступал дорогу человеку, а наоборот, и человек даже старался обойти обезьяну подальше. И я подумал: «Кто же царь природы? Кого бог наградил превосходством? Кто есть кто? И кто от кого произошёл?»

Большинство обезьян – нахальные и бессовестные: лезут, прыгают напролом, чтобы отобрать еду даже у детей, даже у своих сородичей, лишь бы набить брюхо. Но ведь и люди бывают такие. А некоторые ещё наглее и жаднее этих диких зверьков – наших предков.

В городах обезьяны живут в развалинах домов, храмов. Бегают, резвятся или сидят спокойно, не реагируя на прохожих-индийцев. Но стоит появиться туристам, как стая их тут же окружает. Ведь у туристов часто есть гостинцы – сладости, фрукты, орехи. Обезьяны подбегают, протягивают лапы и прямо-таки требуют подачек, глядя быстрыми круглыми глазами на своего благодетеля. Туристы с интересом наблюдают за действиями этих умных существ. А те, словно копируя человеческие движения и привычки, возможно, даже читают мысли, предугадывают желания и делают то, чего хотят туристы. Забираются в карманы, делают стойку на задних и передних лапах, прыгают, переворачиваясь в воздухе. Туристы довольны, хохочут, а обезьяны сразу идут по кругу с протянутой лапой, требуя вознаграждения за свою работу. Вдруг зверьки разбегаются, туристы в недоумении переглядываются и наконец видят, как, статно ступая, входит в круг здоровенный, чуть ли не в человеческий рост, сытый хозяин стаи – вожак. Он степенно приближается к человеку с кульком орехов. Повадка у него такая важная, как у нашего большого чиновника, он не сомневается, что ему-то обязательно что-то отломится, ему-то непременно дадут лакомый кусочек. Ведь он же здесь главный, и с ним надо считаться. И пока этот вожак набивает себе защёчные меш-

ки орехами, остальные обезьяны ждут или хватают подачку украдкой, а потом опрометью скрываются с глаз своего повелителя.

Нередко на улицах города Дурга можно увидеть индийцев с обезьянками на плече, на шее, на голове. Это небольшие дрессированные мартышки. За одну рупию по приказу хозяина они продемонстрируют многие свои способности. Можно даже купить у дрессировщика этого забавного и доброго зверька, причём стоять он будет недорого.

В Индии мы уже настолько привыкли к обезьянам, что совсем перестали их пугаться, даже если, проходя по базару и покупая фрукты, вдруг замечали рядом со своей рукой другую, мохнатую, хватающую мандарин или яблоко. И, конечно, научились быть настороже, зная, что они обязательно будут заглядывать в наши сумки в надежде что-либо стащить.

В наши дни, когда наука, в частности геновая инженерия, продвинулась далеко вперёд, некоторые ученые уже засомневались, точно ли человек произошёл от обезьяны. А может, было наоборот? Или и то, и другое? Во всяком случае, своей бессовестностью и своим нахальством отдельные люди, даже государственные деятели – и ископаемые, и современные особи, – уже уподобились этим животным. Передовая генетическая наука доказывает, что обезьяна, по сути, тот же человек, только с изменёнными генами. Меняются они в результате особых болезней. Этот процесс изменения чрезвычайно длительный, но результат налицо. И если из-за такого заболевания генов обезьяна когда-то превратилась в человека, то сейчас вполне возможен процесс обратный. И в мире, если он и дальше будет дичать, обезьянам, без сомнения, лучше удастся приспособиться, поскольку они более практичны в условиях естественного пребывания.

ЧУДЕСА БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ

Не менее интересными обитателями Индии являются слоны. В густых тропических лесах и жарких саваннах этой страны можно увидеть много разных сильных зверей: тигров, леопардов, пантер, гиен; есть и такие хищники, которые встречаются и у нас в тайге: медведи, волки, лисицы. Но всё же именно слоны – главные животные в индийских джунглях.

По лесу и на водопой они ходят стадами. Утолив жажду на реке, эти гиганты мирно, как коровы, ощипывают траву и молодые побеги, а потом смачно жуют. Великан-самец бдительно охраняет стадо. Он прислушивается к каждому шороху. Заметив опасность, в том числе и людей, он издаёт трубный сигнал. Всё остальное стадо укрывается в гуще леса. А вожак продолжает наблюдать. Он недовольтно фыркает и бьёт могучей ступнёй по земле, высоко вздымая пыль.

Стадо слонов при виде человека чаще всего удаляется от него, но отмечены случаи нападения на людей и даже на автомобили слонов-одиночек. Бывает у них состояние, когда они начинают беситься и беспричинно проявляют агрессию, лезут в драку. Вожак с помощью других слонов навсегда изгоняет забияку из стада. Вот такие-то отщепенцы и опасны больше всего. Обычно они пасутся вдаль от стада, не решаясь к нему приблизиться.

Если же слоны устраивают нашествия на посевы и деревни, картина разрушения потом предстаёт страшная. При беге слон способен развить скорость до 40 километров в час. И можно себе представить, какую грозную силу он собой представляет, легко подминая кусты и с рёвом сметая всё, что мешает ему на пути, будь то ветхие жилища людей или ограждения.

В Индии слоны встречаются не только в дикой природе, много их и в городах, на стройках. Ведь люди здесь часто используют этих сильных животных в своей хозяйственной деятельности. Целые подразделения слонов участвуют в во-

енных парадах. Ежедневно можно увидеть или отдельного слона с восседающим на нём погонщиком, или даже группу из двух-трёх гигантов, перевозящих тяжёлый груз.

Как-то вечером приехал я с работы, а Маруся выдаёт мне восторженно: «Я сегодня каталась на слоне!». И ещё улыбается, видя, какой эффект это на меня произвело, как, должно быть, смешно я сошёл с лица. Но всё же пожалела, поправилась: «То есть хотела прокатиться, но испугалась. А хобот погладила. Он стоял спокойно. Наверное, и ему нравится, когда гладят». И она рассказала, как познакомилась со слонком.

Шли они с Анной Мироновой из магазина домой, а навстречу им попался слон с седоком. По команде индийца, сидевшего на этой горе, слон остановился, подогнул ноги и лёг на живот. Индеец скатился с этой громадины и предложил забраться наверх Марусе и Анне. Но они, заробев, отказались. Только погладили по хоботу. Тогда погонщик, посмеявшись над испуганными женщинами, снова влез на слона и отправился дальше.

И ещё интересный факт. В праздничные дни заботливые индийские хозяева не только наряжаются сами, но и раскрашивают своих слонов – их голову и хобот – в самые разные немислимые цвета.

Каждый день, прожитый в этой стране, приносит какие-то новые события, впечатления и чувства, ещё не изведанные нами ранее. Вот и сегодня: на календаре совсем не лето, а здесь уже с утра пригревает солнце. Был выходной, мы позавтракали и вышли прогуляться по городку. Проходя мимо Культурного центра, увидели объявление, что только сегодня группа йогов даёт единственное представление вместе с артистами цирка, начало в два часа. Решили сходить посмотреть, а пока время есть, пошли по магазинам.

Эти походы для нас тоже были своеобразным развлечением, способом живого общения с людьми. Ведь в магазине можно почерпнуть немало интересных сведений от продавцов (которые почти все хорошо говорили по-русски), а так-

же узнать свежие новости от наших соотечественников. В этот раз мы походили, оценили новое поступление товаров, посидели за столиком, посасывая мандариновый сок, которым угостил нас хозяин магазина (одновременно показав свои лучшие вещи на продажу), купили Любе парчи на платье и направились домой. Жара была уже изматывающей, хотелось скорей под кондиционер.

Проходя мимо парикмахерской, я решил зайти подстричься. Жена, зная, что я просижу здесь долго, ушла домой готовить обед. В парикмахерской никого не было. Мастер, обслуживающий только русских, сидел в небольшой каморке, ожидая клиентов. Увидев меня, разулыбался, поприветствовал по-индийски, усадил в кресло и начал надо мной колдовать. По-русски он почти не говорил, но по его жестам и движениям было понятно, что он собирается делать. Этот человек самой своей внешностью, а главное – скромностью и простотой подкупал всех нас, своих постоянных клиентов. От него исходила благодать, как от духовного пастыря, кротость, доброта. Он был высок ростом, строен, но очень худ. На вид ему было лет 50, руки нежные и даже благородные, пальцы длинные, как у музыканта, из-под смуглой кожи выступали жилы и кости. Движения у него были замедленные, поэтому работу он выполнял долго, но зато тщательно и качественно. Надо было набраться терпения, чтобы высидеть в его кресле час и более. И за всё, что он делал с тобой, брал лишь одну рупию.

А делал он многое. Во-первых, стриг, да так, что чуть ли не каждую волосинку индивидуально, поштучно. То и дело брал зеркало и обводил им сзади затылок, шею, показывая, как именно он всё сделал. Окончив стрижку, он тщательно брил. Лезвие было таким острым, что казалось, будто он просто гладит кожу. Несмотря на это, он то и дело на ремне подправлял бритву. Потом начинался массаж лица с втира-

нием каких-то кремов, после чего туманом пахучих духов или одеколona мастер буквально заливал твоё лицо. Затем он щёткой смахивал с твоей одежды остатки волос, приставшие во время стрижки. И в довершение всего протяжным, как у священника, голосом благодарил за то, что ты зашёл к нему, и приглашал заходить ещё.

Через полгода эту парикмахерскую закрыли – то ли из-за болезни хозяина, святого человека, то ли из-за козней конкурентов, к которым русские вообще не ходили ни стричься, ни бриться.

ЙОГИ И СМЕРТЕЛЬНЫЕ НОМЕРА

Группа, которая приехала к нам, начала представление со смертельных номеров и закончила ими.

Если в наших цирках и показывают страшные номера, то исполняют их иллюзионисты, то есть, по сути, бояться зрителям нечего, травмы исключены, поскольку все якобы рискованные манипуляции артистов – только видимость, созданная их особым мастерством. Здесь же всё было построено на риске без всяких иллюзий.

Один из номеров был такой. Возле деревянного щита поставили молодую красивую индианку, вся одежда которой состояла из плавов и бюстгалтера с традиционными украшениями из золота и сверкающих камней. Молодой мужчина встал напротив. Ассистент завязал ему глаза и стал поочерёдно подавать длинные кинжалы, которые тот сразу же метал в сторону девушки. Кинжалы вонзались рядом с её телом. И каждый раз зал тяжело вздыхал. В конце концов девушка отошла от щита, на котором остались очертания её фигуры из кинжалов.

Следующий номер тоже был жутким испытанием для нервов (мы похожий уже видели в городском цирке). Весь зал опять дружно ахнул, когда пущенная из лука стрела точно прошла насквозь яблоко, положенное на голову испытуемого страдальца. Но жестокость и бесчеловечность следующего номера оказались ещё больше, такое зверство не приснится и во сне. На сцену вышел высокий, спортивного телосложения индеец; играя мускулами, он показывал номера с острой саблей (то, какая она острая, артист сразу продемонстрировал, разрезав в воздухе заброшенный сверху лёгкий нейлоновый платочек). И вот для него вынесли стол, на котором лежал голый карапуз, играющий пухленькими ручками и ножками. На живот ребёнка положили банан, и этот «джигит», размахнувшись, резко рубанул клинком. Банан развалился надвое, а у карапуза даже кожа оказалась не поцарапана, он лежал так же спокойно, будто ничего не про-

изошло. Некоторые в зале восторгались таким мастерством, но большинство возмущалось этим варварством, особенно женщины.

В завершение концерта на сцену вышел (а вернее сказать – выхромал) смуглый, тощий и высокий индеец. С первого взгляда на этого человека было ясно, что ему в жизни достались очень тяжёлые испытания. У него было лицо мученика – усталое, болезненное, и казалось, что он, как механизм, собран из отдельных частей, причём не квалифицированно: одна рука длиннее другой, правая нога короче левой, плечи наперекосяк. С ним вышел помощник – полная его противоположность: красивый, крепкий, с густой шевелюрой, отливающей блеском. А следом за этим ассистентом показались ещё врач из нашего городка Надежда Петровна и переводчица Саша Чаплина.

Искалеченный человек на сцене вмиг оживился, смуглое лицо преобразилось, покрылось румянцем. Сказав несколько слов, он остановился, обвёл зал глазами. Саша перевела: «Сейчас он покажет последнее достижение по системе йогов – остановку сердца на пять минут». По залу прокатился шёпот восхищения, глаза у многих были напряжены от любопытства. «Всё это туфта, морочат нам головы, – прошептала мне на ухо Маруся. – Ты думаешь, и правда тот саблей резал банан на животе ребёнка? Отвод глаз, а скорее – гипноз». В это время йог сел на стул, сделал сосредоточенное серьёзное лицо. В одно мгновение исчезла упругость во всём его существе, руки сразу обвисли, как плети. Наша врач Надежда схватила его руку, нащупала пульс и, бледнея, расширенными глазами смотрит на нас. И говорит, что пульс замедлялся, а через какое-то время исчез совсем.

Она растерянная, бледная, стоит, разведя руками, не зная, что делать, ведь сердце остановилось. И мы, конечно, понимали состояние врача. Для неё это было катастрофой – присутствовать при добровольной остановке сердца человека. Ассистент же стоял сзади, за спиной йога, и поддерживал ему голову.

Я посмотрел на часы и засёк время. Прошло две минуты. И вот после мёртвой тишины по залу пронеслись первые беспокойные возгласы, люди зашевелились, начались высказывания: «Что же это за зрелище? На глазах у всех умирает человек». Кто-то закричал: «Надо, чтобы он очнулся, пока совсем не умер!». Надежда Петровна, вся бледная, держит руку йога и говорит в зал: «Пульса нет». Проходит ещё минута. Мы себя чувствуем виноватыми перед этим человеком, говорим переводчице Саше: «Скажи ассистенту, чтобы он оживил». Одна женщина крикнула: «Мне страшно! Не хочу, чтобы он умер!». Индеец-помощник выслушал переводчицу, наклонил голову к уху смертника, поднял его руку, отпустил, и она опять упала. Женщины в зале всё настойчивее стали кричать: «Не хотим, чтобы умер!»

Ведь индийцы нас считали чуть ли не самыми гуманными людьми на земле, они нам доверяли во всём. Поэтому на нас лежала особая ответственность. Не дай бог этот йог не выйдет из состояния комы. Тогда нас разнесут все враждебно настроенные газеты Индии, а их было немало в то время, особенно проанглийского направления. Они даже наши незначительные промахи раздували в события глобальных масштабов против Советского Союза. А, как известно, Англия была с нами в состоянии холодной войны. Да плюс ещё то обстоятельство, что Индия выперла из своей страны Англию не без помощи и влияния СССР.

Наша врач Надежда Петровна неотрывно держала руку этого страдальца. И вдруг она полушёпотом объявила: «Пульс появляется». А потом радостно воскликнула: «Учащается!»

Бледное лицо йога начало оживать, вздрогнули веки, зашевелились губы. Склонённая голова поднялась, шея выпрямилась, открылись глаза. Он устало обвёл всех безразличным взглядом, посидел ещё с минуту. Потом с помощью ассистента встал и, поддерживаемый им, хромя и покачиваясь, ушёл со сцены. Мы оказались в затруднительном положении: аплодировать или не аплодировать? Ведь видеть,

как человек по своей воле умертвил себя, а после как бы воскрес, нам было тяжело. Это у нас не вызвало ни радости, ни восхищения. Представление закончилось, а мы всё ещё сидели в глубоком раздумье. Нам не верилось, что такое может быть, хотя и видели весь процесс своими глазами. Наконец и наша докторша оправилась от шока, пришла в нормальное состояние и в ответ на наши вопросительные взгляды произнесла: «А смерть всё-таки была»

В разные индийские чудеса можно в равной мере и верить, и не верить. Сначала учёный мир увлекался тайнами Востока, даже восхищался тем, что индийцы могут вылечивать последствия укуса змеи, пользуясь для этого какими-то своими средствами, секрет изготовления которых строго хранится в их семьях. И вообще подтверждалось то, что они могут лечить самые разнообразные болезни. Теперь в центре внимания находится система йогов – строго определённая и детально разработанная. Йоги достигли умения управлять нервной деятельностью, по своей воле повышать и понижать температуру тела, регулировать работу сердца и даже останавливать его (в чём мы убедились воочию). Йоги научились также влиять на людей гипнозом, нашли способ обмена мыслями. Но как они это делают – пока неизвестно. Нужно прожить с ними всю жизнь, чтобы постичь их науку. Лечат ли они людей? Да, лечат. Но опять же своими способами – регулировкой дыхания, внушением и самовнушением, массажами, прижатием то одного, то другого пальца к коже на разных участках тела. Приёмом сочетания пальцев рук излечивают даже параличи. В городах существуют клиники йогов, и недостатка пациентов в них нет. А как объяснить эффект, когда уличный дантист прямо на месте, на базаре или в поезде, удалит больной зуб бескровно и безболезненно, используя для этого только свои пальцы? И никаких заражений при этом не бывает. А то, как он это делает, – наследственный секрет касты.

Одним из основных видов индийского лечения является массаж. При головных болях массируют голову, сжимая её

ладонями и растирая кругообразными движениями пальцев. Массируют руки и ноги, потирая их в направлении от пальцев к локтям и коленям. Массируют и область сердца.

В медицине йогов разработаны целые трактаты, в них освещены вопросы медицинской этики, хирургической техники и составов лекарственных средств. Существуют предписания, касающиеся качеств, необходимых врачу, его поведения. Врач должен не только много лет учиться, но и воспитывать в себе определённые свойства ума, характера. Основа основ, самое главное, что должен помнить врач: «Нет лучшего дара, чем дар жизни». Отсюда и следующие рекомендации: «Идя к пациенту, успокой свои мысли и чувства, будь добр и человечен и не ищи в своём труде выгоды. Симпатия к пациенту, радость от его выздоровления и стремление лечить даже врагов – эти качества определяют поведение врача. Пациент может сомневаться в своих родственниках, детях и даже родителях, но он должен верить врачу, поэтому отнесись к нему лучше, чем его дети и родители. Врач должен поддерживать в пациенте хорошее расположение духа, неустанно бороться за жизнь больного до его последнего вдоха, так как человек, даже безнадежный, иногда возвращается вспять от самих ворот смерти».

Медицина йогов – эта система занимает такое же почётное место в жизни индийского народа, как и европейская медицина. Все фармакологические средства, используемые йогами, добываются из трав, минералов и живых организмов, поэтому в большинстве своём не имеют тяжёлого побочного действия; многие пациенты охотно прибегают к ним ещё и потому, что они способствуют быстрому излечиванию, заживлению ран, снятию воспалений, болей суставов. Мы, русские специалисты, сами были крайне удивлены способностями здешних врачей, а особенно – эффективности лекарств, столкнувшись с этим непосредственно. Когда в индийском госпитале нашему электрику Максиму удалили аппендикс, уже через три дня после операции он смог играть в волейбол! Живя в условиях жары и повышенной

влажности, антисанитарии, когда каждая незначительная царапина вызывает загноение и разного рода воспалительные процессы, мы знали: достаточно смазать мазью или приложить ватку, смоченную лекарством, и боль исчезнет, а ранка быстро заживёт. А ожог! Он всегда болезнен и заживает длительное время, но здесь жёлтая мазь бурно просто творила чудеса, нужно было только пару раз нанести её на пострадавшее место.

Увлечение древней культурой и наукой с её уникальной системой лечения, управления своим организмом, особая гимнастика и физическая закалка приобрели широкий размах по всей Индии. Особые приверженцы йоги вообще доходят до фанатизма, истязая себя. Людей, занимающихся упражнениями по этой системе, можно увидеть повсюду. Тренируя своё тело, они порой принимают самые невероятные позы: часами стоят на голове с переплетёнными руками и ногами, лежат на земле в виде сучковатого пня, в котором голову даже трудно разглядеть... От чрезмерного увлечения таким самоистязанием некоторые становятся калеками и даже расстаются с жизнью. Кстати, и представление с остановкой сердца, которое демонстрировал нам йог в «Бхилай Хаусе», как мы узнали позже, не обошлось для него без последствий. На другой день в городском клубе он уже не смог проделать этот опыт по состоянию здоровья.

Очередное увиденное чудо, которое возможно только в этой стране, всегда вызывало много разговоров в нашей среде – у людей, воспитанных в духе атеизма, отрицания разного рода мистики. Вот и мы с женой подолгу обсуждали их. Я тогда и подумать не мог, что сам стану свидетелем такого необъяснимого явления, как предчувствие.

По вечерам мы всё чаще читали письма из дома, которые шли теперь более регулярно, чем в прошлом году. Люба общала о своих успехах в учёбе, радовалась нашим письмам и постоянно уговаривала нас, чтобы мы не скучали, у неё всё хорошо, только вот дедушка приболел. Но между строк её писем читалось и другое, мы чувствовали, как дочь

соскучилась. Особенно переживала Маруся. Она как мать, обладая каким-то особым женским чутьём, может быть, даже телепатией, постоянно говорила: «Что-то не так. Люба просто нас успокаивает». Даже если письма приходили весёлые, она постоянно плакала, без какой-либо видимой причины. Я и уговаривал её, и старался отвлечь, но в результате сам пускал слезу. А Маруся постоянно твердила: «Я чувствую беду, вот и всё».

Возможно, ей уже надоела эта «сказочная» страна. Но, скорее всего, она действительно что-то предчувствовала. Становилась всё мрачнее, всё замкнутее. Даже соседские женщины обращали внимание на её плохое настроение. Пока я был на работе, они приходили, беседовали с ней. Им нравилось общаться с интересной, весёлой, эрудированной женщиной, и, кажется, они её по-настоящему любили. Однажды Лиза Волковицкая, встретив меня у автобуса, который привёз нас с работы, спросила прямо: «Что случилось с Машей? Она грустная, то и дело плачет». Я ответил, что сам не могу понять, почему жена так расстроена. Пришёл домой – Маруся снова грустная, глаза красные, заплаканные. «Уж не заболела ли?» – спрашиваю. «Тоска одолевает, хочу домой, – призналась она. – Знала бы дорогу через Гималаи, – пошла бы пешком». – «Ну, ты ужехватила через край, возьми себя в руки и успокойся, – сказал я. – Время придёт, и уедем отсюда с полным комфортом, и не надо будет покорять вершины гор». Но она не успокоилась, наоборот...

Через три дня после этого приехал из цеха, а в квартире Маруся лежит на кровати, возле неё врач Надежда Петровна. Я бросился к ним, но врач успела прижать два пальца к губам, прошептала: «Тише, она только что уснула». Я растерянно огляделся, ничего не понимаю, и тут Маша Буряченко взяла со стола лист исписанной бумаги и подала мне. Это было письмо от нашего друга Алексея Панченко. Письмо большое, он всегда обстоятельно писал о событиях в семье и в городе, так как работал в кадрах горотдела милиции, всё про всех знал. Читаю это письмо, а сам думаю: «Что же так

повлияло на Марусю, чем её так подкосило?». И, наконец, дошёл до строк, где Лёня пишет: «Вы уже, наверное, знаете, что Василий Севостьянович умер, я выражаю вам глубокое соболезнование».

Меня эти слова ошеломили, я сразу сник. Умер тесть, отец Марии, единственная опора для Любы. Сел я около кровати, а в голове, как в кино, пролетели кадры прошедших дней. Смотрю на спящую жену и думаю: «Она чувствовала, она знала, что произошла беда. Но это было 13 января, а теперь уже март. И от Любы письма нет, наверное, не знает, как написать».

Оставшиеся в квартире женщины, поняв, что в этой трагедии они уже лишние, здесь и врач, и муж приехал, начали потихоньку расходиться. Потом пошла и Надежда Петровна, позвав меня за собой. «Мария Васильевна проспит теперь часа два-три, – сказала она, когда мы вышли на улицу. – Как проснётся, накапайте валерьянки, и пусть она выпьет. А вообще-то теперь кризис прошёл. Благодарите Лизу Волковицкую, когда она зашла в квартиру, ваша жена лежала на полу без сознания. Прибежала ко мне в санчасть, и я отхаживала часа два, привела её в чувство. Она очень сильно плакала. Укол, а потом таблетка её успокоили. Она теперь спит глубоким сном». Напоследок она добавила, что будет в санчасти, и чтобы я пришёл попозже, сообщил о состоянии жены.

Проводив всех, я сел у изголовья спящей Маруси и наблюдал за ней. Дышала она ровно, только всхлипывала через некоторые промежутки, пыталась произнести какие-то слова. И тут меня охватил непомерный страх, даже ужас, какого я не испытывал со времён войны, когда наваливалась безысходность. Тогда тоже происходящее от меня не зависело, и поделаться что-то было невозможно, бесполезно. Я подумал: «Она пока спит, пока бесчувственна и находится в совершенно другом состоянии. А проснётся – всё встанет на круги своя. Если бы что-то было в моих силах, собрались бы и, не задумываясь, как птицы, взмахнув крылами, поле-

тели бы в своё родное гнездо, где осталась теперь в полном одиночестве наша дочь».

Тяжёлые мысли нагромождались одна на другую. Положение было безвыходное. Первый раз в жизни я растерялся. Что делать? Не знаю.

Тут Маруся во сне застонала, зашевелила губами. Потом открыла глаза и повела ими – большим испуганным кругом в тусклом свете наступающей ночи. Остановив на мне тяжёлый взгляд, попыталась подняться, но не смогла, и горько заплакала, притянув меня руками к себе. Теперь поплакали вместе. Она пыталась что-то сказать, но к горлу подступали слёзы, и только рыдания выплёскивались вместе со слезами. Я развёл валерьянку, и она с трудом выпила её. Врач, не дождавшись моего прихода, появилась сама. Как опытный психолог заговорила отвлечёнными словами, и они, как гипноз, подействовали. Маруся встала, умылась, причесалась, подошла к врачу, поблагодарила, села и глубоко задумалась.

Надежда Петровна вскоре ушла. Оставшись вдвоём, мы снова перечитали письмо Алексея в надежде найти там что-то новое, обнадеживающее, но там оказалась та же горькая правда. Проговорили до половины ночи, перебирали разные варианты, как нам поступать дальше. Но ничего путного придумать не смогли. Утром, уходя на работу, я попросил соседок, чтобы они приглядели за женой. И пошли дни в ожидании известий из дома. Грусть и скорбь висели тяжёлым камнем на душе, работа не спорилась, всё валилось из рук, а в голове крутилась одна мысль: «Как там дочь, и что нам теперь делать?».

Письмо от Любы пришло только через неделю, а следом от Ивана Васильевича – брата Марии. Они подробно написали о случившемся. Оказалось, что отец умер от гриппа, который свирепствовал в городе. Похоронили его, как полагается, по полному ритуалу, всей многочисленной роднёй. Люба пока живёт с квартирантами, которых нашла Маруся при отъезде.

Мы долго обсуждали, как быть. «Надо ехать домой», – сказала жена. «Вряд ли получится, – сказал я. – Меня же не

отпустят. Контракт на два года, он ещё не закончился, а индийцы уже продлили на третий. Как бы не пришлось ехать тебе одной». – «Одна не поеду! – твёрдо заявила Маруся. – Ехать надо вместе». В приёмный день у директора завода я пришёл к нему с заявлением об отъезде. Он посочувствовал, но в моей просьбе отказал и предложил два варианта: либо отправить жену, либо устроить дочь в московский интернат, для этого он предпримет самые энергичные меры. Дома я передал жене этот разговор, а она снова в слёзы. «Давай поговорим спокойно. Отца всё равно не вернёшь, а Любу будем пристраивать, чтобы она в нормальной обстановке жила и дожидалась нас», – предложил я. Сразу написал письмо своим родителям, которые жили на соседней улице, попросил их перевезти Любу к себе и позаботиться о ней до нашего приезда.

Прошёл ещё месяц. В марте получили письмо от дочери, она сообщала, что теперь живёт на новом месте, о ней все заботятся, и жизнь налаживается. Успокаивала нас, особенно маму, чтобы меньше переживала и плакала. После этого письма настроение у нас улучшилось. В выходные дни мы возобновили походы по окрестным деревням, на рыбалку, а в одно из воскресений снова отправились на наше излюбленное место – на лесную поляну. Как только приехали, обезьяны, узнав в нас старых добрых знакомых, спрыгнули с деревьев, уселись вокруг и стали внимательно следить за каждым нашим движением, ожидая подарков. Маруся и Аня Миронова положили на видное место кучку бананов и наблюдали, какова будет реакция зверьков. Обезьяны, осмелев, начали подходить к бананам, хватать по одному и возвращаться назад. Смешно было видеть, как ловко они сдирали шкурку и точь-в-точь как люди смаковали нежные плоды. Отведав гостинцы, обезьяны начали представление. Прямо над нами прыгали с ветки на ветку, со свистом пролетали с одного дерева на другое и, как гимнасты, сцепившись лапами на большой высоте, кидали друг друга, хватаясь за сучья. Сверху так и летели листья, засыпая нас.

Когда нам надоело наблюдать за проделками лесных циркачей, мы с Васей Мироновым пошли на реку Сионат, протекающую в полукилометре от нашей поляны. Захотелось посмотреть на рыбалку. На берегу стояли трое рыбаков – наших русских – и забрасывали спиннинги. У двух уже был улов: по две рыбины полины, килограммов до пяти каждая, а третий рыбак вёл себя как-то нервно, был весь мокрый от пота и усталый. С большим напряжением он держал леску в руках, то ослабляя её, то, наоборот, натягивая, и всё время вращал барабан спиннинга. Нас заинтересовало его занятие, и мы спросили, как рыбалка. Хмуро глянув на нас, он что-то буркнул в ответ и начал материться. Рыбаки, стоявшие поодаль от него, смеясь, объяснили: «Он уже второй час мучается, не может вытащить добычу на берег. И даже не знает, что же зацепилось за крючок».

Мы подошли к нему поближе и увидели, что толстая капроновая леска натянута, как струна, а ладони его рук кровоточат, изрезанные чрезмерным натягом от рывков чудища, проглотившего наживку. Мы предложили свою помощь, но он отказался, ссылаясь на то, что если втроём будем тащить, порвём леску, и тогда все его труды псу под хвост. Осторожно подтягивая добычу к берегу, через прозрачную воду он наконец-то увидел рыбину, с которой боролся уже более двух часов. «Вы только посмотрите, что у меня зацепилось!» – позвал он. Мы приблизились и увидели почти у берега громадную полину. Но тут, ударив хвостом по воде, рыба опять понеслась вглубь реки, вздымая волны. Теперь и в нас разыгрался такой азарт, что мы, не спуская глаз, следили за действиями опытного рыбака и переживали за него. Спиннинг раскручивался теперь уже в обратную сторону, и после того, как леска ослабла, рыбак снова начал подтаскивать добычу и радостным голосом крикнул: «Ага, выдыхается, туды её мать!».

Подтянув её к самому берегу, он крикнул: «Ребята, помогите!». Мы схватились за леску, вытянули рыбину на берег, взяли кто за хвост, кто за плавники и оттащили подальше от

воды. И залюбовались этим поразительно красивым созданием. На песке лежала, еле шевеля плавниками, хватая воздух, царица этой полноводной тропической реки. Из рта её сочилась кровь, стекая по толстой леске. Боролась она за жизнь упорно и долго, но попыток встряхнуться и прыгнуть обратно в реку не было, силы её покинули окончательно, и она смирилась со своей судьбой. А рыбак, радостный, счастливый, проговорил с восхищением: «Сколько рыбаку на этой реке, такой ещё ни разу не ловил. Да и не видел, чтобы кто-то поймал. Кэгэ 25 будет».

Мы с Васей вернулись на поляну, где обезьянья стая, прыгавшись и наигравшись, расселась кучками. Одни дремали, а молодые забавлялись с детьми. Мы рассказали о чудо-рыбе, и все остальные из нашей компании тоже захотели её увидеть. Когда пришли на берег, выловленная громадина лежала уже без движения. Подняли её, сфотографировались с ней на память. Я заглянул рыбине в пасть: всю её заполняли зубы – острые, как пилы. «Эта хищная махина свободно могла бы проглотить гуся или даже ягнёнка», – подумал я. А завладевший такой добычей рыбак торжествовал, чуть ли не захлёбываясь от восторга, рассказывая, как он её выловил, и показывал израненные леской ладони, теперь уже перевязанные белыми тряпками.

По приезду в городок он сдал свою добычу в столовую. И на следующий день все русские смогли отведать вкуснейшую рыбу полину с нежным белым мясом.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Через две квартиры в нашем блоке жила семья Барановских. Пётр Григорьевич был главным специалистом КИП и автоматики на Бхилайском заводе. Мария Ивановна – его жена – была вольноопределяющейся. Пока муж был на работе, она слонялась по городку, играла в пинг-понг, шахматы. Или просто вливалась в кружок женщин, обычно занимавшихся рукоделием на поляне, – зачастую перед нашей квартирой. Место тут было удобное: кругом зелёная трава, рядом – клумба цветов, выращенных мной; дерево папайя и высоченные ветвистые кусты давали хорошую тень, создавая райский уголок.

Женщины безмятежно просиживали здесь днями: вязали, вышивали, вели разговоры, пели. Их компанию разделяла и Мария Ивановна. Но если другие жёны специалистов выкраивали время, чтобы приготовить обед, она не обременяла себя такими хлопотами, сама питалась в холостяцкой столовой и мужу оттуда приносила обед. Пётр Григорьевич приезжал с работы и ел уже остывшую, не очень вкусную пищу. Пробовал возмущаться, но Мария Ивановна, будучи волевой женщиной, да ещё и внушительной комплекции, надвигалась на него, как бульдозер, и он сразу умолкал. Дошло до того, что она уже и не встречала его на обед в своей квартире, а играла в это время в пинг-понг в Культурном центре. Муж тогда просто перешёл на сухой паёк.

Внешностью Пётр Григорьевич отличался не самой выразительной. Был он высоким и тощим, с простым русским лицом и редкими волосами на голове. Он много работал на заводе, а дома ещё готовил кандидатскую диссертацию. По вечерам мы с ним не раз обсуждали технические проблемы, различные математические теории и задачи матанализа, о которых я имел некоторое представление. Однажды приехали в полдень домой, он торкнулся в свою дверь, а та оказалась закрыта. Видя, что он расстроен, я пригласил его в свою квартиру – переждать, пока придёт его жена. Маруся

накрыла стол, налила горячего борща, мы сели, пообедали. И Пётр Григорьевич с горечью произнёс: «А моя Марья такого борща приготовить не умеет. Да она вообще готовить ничего не может, кроме варёных яиц».

Вскоре после его ухода мы услышали скандал в их квартире. Мария Ивановна мощным голосом воспитывала своего мужа. Кричала чуть ли не на весь городок: «Нахал! Бесовестный! Ходишь, позоришь меня!». Голоса Петра Григорьевича слышно не было. Да и вряд ли он вообще прозвучал после такого напора женщины, которых в народе называют гром-бабами. Мы не видели, что происходило в их квартире, но ясно представляли, как скромный интеллигентный человек, с высоким интеллектом и духовностью, выслушивает брань своей жены, потупив голову, и просто ждёт, когда она закончит.

На другой день я его не видел, а вот Мария Ивановна в обед, как ураган, влетела к нам с кастрюлей и с порога бросила: «Машенька, если есть борщ, налей, пожалуйста! Уж очень он понравился Петру Григорьевичу». А на лице – ни тени смущения или вины за вчерашнее, только играет улыбка. Моя Маруся хотела что-то сказать, но, поглядев на меня, промолчала. Просто налила соседке борща, и та, забрав кастрюлю, пошла кормить своего Петю. Так она его называла, когда была в хорошем расположении духа.

Барановский с тех пор стал чаще нас навещать. По вечерам мы выносили кресла на веранду и в относительной прохладе долго засиживались в разговорах. Работа над диссертацией ему уже набила оскомину, он хотел говорить о другом. И однажды рассказал мне интересную историю об одном дне в Индии, с которым связано много необычного. Сам Пётр Григорьевич жил здесь уже три года. Будучи человеком высокообразованным и любознательным, обладающим богатой памятью, к этому времени он уже сносно говорил по-английски, да и на хинди мог объясняться неплохо. Побывал в турпоездках по самым крупным городам этой страны, в Дели, Калькутте, Бомбее видел многое и немало

запомнил. Начал он свой рассказ с того, что встретил как-то в гостинице в Дели местного инженера, знакомого по заводу. Сидя за столом в ресторане, он заметил, что индеец этот ничего не ест и не пьёт. А после вопроса, что случилось, знакомый просто встал из-за стола и, даже не попрощавшись, ушёл. «Ответ я получил на следующий день, – продолжал Барановский. – Началось солнечное затмение, и этим сказано всё. Если у нас всё просто: взрослые и дети, вооружившись затемнёнными стеклами, наблюдают равнодушно или с любопытством за исчезновением светила, то для правозверных, этих фанатиков, затмение – многозначительное явление. Богатые индийцы подсчитывают, сколько денег, золота, коров следует пожертвовать брахманам (священникам) для избавления себя и родственников от болезней и других бед, которое им может принести затмение. Тщательно готовятся к нему и бедняки, а поскольку у них нет ни золота, ни лишних коров, чтобы откупиться от беды, они подвергают себя разным лишениям. Затмение для них – день скверный. За полсуток до его начала они не принимают еды, стремясь встретить исчезновение солнца чистыми. Всё приготовленное накануне – и пища, и вода – выбрасывается: затмение оскверняет их. А запасы продовольствия тщательно укрываются, да ещё сверху на них кладут чудодейственные травы, препятствующие проникновению скверны. Индийское поверье гласит: затмение – беда для вселенной, беда для всех звёзд, и особенно – для человека, звезда которого по гороскопу совпадает с днём затмения. Дети, рождённые в этот день, обречены на вечные страдания. Только очистительный огонь, купание в воде избавят вас от всех несчастий».

«Что-то вы, мистеры, сегодня долго засиделись, скоро полночь, – раздался голос Маруси. – Я уже пельмени наделала. Приходите завтра, Пётр Григорьевич, к нам обедать: угощу нашими, сибирскими». «Ты не отвлекай, тут такой интересный рассказ, – попросил я, – вот послушай». И Бобровский, вдохновлённый, наверное, ещё и завтрашними пельменями, продолжил: «На заре я вместе с коллегой по

работе отправился на берег реки Джамны. Подступы к ней загроурили толпы народа. Один из человеческих ручейков подхватил нас и понёс по тёмным кривым улочкам старого Дели. Оборванные старики и нарядные девушки, грузные толстяки и юркие мальчишки, толкаясь и тесня друг друга, пробивались к реке. То и дело из толпы, стоявшей вдоль дороги, просовывалась рука и совала мне чуть ли не в нос живую змею – кобру или питона. Мой попутчик объяснил, что у индийцев такой обычай: в день затмения солнца нести в дар брахманам змею. Люди несут змей в храмы и там преподносят их служителям, которые тут же выпускают змей в реку. «Существует поверье, – сказал сопровождавший меня индеец, – что укус змеи в день затмения смертелен». – «А разве в другие дни он не смертелен?» – возразил я. «Пожалуй, смертелен, – согласился попутчик. – Но в этот день и укус насекомых, даже дождевого червя, – как укус змеи». А что касается подношений брахманам, то некогда существовал обычай дарить им змею, сделанную из золота или серебра. Её тут же бросали в огонь, ведь благородный металл и после плавки остаётся ценным... Река Джамна кишела людьми, совершающими обряд очищения. Многие вошли в воду ещё с трёх часов ночи, чтобы заранее подготовиться к затмению. И когда после шести утра едва сверкнувшее лучами на горизонте солнце стало меркнуть (в преданиях этого народа утверждается, что его поглощает демон – чёрная туча), над Джамной зазвенели колокола, загудел говор верующих, читавших священные гимны. Наконец через три часа «чёрная туча» освободила солнце из плена. На землю упали яркие лучи, а вместе с ними прокатились над рекой радостные возгласы. Довольные возвращением солнца люди отправились по домам. Теперь им осталось совершить ещё один обряд, последний: очистить дом от скверны, вымыть полы, постирать бельё, начистить до блеска посуду – и счастье тогда обеспечено на многие годы. Как было бы хорошо, если можно было бы так легко сбросить с себя бремя бед! Однако уже назавтра человек, отстоявший положенное вре-

мя в воде, встречается всё с теми же заботами и бедами...» Помолчав, Пётр Григорьевич добавил напоследок: «На реке в Дели собралось больше миллиона. И так по всей Индии. Там, где нет реки, люди погружаются в какой-нибудь водоём – пруд или озеро, и мокнут там всё время затмения».

На следующий день приехали на обед вместе с Барановским, возле нашей квартиры он вспомнил: «Вчера Маша приглашала на пельмени». Я взял его под локоть и молча завёл в квартиру. Маруся уже хлопотала около стола. Сели, перед каждым появилась тарелка, наполненная ароматно пахнущим сибирским деликатесом. Поели и выпили охлаждённого квасу, который хозяйка делала отменно: вкусный, резкий.

Больше Пётр Григорьевич к нам с Марусей не заходил. После работы он или бродил угрюмо по городку или иногда приходил в кружок по изучению английского языка и весь вечер просиживал с нами, хотя те азы, которые мы постигали, он давно уже знал. Мария Ивановна изредка появлялась у нас с кастрюлькой – просила вкусного рассольника или борща, «который так любит Петя», каждый раз подчёркивала она. А сама так и не научилась их варить, хотя Маруся ей несколько раз рассказывала, как они готовятся.

НА БАЗАРЕ

Однажды Маруся пригласила меня с собой на базар за покупками. И хотя вставать в воскресенье в пять часов утра не хотелось, я решил совершить подвиг и помочь жене таскать сумки.

Только мы подъехали, как из толпы шумного, гудящего на разные голоса базара появились мальчишки и бегом кинулись к нашему автобусу. Около Маруси я увидел мальчугана, который встречал её и раньше. Он тянул руку к пустой сумке со словами «Ми, ми, гив ми». Моя леди дала ему сумку, и он, довольный, пристроившись сзади нас, шагал бодро и даже торжественно. Как всегда в людных местах, за нами несколько раз увязывались нищие, почти нагие люди. Бой, размахивая сумкой, кричал на них: «Чело! Чело!», отчего хвост рассеивался, и мы шли свободно, не слыша надоедливое голоса попрошаек. Маруся покупала и передавала продукты, овощи, фрукты мне. Я пытался забрать сумку у мальчишки и положить в неё купленное, но он мне не дал, объяснив на смеси английского и хинди: «Ю ис сааб» (то есть, ты господин, и не должен таскать). Мне было жаль его. Он, весь потный, нагруженный тяжёлыми сумками, еле плёлся за нами. Наконец, поднёс всё к автобусу, получил у Маруси свою честно заработанную рупию и радостный побежал к ватаге таких же, как он.

Каждая поездка на базар для меня была испытанием. Тяжко было видеть голых, бездомных нищих, а также торговцев, которые начинают свою жизнь на этом базаре чуть ли не младенцами и заканчивают её здесь же на дырявом матраце либо на клочке материи. Торговцы бананами, мандаринами, арбузами размещают свой товар чаще в укрытии под палаткой или в сарае, построенном из бамбуковых кольев и покрытом пальмовыми листьями. Около кучи фруктов или овощей они готовят себе пищу, едят, спят – одним словом, проживают всю жизнь. Приди к такому торговцу в любое время, и тебе незамедлительно продадут нужное на

выбор, а если порядиться, то ещё и за половину стоимости. Проходя по базару и внимательно всматриваясь во всё, что перед глазами, можно увидеть и понять почти весь образ жизни, обычаи, материальный уровень народа, его характер и культуру. Конечно, люди из касты браминов редко сами появляются на базарах, так как всё, что они пожелают, им доставит домой многочисленная прислуга, но всё же можно здесь встретить и богатых. Женщины в дорогих сари, шитых золотом, и с многочисленными украшениями, а мужчины чаще всего во всём белом и без каких-либо ювелирных безделушек. Большинство же – обычная толпа в сером одеянии, а часть и без него. Контрасты здесь вообще поразительны, и всё уживается в одной стране. Рядом с богатой ювелирной лавкой расположена палатка для самых бедных, торгующая различными предметами первой необходимости, подержанными вещами. Здесь всё продаётся, но покупается мало чего – из-за бедности большинства людей.

Проходя по торговому ряду, я задержался около одного необычного примитивного сооружения. На треноге, сделанной из бамбуковых жердей, был подвешен скелет какого-то животного. Хозяин, сидя возле своего сокровища прямо на земле, монотонно, с небольшими интервалами повторял одни и те же слова: «Сааб баран». Глаза у него были закрыты, и был он очень стар и худ – почти подстать скелету, подвешенному к вершине треноги. Я стоял и думал: «А ведь баран когда-то был нормальной тушей, но на солнце висит так долго, что высох и превратился в скелет». Опомнился я, когда услышал сбоку голос: «Бабу бакшиш». «За что тебе бакшиш?» – спросил я. Он показал пальцем на скелет и сказал несколько слов, из чего я понял: «Либо покупай этого барана, либо плати за то, что смотришь». Я дал ему монету анну и пошёл дальше, а вслед мне опять послышались монотонные слова этого сонного индийца: «Сааб баран».

В толпе на базаре в Индии вместе с людьми бродят коровы, обезьяны, собаки, норовят схватить что-нибудь съестное, за что порой получают удар прутом или палкой; но это

бывает редко, чаще они уходят безнаказанно, так как почти все животные здесь священны.

В каждом государстве у народа есть свои особенности, свои обычаи. Но, наверное, только одна народность во всём мире живёт одним своим укладом, одинаково в любой стране, – это цыгане. В Индии их великое множество, и, как утверждают многие, родина цыган – именно Индия. Но образ жизни у них и здесь кочевой. Много их было и на этом базаре, где мы с Марусей бродили по рядам. Заметили их по поведению и не ошиблись. Одеты они почти так же, как и местные жители, только было что-то особенное в облике, и главное, – в движениях. Если индийские женщины стройные, медлительные, и голову держат высоко и гордо, то цыганки в движениях быстры и не следят за своей осанкой. Им некогда, им надо чем-то кормиться, а промысел их такой же, как и везде: гадание и попрошайничество (причём занимаются этим все – от мала до велика). А главное их ремесло – это обман, фокусы и манипуляция. Если они подошли к торговцу фруктами, то как бы он ни следил за ними и ни отгонял, после их ухода куча заметно убывала.

У индийских цыган нет постоянного жилья, а самой большой роскошью является драная палатка. Сколько мне пришлось их видеть, кочуют они чаще пешком, с кучей детей и узлов вещей, и очень редко в длинном обозе пеших тархтит колёсами кибитка. Двигается табор медленно, заходя в деревни, города с дрессированными обезьянами. В жару и холодное время, по асфальту и камням ходят босиком. У женщин на руках и ногах блестящие кольца, на пальцах рук множество дешёвых колец и перстней, немало их и в носу, и даже на губах, а в ушах по нескольку серёжек, нацепленных от мочек до верха раковин.

Однажды ночью послышался стук в дверь. Открыв, я увидел механика цеха Кудву. Он стоял взволнованный и, чуть ли не заикаясь, произнёс: «Мистер Иван Иванович, в цехе крупная авария». Было два часа ночи. Я быстро собрался, мы сели в джип и поехали. Хотя настроение было испор-

чено, и спросонья даже не хотелось разговаривать, то, что я увидел вокруг, меня поразило: я ещё никогда и нигде не видел такой ночи. Она буквально облила нас лунным сиянием, таким обильным, густым и особенным, какое бывает, наверное, только здесь, в Индии. Всё вокруг было заполнено, насыщено белым светом, который был взвешен во мраке, как серебряный туман. Даже тени от деревьев и домов смотрелись сквозь слой лунного света, как сквозь лёгкую прозрачную пыль. Так и хотелось выйти из машины и доверху наполнить этим чудесным светом какой-нибудь целлофановый мешок. Но такого мешка не было, да и вообще не всё подвластно человеку. Я даже подумал, как много бы мы потеряли, если бы не эта авария, мы проспали бы, не увидев такого чуда тропической ночи. Ехали и любовались, будто по реке чудесного света. Мимо, как спящие чудовища, проплывали огромные деревья, в ветровое стекло автомобиля вливался поток звёзд, освещая руки нашего шофёра, спокойно лежавшие на баранке. Так хорошо было бы откинуть голову на спинку сиденья и продолжить прерванный сон, но машина уже притормозила у проходной завода. Блаженство от увиденного начало испаряться. А когда пришли в цех, и я смог сам оценить масштаб аварии, вся романтика сменилась досадой да бурной работой мыслей: «Как устранить всё это в короткий срок?»

На рольганге раскатного поля был разворочен мощный редуктор, да так, что корпус распался на куски, а у шестерни будто кто-то специально выламывал зубья, не оставляя ни одного целого. Я дал задание бригаде индийских слесарей разобрать останки механизма, а сам внимательно наблюдал, пытаюсь понять, из-за чего произошла такая поломка. Когда из корпуса был вынут последний узел шестерён, на дне ванны редуктора из-под слоя масла стал виден какой-то торчащий посторонний металлический предмет. Я забрался по локоть в масло и вытащил этот бесформенный кусок стали. Слесари промыли его в керосине, я изучил его и разглядел много вмятин от зубьев и рванины. И сразу сказал Кудве,

что это диверсия недоброжелателей. Кто-то не поленился отвернуть болты массивной крышки редуктора, поднять её и бросить этот кусок внутрь, отчего механизм был выведен из строя.

Ликвидацией этой аварии мы занимались весь остаток ночи и ещё день. Утром, как саранча, налетели начальники всех рангов – как советские, так и индийские. Толпа образовалась многолюдная. Ещё ночью мы с Кудвой разыскали такой же редуктор на складе запасных запчастей, и я мысленно тысячу раз поблагодарил специалистов с УЗТМ за их дальновидность и предусмотрительность. И теперь под пристальным вниманием десятков любопытных глаз мы ликвидировали последствия аварии. Тяжёлый изуродованный кусок металла, брошенный кем-то в механизм, переходил из рук в руки. Начальство оживлённо беседовало. Я смотрел на толпу собравшихся людей и пытался определить, кто же из них подбросил эту мерзкую штуку. Я был уверен: злоумышленник непременно здесь! И для этого были основания.

Индия – капиталистическая страна, с ориентацией на рыночную систему. А там, где рынок, там естественно процветает беспощадная конкуренция. Нам, советским людям, выросшим в условиях строящегося социализма, поначалу было непонятно, что означает эта самая конкуренция, почему люди бизнеса так жестоко расправляются друг с другом. В нашем представлении процветающая торговля – на обогащение государства, а стало быть, и на каждого из нас, каждого гражданина страны. А теперь мы поняли, что рынок – это и есть конкуренция, это обогащение отдельных личностей, капиталистов. И мы наконец-то прозрели, что и железки в редуктор бросают из-за этой самой пресловутой конкуренции, жадны наживы. Как только заработал наш цех и начал давать продукцию выше качеством, больше и дешевле, чем уже упомянутый завод капиталиста Таты, некоторые пришельцы с этого завода стали подрывать работу советского оборудования, устраивать диверсии. Таких аварий, преднамеренно организованных, было немало. Находи-

ли куски железа и в других редукторах. Устраивались и сбои автоматики и электрооборудования. Всё это насторожило не только нас, но и индийскую сторону. Если до этих случаев ходили по цеху разного рода туристы, ротозеи и другие посторонние, вплоть до коров и собак, то теперь стала строже работать пропускная система. Ни коров, ни собак, ни вольно шатающихся людей не стали пропускать на территорию завода. Индийцы же начали слежку друг за другом. И когда выгнали из цеха подозрительных людей и набрали новых, подобные выпады против нас (кстати, по этой же причине был снят с работы начальник цеха Саркар) прекратились.

Приехал я домой, когда было уже темно. Крупные звёзды мерцали на низком чёрном небе. Было всё так же, как и вчера ночью, только луна ещё не показалась. На веранде сидела Маруся и плакала. «Что-то ты так долго не появляешься, я забеспокоилась, и спросить не у кого, даже на обед не приезжал, – сказала она. – Я получила письмо от Любы и теперь плачу. Пишет, что переехала к твоим родителям, ей не очень-то нравится. Оно и понятно: привыкла дома с дедом». Поужинали, я рассказал жене про аварию и луну. «Завтра ночью пойдём посмотреть на это чудо», – сказал я ей, засыпая.

На следующий вечер приехал с работы, а Маруся меня встречает с улыбкой: «А для чего тебя фотографировали сегодня в цехе?». «А ты что, забыла, кого дома фотографировали? Пьяниц на городскую доску», – пошутил я. – А откуда ты узнала?» – «Иван Волковицкий сказал. А Лиза говорит, что фотографию твою пошлют в посольство и даже в Москву». – «Они загибают, а ты их слушаешь».

После ужина прочитали ещё раз письмо от дочери, вспомнили свой уютный дом и беззаботную жизнь в нём – самые лучшие наши годы. Время подходило уже к полуночи, я предложил прогуляться по городку и его окрестностям, чтобы посмотреть на природное чудо с луной. Жена сначала возмутилась, назвала меня фанатиком, но потом всё же согласилась. Вышли мы на улицу, а по всему нашему посёлку горят неоновые фонари, ярко освещая всё вокруг. Луна уже

поднималась над горизонтом, но такого эффекта от неё, как мы видели вчера, не было. Вышли за городок, направились вдоль дороги на город Дург. Справа и слева могучие деревья, от их тени попали в темноту. Маруся жмётся ко мне, чувствую, что боится. А вдобавок где-то недалеко завывали шакалы, она вздрогнула и говорит чуть ли не шёпотом: «Пойдём домой, на кой нужна нам эта луна». Но мы шли дальше. Мимо проехала тога – двухколёсная повозка (такси), сидящие в ней люди крикнули нам «Намасте» и скрылись в тени деревьев. Наконец мы вышли на простор, где луна щедро одаривала всё вокруг, и остановились, как замороженные. Такого яркого и густого света луны, смешанного с прозрачной серебристой дымкой, мы ещё не видывали, она, как ночная царица, смотрела на нас с высокого чёрного неба, усеянного крупными звёздами. Теперь мы стояли, не шелохнувшись, смотрели и смотрели, и не могли оторваться. И тогда нам явилась ещё одна фантастическая картина – в довершение и без того щедрого дара: под луной показался косяк журавлей. Треугольник чёрных крупных птиц медленно прорезал ослепительный громадный диск ночного светила и уплывал в океан лунного света, пронизанный яркими созвездиями на чёрном фоне. «Это как в сказке, – сказала Маруся, – это чудо! Здесь даже луна не такая, как у нас, а особенная».

Возвращались домой, и настроение было бодрое, весёлое. Ночную тишину нарушали только шакалы своим завыванием. Но теперь моя благоверная шла уверенно и никого не боялась. По дороге встречались запоздалые путники, отбрасывавшие длинные тени. Пришли в свой посёлок, а в нём ни души, все спят. «Живут здесь люди годами и не видят такой красоты и чуда природы, какое мы увидели сейчас! – с сожалением сказала Маруся. – Бедные наши земляки, проспят здесь это царство природы, а приедут домой – и рассказать-то нечего».

После получения сообщения о смерти тестя мы с женой твёрдо решили добиваться досрочного отъезда на родину.

В приёмные дни я постоянно ходил либо к директору завода, либо к консулу. И каждый раз после посещения того или другого начальника я получал выговор от третьего – от Марии. Она обвиняла меня в том, что я не проявляю настойчивости в разговоре с ними и не высказываю достаточных аргументов в необходимости нашего возвращения. В конце марта я пришёл к консулу и уже не попросил, а потребовал отъезда в Союз. Он снова повторил те же слова, сказанные ранее, что до истечения срока контракта меня отсюда не отпустят, и при такой ситуации пусть жена едет одна. Сколько я ни выдвигал причин, он был непреклонен. «Но ведь некоторых наших специалистов выдворяете отсюда за 48 часов, так и меня подставьте под эту метлу», – сказал я консулу. Он ответил, что не имеет права, так как я не совершил такого поступка, чтобы со мной поступить так жестоко. «А что надо сделать, чтобы меня выгнали?» – спросил я. «Нарушить индийский закон, – ответил он. – Но за это могут посадить в тюрьму, а если здесь не посадят, то дома уже наверняка – за недостойное поведение советского человека». – «Это не подходит», – сказал я. «Ещё за оскорбление личности консула или директора, но этот номер у тебя не пройдёт. Мы же знаем, что это будет преднамеренно, да можем и язык вырвать, – с улыбкой произнёс консул. – Но ещё и не в нас дело. Индийское руководство уже узнало о твоём намерении, просили нас воспрепятствовать отъезду. Уж слишком ты им пришёлся по душе».

Жена, узнав о результате очередной встречи, расстроилась и снова ударилась в слёзы: «Ты меня не жалеешь, ведь я так скоро ослепну, каждый день плачу и плачу». Я утешал её, как мог, предлагал улететь одной, но она отказывалась. «Поедем только вдвоём!» – категорически заявила она.

25 февраля 1962 года, в воскресный день, состоялся грандиозный праздник по случаю открытия на площади перед заводом обелиска в честь советско-индийской дружбы. Этот монумент был заложен ещё в 1955 году во время посещения Индии Никитой Сергеевичем Хрущёвым. На открытие

памятного сооружения в Бхилаи приехали посол СССР в Индии Бенедиктов, губернатор штата Мадхья-Прадеш Шевансинг и целая свита из правительства страны из столицы Дели. При большом стечении народа – и индийцев, и нас, русских специалистов – с обелиска было сдёрнуто покрывало, раздалось бурное рукоплескание, оркестр исполнил гимн Советского Союза и гимн Индии. Затем правительственная делегация и руководство завода поднялись на трибуну, укрытую навесом от палящего солнца. С пламенными речами о вечной дружбе советского и индийского народов выступили Бенедиктов, Шевансинг, директора завода Гончаренко и Суку-Сен. От их слов у многотысячной толпы появился такой накал, подогретый к тому же жарким солнцем, что стоял гром от рукоплесканий и гул от приветствий. Труженики завода и просто пришедшие сюда жители города и окрестных деревень были одеты в праздничные белые рубашки, а большинство – и в белые брюки. Черные, как смоль, волосы на головах, обильно смазанные кокосовым маслом, ярко блестели. И зрелище такого людского моря на громадной площади вокруг обелиска было незабываемым.

После окончания праздничного митинга, чеканя шаг, прошёл перед трибуной военный духовой оркестр, исполнивший марш «Прощание славянки». Потом мы с соседями подошли к обелиску поближе и прочитали на нём слова, произнесённые Хрущёвым при закладке памятника: «Пусть будет крепка наша дружба, как металл, выплавленный на Бхилайском заводе». Сфотографировались на память, а потом наблюдали парад физкультурников, которые демонстрировали свои номера в красочных костюмах.

ПОХОРОНЫ В ИНДИИ

Однажды, прогуливаясь в окрестностях города Дурга, мы увидели похоронную процессию, направляющуюся по просёлочной дороге в сторону реки Сионат. Впереди, метрах пяти от всех, шёл молодой индеец с барабанами, выбивая однообразный печальный ритм, время от времени приплясывая ногами и вскидывая руки с барабанными палочками. За ним шла толпа одних мужчин. На плечах четырёх человек, одетых во всё белое, было что-то похожее на деревянный топчан с четырьмя перевёрнутыми кверху ножками, которые были обвиты зелёными листьями бананов и гирляндами цветов. Посередине этих носилок лежал покойник, полностью укутанный белым материалом и обвязанный с ног до головы шпагатом.

Процессия двигалась медленным шагом. Потом остановилась. Носильщики и сопровождавшие траурное шествие люди положили носилки с покойником на землю и сели рядом на корточках для отдыха и перекура. Собравшись с силами, подняли ношу на плечи и двинулись дальше. Подойдя к берегу реки, переложили покойника на уложенные в один ряд чурки дров и еще обложили его вокруг, получилась горка в виде поленницы. Добавили соломы и щепок. Потом тот, кто шёл впереди процессии с барабаном, зажёл факел и подпалил солому. В один миг вспыхнул костёр. Сухие дрова горели, как порох, и жара от солнца способствовала быстрой кремации усопшего. Когда всё сгорело, оставшийся пепел, мелкие, ещё тлеющие угольки и кости собрали на лист железа и ссыпали с берега в реку.

Я весь путь до реки и кремацию фотографировал. Никто мне не препятствовал, да и вообще на нас, русских, сопровождавших похороны, никто не обращал внимания. Все были заняты своими мыслями. За всю дорогу люди в процессии не проронили ни слова.

На другой день я приехал в цех, и ко мне в кабинет сразу пожаловал начальник техбюро Найер, попросил меня помочь

разобраться с чертежами. После того, как мы вместе разобрались, я попросил его рассказать о прощании с умершими, пояснив, что это заинтересовало меня на вчерашних похоронах. Найер, будучи человеком эрудированным, хорошо знающим историю своего народа и неплохо говоривший по-русски, подробно поведал мне об этом национальном обряде:

«Человек, доживший до преклонных лет, или больной, чувствующий безысходность своего положения, собрав свои сбережения, отправляется паломником на берег священного Ганга – великой реки Индии. Там он проводит последние дни своей жизни, замаливая грехи в многочисленных храмах, построенных на берегу. Если есть солидная сумма денег, умирающий платит её жрецу-брахману, чтобы тот позаботился о лучшем месте для него в потустороннем мире. Всех умерших сжигают, а пепел опускают в воду, и так тысячелетиями вода Ганга течёт, увлекая с собой пепел в Бенгальский залив. Но не всех умерших в этой стране сжигают на берегах Ганга. Большинство хоронят там, где жил и умер человек. На берегах всех рек Индии сооружены невысокие каменные платформы – шмашаны. На некоторых из них остаётся куча золы. Умершего, обёрнутого пеленой и привязанного к носилкам, вносят на плечах в ворота шмашаны, и как-то сразу становится ясно, что это последний этап, что сейчас уже ничего не останется от этого тела, которое пока ещё имеет форму человека, пока ещё хранит свой единственный и неповторимый облик, свои черты лица – всё своё, в чём бурлила жизнь. Тело сносят к реке, окунают прямо на носилках в воду – и это последнее омовение. Потом тело отвязывают, сбрасывают пелену (её заберут себе служители шмашаны), перекладывают на длинные поленья одной из платформ, кладут к губам кусок дерева, смоченный в воде, закрывают лицо. Посыпают всё тело землёй и воздвигают над ним высокое сооружение из толстых сухих дров, похожее на двухскатную крышу. Обкладывают эту крышу щепками и соломой и дают в руки самого близкого родственника покойного факел. Он должен обойти вокруг этой крыши и своей рукой поджечь её со всей сторон. Здесь можно видеть, как быстро и деловито родственники совер-

шают всё, что велит им долг по отношению к мертвецу. Они спокойно относятся к смерти ближнего и вообще к смерти. Во время сожжения можно увидеть улыбающиеся лица и ни тени скорби. Они рады, что человек дожил до старости лет, достиг такой счастливой смерти – в окружении своей семьи, видя своё потомство живым. Индийские философы создали культ предков. Они говорят, что при желании с умершими можно войти в контакт. Люди в это верят, устраивают поминальные церемонии. На домашний алтарь кладут кусочки плодов, фруктов, цветы и ароматические вещества; читая молитвы, родственники как бы в одностороннем порядке входят в контакт с умершим. Философы утверждают, что умерший человек до тех пор жив, пока о нём помнят на земле. Кроме культа предков, существует ещё вера в переселение душ – реинкарнацию. Если душа покойного своими прошлыми делами заслуживает наказания, то он возродится в виде осла, собаки или червя и будет влачить жалкое существование во искупление своих грехов. Если же жизнь была праведна, то покойный может вернуться в облике ещё более праведного человека и даже брахмана – высшего среди живых существ. В это верят. А значит, ни к чему бояться смерти, ведь она же не навсегда. Домашние жрецы всегда проповедуют своим подопечным мысль о том, что умершие не умерли, и что надо всю жизнь служить их душам, вечно помогая им пребывать в блаженстве. У этой философии есть ещё одна хорошая сторона: она настойчиво призывает к тому, чтобы человек вёл себя на земле, как человек... Сжигают в Индии не всех покойников, христиан хоронят в землю, на кладбище, расположенном рядом с церковью. А если по завещанию покойного тело надлежит отдать птицам, то его оставляют на растерзание грифам». – «Это же варварство и надругательство над человеком, хотя он и мёртв!» – возмутился я. Найер улыбнулся: «Ну что вы, мистер Иван Иванович, у нас многие мечтают, чтобы после смерти его скушала птица, ведь тогда он сможет полетать с ней вместе в небесах. У нас в Бомбее ещё в древние времена была построена башня специально для этой цели. Над ней на большой высоте постоянно кружат грифы. По-

койника привозят к башне, снимают с него укрытие – пелену, и носильщики по крутой лестнице поднимают его на площадку, которой завершается башня. Положив тело на мраморный пол, носильщики быстро бегут вниз по лестнице в укрытие. Грифы, увидев добычу, камнем падают с высоты, и начинается пир людоедов. Острыми клювами они рвут человеческое тело. Через 15-20 минут от покойника остаётся один скелет. Служители этой башни поднимаются на площадку, забирают кости и потом сжигают их на костре. Были случаи, когда грифы, падая на свою жертву, клевали и ранили своими острыми когтями зазевавшихся носильщиков, поэтому они так стремительно удирают из опасного места». – «Ну и чудеса! Непредсказуемая страна!» – поразился я. «А ещё в Индии такой обычай: умерла ли женщина, мужчина или ребёнок, хоронят только мужчины», – добавил мой собеседник. Я поблагодарил его за интересный рассказ, а он на прощание, став немного озабоченным и даже торжественным, произнёс: «Мистер Иван Иванович! Наши механики поручили мне пригласить вас с женой завтра на праздник. Мы все так рады будем, если вы придёте».

Вечером, приехав с работы, я застал дома гостей. Иван Андреевич и Маша Буряченко возбуждённо обсуждали с Марусей какое-то событие. Как только я появился, они наперебой начали сообщать мне новость, что выплатили деньги за машину «Волга». Почти три года собирали рупии, и вот наконец их мечта сбылась. А теперь они приглашают нас на «обмывку» будущей машины. Мы с Марусей, конечно, не возражали. Пришли к ним и разместились уже за накрытым столом. После выпитого рома настроение ещё больше поднялось. Чета Буряченко уже вообразила себя дома в Кривом Роге, гарцующей на новой машине по добротным украинским дорогам. Лица счастливые, глаза горят, мысли далеко-далеко – дома, в родных местах, не то, что здесь, в жаркой однообразной Индии. Наконец, помечтав, перешли на нормальный разговор. Я сообщил, что назавтра индийцы пригласили нас на банкет. Маша Буряченко сразу насторожилась. «Мария Васильевна, не ходите. У индийцев не

принято, чтобы женщины сидели за одним столом с мужчинами», – сказала она. Я говорю: «Это у них не принято, но у нас же принято. И меня пригласили вместе с женой». – «Я вас предупредила, решайте сами, – сказала Маша. – Чтобы потом не было осложнений с их обычаями». – «Может, не пойдём?» – сказала Маруся. «Но они так просили, и я дал согласие», – объяснил я.

На другой день часов в двенадцать подъехало такси к нашему дому, из него вышел механик цеха Кудва и пригласил нас в машину. Приехали к коттеджу, построенному в квартале, где жили индийские инженеры. Зашли в дом, где за столом в одной из комнат сидело человек десять. Лица все знакомые – механики нашего цеха и блюминга. Они бурно нас приветствовали, особенно жену, показывая европейскую культуру с целованием руки. Культуры европейской они нахватались у нас, обучаясь в московских институтах, а также в Англии и США. Все сносно говорили по-русски, и нам было легко общаться с этой молодой добродушной компанией.

На столе сразу бросалось в глаза убожество сервировки, видно было, что женская рука здесь не побывала. Овощи и фрукты нарезаны по-мужицки, крупными кусками и как попало. Что-либо мясное или рыбное отсутствовало, всё было вегетарианским. А главное, что нас удивило, это картошка: она лежала горкой в большой тарелке, сварена не чищенной. «А чем будем есть? Ни вилок, ни ложек», – прошептала мне жена. «А посмотрим, чем они будут есть, тем и мы».

Начало трапезы затягивалось, кого-то ещё ждали. Вскоре прибежал Найер, весь мокрый от дождя, запыхавшийся, возбуждённый. Начал путанно объяснять, что с ним случилось: «Я сюда бежал, а за мной змея бежал, я чуть-чуть убежал!». Он непрерывно повторял одно и то же, и видно было, что сильно напуган. Все смеялись над ним, а он удивлялся, какой может быть смех, если она чуть не догнала его. Тамадой избрали механика блюминга Синга. Он подошёл ко мне посоветоваться: «Мы купили русской водки «Столичной» и хотим пить по-русски». – «Это как же?» – спросил я. – «По полному стакану», – ответил он. – «А не очокуритесь?» –

засомневался я. – «Это как – очокуритесь?» – не понял он. – «Кто из вас по столько пил водки сразу? Никто. А при такой жаре, да столько выпить сразу – очокуритесь, то есть сделаетесь покойниками». Все засмеялись, перемигиваясь между собой, а в мыслях у каждого наверняка было, что я шучу, нагоняю страху.

Синг всё-таки послушался меня, налил каждому не по стакану, а по половине. Произнесли тост, выпили. Так же, как и в компании русских, сразу воцарилась тишина, слышно было только похрустывание на зубах салатов и прочих закусок. Маруся пока не притрагивалась к еде, а с интересом наблюдала за происходящим рядом. Её удивляло, как индийцы, действуя всего тремя пальцами, ловко уплетают рис, салаты и всё остальное. Вдруг тишину нарушил глухой удар, и сразу же разразился хохот. Оказалось, инженер по смазке мистер Сони упал под стол. Тамада Синг сквозь смех стал произносить понравившееся ему слово: «Очокурился! Сони уже очокурился». Только он проговорил, как снова послышался глухой стук: кто-то ещё спикировал под стол под общий хохот захмелевшей компании. Их вытащили, перенесли в другую комнату и уложили на кровать. Оставшиеся снова сели за стол. Тамада извинился перед Марусей за своих коллег и снова наполнил стаканы. Я встал, произнёс короткую речь о нашей дружбе и взаимопонимании и попросил их больше не пить, так как они не привыкли к такому крепкому спиртному, как водка. Они меня не послушались. Раздались возгласы: «Мы же мужики, не какие-нибудь слабачки, как те!» – и при этом мужики показывали на дверь, за которой похрапывали первые жертвы «полных стаканов». Но после очередного выпитого появились и вторые. Под столом вновь загремело. Вынесли сразу ещё двоих.

В итоге остались самые стойкие – только те индийцы, которые учились и жили в Москве, да ещё мы с Марусей. Она вообще не пила, а смотрела на хмельных хозяев. А те откалывали разные номера, кто на что способен. Один, например, показывал национальные танцы, движением рук, головы и даже глаз выражая какие-то события и чувства; нам

они были непонятны, но мы аплодировали, поощряя его за хорошее исполнение. А Венкатеш Кудва показал несколько упражнений йогов. Маруся, сначала павшая духом от вида неорганизованной пьяной компании, теперь оживилась и с интересом наблюдала, как этот тощий молодой человек продельвал непостижимые вещи, управляя своим телом. Казалось, в нём совершенно отсутствовали кости. Всё гнулось и изгибалось, на какое-то время вся его комплекция превращалась в бесформенный комок, но в одно мгновение он, как иллюзионист, вновь становился нормальным стройным человеком с улыбкой на лице.

Для нас этот банкет стал настоящим открытием, мы увидели этих людей совсем по-новому. Выпив и раскрепостившись, они стали обычными мужиками, – каждый со своими особенностями и со своей индивидуальностью. Сидя за столом, Маруся то и дело восхищалась, как они танцуют без музыки, под собственный аккомпанемент, хлопая в ладоши, или поют песню. Вдруг она насторожилась, увидев, как из соседней комнаты показалась сначала тень какого-то монстра, и потом и он сам – громадный и лохматый. Маруся вздрогнула и прижалась ко мне. «Не бойся, – успокоил я её, – это Бапат, механик из нашего цеха. Он добрейший человек, только вид у него страшноватый, особенно сейчас». Бапат шёл в нашу сторону, но Найер, сидевший рядом с Марусей, произнёс какие-то слова, и тот остановился, поглядывая на нас и, как всегда, жуя пан. Он и на работе никогда не проявлял излишней рьяности, а здесь вообще вёл себя вяло и безразлично, скорее всего, под действием спиртного и наркотика. Чтобы сгладить неловкость ситуации, Найер сказал моей жене: «Миссис Маша, его не бойс, это наш шалопай, только с виду страшный». И начал засыпать её вопросами. Она, ответив и успокоившись, сама спросила, видимо, вспомнив слова Маши Буряченко: «Вы, мистер Найер, пришли сюда без жены. Это что, закон запрещает?» – «Нет, не запрещает. У меня её нет и вряд ли будет, – признался он. – Надо было жениться в Москве на русской девушке. А по обычаям наших предков мне, пожалуй, не жениться. Отец пригладел

девушку, но она мне не нравится. А ту, которую я полюбил, не хотят отец и мать. Да и на калым нет денег. И таких, как я, у нас в Индии много. На всех-то и девушек не хватает, парней рождается больше». Маруся, внимательно посмотрев в его большие грустные глаза, сказала: «Такому парню, как вы, ещё найдётся девушка. У нас в России за такими девки увиваются гужом».

Да, мистера Найера судьба не обидела ни внешностью, ни характером, ни умом. В свои 25 лет он уже был инженером – руководителем технического отдела цеха. Мне он напоминал звезду индийского кино Раджа Капура: такие же огромные чёрные глаза на красивом лице, подстриженные чёрные усики пробивались по краю верхней губы. По натуре он был ласков, ему хотелось излить чувства молодого человека этой русской женщине, он говорил и говорил, боясь, что его прервут окружающие. «Миссис Маша, – под конец спросил он, – вам нравится, как танцует Кришна-Мурти?» Маруся посмотрела, как в другом конце комнаты, изгибаясь телом, двигая руками и головой, изображал что-то этот индеец, и призналась: «Я не понимаю ваших танцев». – «О, это целая наука, целый букет движений рук, ног, глаз и всего корпуса танцора, этому обучают в специальной школе».

Найер подозвал танцующего и попросил его рассказать нам об искусстве танца. Кришна-Мурти профессионально начал пояснять: «Танцоры – как мужчины, так и женщины – загримированы, лица разукрашены причудливыми наклейками на щеках, носу и висках; на голове – яркий, как павлиний хвост, убор, из-под которого по плечам рассыпаются длинные волосы. Костюм дополняется широкой юбкой. Танцоры разговаривают между собой жестами, мимикой, глазами. Выражая гнев, танцор бросает быстрые взгляды вверх и вниз, поднимает брови вверх. Эта сложная азбука имеет десять разнообразных движений глазного яблока, семь положений бровей, девять положений ресниц, они призваны выражать различные мысли и чувства актёра. А самые сложные мысли и чувства, тончайшие их оттенки в танце передают жесты. Для этой цели выработано более пятисот различных положе-

ний пальцев и рук. Какой памятью должен обладать танцор, чтобы знать их все и вовремя применять каждое! Только движения глаз танцор отрабатывает ежедневно в течение двух часов, вкладывая под веки для лучшей подвижности глазного яблока по кусочку сливочного масла».

Закончив рассказ, Кришна-Мурти воспроизвёл несколько жизненных эпизодов танца, выражая их жестами и движениями глаз. А в это время, пока он показывал замысловатые па, к нам поближе протиснулся Цибал. У меня сразу упало настроение, я понял, что сейчас начнётся неприятный и тяжёлый разговор. Внешне мистер Цибал производил впечатление человека высокого полёта, чуть ли не государственного деятеля. Высокий ростом, спортивного телосложения, лицо светлое с правильными чертами, густые чёрные волосы и красивые усы – явно предмет его особого внимания. Лоб высокий, подчёркивающий его незаурядные умственные способности. Но он эту свою незаурядность вместо использования по специальности инженера-механика направлял на политику. С ходу он задал мне вопрос не какой-нибудь шуточный, как водится в хмельной компании, а с подковыркой: «Почему вашего Сталина выбросили из мавзолея? Почему Хрущёв его разоблачил на съезде?»

И пошло-поехало: почему то, почему другое. Я пытался объяснить, но у него ещё больше появилось вопросов. Чтобы как-то осадить его, я задал встречный вопрос: «Кто победил во второй мировой войне?» – «Конечно же, Америка и Англия», – ответил Цибал. – «А ты случайно не агент ЦРУ – такую вопиющую ложь вынашиваешь в себе? Как они могли победить, если всю Европу завоевал Гитлер? Советский Союз не только разгромил Германию, но и спас весь мир от фашизма, и ты об этом знаешь не хуже меня. Может, ты вспомнишь, сколько погибло людей союзных войск и советских воинов в прошедшей войне?» Весёлое настроение собравшихся вокруг нас начало меняться, лица стали грустнее, все с укором поглядывали на Цибала, а тот, шевеля губами, искал в своих извилинах ответ. «Так вот, – прервал я возникшую тишину, – хотя и с громадными потерями, но

победили мы – Советский Союз. И если бы не наша страна (кстати, и Сталин, которого ты ненавидишь), то теперь и в Индии хозяйничали бы немцы, ещё похлеще англичан эксплуатировали бы вас. Американцы и англичане, перед которыми вы пресмыкаетесь, нашу славу пытаются себе присвоить. А их потери в войне – всего сто сорок тысяч, это столько, сколько мы теряли своих людей в один день».

Пока мы, увлекшись политикой, спорили, из другой комнаты появились и другие страдальцы с опухшими лицами. Мистер Сони подошёл к нашей компании и ещё заплетающимся языком сказал: «Клянусь бородой пророка Магомета, что такую отраву больше пить не буду!» – «А меньше?» – спросил я. Все рассмеялись. За ним вышел из «вытрезвителя» мистер Апарао, и его встретили дружным хохотом. С перепоя он выглядел помятым, опухшим, явно не мог понять, где находится. Рядом с Марусей сидели Найер, Кудва, Кришна-Мурти и восхваляли её подвиг – то, что она согласилась прийти в их общество. Она ответила, что у русских принято жёнам быть с мужьями в любом обществе. «Миссис Мария, какое впечатление произвели на вас наши люди?» – спросил Цибал. «Ваши люди мне понравились, – сказала Маруся, – очень вежливые и добрые, особенно женщины, и я интересуюсь их жизнью. Не знаю, как они живут в высших кругах общества, но по тому, что я вижу в городе Дурге и нашем городке, мне кажется, что жизнь их тяжела. Много детей, их надо накормить и обиходить. Когда они только всё успевают: приготовить еду, постирать и сделать все домашние дела. А условий никаких: стиральных машин нет, готовят либо на костре, либо в печке на дровах. И это хорошо, если есть, из чего приготовить. А то раз я видела, и это меня поразило: женщины мотыгой выкапывали какие-то корни в болоте, находясь по колено в воде; потом эти корни варят, добавляя перец стручками и немного риса».

Я посмотрел на собеседников: лица у всех серьёзные. И тут Кудва сказал: «Жизнь наших матерей, жён пока ещё трудная. У большинства нашего народа укоренились ещё древние обычаи, обычаи рабыни семьи и религии. Им бо-

гами предписано быть добрыми, покорными». А Найер, тяжело вздохнув, добавил: «Когда же наша женщина будет раскрепощена, и наступят времена, когда мы будем на равных? Конечно, нашим женщинам далеко до европейских и американских. Они не контактны и не реагируют на присутствие мужчин. Они не распущены, как европейские, равные с мужчинами в правах, отчего, как мы считаем, неустойчивые браки. Наши женщины сдержанны в чувствах, разговоре, манерах. Так же, как характерна для них удивительная естественность. Никаких кривляний, эффектности, вызывающих движений и взглядов, никакого кокетства».

Мария сидела в глубокой задумчивости, внимательно слушая рассказы этих ещё молодых людей. А они, видя, что леди с интересом слушает, наперебой восхваляли своих жён, матерей и вообще подруг. Я понял, что у этой подгулявшей братии восторженные речи никогда не кончатся. А поскольку мы с женой уже устали слушать их повторяющиеся рассказы, деликатно распрощались и поехали домой.

Вскоре после этой вечеринки, приехав домой с работы, я застал жену расстроенной и даже озлобленной. Я стал расспрашивать, в чём дело, и она рассказала такую историю: «Сегодня женщины городка собрались с утра на поляне со своим рукоделием. Через некоторое время подошли к нам две женщины с европейскими белыми лицами и светлыми волосами, одетые в индийские сари. На чистом русском языке они попросили разрешения посидеть в нашей компании. Естественно, их пригласили, завязался разговор. Оказалось, что они никакие не индианки, а наши, русские, и уже давно мечтали прийти в наш городок. Но только сегодня им удалось вырваться, и они рассказали про свою жизнь. Мы вместе с ними наплакались, так напереживались, что я и сейчас не могу вернуться в нормальное состояние. Одним словом, то, что нам недавно по пьянке рассказывали индийцы, это они вешали нам лапшу на уши. Эти две женщины в сари – наши русские девчонки. Когда ребята из Индии учились в Москве, они познакомились с этими индийцами и вышли за них замуж, польстившись на то, что будут жить в заморской

стране и сказочных дворцах, им эти женихи обещали райскую жизнь. А они, дуры, развесили уши и поверили. А когда приехали сюда и увидели эту «райскую» жизнь, то волосы рвали на себе. Вместо хотя бы маломальских квартир, не говоря уже о дворцах, их привезли в хижинки, слепленные из глины. Жара и москиты изнуряют. Они уже превратились в скелеты от такой жизни и пищи. А что их ещё особенно угнетает, так это то, что их заставляют соблюдать все обряды, молиться разным богам и ходить в храмы. Они закатывали истерики своим мужьям, но бесполезно. Те говорят, что надо привыкать к жизни их страны, законам касты. А ещё эти женщины рассказали, что когда приезжали Хрущёв с Фурцевой в Индию, они ходили на приём к Фурцевой, но она им ничего не пообещала, обвинив их в легкомыслии. Ведь их предупреждали ещё в Москве, давали месяц на обдумывание, прежде чем совершить серьёзный жизненный шаг. Теперь они подданные Индии и должны жить по законам этой страны. «Живите там, куда рвались», – заявила Фурцева. Они просили нас, чтобы мы разрешили им бывать в нашем обществе. А на прощание сказали, что как только русские отсюда уедут, они наложат на себя руки». – «Ничего, привыкнут, – сказал я. – Теперь происходят изменения в жизни индийцев этого штата. Строят дома для рабочих Бхилайского завода и переселяют уже из хибар. Устоявшиеся древние традиции – жить общинами – нарушаются. К примеру, Кудва, у которого мы были в гостях, живёт в коттедже только своей семьёй, а отец, мать, братья и сёстры остались в Калькутте. Под влиянием строительства нашего завода-гиганта начала рушиться кастовая система. А решающее значение тут и на заводе, и в городе имеет пример нас, русских. Если для нас, начальников, инженеров, никогда не было зазорным делать любую чёрную работу – ударить кувалдой, отвернуть болт ключом, а кастовые устои индусов поначалу запрещали им делать работу, не положенную человеку определённого сословия, то теперь, глядя на нас, они начали менять отношение к работе и отношения между собой. Высокомерие им не свойственно, но у них такой

уклад: каждый должен делать своё дело, они жертвы касты. Как-то при ремонте механизма я попросил мастера Апарао принести деталь из склада запчастей. Так он не пошёл на склад, а побежал искать бригадира. Прошло минут 15. Не дождавшись детали, я сам пошёл на склад, взял нужную, принёс и заменил поломанную деталь в механизме. Пришёл Апарао и, увидев, что я уже всё сделал, удивился, изменился в лице и сказал, что у них не положено такую работу делать ему, а тем более – советскому специалисту. Или ещё случай. Перед входом в туннель кто-то оставил страховочный канат, он лежал и мешал проходу. Я сказал мастеру смены, чтобы этот строп убрали. Отреагировав на просьбу немедленно, он побежал по цеху искать стропальщика. Простояв в ожидании довольно длительное время, я подогнал мостовой кран, зацепил строп за крюк и убрал с прохода. Мастер пришёл с рабочим и очень огорчился, узнав, что всё уже сделано... На каждом шагу нам приходилось подавать личный пример отношения к труду. Так постепенно менялся взгляд индийских рабочих и специалистов на работу, их взаимоотношения. А то первые месяцы нашего пребывания здесь наблюдались разные казусы, постоянно удивлявшие нас. К рабочему месту направлялся слесарь, за ним шёл разнорабочий и нёс его инструмент. На ликвидацию даже незначительной неполадки шествовала целая процессия во главе с мастером и бригадиром. Или ещё хлеще: за электриком, шедшим на свой участок, следовал электрик разрядом ниже, за ним – носильщик с инструментом и куском провода, а замыкающим этой странной цепочки был уборщик со щёткой или веником. Было бы ошибкой объяснять эти действия барством. Тут действовали более глубокие, более косные силы – кастовая система. Человек, которому по его положению нельзя подметать, не притронется к полу, чтобы убрать за собой. Тот, кому не положено переносить вещи другого, старался не переносить и свои. А ведь такое положение было абсурдным и замедляло процесс металлургического конвейера. И вот, увидев, как советские специалисты исполняют любую работу, даже не положенную по должности, индийские инже-

неры и рабочие тоже стали копаться в машинах, выполнять чёрную работу. Исчезли разного рода подносчики и различные лакеи. Заводской труд не стал больше осквернять людей и начал раскачивать прочные устои касты, а в последующем это деление общества на заводе вообще исчезло. Так же и в семейных отношениях произойдёт революция, – сказал я в заключение, – и наши русские жёны этих местных возьмут, как быка за рога».

И в способностях наших женщин мы вскоре убедились. Приехав в городок, недавно отстроенный для индийских рабочих и специалистов, мы пошли по только что открытым магазинам, ещё пахнущим свежей краской. Полки здесь были завалены новыми товарами, доброжелательные продавцы всё старались показывать, хвалили и без того прекрасные ткани, шерстяные изделия, сувениры, бижутерию, посуду. Мы с Марусей ходили из магазина в магазин, выбирали нужные нам вещи, рядились и кое-что покупали. И вот в одном из магазинов моя жена, внимательная, как всегда, пожаловалась мне: «Посмотри вон на ту индианку, она почему-то за нами ходит и что-то высматривает, мне это не нравится. Она какая-то подозрительная, что-то говорит продавцам и на нас показывает». Я решил понаблюдать за этой женщиной, но та, заметив мой пристальный взгляд, сама тут же направилась к нам и как бы мимоходом произнесла на смеси русского языка с украинским: «Ну шо, нахапалы, оккупанты?» Я понял, что никакая она не индианка, хотя и носит сари и шлёпанцы, и спросил: «Это как же вас понимать?» – «А так и понимайте: пониихалы обирать нищий народ. Вы, русские, хамы, и у вас ничёго святого ныма!» – «А украинцы ангелы?» – спросил я. – «А украинцы ещё хуже русских!» – «В чём же дело, что вы так набросились на нас?» Она посмотрела со злостью, слёзы брызнули из глаз, и её словно прорвало: «В Советский Союз нас не пускають, мужа уволылы з работы, он ходыв к русскому начальныку, просыв содийствия, но ему не помог». – «А кто его уволил?» – «Индийский начальнык цеха». – «Русский не может вмешиваться в их внутренние дела, он и не поможет», – терпеливо

объяснил я. А она снова ополчилась: «Вы, русские, злые, не сочувствуете нам. Вы бы посмотрели, как я живу: ни поесть, ни одеть... Сами-то что: детей нечем кормить!» – «Надо было думать, прежде чем выходить замуж за иностранца», – вмешалась в разговор Мария. А эта индийская хохлушка побледнела от гнева и понесла на мою благоверную. Дошло до того, что она уже и обоих нас стала оскорблять. Я махнул продавцам, они подбежали к разбушевавшейся даме, схватили её под руки и увели куда-то в подсобное помещение. Настроение нам было испорчено, покупать уже ничего не хотелось, мы сели в такси и уехали домой.

Прошло дня три-четыре. Когда улеглось нервное потрясение, жена мне рассказала: «Эту женщину в десятом секторе знают наши русские. Она уже не первый раз устраивает подобные сцены. Происходит это от безысходности. Она уже зашла в тупик, поэтому обозлилась на весь мир. Всё время дружила с русскими, вышедшими замуж за индийцев, а теперь замкнулась, после увольнения мужа – основного кормильца большой семьи – перестала дружить со своими землячками и устроила разлад в индийской семье. А мужу задаёт такие встряски, что всё общение превращается в ад». – «Вот тебе основное жизненное кредо индийской семьи: речь жены, обращённая к мужу, должна быть сладостна и благоприятна», – добавил я к рассказу Маруси.

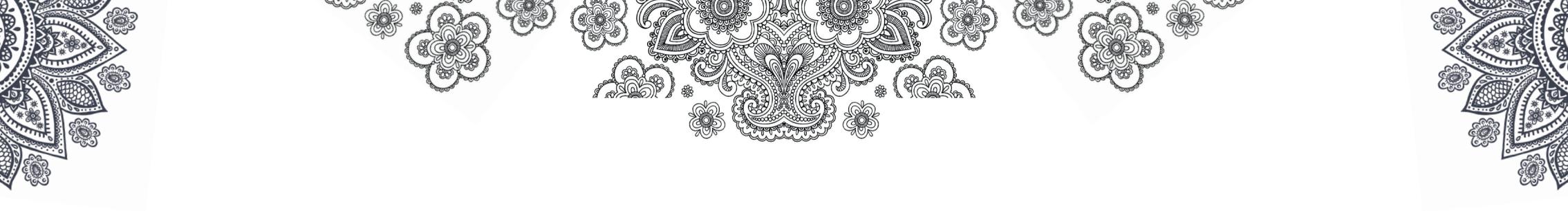
После этого случая в магазины десятого сектора нас уже не тянуло, да и особой надобности в этом не было, так как в нашем городке было несколько магазинов и палаток, в которых можно было купить всё необходимое. А если чего не было, хозяин лавочки принимал заказы и в течение недели-другой привозил всё, что обещал. И вот в очередной воскресный день Маруся пригласила меня в лавочку Осваля, чтобы выкупить заказ, который она сделала на прошлой неделе. Этого торговца из Бомбея я хорошо знал, с ним всегда было интересно беседовать. Он довольно хорошо говорил по-русски, понимал юмор и сам любил отпустить остроту. Всегда был весёлый и шустрый, отличался феноменальной памятью. Многим нашим женщинам давал свои товары в долг, но никогда не записывал. Помнил всё: когда давал, что давал и на какую сумму.

В этот раз время для похода к Освалю мы выбрали неудачно. Был полдень, солнце стояло в зените и палило нещадно. До лавки было рукой подать, мы дошли быстро и увидели такую картину: двери распахнуты настежь – и входные, и противоположные, а Осваль сидит на прилавке, поджав под себя ноги, испуганными глазами смотрит на пол и скалит крупные жёлтые зубы. Когда мы подошли к дверям, он замахал руками и закричал: «Не заходите! Там кобра!»

Мы оторопели от такой неожиданности, постояли, посмотрели на пол, но ничего там не заметили. И в ту же секунду услышали крики от купального бассейна, который находился за магазином. Пробежав его насквозь, мы оказались среди возбуждённой толпы. Все смотрели в сторону бассейна, откуда, как пингвины, выскакивали голые люди – взрослые и дети, а по освободившейся поверхности воды в классической стойке плавала здоровенная кобра. Вскоре все купальщики стояли на бетонной обочине водной глади и, громко крича, показывали на опасную гостью. На шум прибежали индийцы, обслуживающие наш городок, – кто с бамбуковой жердью, а кто с шестом, на конце которого болтался сачок. Ловко орудуя приспособлениями, выловили кобру и куда-то унесли. Бассейн снова заполнился людьми, которые снова попрыгали в него, как пингвины.

Вернулись мы в лавочку Осваля, а он по-прежнему сидит на прилавке и дрожит от испуга. Я сказал: «Кобру уже поймали, слезай и успокойся. Это нам надо дрожать, а вы же всю жизнь живёте среди них». – «Да, живём, но всё равно боимся. Она могла меня укусить, проползла мимо моих ног», – сказал Осваль. «Куда она тебя кусать-то будет? У тебя на ногах одни мослы. Почему ты такой худой?» – «Я вегетарианец и ещё лечусь голодом». – «Смотри, не протяни совсем ноги, – пошутил я. – А чего это кобра пожаловала в твой магазин?» – «Когда наступает сильная жара, они забираются в глубокие норы либо прыгают в водоёмы, как сегодня», – объяснил Осваль. Мы забрали свою покупку и отправились домой.

*Конец первой книги.
20 февраля 2005 года.*

КНИГА ВТОРАЯ

МЫ УЖЕ ПРИВЫКЛИ

В Индии мы живем уже более полутора лет. И если первое время она казалась нам какой-то сказочной страной, то теперь мы воспринимаем её по-иному. И всё больше убеждаемся, что страна эта многоликая, разительных контрастов.

У нас в то время, в Советском Союзе, стоило «разбогатеть» какому-то индивидууму, как-то лучше выглядеть в материальном отношении по сравнению с другими, так сразу в его сторону остальные, социально равные, бросали косые взгляды: «Такой же, как мы, а купил машину. Где взял деньги?!» А действительно, за какие шиши? Наворовал, не иначе, ведь почти все граждане страны материально обеспечивались одинаково.

Потому-то первые месяцы жизни в Индии нас такой контраст в здешнем обществе поражал. Но, видя, что бедные не ропщут на богатых, что они смирились с такими перекосами, что такое положение у них является нормой, исповедуемой общим устройством, религией и кастовыми законами, мы начали привыкать.

Привыкли мы и ко многому другому, но всё же большинство советских людей тяготила такая чуждая нам система, установившаяся в этой «стране рабов, стране господ», где всю жизнь определял уклад, выработанный веками: если ты бедный, то должен преклоняться перед богатыми и власть имущими, почитать их и не путаться в ногах. И это притом, что отношение ко всему живому в Индии поразительно гуманное: не смей убить даже насекомое или ползучую тварь; если ударил корову, не избежать суда, а если, не дай бог, убил её, то и сам можешь расстаться с жизнью, поскольку за убийство животного кара суровее, чем за убийство человека.

А самое удивительное, к чему мы привыкли, – это доброта здешних людей, нам казалось, что они слеплены из самой доброты. Идёт человек, сгибается под тяжестью ноши, посмотришь на него, а он тебе улыбается. На базаре разбуше-

вавшийся буйвол рогами перевернет ящики с фруктами или разбросает кучу овощей, а продавец-хозяин спокойно отгоняет его и улыбается, словно животное облагодетельствовало его своим вниманием, такое впечатление, будто нервы у человека совсем отсутствуют или настолько крепкие, что крепче морского каната.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

(Раздумья в пути)

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ЖИЗНИ

Счастливый ли я человек? Скорее всего, да. С самого раннего детства меня любили родители, особенно отец. Предрекали хорошее будущее и удачу в жизни, во-первых, потому, что родился я в рубашке, а во-вторых, был очень любознательным. В шесть лет умел писать и читать, да не только современные книги, но и написанные старославянскими буквами. Читал Евангелие, взятое у деда тайком из его сундука. За один год окончил три класса – нулевой, первый и второй. Обладая хорошей памятью, знал много стихов, молитв. Прочитанное единожды, как и школьные уроки, запоминал сразу и надолго.

Однако детские шалости приводили к довольно грустным последствиям. В возрасте шести лет, показывая свою храбрость, высоко забрался на берёзу; из-за сломавшейся ветки совершил полёт и неудачное приземление, в результате чего отбил лёгкие и несколько минут не мог дышать. Позже, когда мне было девять, возвращаясь из школы с братом Васей (он на два года старше) и играя в «догоняшки», упал и головой ударился о пень. Были и ещё случаи, когда я терял сознание, а фронтальная контузия и вовсе отрицательно повлияла на мою память. Но мамина путевка в жизнь, «рубашка», благотворно сказалась на всей моей дальнейшей судьбе – быть невредимым всегда на переднем крае жизненных событий.

Три с половиной года на войне, и почти всё время в пекле и в направлении главного удара при наступлении, – в таких условиях мало кому удалось остаться живым. Потом был КМК, рельсобалочный цех в послевоенных адских условиях борьбы за металл; там я вырос от слесаря до механика цеха. И вот теперь, после «железного занавеса», которым

Советский Союз был закован Сталиным, нас, группу специалистов, одними из первых из СССР отправили за границу, да не куда-нибудь в соцстрану, Польшу или Болгарию, а в капиталистическую Индию.

И здесь сначала осторожно, ощупью, озираясь по сторонам и с опасением «Как бы чего не вышло», мы начали делать то, для чего нас направили. Потом, сделав первые глотки свежей и приятной свободы, я начал расправлять крылья в полете. Чувствуя, что их никто не обрубает, и даже не пытаются (в отличие от нашей пресловутой социалистической системы всё ещё сталинской эпохи, когда процветали запреты на всё: «Не моги!», иначе получишь клеймо – «Враг народа»). Наконец, увидев, что мои деяния по достоинству оценивают как иностранцы, так и свои, я приобрел уверенность и по-настоящему воспарил, поддерживаемый добрым отношением окружающих меня людей.

А «свои люди» в те времена за границей были иные, хотя и воспитанные в духе суровой тогдашней действительности советского строя. Теперь я попал в другой мир – мир доброты и взаимопонимания высокообразованных, культурных и вежливых людей. Впервые я почувствовал себя человеком с большой буквы. Никаких надсмотрщиков, никакого высокомерия со стороны дипломатов посольства, консульства, а также администрации завода. Надо мной не было ни начальника, ни партийного работника, который мог бы грубым окриком прервать ещё только зарождавшиеся инициативы. Я почувствовал себя свободным хозяином своих слов и дел. А такое чувство свободы порождает хорошие мысли и устремления, что незамедлительно сказалось на результатах работы. И поскольку я сам был «и швец, и жнец, и на дуде игрец», спокойно принимал решения, конструировал и исполнял задуманное со своими помощниками – индийцами. Неполадки в механизмах, конструктивные просчеты проектировщиков Уральского завода тяжёлого машиностроения (УЗТМ) устранялись быстро и с хорошим результатом. Работа казалась интересной, и я полностью уходил в неё,

не замечая ни времени, ни усталости, и не видя в том какого-либо геройства.

В результате вырос в глазах и советского руководства завода, и индийского, достиг серьёзных успехов. И теперь, по прошествии многих лет, я понял, что действительно «большое видится на расстоянии». И то, что было сделано в рельсобалочном цехе Бхилайского завода, трудно переоценить. А в те времена я не замечал особых подвигов, просто работал, мысли бурлили в голове, а молодость и энергия воплощали их в добрые дела. Да, мою работу отмечали. Фотография висела на Доске Почета, я был внесен в книгу лучших людей Бхилайского завода, которая хранилась в посольстве в Дели. Но для меня не эти поощрения были самой большой наградой. Такой наградой я считал заслуженный авторитет среди индийских специалистов и рабочих. Их признание меня в качестве лидера и специалиста не только радовало, но и вдохновляло.

Индийцы с благоговением смотрели на нас ещё и как на представителей великого Советского Союза, а мы чувствовали гордость за свою Родину, за то, что СССР уважают не только в Индии, но и во всём мире как первую страну с социалистическим строем, как великую державу. И это нас обязывало ко многому, а главное было – оправдать доверие к нам и нашей стране. Мы это доверие ценили и старались работать во благо Родины. Находясь за рубежом, мы, как губка, впитывали культуру, талант руководства завода, сотрудников посольства и их образованность, они для нас были примером для подражания, поскольку многие из них вращались в высших кругах власти и были выходцами из неё. Сначала мы этих людей воспринимали, как вождей, «сверхчеловеков», но впоследствии поняли, что они обыкновенные, только умнее нас и с богатым жизненным опытом, умеющие анализировать политические и экономические события.

В своей работе я постоянно рос и, добравшись до вершины возможного, начал задумываться, как бы не закружилась голова от такой высоты. И в личной жизни все мечты сбы-

вались. Что ещё нужно для полного счастья человека? За машину «Волгу» деньги уже были выплачены. Дочь Люба писала письма добрые, успокаивающие. Но такое пребывание в эйфории благополучия продолжалось недолго.

ЦЕНА РАДОСТИ

Наша семейная жизнь в гостях у этой далекой страны – загадочной, полной тайн и мистики – протекала размеренно и даже монотонно, в том самом ритме, которому всё здесь подчинено. Будто мы так влились в эту среду, что почувствовали себя частью окружающей здешней природы, похожими на трудяг-муравьёв, буйволов и парящих в небе птиц. Будто мы всю жизнь прожили в джунглях среди пальм, зарослей бананов, манговых деревьев. Нас уже мало что могло удивлять.

Если год назад, проходя по дороге в город Дург или проезжая на завод, мы глазели вокруг, и всё было неожиданным, интересным, на всё мы смотрели с восхищением и иногда с опаской, то теперь, как и местные жители, относились к окружающему почти безразлично. Только по-прежнему боялись змей, да не могли привыкнуть к палящей жаре и вою шакалов по ночам.

И на моей работе, в цехе стало спокойнее. Я с радостью в душе убеждался, что труды советских специалистов, и мои в том числе, не пропали даром, коллектив индийских рабочих научился управлять сложным прокатным оборудованием. Прокатка шла полным ходом и без серьёзных сбоев и аварий.

Дома тоже наступило относительное спокойствие, только при получении писем от Любы у Маруси появлялись слёзы, и она впадала в глубокую задумчивость; но проходило время, и всё восстанавливалось, и казалось, для нашего счастья ничего больше не надо, была бы ещё дочь с нами... Но нет, жизнь подготовила нам новые испытания.

Приехал я однажды с работы, а моя хозяйюшка заявляет: «Ужина-то нет, у электроплиты сгорела вилка». Пока я ремонтировал, Маруся была у соседей, а когда вернулась, увидела меня распластанным на бетонном полу и без сознания. Сквозь глубокий сон я услышал легкие удары по щекам и голос, будто из-под земли: «Ваня, очнись, Ваня!» Я открыл глаза и увидел Марусю в слезах, она стояла возле меня на

коленах и плакала. Я привстал, состояние странное, будто побывал под каким-то взрывом, голова гудит и всё тело побитое. А в руке вилка с проводом, намертво сжатая пальцами. Постепенно восстановив в памяти все предшествующие события, я понял, что попал под напряжение. Произошло это так: отремонтировав вилку, решил испытать, воткнул её в розетку, а пальцы от жары стали потными и соскользнули с изолированного корпуса на голые контакты. Меня ударило током, и лишь по счастливой случайности я мгновенно упал вместе с вилкой, и электроцепь разомкнулась; это и спасло меня от трагедии. В нашем поселке уже было два случая поражения электротоком насмерть наших русских ребят. Напряжение в сети здесь очень высокое – 250 вольт, а пол бетонный, что способствует короткому замыканию... Маруся плачет, а я её успокаиваю: «Это же плата за наше благополучие, шибко хорошо тоже нехорошо».

После этого события у нас на сердце появилось беспокойство, тревога. Плохое предчувствие всё время преследовало. Я продолжал посещать то директора завода, то консула. Но согласия на мой отъезд домой они не давали. Мы с женой, конечно, расстраивались, обдумывали разные варианты. После получения очередного письма от Любы Маруся даже высказала желание ехать домой одна. Но вскоре появилось новое обстоятельство, которое изменило ход событий нашей жизни.

Приехав как-то домой с завода, я застал жену в кровати. Она объяснила, что у неё был приступ боли в правом боку, сходила в здравпункт, и врач сказал, что по всем признакам – аппендицит. «Ты рассказываешь так спокойно, будто он тебя уже вылечил», – забеспокоился я. «Он дал таблетки, чтобы я их пила, как заболит в боку. Я выпила, и мне стало легко». – «Но, насколько мне известно, аппендицит таблетками не лечат». – «Конечно, не лечат, но мне же стало легче, а дальше поживём – увидим», – ответила она.

До первого приступа болезни она чувствовала прекрасно, проявляя интерес ко всему. Почти каждое воскресенье

мы совершали прогулки за пределы своего городка, причём теперь уже на велосипедах. Первые поездки ей давались нелегко, она падала, но терпеливо мирилась с ссадинами и синяками. Сколько она их перенесла, но сила воли всё же взяла верх, и она научилась ездить сносно. А теперь стала беречься, про велосипед забыла. На базар за продуктами мы ездили теперь вместе.

Однажды, подъезжая к своему городку, мы увидели необычную сцену. Возле собаки с большой костью в зубах приземлились два орла, явно намереваясь отобрать у неё добычу. Собака рычала, но кость в зубах держала крепко. Тогда птицы пошли на хитрость. Один орёл клюнул собаку за хвост, и она со злостью залаяла на хищника, попыталась кусить обидчика. А в это мгновение второй орёл схватил выпавшую кость и взмыл в воздух, за ним и последовал другой. Обманутая собака от обиды гавкнула и скрылась между деревьями. Благодаря этой сценке поездка на базар нам запомнилась надолго, мы ещё раз убедились, насколько умны могут быть разные живые существа, а не только человек – «царь природы».

Боль в правом боку по-прежнему беспокоила Марусю. Время от времени она прибегала к помощи таблеток, и настроение у неё то и дело менялось. Часто стала погружаться в глубокие раздумья. Я пытался развеять её мрачные мысли. А она, терпеливый от природы человек, на этот раз откровенно рассказала о разговоре с врачом. Зная, что мы собираемся домой, этот врач дал ей обезболивающие таблетки, чтобы как-то дотянуть до отъезда, и сказал: «Приедете в Союз, сразу же сделайте операцию».

Меня этот рассказ ошеломил, я вспыхнул: «Это как?! Постоянно терпеть боли, да ещё ходить под страхом – вдруг прорвется? Ты понимаешь, какой это риск?!» – «Конечно, понимаю, а что делать?» – «А вот что! Собирайся, пойдём в здравпункт». Пришли к врачу, я поинтересовался, как он собирается лечить мою жену, он ответил: «Здесь делать операцию не будем, нет условий, а сделаете по приезду домой».

– «А вдруг до дома не дотянет?» – «Дотянет, она женщина здоровая, крепкая». Пришли домой, Маруся – в слёзы, говорит подавленно: «Это добром не кончится, чуёт мое сердце. Сейчас глотаю обезболивающие таблетки, но это же не выход. Боюсь, до дома не дотяну».

Я, конечно, понимал её положение. С аппендицитом шутить нельзя, и всякое промедление может привести к неоправимому исходу. Уговаривал, успокаивал её, как мог. На другой день опять пошел к директору Гончаренко на приём. Он выслушал, как всегда, внимательно и твердо сказал: «Замены тебе нет, пусть жена едет одна». Тогда я обстоятельно объяснил ему, почему она не может ехать одна, и рассказал о предложенном «лечении» нашего доктора. Гончаренко возмутился, пообещал разобраться, и на этом разговор был окончен.

Прошло несколько дней, Маруся лечилась по рекомендации врача, особой боли не испытывала. Мы вместе ходили в магазины, и я удивлялся, как бойко она научилась разговаривать с торговцами. И хохотал до слёз, слыша, как она, смешивая английские слова с хинди и русскими, торговалась, да иногда так, что ни продавец её не понимал, ни она его.

НОСТАЛЬГИЯ

Вечерами мы просиживали на веранде, обсуждая новости прошедшего дня. По радиодинамику беспрерывно передавали индийские мелодии и репортажи, но иногда и на русском языке новости, и песни с Родины. А в этот вечер шла передача как будто специально для нас, сибиряков: новости из Академгородка Новосибирска, затем рассказали об успехах на КМК, на красноярских заводах. И в завершение полилась песня «Снежные сибирские дальние края...»

Нигде не ощущаешь такой силы нашей песни, как вдали от Родины. Вот и теперь сидим вдвоём, солнце давно уже спряталось за горизонт, темно, и эту ночную мглу ещё усиливают растущие рядом деревья, отбрасывающие своими густыми кронами тени от света фонарей. Слушаем, и сердце сжимается, глаза становятся влажными. «Как там наша дочечка?» – тихо сказала Маруся. – Как же я соскучилась по ней!» – «Не нагоняй тоску, слушай лучше песню, – посоветовал я. – Наверное, задушевней наших нет». Сказал это, а сам почему-то вспомнил, как однажды мы с ней возвращались домой с Чумыша на своём «Москвиче».

...В один из выходных дней мы вдвоём поехали на рыбалку. Но нас спугнул дождь, полил, как из ведра. Дороги к реке все были просёлочные, и их быстро развезло. Сначала ехали нормально, но дождь лил, не переставая, машину бросало из стороны в сторону, она начала буксовать, а потом остановились. Вышли, почесали затылки: «Москвич» только урчит, колеса медленно вращаются в грязи. Решили вдвоём толкать. Поднажали, машина медленно поползла, мы на радостях приналегли сильнее, а она рванула и покатилась неуправляемая. Оставив нас позади, «Москвич» съехал с дороги, уткнулся бампером в берёзу и заглох. Мы изрядно струхнули, ведь он мог убежать от нас неведомо куда.

С большим трудом откатали машину от дерева на дорогу. Но, проехав с полкилометра, снова забуксовали. Маруся выскочила и начала помогать. «Москвич» пошёл увереннее.

При этом грязь, вылетавшая фонтаном из-под колёс, облепила праздничное платье жены и всю её саму с головы до ног. Как раз в это время нас обгоняла грузовая машина с полным кузовом людей. Увидев, в какую «романтику» мы попали, они подняли хохот, начали выкрикивать: «Сколько лошадиных сил в этой молодке?», «Ах, какая женщина! Вот бы...» и т.д. Маруся, воодушевленная этими словами, бросила толкать машину. Задрав мокрое платье выше колен и оголив хотя и грязные, но красивые ноги, она, хохоча, устроила пляску прямо в луже воды. Я к тому моменту уже отъехал на твердую дорогу, остановился и смотрел на этот концерт, который устроила жена перед весёлой публикой в грузовой машине. «А что делать? Не вешать же нос!» – объяснила тогда Маруся.

«Да, какие были времена! Не было ни минуты свободной. А если появлялась, мы не сидели, как сейчас, – с сожалением произнёс я. – Были бесстрашные и рискованные. По тайге бродили, да там, где только опытные охотники Апанаса или Костенково охотились и шишкарили. Помнишь, как однажды забрели в такую глушь от Апанаса, всё искали хороший кедрач, да подзаблудились?» – «Это тогда ты забрался на высокую сосну, откуда увидел, в какой стороне деревня», – вспомнила моя собеседница. «Мы тогда вышли из тайги, уже смеркалось, – продолжил я. – Подошли к Чумышу с мешками шишек и услышали громкий разговор. Думали, что егеря отбирает шишки, и спрятали свои мешки. А когда подошли вплотную к речке, увидели, что на лодках люди с баграми кого-то вылавливают на глубине, и через некоторое время вытащили из воды мёртвого человека. Мы забрали из кустов свои мешки, перешли через Чумыш по броду, который я знал. На другом берегу стоял лесовоз с полным кузовом в ожидании утопленника. Его погрузили на носилках из сколоченных жердей прямо на брёвна. Я попросил шофёра довести и нас до города, но ты наотрез отказалась ехать в соседстве с покойником». – «Но ведь было жутко сидеть около мертвеца! – призналась Маруся. – Я терпела потому, что уже

надвигалась ночь, и доехать до города 35 километров было не на чем... Да, было много событий – и страшных, и смешных. Но с тобой я почему-то ничего не боялась. Даже и тогда не испугалась, когда нас вооруженные охранники привели в зону к заключенным. Они отобрали картошку, которую мы собрали на поле, где её копали тюремщики. А помнишь, как они строжились над нами?»

В таких разговорах мы коротали время перед длинной, душевной индийской ночью. Нам вспоминались самые интересные, весёлые, бурные события из прошлой жизни, наполненные, как теперь казалось, особым смыслом. Мы скучали по тем временам, по нашей сибирской природе с белыми берёзами и бескрайними полями и горами. Скучали по морозу, по снегу, даже по очередям в магазинах и по многому ещё.

Всё, что осталось там, дома, было родное и близкое, и без всего этого время от времени нас одолевала тоска. Так хотелось окунуться в ту родную обстановку, подышать воздухом Родины, которая всё чаще и чаще снилась во сне. А когда просыпаешься и видишь наяву всё то же однообразие, что было вчера, настроение становится тяжелым и мрачным.

Ещё больше усугубляли его безысходность и беспомощность. На все свои настойчивые требования отпустить нас домой, я постоянно получал отказ. И тревога за состояние жены одолевала всё сильнее. Вдруг у неё прорвётся аппендицит?! А врач нашей санчасти ничем, кроме обезболивающих таблеток, её не лечил.

ШАГ В ПАРТИЗАНЫ

Хотя Маруся перестала жаловаться на боль в боку, я-то видел её мучения и переживания. Особенно ночью, когда она подолгу не могла уснуть. Видно это было и по серому цвету её лица, и по исчезающему блеску глаз. А однажды перед утром жена почувствовала особенно резкую боль. Правда, её снова удалось заглушить таблетками. Но я понял, что так долго продолжаться не может. В нервном напряжении, с обидой на всё и вся я произнёс вслух: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». – «Ты о чём это?» – спросила Маруся. «Решил пойти на таран», – ответил я.

Утром отправился на работу уже на взводе. И, чтобы сократить путь, не идти в обход по тротуарам, спрыгнул с веранды на траву. И тут же увидел, как из-под моих ног выскользнула змея, быстро поползла в сторону, шелестя травой. «Этого только не хватало! – испуганно подумал я. – Жена болеет, да если ещё меня укусит змея! Всегда так, беда в одиночку не ходит». Но здесь обошлось, змея, к счастью, не укусила.

Благополучно приехав в цех, я зашёл в технический отдел. Его начальник мистер Найер был уже там. Я без предисловий, сразу заговорил о главном, что меня мучило. Попросил Найера помочь мне в качестве переводчика связаться с индийским госпиталем, чтобы проконсультироваться о возможности сделать у них операцию жене. Оказалось, что Найеру знаком главный врач госпиталя, и он охотно согласился мне помочь.

Пока вызывали машину для поездки, в кабинет вошёл механик цеха Кудва. Узнав, чем мы озабочены, решить ехать с нами. Втроём мы и зашли к главному врачу госпиталя. Мистер Киле оказался на месте. За столом сидел грузный, крепкий, со светлым лицом и умными чёрными глазами индеец лет 45 в белом халате. Встретил он нас приветливо. Улыбнувшись Найеру, как старому знакомому, что-то спросил у него на своём языке. Тот обстоятельно расска-

зал, назвав мою фамилию. Киле, внимательно выслушав, обратился ко мне на английском. А поскольку я этот язык знал только в пределах технического изъяснения, да ещё в своей братии цеховых, ничего из его слов не понял. Найер, видя моё затруднение, перевёл вопрос на русский. Выслушав меня через переводчика, Киле сказал, что готов помочь нашей беде и сделает операцию сам с наилучшим исходом. После чего пригласил нас пройти по палатам. Завёл в одну из комнат и сказал, что поместит мою жену здесь. Палата мне понравилась: на одного человека, уютная, с кондиционером и телефоном. Деловым тоном, категорично Киле заявил мне: «Привозите жену завтра к девяти утра».

По дороге в цех Кудва и Найер меня успокаивали, говорили, что Киле – хирург опытный, внимательный, операции делает по высшему классу. «Мы ему о вас сказали много хороших слов, – добавили они. – Доктор обещал постараться».

Весь оставшийся день я работал в приподнятом настроении, радужные планы заполняли голову. Самое главное, что уже через три дня Маруся здоровой вернётся из больницы.

Но я давно заметил, что мне шибко радоваться нельзя, особенно заранее. Только я вечером зашел домой, как ворвался главный прокатчик Павловский. Лицо свирепое, я его таким никогда ещё не видел. Прямо с порога его как прорвало: «Иван Иванович, ты что занимаешься партизанщиной?! Кто тебе дал право вмешиваться не в свою компетенцию?!»

И понесло-поехало. Как всегда, начальство, не выслушав объяснений, забрасывает вопросами: «Почему? Как так? Зазнался!» Наконец, он выдохся, глянул на Марусю. А та стоит в растерянности, ничего не понимая, смотрит на меня. Собравшись с мыслями и, наконец, поняв, из-за чего разгорелся сыр-бор, я начал спокойно и чётко объяснять ситуацию. Что моё обращение в индийский госпиталь было вынужденным, и любой бы поступил так же для спасения родного человека. В подтверждение моих слов о действиях врача нашей санчasti жена тоже рассказала всё, как на духу. Лицо Павловского начало багроветь, глаза сделались круглыми и злыми. «Ах

он, коновал! Ну, погоди же, ты у меня попляшешь! Он же, подлая душа, узнал откуда-то, что ты ездил к главврачу госпиталя, преподнес директору Гончаренко такую докладную, что тот вспылит. Мне прочитал мораль и велел немедленно разобраться. Теперь я понял, откуда растут ноги: свои грехи и бездеятельность он решил повесить на других».

Я сказал Павловскому: «Не надо разжигать страстей, от этого ни вам, ни нам легче не станет. Думаете, он решится на операцию здесь? Да ни за что, это трус и человек расчётливый. Я вижу один выход из этой ситуации: как можно скорее отправить нас домой. Тем более что после смерти тещи у нас в Сталинске осталась одна дочь». В наш разговор вмешалась Маруся. Как всегда обстоятельно всё рассказала, да ещё так, что Сергея Иосифовича слеза прошибла. «Я бы помог, но индийское начальство, да и наше, не хочет отпускать тебя, – объяснил он. – Да и замены нет». – «Есть замена – Иван Чернявский, механик рельсоотделки, вполне зрелый специалист», – сказал я. «А он согласен, не струсит?» – спросил Павловский. – «Он согласится, я уверен».

Сергей Иосифович остался с нами ужинать. На прощанье он пообещал, что приложит максимум усилий для нашего скорейшего отъезда на Родину. «Ну, вот, моя дорогая, – сказал я Марусе, когда гость ушёл. – Нет худа без добра». И рассказал ей, как мы ездили к главврачу Киле. «Даже палату видел, где ты должна лечиться. А Павловский нам поможет, – заверил я жену. – На операцию в индийском госпитале нам уже рассчитывать не приходится, но с отъездом теперь вопрос решится».

На той же неделе я встретил Павловского в цехе. Он скупко рассказал о том, что было в кабинете у Гончаренко. Директор вспылит из-за бездеятельности медработников и объявил выговор врачу. «А насчёт вашего отъезда можно рассчитывать только на конец июля, – честно сказал Сергей Иосифович. – Гончаренко пообещал этот вопрос решить с Москвой».

Снова потянулись скучные, длинные дни ожидания. По приезду с работы я всё чаще замечал влажные глаза у жены.

«Опять плакала? Не надо расстраиваться. Теперь процесс уже пошел, и никакая сила его не остановит, – пошутил я. – Сейчас рвемся домой, скучаем. Конечно, главное – это Люба, но как вспомнишь пустые полки в магазинах, да какие длиннющие очереди простаивали на морозе... В доме надо печку топить, уголь, дрова, воду носить. А здесь тепло, вода в квартире. Продукты принесут, только свистни. Хлеб, молоко, ещё солнце не взошло, уже стоят около окна на кондиционере, ждут, когда мы проснёмся. Здесь находит тоска по дому, а приедем домой – будем переживать за Индию», – говорил я, пытаюсь успокоить Марусю. «А что о ней переживать, она так опостылела! – не согласилась жена. – Жара утомила – уже сил нет. Вокруг нищета, голодные люди, много попрошаек». – «Но люди-то добрые, смиренные, особенно дети: спокойные, веселые, любознательные, как и все дети, – продолжал я. – А скучать по Индии мы будем потому, что здесь оставили часть нашей жизни, да ещё в лучшие годы, и частицу нашего сердца. Особенно там, дома, мне не будет хватать людей, с кем пришлось здесь работать (и русских, и индийцев), а также здешних условий. Ведь наши, русские, здесь преобразились до неузнаваемости. Не увидишь и не услышишь признаков лености, грубости, даже мат исчез и скандалы. Здесь я почувствовал свободу труда. Ни надсмотрщиков, ни рапортов с разносами и унижениями личности, с упрёками и издевательством, и грубыми окриками, такими как «Ты перестал мышей ловить!», или «Мхом, плесенью оброс», или ещё: «Плохому танцору всё мешает». Здесь вся работа построена на взаимовежливости и уважении личности, отчего и процветала культура труда. Всякая нервозность в общении отсутствовала. Что сказалось и на результатах нашей работы – они были прекрасны!»

Вот такой монолог я выпалил своей жёнушке, чтобы как-то успокоить её, а получилось наоборот. Она пустила слезу и сказала: «Теперь мне понятно, почему тебя не пускают отсюда. Ты сам не хочешь этого». Мне ещё долго пришлось её успокаивать.

ПОРТНОЙ ИЗ ДУРГА

Наш затянувшийся разговор был прерван появлением портного из Дурга по фамилии Брайкомеда. Как же он нас выручил! Через минуту мы уже смеялись до слёз. Одним своим видом он вызывал добрую улыбку и поднимал настроение.

Ростом он был невелик, глаза весёлые, постоянно улыбался, хотя трудно было понять, каково у него на душе. Ведь обычно люди этой профессии больше получают упрёков, чем благодарности. Примеряя на Марусе макинтош, он поглядывал на меня озорными глазами и спрашивал: «Корошо, мистер?» – «Что же тут хорошего? Ни рукавов, ни воротника», – ворчал я. «Будут и пуговицы, будут, всё будет корошо», – лукаво улыбаясь, говорил он, понимая шутку. – А материал! Кабардин!» И с восторгом поднимал вверх указательный палец. Он вообще часто чем-то восторгался: «Вэри вэл, корошо!» Быстро сделав примерку, он звал с улицы своего помощника, что-то говорил ему на своём языке. Тот поспешно начинал разматывать принесённые куски материи, показывая нам, а портной в журнале мод показывал, что можно из них сшить.

Брайкомеда был честным и порядочным человеком, всё необходимое мы шили только у него, а он был несказанно рад тому, что встретил таких неприхотливых заказчиков. Приходил к нам, как домой, выпаливал по-русски ласковые слова, которые знал, и заразительно смеялся. А мы хохотали над тем, как он, коверкая, произносит эти слова. Уходя, портной протягивал свою иссохшую руку, на которой видны были синие жилы и выпирали кости, обтянутые кожей, после чего складывал ладони на груди и произносил: «Намастэ, лэди, намастэ, мистер». И уходил в свой Дург, приглашая посетить его мастерскую. Через три-четыре дня он снова появлялся, снова весело и заразительно смеялся, показывая свои огромные белые зубы.

В этот раз он вытащил из саквояжа макинтош, теперь уже с рукавами, и сказал: «Плиз, лэди». Маруся надела обнову,

покрутилась перед зеркалом, Брайкомеда внимательно наблюдал за её движениями. Потом подошел и начал чиркать своим портняжным карандашом то по плечам, то по талии, приговаривая: «Здесь плёхо, и здесь некорошо». Маруся удивилась: «Почему же плохо? Всё хорошо, ничего не надо делать». Но он возразил: «Портной знает, портной сделает иччѣ лучше». Забрал шитьѣ и удалился.

Оставшись одни, мы посидели, помолчали. Маруся, спохватившись, встала с кресла и отправилась к соседке Лизе, к которой обещала зайти. Я остался один, сидел и раздумывал. Мне стало очень жалко жену из-за того, что она перенесла, особенно в последнее время, и я восхищался её терпеливым характером. Какие бы ни были трудности и лишения, она переживала не хныча и не жалуясь – ни своим, ни посторонним людям.

МОЯ ЖЕНИТЬБА

Всѣ же и в выборе жены я не ошибся. Я и тут считаю себя счастливым человеком.

Сейчас признал это – и сразу понеслись воспоминания, как я совершил такой решительный шаг в своей жизни.

Когда я ещё находился на фронте, в одном из писем мама писала, что приходила соседская девушка Маша Чалова к нам за водой и передавала мне привет. Что она такая ладная и красивая. Я, конечно, этим строкам придавал мало значения.

Время шло, и вот я вернулся с войны домой. И однажды повстречался с ней у калитки нашего дома. Она шла с ведрами на коромысле, точь-в-точь, как Аксинья из «Тихого Дона», – статная, высокая. Платьѣ плотно облегалo её фигуру, отчего выделялись все прелести молодого тела, высокая грудь, стройные ноги. А её красивое лицо с тонкими черными бровями и длинными ресницами меня вообще поразило. «Маша, ты ли это?» – в нахлынувшем восторге только и смог проговорить я.

От неожиданности она бросила на меня испуганный взгляд больших глаз, улыбнулась, щеки загорелись румянцем. «Не узнал, что ли? – смущенно произнесла она. – Здравствуй, Ваня-фронтвик». И величаво прошла мимо по дорожке к колодцу.

Я смотрел ей вслед. Утреннее солнце, освещая девушку с ведрами на коромысле, высвечивало красивый силуэт женской фигуры. Она, чувствуя мой взгляд, от волнения сенила ногами, отчего тяжелые косы по пояс раскачивали ей голову, и та как-то неестественно колыхалась в ритме её движения. Я стоял около ограды и наблюдал, как она набирала в ведра воду из колодца, изгибая свой красивый стан. Подняла коромысло на плечи, и теперь уже твердой походкой приближалась ко мне, опустив ресницы. Но и сквозь них я разглядел, что она улыбалась. Поравнявшись со мной, она произнесла: «Совсем приехал?» И меня её слова и её взгляд, словно молнией, пронзили насквозь. Растерянно и невнятно

что-то ответил, она же гордо прошла мимо, направляясь к своему дому. Я стоял, как завороченный, и думал: «Что бы это значило? Почему так заколотилось сердце?»

После этой встречи она перестала ходить к нам за водой. А я вскоре получил багаж – пожитки, которые накопил за пять лет службы в армии. И через какое-то время мои родители (я жил по-прежнему вместе с ними) даже спросили: «Ты знаешь, какая о тебе молва идет в нашей округе? Будто ты из Германии навёз много добра, даже кровать золотую» Я же сразу почувствовал пристальное внимание соседей, особенно их дочерей, усиленно старавшихся окружить меня заботой. То одна юная воздыхательница принесёт яблок, то другая – папирос, которые тогда были в дефиците. То зачастили с прогулками вдоль нашего огорода, где я с родителями копался среди грядок, а они пытались в разговоре обратить на себя внимание. Одним словом, прославился я как богатый жених с золотой койкой.

Летними вечерами мы, три фронтовика – Алексей Лоншаков, Александр Усольцев и я – прогуливались всегда вместе. И где бы мы ни появлялись, сразу обрастали толпой девчат, которые засыпали нас вопросами, а потом лукаво заглядывали нам в глаза: кого же мы выберем, кого будем провожать домой? Но мы были стойкие, никого не провожали, так и уходили домой втроем, не выделяя никого из собравшихся девушек.

Так продолжалось до осени. Некоторые местные молодые особы явно имели серьёзные намерения и окружали меня уже плотным кольцом особого внимания. Я это, конечно видел и чувствовал, но у меня были другие планы. Я подал заявление в металлургический техникум, хотел быстрее получить гражданскую специальность. Да и из девчат, которые уделяли мне особое внимание, ни одна мне не нравилась, кроме той, которая приходила к нам за водой. Но она вечерами на улице не показывалась, вела замкнутый образ жизни. Либо переживала недавнюю смерть матери, либо присматривала за больным отцом.

И вот как-то в конце улицы, где жила Маша (так я её тогда называл), мой друг справлял свадьбу. Приглашён был и я. После выпитого домашнего пива и самогона началось бурное веселье, и вскоре меня притиснули в углу три подружки. Они предъявили ультиматум: я должен выбрать одну из них троих, в противном случае они оторвут мне голову. На что они могут пойти в таком состоянии ради достижения своей цели, – этого я испытывать и дожидаться не стал. Выбрал момент и крадучись вышел из дома.

На улице было темно и тихо. Отойдя от дома сотню шагов, я услышал громкие восклицания и топот бегущих ног. «Они!» – понял я и тоже приударил бегом. Заслышав мои шаги, погоня ещё ускорила. А я в этот миг разглядел в темноте силуэт человека, сидящего на крыльце дома. Меня озарило: «Маша!» Я перемахнул через ограду, нырнул в темноту и сел рядом. Она, перепуганная, вопросительно смотрела на меня. А я приложил палец к губам, показывая, чтобы она молчала. В это время три соперницы промчались мимо нас вниз по улице. Мы сидели молча. Маруся, не понимая, что случилось, просто смотрела на меня и боялась промолвить слово. После некоторого затишья послышались приближающиеся голоса. Когда они поравнялись с домом, мы слышали слова возмущения и оскорбления в мой адрес. Больше всего меня обидели слова, сказанные одной из этой троицы: «Тоже мне парень, нас, баб, испугался, а ещё фронтовик».

После их ухода моя спасительница забренчала на гитаре, которую всё это время держала в руках. Поначалу она делала вид, будто её совсем не интересует происшедшее, но, не выдержав (любопытство взяло верх), всё-таки спросила: «Чегой-то они, как скаженные, гнались за тобой?» Пришлось всё ей рассказать, как на духу. «Понятно, ты же женишок знатный, – сказала Маша. – Да и богатенький. Вот они и льнут к тебе». – «Конечно, я богатый: ржавая кровать из Германии, да пробитая осколками шинель», – горько пошутил я.

Когда свадебный хмель улетучился, после происшествия с этой троицей я дал себе слово больше не шастать вечерами по улицам и не нагонять зависти или злобы на девчат. Я, конечно, понимал, что они остались невостребованными из-за того, что им некому было уделять внимания, любить и создавать семью. Беспощадная война истребила почти всех их сверстников, оставив только нас троих почти на всю округу. Но мне-то что было делать, если сердце у меня к ним не лежало? А с Машей в тот вечер мы расстались по-дружески, она понимала моё состояние. Стоя на крыльце и улыбаясь, она сказала: «В случае чего приходи, здесь надёжное укрытие, все девки и парни нашей улицы боятся моего отца».

Весь следующий день я думал о своей спасительнице. «Чем же она запала мне в душу?» – этот вопрос всё время крутился в голове. Вспомнил её, какая она была до войны. Учились мы в одной школе. Хотя мы и одноклассники, она шла классом ниже. Щупленькая, ничем не примечательная, разве что косы толстые и длинные. А теперь стала статной, стройной и красивой. Перед окончанием войны я получил письмо от родителей, и в нём были такие строчки: «Соседская девушка Маша передает тебе привет, девка она ладная, скромная и обходительная». К чему бы это? Уж не приглядели ли мне уже тогда невесту? И сейчас эти слова из письма снова пришли мне на ум.

Дождавшись вечера и увидев от своего дома Машу, сидящую на том же месте, что и вчера, я сразу направился к ней. Прошёл через калитку, а она, смеясь, спросила: «А за тобой сегодня никто не гонится?» Быстро завязался непринужденный разговор, будто мы уже давно встречаемся. Она рассказала, что работает на шахте заведующей расчетной конторой, приходится трудно. Допоздна то в конторе, то на повышенной добыче угля (в шахту посылают всех, вплоть до уборщицы), из-за чего и не ходит по вечерам в хороводы, которые устраивают соседские девушки. «Да и какой интерес, одни девчонки, уже надоели друг другу. Парней-то нет!» – как-то стыдливо призналась она, пристально посмо-

трев на меня. «Как же нет? – возразил я. – А Николаевы, Фурцевы, да мало ли?» – «Какие это парни, сплошная мелюзга, – сказала она. – Желторотики, с ними неинтересно». – «Скоро веселее будет, – сказал я. – Идёт демобилизация, вот-вот нагрянут настоящие кавалеры, опалённые войной и суровой жизнью». – «Что-то не вижу, чтобы кто-то возвратился. Вы вернулись втроём, так к вам и не подступиться. Такие гордые и заносчивые». – «Это ты правильно сказала, что заносчивые. Наверное, вспомнила вчерашнее, как меня занесло через твой забор».

Время было уже позднее, и мы разошлись по домам. На уличные вечеринки я ходить перестал, из-за чего наша тройка «гордых фронтовиков» распалась. Хоть и злились на меня Александр Усольцев и Алексей Лоншаков, но меня тянуло к Маше. Она своими рассказами и душевным отношением подкупала меня, с ней было интересно, и мы встречались почти каждый вечер. Были уже и поцелуи, и объятия, я чувствовал, что она всегда ждала встречи и подолгу задерживала меня на крыльце. Мы играли на гитаре и даже пели.

Однажды она пришла к нам прямо в дом, днём, чего раньше не было, и очень взволнованная. Прямо с порога попросила меня выйти на улицу. Мои родители с недоумением посмотрели на неё. Я вышел. А она попросила пойти к ним в дом. «В чем дело, что случилось?» – поинтересовался я. «Там узнаешь», – уклонилась она от ответа.

Зашли в их дом, а там за столом целая компания: её отец, двое с перекинутыми через плечо полотенцами и военный с медалями. Уже подвыпившие, оживленно беседовали. Меня пронзило молнией: «Так это же сваты!». При виде нас шумный разговор стих. Все взоры устремились на нас. Маруся, выждав секунду-другую, схватила меня за руку и со словами: «Я не согласна!» буквально вытянула меня из дома. Мы выбежали на улицу, крепко держась за руки. Потом прошли в конец улицы, сели на траву. «Видел?!» – наконец произнесла она. «Ну и что?» – «Отец решил выдать замуж за этого хлюста» – «Почему же хлюста? Ты же его не знаешь. Он,

может, порядочный парень». – «Не знаю и знать его не хочу, не пойду за него, и всё! Чего он ко мне прилип? Уже второй раз приходят сватать, да ещё откуда – чуть ли не из центра города. Увидел же где-то. Я почти никуда не хожу, кроме шахты да магазинов».

Долго мы сидели на косогоре. Пошли обратно только после того, как увидели жениха со сватами, вышедших из дома в сопровождении отца Маруси и направившихся в сторону города. «И чего он привязался ко мне, сколько холостых девчат, кидаются на шею любому! – всё не могла она успокоиться. – А я пока замуж не собираюсь. Отец больной, да после недавней смерти мамы о какой свадьбе можно думать?». Дошли до их дома, в ограде её поджидал отец. Я отправился домой, а за спиной был слышен разговор, отец обиженным голосом высказывал дочери своё недовольство из-за её выходки.

Я шел в глубоком раздумье. Зачем она меня пригласила: для защиты или напоказ? Мне стало обидно за свою роль какого-то подставного персонажа. Если у неё появилась какая-то надежда в отношении меня, то повода я не давал никакого. Да и какое может быть намерение, когда жизнь моя ещё совсем не устроена? Только что вернулся из армии, и вовсе не в страну «Лимонию», о которой мы мечтали, находясь в Германии в условиях, какие раньше нам и не снились: жили в комфортабельных квартирах, питались по высшему классу, пили лучшие вина. А дома, увидев, что вернулся к тому же разбитому корыту, от которого уезжал на войну, я даже подрастроился. С чего начинать? До фронта я получил специальность учителя математики и физики, но сейчас эта работа меня пугала. Смогу ли я, огрубевший в прошедшей мясорубке, учить и воспитывать эти нежные создания – детей? Надо получать более фундаментальную, мужскую профессию. Хотя и тут всё непросто. Один решительный шаг я уже делал, поступив в Ленинградский политехнический институт, но когда приехал из армии домой, родители непустили меня в далёкий Ленинград. Теперь все мои

мысли были направлены в сторону Сибирского металлургического института или техникума. А о создании семьи у меня никаких помыслов не было.

Пока стояла тёплая погода, мы с Машей встречались по вечерам. Потом наступила осень, я пошёл учиться в техникум, весь день был занят на учёбе, а вечерами помогал отцу в ремонте дома, так что видеться стали реже. И вот в один из вечеров она прибежала к нам в дом и позвала меня к себе. Спрашиваю: «Зачем?» – «Там увидишь», – уклончиво произнесла она, и меня такой ответ озадачил. Зашли вместе в их дом, а там в накуренной кухне незнакомые люди в обществе отца Марии бурно что-то обсуждают. Увидев меня в военной шинели с офицерскими погонами и фуражке артиллериста, все смолкли, а хозяин дома произнес: «Вот бачитэ, вже казав, що вона не согласится, а без её воли нэма дила». Гости сразу встали из-за стола и ушли.

Мы вышли следом, а когда они скрылись за оградой, я поинтересовался у Марии, зачем она меня привела. «Я что – пугало для твоих женихов?» – прямо спросил я. «Я не хочу выходить замуж за таких женихов!» – возбужденно произнесла она. «А я-то здесь причем?» – «Мне просто не с кем ни посоветоваться, ни решить, что делать, а решать придется. Они наседают с женитьбой, да и отец склонен выдать хоть за кого, чтобы не засиделась в девках». Я чувствовал и понимал её переживания. Ей нужен только я, об этом она прямо заявила в одну из встреч. «В таком случае придется ждать долго, пока закончу техникум», – сказал я. «Хоть сколько, три-пять лет, но я буду ждать!» – пообещала она. С тем и разошлись по домам.

И на этот раз она сильно запала мне в душу. Стало даже обидно, что такая умная, статная, красивая девушка достанется кому-то другому. Женихи-то, как коршуны, кружат около её дома, хотя девчат вокруг столько много, но тех почему-то обходят. Озабоченным пришел я домой. А тут отец молча протянул мне письмо. Оно было от брата. Василий сообщал, что он и сестра Валентина с семьями на днях вы-

езжают с Украины домой, в Сталинск. Его сообщение и обрадовало меня, и заставило глубоко задуматься: «Как только они приедут, мне жить будет негде. Дом небольшой, и разместить в нём дополнительно шесть человек невозможно».

Вечером опять встретились с Марусей. Она принесла мне обещанные папиросы «Шахтерские», пачка 1000 штук, тогда купить их было почти невозможно. И как бы невзначай поведала, что ещё объявился жених, вместе когда-то учились, грозится заслать сватов. И следом вдруг выпалила: «Всё равно ты будешь моим». А когда я рассказал о гостях, которые вот-вот нагрянут, она вообще воспрянула духом и предложила: «Переходи к нам жить хоть сегодня, хоть завтра. Папе ты понравился, он всё время о тебе спрашивает».

Я ещё долго не решался на такой шаг, и даже когда приехала целая орава гостей, я как самый младший и бессемейный переселился ночевать в мастерскую отца. Там мне было хорошо: воздух свежий, пахло сосновой смолой от стружки. Но по ночам уже начались заморозки, и жить в мастерской становилось холодно. Вот тут-то я подумал: «Чтобы дубаря не дать, надо переселяться куда-нибудь потеплей». И вспомнил предложение Маруси. И в конце октября перешёл жить к ним.

Так и началась наша семейная жизнь. И продолжалась, как у всех: со взлетами и падениями, с солнечными и пасмурными днями. Но было у нас одно главное: мы были единомышленники и жалели друг друга.

В сознании у меня пронеслась совместная жизнь длиной в 15 лет. И вот теперь уже в далёкой от дома Индии я ради спасения жены снова должен был сделать решительный шаг. Ведь случись у неё перитонит, – и произойдет непоправимое.

Мои мысли прервало её появление. По весёлому и в то же время изучающему взгляду Маруси я понял, что от подружки Лизы она принесла какие-то интересные новости. Я спросил: «Ты что так разглядываешь, первый раз видишь меня, что ли?» – «Не в этом дело, а в том, что услышала о тебе такое

впервые». – «Что-то Лиза опять тебе наплела?» – «Не скажу, да и Лиза просила не говорить, а то ещё нос задерёшь!» – «Зачем же ты сказала, если это ваш секрет?» – «А вот дура, сказала, и теперь каюсь». – «Не буду настаивать, всё равно расскажешь, иначе нарушишь клятву. Помнишь, мы говорили, что у нас в жизни друг от друга секретов не будет?» Она виновато посмотрела на меня, и я понял, что разговор пока окончен. Наконец, перед тем, как ложиться спать, она не выдержала и начала говорить: «Лиза сказала, что Борзовы уезжают домой. Их вот отпускают, хотя они не хотели ехать. А ты обиваешь пороги начальства, и всё без толку. Что ты думаешь? Завтра пойду к директору Гончаренко».

Дня через три после отъезда первых специалистов цеха на Родину, по дороге домой из библиотеки я встретил нашу соседку Лизу. Она глянула на меня настороженно и спрашивает: «Ты на меня не обижаешься?» – «Это за что?» – «За то, что я Машеньке рассказала, как тебя хотела обольстить Надя Борзиха». Я был крайне удивлен этим признанием. «У вас что – возбуждение от тропического климата? – вырвалось у меня. – Или от безделья?» – «Но ведь это правда, она же приходила к тебе вечером незадолго до приезда Машеньки?» Я начал припоминать. Да, действительно приходила узнать, почему её муж Николай не приехал с работы; я ей объяснил, что приедет позже, он задерживается из-за настройки прокатных клетей. Она тогда не торопилась уходить, старалась продолжить разговор, но говорить-то было не о чем. Встала с кресла и ушла. «Она ещё тогда мне сказала, что ты ей нравишься, – оправдывалась Лиза. – И заявила, что своего добьётся». – «У неё же есть, кого обольщать: Николай – такой видный, умный мужик». – «А ты что, такой уж неприступный?» – «А у меня и мысли не было, что я кому-то здесь в нашем поселке нужен. Вот на работе я нужен, точно знаю. И ты это рассказала моей жене?» – «Рассказала», – потупившись, произнесла она.

Через неделю, уже после ужина сидели мы с Марусей на веранде. В вечерней прохладе настроение было приподня-

тое, мы оживлённо беседовали о предстоящем отъезде домой и вообще о здешней жизни. Вдруг моя жёнушка выпалила: «А ты такой стойкий?» – «Как это понять?» – удивился я. Вот тут-то она и рассказала, почему пришла от Лизы в хорошем настроении.

Когда долго чего-то ждёшь, время тянется медленно и, кажется, даже останавливается. Так и у нас было в ожидании решения об отъезде домой. После визита Павловского, который вселил в нас надежду, время ещё больше замедлило ход. Я возвращался с работы, Маруся всматривалась мне в глаза, и по их выражению всё понимала и даже не спрашивала, чтобы не быть назойливой: по-прежнему ничего не изменилось.

Однажды, только я приехал с работы, заходит в квартиру купец Уттомчан со своим неизменным узлом с разной одеждой. Садится на пол и раскладывает вокруг себя кофточки, блузки и всякие другие красивые вещи из шёлка и парчи. Увидев, как загорелись глаза у моей супруги, я отозвал её в сторону и сказал: «Ничего не покупай, приехал из Москвы Барышников – работник Министерства внешней торговли, и прошёл слухок, что в Союзе уже подорожали машины. Как бы не пришлось доплачивать за «Волгу», так что деньги надо приберечь. Завтра он нас собирает в главном офисе на совещание».

Маруся подошла к Уттомчану, сказала, что покупать ничего не будет, помогла ему сложить все вещи и завязала узел. А я спросил купца: «Правда ли, что в лесу около Дурга появились дикие слоны?» Он утвердительно покачал головой из стороны в сторону (знак согласия по-индийски). «Ты бы рассказал, что они там натворили, – предложил я. – Садись в кресло, если не торопишься». Маруся налила чаю, поставила на стол сладости, и наш гость обстоятельно, как всегда, рассказал об этих удивительных животных. И не только о диких, но и о рабочих слонах.

СЛОНЫ

...В кронах пальм громко поёт множество птиц, они порхают в тени листьев, ветвей, и вдруг под ними появляется длинная вереница слонов. С топотом, сопением и харканьем они возвращаются после трудового дня домой. Опущенные к земле хоботы вздымают облака пыли. Огромные мягкие уши равномерно колышутся возле больших треугольных морд, уничтожая по пути рои оранжевых оводов. А вот хвост, словно позаимствованный у свиней, лишь компрометирует и придает довольно смешной вид столь серьёзному, важному созданию, каким является слон.

Шеренга слонов выстроена по росту, как в армии: впереди самые большие, а в конце – маленькие розовые слонята, покрытые редкими темными волосами; они удерживаются в «строю», обвив хоботом хвост впереди идущего слона.

Слоны бывают буйными, и тогда они вытаптывают целые плантации сахарного тростника, чая, бананов, устраивают драки на берегах ручьёв, речек. Наиболее буйные даже переворачивают машины на шоссе.

Слоны любят полоскаться в воде, туговаты на ухо и порою режут без всякого повода. Зато они – прекрасные работники, обладающие многими полезными качествами. Они очень исполнительны и трудолюбивы, не схалтурят ни под каким видом; у них никогда не останавливаются часы, и поэтому они никогда не опаздывают. Продолжительность их жизни – в среднем лет 80, и из них 75 лет они могут продуктивно работать. А встречаются отдельные особи, живущие и до 150 лет.

Слоны лишь немногим уступают по интеллекту человекообразным обезьянам. Они раз и навсегда запоминают путь длиной до полутора сотен километров и сумеют вернуться без проводников обратно. При корчевании джунглей они выполняют больше тридцати различных сложных операций, безошибочно определяя их последовательность по одной лишь команде погонщика. По сути, это бульдозер, но очень умный, автоматизированный.

Слоны подчиняются принципам коллективного труда и умеют понимать друг друга. Обученный слон – очень исполнительный работяга, он трудится без устали до конца своих дней. Это существо вообще могло бы быть самым производительным в мире, если бы не одно обстоятельство: слон очень восприимчив к болезням, и потому, как ни странно, довольно хлипок. Почти пятая часть слонов в ранней юности подвержена различным хворям, которые, как правило, кончаются смертельным исходом. От бегания с излишней резвостью у них случается воспаление легких, нарушение кровообращения. Слоны также подвержены психическим заболеваниям, что нередко проявляется в шизофрении. Такие животные способны сбить хоботом наездника-погонщика и растоптать его на земле.

Наблюдается у слонов и такое явление, как пьянство, и это, к сожалению, неизлечимо. Они специально разыскивают в джунглях некоторые разновидности кустарника, имеющие наркотические свойства. Растение это доставляет слону массу удовольствий, в том числе уверенность в себе и легкое опьянение, которое сопровождается настоящими взрывами веселья. Но употребление тояды (так называется наркотик) только поначалу благотворно влияет на животное. Уже через несколько недель несчастный «алкоголик» начинает болеть. Он плохо спит, обижает своих близких, ссорится со всеми, небрежно относится к работе. А лишённый своего любимого растения слон-наркоман быстро умирает. Таких жертв тояды легко можно распознать по слезящимся глазам, вялому хоботу, потере координации и внезапному падению на месте.

НАША ИНЕРЦИЯ

На другой день у директора Гончаренко проходило совещание с главными специалистами Бхилайского завода, где сотрудник Министерства внешней торговли ознакомил нас с положением дел в Советском Союзе. Особо остановился он на экономике, заявив, что страна на подъёме. Рассказал Барышников и о внешней экономической политике, где основную скрипку играем мы, специалисты, помогающие Индии, Китаю, Вьетнаму и другим государствам в их развитии. При этом он предупредил, что нельзя быть особенно «нараспашку», с чрезмерно открытой душой, поскольку то, что мы делимся с другими своими экономическими секретами, выходит боком для СССР. По этому вопросу он предложил сделать обзор нашему директору.

До приезда на Бхилайский металлургический завод Гончаренко работал директором института чёрных металлов в Днепропетровске. Основная проблема, которую они тогда решали, касалась конвертерного производства, точнее – продувки стали кислородом не снизу конвертера, как это делалось во всём мире, а сверху. Считали, что этот способ более перспективен, экономичен. Кроме того, удлиняет срок службы футеровки груши конвертера, а также устраняет аварийность на узле подвода кислорода. Работали упорно и результативно. Свои находки, изобретения, разумеется, регулярно обнародовали, печатая в журнале «Сталь» и других. Ведь научные сотрудники заинтересованы в издании своих трудов, чтобы затвердить свой приоритет и получить очередную учёную степень. В итоге все работы, касающиеся продувки кислородом по новому методу, были успешно закончены, и надо было этот способ внедрять на металлургических заводах страны, но не тут-то было. Пока шли разного рода согласования (то бишь, пока родимая бюрократия, чиновники чесали свои насиженные места), пока преодолевали инерцию в этом вопросе, шустрые японцы скрупулёзно собирали статьи наших научных светил из института

чёрных металлов, изучали их и внедряли в производство, а потом запатентовали эту кислородную продувку, как своё изобретение. А когда узнали, что в Советском Союзе наконец-то собрались выплавлять сталь новым способом, они (японцы) зашумели: «Покупайте у нас лицензию, иначе устроим мировой скандал». «Когда стало известно о таком грабеже среди бела дня, нас, разработчиков, чуть не хватил инфаркт, мы были в шоке, – признался Гончаренко. – Какие только слова возмущения ни высказывались в адрес японцев, как только мы ни сокрушались. Страна потеряла многие миллиарды рублей на разработку этого нового способа, а потом ещё на покупку у японцев лицензии, разрешающей применять эту технологию у нас. В общем, своим же салом себе же по мусалам...»

На этом совещании Барышникову был задан вопрос, который волновал многих, – по поводу повышения цены на автомобиль «Волга». Хотелось услышать от официального лица ответ на слухи, которые упорно ходили среди нас. Но вразумительного ответа тут же, на месте, мы не получили. Он обещал разобраться и сообщить телеграммой, когда прилетит в Москву.

СТРАНА НЕОЖИДАННЫХ ЧУДЕС

Вернувшись с завода домой, я увидел соседа, коллегу ещё со времён работы на КМК, Петра Григорьевича Барановского. Он сидел в кресле на веранде у своей квартиры. Поприветствовали друг друга, он пригласил посидеть, поговорить, вынес ещё одно кресло из комнаты. «Давно не виделись, хотя почти рядом живем, – сказал он. – Слышал, что вы собираетесь с Машенькой уезжать домой». Я утвердительно кивнул. «Завидую вам, – признался Пётр Григорьевич. – У меня ещё контракт не кончился, да и диссертация не готова. А дома закончить не дадут, работа захлестнет». – «Что-то вас давно не было видно», – начал я вопросительно. «Ездил в командировку в Ранчи, там завод строят с помощью Советского Союза, туда ещё не приехал специалист по КИП, пришлось две недели поработать там, – объяснил он. – Удалось съездить и в город Лакхнау, где увидел чудо строительной техники. Там старик гид провел нас на галерею, опоясывающую высокий прямоугольный зал. Сам он прошёл на противоположную сторону, это около пятидесяти метров. Показывая чудеса зала, старик чиркнул спичкой, разорвал листик бумаги. И звуки были слышны так, будто он стоял в двух шагах от нас. Потом прямо с балкона мы прошли внутрь здания и оказались в лабиринте. Поначалу он выглядел совсем не сложным. Думалось: много ли замысловатых ходов можно накрутить в стене здания? Однако и через несколько витков коридоров мы не могли найти из него выхода. «Смотрите, ещё одно чудо», – сказал старик и почти прижался губами к стене. Он заговорил что-то, а мы, прижав уши к каменной стене, слушали его. Голос был слышен как бы совсем рядом, в соседнем коридоре, а старик стоял при этом на другом конце зала. «Послушайте теперь», – промолвил он, подойдя почти вплотную к нам. В этот раз голос слышался глухо, словно говоривший был далеко-далеко. «А зачем нужен им такой лабиринт, да и такая акустика?» – спросил я Барановского. «Прежде всего, для

утех, – ответил он. – На плоской крыше этого сооружения махараджа принимал знатных гостей и устраивал пирушки. Всё здание и лабиринт имели также военное значение. Здание, окруженное крепостной стеной, могло служить убежищем при нападении врага. Его подвалы, подземные ходы не лишены технических сюрпризов – надёжно укреплены и оборудованы тайными ходами».

Потом Пётр Григорьевич начал рассказывать о том, какие ещё в глубокой древности были в Индии мастера – скульпторы, художники, строители. Всё это он тоже узнал от старика в Лакхнау. «За три тысячи лет до нашего летоисчисления здесь уже выросли превосходно спланированные и снабженные водопроводной сетью города, порты и верфи, уже научились делать кирпич, парфюмерию, ковры и мебель. Вот, к примеру, про какие чудеса нам рассказал гид. В городе Аджанте было вырублено 29 храмов в гранитных скалах. Огромные пещеры украшены скульптурами и живописью. Гранитные человеческие фигуры поддерживают каменные своды вместо колонн. Два дерущихся буйвола искусно выдолблены из камня, и соперничают животные так натурально, будто скульптор был тореадором. Во множестве скульптур этих храмов воплощено многообразие жизни, свойственное народному творчеству: радость, горе, печаль, озорство. А художники древности уже владели эффектом «оживления» своих картин, они оставили нам вечные изящные и жизнерадостные произведения. В одной из пещер на потолке изображён громадный обруч, и в нём гуси. Каждая птица особенная, у каждой своя поза. И кажется, что все эти гуси, поворачивая шеи, следят за вами, куда бы вы здесь ни шагнули. В другой пещере – Будда в тысяче поз, на одной стороне пятьсот и на другой пятьсот, нарисованные с весёлым озорством, лики святых. Ещё одно чудо – высеченная из гранита гигантская статуя Будды. От перемещения света фонаря выражение его лица меняется. Спокойные губы Будды становятся надломленными в иронической усмешке, даже уже в горькой. Линия подбородка и щёк из доброй пре-

вращается в жёсткую. Опущенные усталые глаза при перемещении света, кажется, вот-вот откроются и взглянут на тебя с иронией – так, словно Будда смеётся над теми, кто не понимает величия индийского народа».

Закончив рассказ, Барановский откинулся на спинку плетёного кресла. А потом задумчиво заметил: «Значит, уезжаете. Может быть, это и хорошо. Но, с другой стороны, не увидеть всего прекрасного и загадочного в этой стране, будучи здесь, на этой земле... Такое ощущение чего-то не оконченного, резкого обрыва хорошей песни...». – «Вы правы, Петр Григорьевич, – согласился я. – Были у меня помыслы отправиться в туристическую поездку, её даже запланировало наше руководство и индийское. Но обстоятельства сложились по-другому. За оставшиеся дни передам все дела по работе в цехе Чернявскому, и мы начнём подготовку к отъезду».

Ещё задолго до выхода приказа по заводу о назначении Ивана Чернявского на моё место, в цехе намечался двухсуточный ремонт. Для проверки деловых качеств своего преемника я решил подключить его к подготовке и проведению этого ремонта. Объявил об этом индийскому персоналу механиков. График ремонта составляли вместе, а всю подготовку я поручил Ивану, чтобы убедиться в его зрелости – и как механика, и как руководителя.

Во время ремонта я внимательно следил за действиями Чернявского. Мне нравилась чётко организованная работа, и в его действиях чувствовалась уверенность. Но индийские механики, встречаясь со мной, высказывали недовольство в его адрес: кто – за излишнюю щепетильность, кто – за грубые окрики, к чему они не привыкли. Встретившись с Иваном, я осторожно сообщил ему о претензиях индийцев. «Буду я ещё с ними рассусоливать, пусть работают лучше!» – отмахнулся он. «Если так будешь к ним относиться, то настроишь их против себя, и они начнут потихоньку тебя отторгать, – предупредил я. – Надо привыкать к характеру этих людей, их способностям, они же не такие, как мы. В

общем, укороти свои нервы и привыкай, сдержись хотя бы на время, пока я уеду, а то ведь не отпустят».

Чернявскому льстило предстоящее назначение на более высокую должность. Он с моими замечаниями согласился и поблагодарил за науку. Первый день ремонта прошёл спокойно и без особых эксцессов. Но на второй день, когда ремонтные работы уже заканчивались, Иван прибежал ко мне в кабинет перепуганный и возбужденный. С ходу выпалил: «Этот Цибал неправильно собрал шестеренную клеть, масло хлещет во всех соединениях». – «Во-первых, уйми свои эмоции, – сказал я ему. – Этот Цибал два года назад «помог» уехать нашему специалисту за 48 часов в Союз, он и тебе сможет помочь за оскорбление. А во-вторых, где ты сам был и почему не проследил? Это же основной агрегат и самый ответственный!» – «Я понадеялся на опытного механика», – стал оправдываться Иван. «Конечно, он опытный, – согласился я, – но может такую свинью подсунуть, что будешь долго отмываться и отплеиваться».

Когда мы подошли к механизму, вокруг индийцы-свиперы – кто скребками, кто тряпками – убрали масло с фундамента, а ремонтники вновь разбирали клеть. Я осмотрел механизм, понял, в чём причина, и позвал Цибала. Он виновато посмотрел на меня и сказал, показывая на Чернявского: «Это всё из-за него. Он на меня кричал, и я ушёл от этой клетки, а бригадир собрал плохо». Я успокоил индийского инженера, сказал, как можно быстрее исправить дефект сборки. А по окончании ремонта собрал в кабинете всех мастеров, механиков участков – индийских и русских. Попросил механика Кудву сделать анализ прошедшего ремонта. Он, повернув лицо в мою сторону, весь анализ выразил несколькими словами: «Мы привыкли работать с вами, а мистер Чернявский ударяет нам по нервам». «Первое впечатление часто бывает обманчивым. Ему же нелегко первый раз работать с вами, – заступился я за Ивана. И подвёл итог: – Надо проявлять взаимное уважение, тогда всё получится». Потом попросил всех выйти из кабинета и, оставшись вдво-

ём с Чернявским, сказал ему: «Запомни основное правило дипломатии – закругляй острые углы. Полезешь на рожон – получишь отпор, так как, по закону природы, всякому действию есть своё противодействие, и оно неизбежно».

Иван Чернявский был довольно опытным механиком из Нижнего Тагила, на первом ремонте он вёл себя довольно уверенно и даже дерзко, поскольку привык работать с небольшим коллективом на участке рельсоотделки, где ремонты проводил больше собственными руками, заменяя и мастера, и слесаря, и стропальщика (подкранового рабочего). Здесь же, в объёме громадного цеха с множеством сложных машин, своими руками всего не сделаешь, надо работать больше головой и организовывать людей, чтобы они работали руками и, конечно, тоже головой. А он, по своей привычке, опять сам старался влезать во все механизмы, да ещё и проявлял нетерпимость к медленной работе индийцев, подчас даже отгоняя их от машины. В общем, всё хотел сделать лично, упуская при этом руководство ремонтом в целом. Главному механику Кудве, да и механикам Апарао, Цибалу, Бапату такая организация казалась неприемлемой, началось роптание, а Кудва вообще сказал мне прямо: «Нам такой специалист не нужен, я буду настаивать перед директором Суку-Сеном, чтобы вас не отпускали домой». – «До моего отъезда ещё далеко, с Чернявским я буду работать, думаю, что он изменит свои привычки, – пообещал я Венкатешу. – А препятствовать моему отъезду – это не по-человечески».

После работы вернулся домой, жене о сложившейся в цехе ситуации ничего не сказал, а сообщил другое: что завтра, в воскресенье, состоится грандиозный митинг на заводской площади, приглашаются все специалисты с жёнами. Такое событие было впервые на заводе. После ужина мы сидели и обсуждали, как к нему подготовиться: во что одеться, чем утолять жажду. Ведь наступили жаркие дни, и под открытым небом нужно будет находиться продолжительное время, как нам сказали, не менее трёх часов. «От солнца надо взять зонтики», – предложила Маруся. – «А от жары чем

защититься?» – «Налью термос холодного квасу». На этом разговор закончили, я пошёл в душевую, а пока мылся, мою жену на кухне уже обсели сударушки-соседки. Захожу туда, а они бурно обсуждают завтрашнюю поездку в город Дург за кабанятиной. «Какая вам свинина? – сказал я. – Завтра все поедем на митинг, так что идите и разучивайте вместе с мужьями гимн Советского Союза. Там придется петь, а кто не знает слов – консул всех возьмёт на карандаш». Лиза, Анна и Маша переглянулись и вопросительно смотрят на мою жену. А та, всё поняв, меня поддержала: «А вы что, гимна не знаете?» – «Конечно, нет, да мы и не поедем. Мы что, сумасшедшие – жариться там?» – «Не поедете – вашим мужьям перепадёт, вплоть до срочной отправки домой», – ещё нагнал я на них страха. В одно мгновение их сдуло из квартиры, как мух. Маруся рассмеялась: «Правда, что ли, что ты сказал насчёт гимна?» – «Конечно правда, – ответил я. – Только исполнять его будет оркестр».

ИНДО-СОВЕТСКАЯ ДРУЖБА

Назавтра в десять часов утра в наш городок подкатили четыре автобуса. Все жители дружно отправились на посадку. Подъезжая к громадной площади, мы увидели гарнизон военных, выстроенных чёткими рядами, в парадной форме, в высоких красных тюрбанах и с оружием. Они замыкали площадь. В передней её части была сооружена трибуна. К помосту на бамбуковой палке был прикреплен микрофон, а два рупора подвешены на телеграфных столбах по углам. Сверху трибуна была накрыта трехцветным громадным полотном, закреплённым на бамбуковых шестах, оно давало тень на весь помост. Для советских специалистов и их жён были поставлены кресла в непосредственной близости от этого сооружения по центру площади, а по бокам, прямо на земле, были разостланы полотнища, где сидя разместились тысячи индийских рабочих завода и гостей из ближайших городов и деревень. По правую сторону от трибуны строгами рядами стояли спортсмены в красных майках и трусах. Но больше всего взглядов приковывала к себе возвышавшаяся на площади стела, пока закрытая полотном, которое колыхалось от лёгкого ветерка.

Вдруг тишину разорвал звук трубы, его подхватил оркестр. Взоры всех были обращены на обелиск, с которого медленно сползало полотнище. По площади раздались громкие аплодисменты. На трибуну поднялись Посол СССР в Индии Бенедиктов, губернатор штата Мадхья-Прадеш Шревансинг, директора завода Гончаренко и Шастри Суку-Сен. Военный оркестр исполнил гимн Советского Союза, а потом гимн Индии. С речью выступил посол СССР Бенедиктов. Его русская речь разносилась по площади громкоговорителями и сразу же переводилась на английский язык. Особое внимание посол уделил дружбе двух наших стран, а также политическому курсу Индии на построение социализма. Выступление губернатора штата было более пространном. Он рассказал о влиянии русской революции на борьбу ин-

дийского народа против империализма, против английских колонизаторов. О забастовках, протестах и бойкотах в таких крупнейших городах, как Калькутта, Мадрас, Бомбей, Дели. «Англичане были врагами Индии, остаются и сейчас, они обирали Индию, превратив её в самую нищую страну, – напомнил он. – По опыту России, прогнавшей из своей страны всех иностранцев, освободившейся от царя и хозяев фабрик и заводов, и мы изгнали из своей страны англичан, господствовавших у нас 200 лет, и теперь взяли курс на построение социализма. Мы придерживаемся курса, взятого нашей партией Национальный Конгресс и её вождём Джавахарлалом Неру, который сказал: «Советская революция намного продвинула вперёд человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое потушить невозможно. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир». В заключение губернатор подчеркнул: «Для нас Бхилайский завод и этот обелиск, который мы сегодня открыли, будет навсегда символом советско-индийской дружбы! Я благодарю советских специалистов, которые помогли создать металлургический гигант в Бхилаи!»

После окончания церемонии мы подошли к величественному обелиску, устремившему острие своей стелы в небо. Там стоял журналист из газеты «Известия» и рассказывал историю возникновения этого монумента. В 1955 году наша правительственная делегация, которую возглавлял Н.С. Хрущев, провела в Дели переговоры с правительством Индии, а оттуда приехала на Бхилайский металлургический завод. И здесь в торжественной обстановке был заложен этот символ индо-советской дружбы. «Тогда ещё полным ходом шла стройка, а теперь трудно узнать завод и город, – сказал журналист. – В цехах кругом бурлит, полыхает, льётся чугун, сталь, нескончаемой лентой идет прокат. Город разросся, на месте лачуг построены добротные дома, коттеджи. Проложены прекрасные дороги, покрытые асфальтом. Всё здорово и прекрасно, и вы настоящие герои». Прощаясь с нами, он сказал, что напишет статью в газету о нашем подвиге.

Бхилаи – этим словом открывается новая эра в жизни индийского народа. В нём воплотилось и дружеское сотрудничество двух стран, и будущий прогресс Индии, и победа человека над безжизненной пустыней. Большинство жителей города сначала строили завод, а теперь работают на нём – выплавляя чугун, сталь и выпуская прокат как конечный продукт.

Тысячи людей научились работать, обрели сложные и ценные специальности. Советские специалисты принесли на предприятие в Бхилаи наиболее передовой опыт с КМК, Магнитки, Кривого Рога и других заводов. С большой теплотой и благодарностью отзывались индийские рабочие и инженеры о нас – людях простых, душевных и бескорыстных. «Встретишь советского человека, разговариваешь с ним и чувствуешь, что встретил не незнакомца, а того, с кем давно дружишь, – сказал мне как-то один индийский собеседник. – Трудно представить себе отношения между индийцами и русскими лучшими, чем они есть. Мы ходим друг к другу в гости, ездим вместе на экскурсии, смотрим фильмы. На работе и в минуты отдыха мы всегда вместе. Мы живём, как равные с равными. Хотя ваши специалисты руководят нами, но мы не ощущаем их стоящими выше нас, так просто и душевно они ведут себя».

«Я рабочий!» – с гордостью говорил мне этот индеец. И это была главная перемена в нём. Она преобразила человека. Он разговаривал со мной не с заискивающей предупредительностью слуги перед господином, как это было раньше, а как с равным. Работа в цеху научила его новому взгляду на себя и на жизнь.

МИСТЕР ЦИБАЛ

По приезду на Бхилайский металлургический завод, при первом знакомстве с коллективом рельсобалочного цеха «старожилы», уже проработавшие здесь не один месяц, предупредили меня: «Будь осторожен с механиком Цибалом, из-за этого типа твоего предшественника отправили в Союз за 48 часов».

Эти слова назойливо крутились в моей голове в течение всего срока пребывания здесь. Наблюдая за этим человеком, я сразу заметил, что он совсем не прост, как остальные индийцы в коллективе механической службы: бесхитростные, открытые. Но сначала мне казалось, что он просто лодырь да бунтарь. Только по прошествии некоторого времени я понял, что он не просто бунтарь, которому всё кажется не так, он идейный противник, под многое подводящий политическую подоплёку. Например, утверждая, что советское всё плохое – машины, оборудование, да и вся технологическая линия рельсобалочного цеха не продумана до конца. Вот американское, немецкое – это другое дело! «У них не топорная работа, да и специалисты более квалифицированные, не то, что ваши!» – неоднократно говорил он. Я с таким мнением не соглашался, вступал в полемику. Иногда спорили до искр в глазах. При этом я всегда мысленно успокаивал себя: «Не сорваться бы!» Пытался выяснить причины, в чём наши недоработки, почему плохо. «А потому, что у вас всё фальшиво и преступно: государство, партия и правительство», – дал он ответ. Меня после этих слов буквально взорвало, но я удержался от оскорблений. Проглотив неприятную пилюлю, собрался, подбирая слова, спокойно произнёс: «Почему же фальшиво? Революцию совершил Ленин, создал государство с самым справедливым строем – Ленин, коммунистическую партию – опять же Ленин. Ленин – гениальный учёный-философ, да и в Индии чтят его, как великого человека – наравне с вашим чуть ли не богом Ганди. Издают его труды, книги с его бюстом на обложках стоят на

полках ваших магазинов. Ганди и Неру в своих речах, ссылаясь на его труды и на пример строящегося в нашей стране социализма, считают, что это единственный путь выхода из нищенского состояния Индии и подъёма экономика». – «Я читал книгу о Ленине и вашей революции одного английского писателя, – не сдавался Цибал. – Так он нелестно отзывается о вашем вожде, пишет, что революцию в России Ленин сделал за деньги Германии. А первую мировую войну Россия проиграла благодаря революции, на которую и нацеливали Ленина немцы. За эту плату они и выиграли войну». – «Ну, тебя, уважаемый коллега, уже занесло, – сказал я. – Выходит, немцы дали деньги Ленину на революцию в России, и сразу же попёрли свои войска на Петроград, чтобы задушить её. А в отместку, как подарок за свои финансы, получили у себя революцию. И вы считаете, в этом виноват Ленин? А с неприязнью к нашему государству лично твоей и, как ты упомянул, Англии и США, с тем, что в СССР преступный строй, и это государство зла, я не согласен в корне. Ведь зла в государстве, строящем социализм, не может быть, ведь основной закон этого общества – мир, равенство, братство. Как раз в противовес капиталистическим странам, где общество разделено на враждующие классы, на богатых и бедных. А мирное сосуществование стран с их стремлением к мировому господству нереально. Они хотят демократию по-американски насадить во всём мире. И, как известно, такая демократия может внедриться только силой, а это говорит о неизбежности войн. Так кто же империя зла?» – спросил я Цибала.

Его молчание затянулось. Но, чувствуя, что он вот-вот выдаст какую-нибудь новую скверну в адрес нашего строя, я решил упредить его намерение. «Когда я учился в учительском институте, у нас был курс Основ Марксизма-Ленинизма, – начал я. – Помимо этого, нам преподавали труды философов Гегеля, Канта, Фейербаха и других. Я и тогда был уверен, да и сейчас тоже, что после феодализма, капитализма наступит социализм – самое справедливое общество на зем-

ле. Также нам преподавалась философия Маркса-Ленина, где указывалось, что последняя стадия развития общества – коммунизм. А считать социалистическое общество преступным – несправедливо. Конечно, Америке, Англии, да и другим государствам, где восхваляется капитализм (в том числе в некоторых слоях общества Индии), ничего не остаётся, как отстаивать свои позиции лживой демократии. Они же отстали от СССР на целую эпоху в развитии общественного сознания. Поэтому они клеветают на Советский Союз, который благодаря социалистической системе поднялся в экономике, культурном и интеллектуальном развитии человека на невообразимую высоту и стал великой державой. СССР победил в Великой Отечественной войне и освободил всю Европу от фашизма, тогда как ни одно капиталистическое государство Европы не могло противостоять Германии из-за пресловутого капитализма – лжедемократии». – «Но ведь во второй мировой войне победили США и Англия», – возразил Цибал. «И это говорит эрудированный политик? Вот тебе пример о храбрости союзников и их победоносности. Когда в Арденнах английские войска терпели поражение, Черчилль телеграммой Сталину попросил срочной помощи. Несмотря на то, что советские войска были измотаны в боях за освобождение Польши, и им требовался отдых и пополнение, Сталин дал приказ к немедленному наступлению. И даже ценой больших жертв спас английскую армию от разгрома немцами. Теперь понял, кто победил?» – закончил я свою пламенную речь.

От этих слов лицо Цибала побледнело, в глазах появилась озлобленность, он, как бы смакуя, произнёс: «Ваш Сталин свой народ не ставил ни во что, считал его мелочью, винтиками громадного механизма страны, поэтому и большие потери на фронте, да и в тылу. Сколько он погубил в сибирских лагерях. Вы сами виноваты, что его возвеличили, чуть ли не превратили в божество. А то, что на него молитесь, так это факт». – «А как тогда понять порыв Черчилля на встрече глав союзников, на конференции в Тегера-

не? Когда в зал переговоров зашел Сталин, то он, Черчилль, встал по стойке «смирно». – «Это жест уважения великому человеку», – ответил Цибал. – «Вот видишь, даже Черчилль признал его величие», – сказал я.

На такой мирной ноте закончился наш разговор в тот день. А по прошествии двух недель мы снова встретились, и поводом тому послужила статья в газете «Хиндустан таймс». Эта газета была самой популярной в Индии, объёмом листов около 20, издавалась в Дели. В ней была напечатана статья о металлургических заводах в Бхилаи, Руркеле и Дургапуре, строящихся с помощью Советского Союза, Англии и Германии. И в ней индийские эксперты обрушились с разгромной критикой на англичан и немцев, одновременно восхваляя советские темпы строительства и освоения проектной мощности металлургических цехов Бхилайского гиганта. Лейтмотивом статьи было то, что на заводах в Руркеле и Дургапуре нет порядка. Иностранные специалисты увлеклись пьянством и проституцией. А вывод был такой: англичанам и немцам следовало бы поучиться у русских, как в короткий срок, оговоренный в контрактах, достигать окончания строительства и даже досрочно наладить выпуск высококачественного металла.

Перевод с английского текста сделала переводчица нашего цеха Жукова. Как только я узнал смысл этой статьи, настроение у меня сразу подпрыгнуло, появилось желание излить свою радость индийским друзьям-механикам, коллегам по работе, и заодно пощекотать нервы ненавистнику всего советского, мистеру Цибалу. С газетой в руках я направился в кабинет к механику Кудве. Там за столом сидело несколько инженеров цеха, в том числе и Цибал. Я отдал Кудве газету с очерченной карандашом статьёй и попросил его прочитать вслух. И пока он читал, я наблюдал за выражением лица Цибала. Оно сначала побледнело, как-то неестественно вытянулось, и было заметно вздрагивание усов. Видимо, поняв, в чей огород брошен камешек, он зло посмотрел в мою сторону. Я же стоял с торжествующим видом

и смотрел на него в упор. Не выдержав моего взгляда, он встал и покинул кабинет.

Закончив чтение, Кудва поднялся из-за стола, пожал мне руку, поздравил, остальные механики тоже благодарили в моём лице всех советских специалистов. Причём на их лицах читалась гордость и за себя. Они ведь тоже были участниками этого исторического события, ведь рельсобалочный цех – последнее звено в металлургическом цикле Бхилайского завода, достигшего проектной мощности.

И вот теперь можете представить, что испытал я, когда на прощальном банкете сразу после речи главного механика завода Кришна-Мурти слово было предоставлено инженеру Цибалу. Меня словно молнией пронзило, кровь схлынула с лица и губы задрожали. Это не ускользнуло от сидящей рядом Маруси, она спросила: «Что с тобой?» – «А вот сейчас услышишь, какую ахинею начнёт плести обо мне этот отпрыск». А у самого в душе что-то трепыхается, в голове бродят нехорошие мысли: «Вот он, закон подлости, даже здесь сработал. Вот он – сюрприз мне на прощание, уж не могли в этот торжественный момент назначить произнести приветствие кого-нибудь другого. Но что делать, старт дан, проглочу и эту пиллюлю».

Маруся, чувствуя моё волнение, взяла меня за руку и шёпотом произнесла: «Успокойся». – «Столько он помотал мне нервов в цехе, – объяснил я. – И, под завязку, – здесь ещё». Тем временем, пока мы перешёптывались, Цибал начал свою речь. Говорил он на русском языке, чётко, как правский оратор, почти без акцента и без бумажки. «Цибал! Ты ли это?» – мысленно поразился я. Поначалу его слова показались мне слащавыми и слишком хвалебными. Маруся слушает, посматривает на меня и, кажется, не узнаёт по этому портрету человека, с которым прожила бок о бок уже 15 лет. А оратор завершил свою речь так: «Нам, индийским инженерам, пришлось в своей жизни работать с англичанами, немцами, американцами. Но с такими высокообразованными, профессиональными людьми, как русские с их откры-

той душой и добрым сердцем, удалось поработать впервые. Они не высокомерные и не заносчивые, и не гордые, хотя гордиться есть чем. А среди русских мистер Иван Иванович является выдающейся личностью. Большая благодарность вам за учёбу, за то, что показали нам пути выхода из сложных ситуаций».

Все встали и начали аплодировать. А я испытывал странное смешанное чувство – одновременно и удивление, и гордость.

ОТЪЕЗД ИЗ БХИЛАИ

Последняя неделя пребывания на заводе была напряженной. Индийские механики, узнав о моём отъезде, шли и шли в кабинет. Одни – чтобы засвидетельствовать своё уважение человеку из дружественной страны, другие – за советом, третьи – по производственным делам, а большинство – просто побеседовать по-дружески, ведь уезжаю же, и увидимся ли ещё когда?

В один из дней накануне отъезда я собрал мехслужбу советских специалистов. Совещание прошло бурно: коллеги просили совета по нерешённым вопросам, завидовали, что я возвращаюсь домой, и в то же время сожалели, что уезжаю, ведь так сработались, что понимали друг друга с полуслова. Да и новый начальник неизвестно как себя поведёт... Иван Чернявский – механик опытный и работяга отменный. Но характер у него тяжеловатый, бывает и заносчивым. Как известно, новая метла метёт по-новому, и ребята опасались, как бы не стало хуже.

По приезду домой я сказал жене, что завтра индийское руководства завода приглашает нас на прощальный банкет. Это сообщение Марусю обескуражило: «Ведь сборы, а ты со своим банкетом! Ещё не всё уложено, баулы не зашито, да и на дорогу надо приготовить что-то из питания». – «Ты что, забыла, ведь в самолёте кормят. А в Москве свои люди – русские, не пропадём», – воодушевил я свою кормилицу.

На другой день с раннего утра мы хлопотали с вещами: старались уложить всё так, чтобы было поменьше мест багажа. И, как на грех, нам не давали покоя: то соседи заходили, предлагали свою помощь, то продавцы-индийцы с узлами товара – в надежде что-нибудь продать на прощание. В дверь то и дело стучали, входили, а потом быстро выходили, видя, что теперь не до них, некогда судачить, как это было раньше.

Когда наши сборы уже подходили к концу, послышалось урчание машины и стук в дверь. Зашёл Венкатеш Кудва. «Я

приехал за вами», – сказал он. Мы быстро собрались, сели в «джип» и покатали в заводскую гостиницу. Там в зале ресторана был уже накрыт длинный стол, и приглашённые гости стояли группами, разговаривали. При нашем появлении гомон стих, начались приветствия: рукопожатия с индийскими гостями, а с русскими – объятия. Нас усадили на почётное место во главе стола. По местному обычаю, нам под аплодисменты надели на шею гирлянды цветов.

Начало торжества объявил главный механик завода Кришна-Мурти. В своём выступлении он рассказал о вкладе в работу завода русских специалистов и, в частности, моей скромной персоны. После этого как раз и последовала речь Цибала, в которой он искренне хвалил и благодарил меня. И, пока все стоя аплодировали, у Маруси непроизвольно текли слёзы радости: она ни от кого ещё не слышала таких хвалебных слов в адрес своего мужа.

Банкет – даже в Индии банкет, в том числе и в штате Мадхья-Прадеш, где действовал «сухой» закон. Многие из собравшихся индийцев учились в Советском Союзе, и потому вкусили прелесть спиртного. Так что и здесь на столе были сухие вина и даже виски.

Крепкие напитки и хорошая закуска подняли настроение. Много добрых слов было сказано в адрес нас, русских. Даже песню спели «Подмосковные вечера», которая полюбилась и индийцам. Организаторы банкета преподнесли нам сувениры, распрощались и уехали домой. Переночевав последнюю в своей индийской квартире ночь, мы встали с восходом солнца и освежились под душем пока ещё прохладной водой. Потом Маруся вышла на веранду. На выступающей части кондиционера, служившей нам в качестве продуктовой полки, взяла хлеб и молоко, заботливо оставленные продавцом-разносчиком ещё до утренней зорьки. Позавтракали. Опять начали собираться.

Пришёл бакшишник Уттомчан. Зная, что мы уезжаем, он уже ничего не предлагал, а просто сел на пол около своего узла и ожидал, когда леди соберёт вещи – уже не нужные

нам теперь брюки, ботинки, рубашки, обещанные ему. Маруся сложила всё это в узел и отдала ему. Простившись и сделав «намасте», Уттомчан ушёл. Потом около наших дверей начали собираться соседи, а вскоре нагрянули и коллеги по работе. Маруся приготовила закуску, накрыла стол. Я разливал в рюмки припасенное по этому случаю спиртное: кому – виски, кому – пиво. Когда трапеза была закончена, подошёл автобус, его вместе с нами заполнили провожающие. Прощальный мощный сигнал шофёра Сардара, и мы выехали на железнодорожную станцию Дург. Настроение у всех было приподнятое, а у нас с Марусей вообще сердца колотились и души пели. Ведь это были первые километры в сторону дома!

На станции мы с женой и глазом не успели моргнуть, как весь багаж переключался в вагон. Провожающие окружили нас, каждый старался излить тепло своей души, мы обнимались и целовались. Зайдя в вагон, мы с Марусей остановились на площадке, глядя на провожающих. Нахлынула грусть. Комок сжимал горло, ведь здесь мы оставили частицу своей жизни, своего сердца. И вот гудок паровоза как-то разом оборвал связь со всеми этими людьми, которые всё ещё толпились возле вагона. Поезд тронулся и начал медленно отдаляться от станции.

Мы – это Маруся, Наташа Пастухова и я – расположились в купе втроём. Купе было довольно просторное, с мягкими диванами для сна и с автономным санузлом (туалетом), душем. На окне решётка, на потолке – фен. Наташу Пастухову, девочку лет одиннадцати-двенадцати, родители попросили нас довести до Москвы, а там её должны были встретить родственники. Пока нас провожали, особой жары мы не ощущали, но когда зашли в вагон, нас так и обдало жарким спёртым воздухом. К металлическим предметам прикоснуться вообще было нельзя – обожжёшься.

Поезд набирал скорость, и чтобы вдохнуть свежего воздуха, я с трудом опустил на окне раму с металлической сеткой, потом ещё одну с металлической решёткой и третью со

стеклом, надеясь, что вдруг случилось чудо, и там, снаружи, похолодало. Но нет: в окно упруго хлынул жар, как из печи, смешанный с сажой от паровоза и мелким песком. Тогда я плотно закрыл окно и включил вентилятор под потолком. Лопасты завывали, и нас обдало клубами пыли, завертелся горячий воздух, обжигая кожу. Маруся закричала: «Выключай скорее, иначе поджаришь нас!» Я выключил. Пот покатил градом, сразу захотелось пить. Наши запасы, взятые с собой при отъезде, начали быстро истощаться. А сообщение жены о том, что ни в душе, ни в кране раковины вода даже не каплет, напугало всех.

Ночь спустилась мгновенно, как и всегда в Индии. Наташа то и дело пила, воды становилось мало, но ведь ребёнку не откажешь, это мы не пьём, экономим. Горло сухое, как пробка, язык, как наждак, губы загубели. В висках застучало, в ушах нарастал шум. «У меня сердце бьётся с переборами», – пожаловалась Маруся. «Положи валидол под язык, – шёпотом посоветовал я, – и пей воду небольшими глотками». – «Но ведь её мало. Закончится – что будем пить?» – прошептала она, чтобы не слышала Наташа. «Где-нибудь на станции раздобуду», – пообещал я.

Купе в индийских вагонах сделано так, что выход из каждого – сразу на улицу. Коридора вдоль вагона, соединяющего все купе, здесь нет, так что к соседям за водой не сходишь. Поезд мчится в ночи, стучит, гудит, лязгает. Пить хочется – сил нет, пот уносит последнюю влагу из организма. Скорей бы станция! Но она не появляется. Мысли набегают одна страшней другой: «Я-то что, жажду выдержу, и не такое бывало за два года, а как же жена? Не случился бы ещё приступ аппендицита». Но тут поезд начал замедлять ход и остановился. Я с термосом и какой-то кастрюлей, обнаруженной в купе, выскочил из вагона. Всюду царил тьма, только где-то впереди светилось окно, освещенное карбидной лампой. Даже электричества здесь не было, и перрона не видно, вероятно, его здесь вообще не существовало. Это был какой-то полустанок, на котором и выходить-то нельзя,

поезд может тронуться в любой момент без предупреждения. Но что-то влекло меня в этот мрак. И я понял: слышно было, как где-то журчит вода. Бегу туда и вижу в стене здания трубку с поломанным краном, и из него бежит струйка. Вода! Вода! Вот счастье! Набираю полный термос и кастрюлю. Сам, захлебываясь, пью теплую жидкость. И пулей лечу обратно к своему вагону. Поезд тронулся без гудка, но я успел. Напоил своих страдальцев до отказа. Улеглись спать и проспали до утра крепким сном, намаившись за такой напряжённый день.

Следующий день ехали полусонными и вялыми, есть ничего не хотелось, только пить, пить и ещё раз пить. Наконец, подъехали к большой станции. Большими буквами было написано: «Дели». Я вышел из купе, сказав своим дамам, чтобы до моего прихода даже носа не высовывали. Пошел по перрону, повсюду народ снуёт, носильщики бегают с чемоданами, ящиками. В пёстрой толпе эти носильщики особенно выделялись – как тюльпаны в весенней степи: все в больших красных тюрбанах. И другие люди вокруг идут, бегут, стоят, говорят и кричат на разных языках. Тут и там заывают продавцы прохладительных напитков, фруктов, сладостей. Гудят паровозы.

В Бхилаи при отъезде консул сказал, что в Дели нас встретят из посольства. И вот сейчас, проталкиваясь сквозь плотную толпу на перроне, я подумал: «Разве в таком бедламе можно кого-то найти? Да и как работник посольства сможет распознать именно нас, ведь таких, как мы, с европейским лицом, вокруг немало». Но вскоре, когда публика начала редеть, я увидел человека, внимательно смотрящего по сторонам. «Он!» – сразу понял я. И этот человек тоже двинулся в мою сторону. Наверное, мы, русские, как-то отличаемся от других по духу, по манерам, а главное – срабатывает интуиция. Представитель посольства быстро подвёл меня к такси, и мы подъехали прямо к вагону. Носильщики вынесли и сложили вещи, я дал им рупию, мы сели в машину и поехали.

Наконец подкатили к большому красивому зданию, и я узнал гостиницу, в которой мы жили два года назад, когда только прилетели в Индию. У входа уже стоял сопровождающий из посольства. К такси подбежали загорелые до черноты подростки, расхватали наши вещи и унесли внутрь здания, за ними последовали и мы. И только после того как нас расселили по номерам, посольский работник сообщил, что в связи с фестивалем, проходящим в Москве, пассажирские рейсы перегружены, и наш отлёт в Союз откладывается на неопределённое время. Он предложил дни нашего ожидания заполнить экскурсиями по городу и турпоездками в другие города. Посольство даже выделяет специально для нас переводчика-гида.

Проснувшись рано утром, ещё до восхода солнца, мы с Марусей вышли на балкон. Это была целая галерея в виде смотровой площадки, возвышающейся на уровне четвёртого этажа. Вокруг на деревьях расположилось великое множество птиц. Кусты и ветви деревьев звенели от их пения. Густые кроны колыхались, кипели от присутствия самых разнообразных пернатых. Мы стояли и не шевелились, боясь спугнуть этот птичий парад. С первым лучом солнца многие из них взмыли ввысь и разлетелись по дорогам, по улицам, а большинство устремилось вдаль, за город, на крестьянские поля, где наверняка есть корм. Вспорхнули и быстрые в полёте зеленые попугаи, напоминающие наших сорок, такие же длиннохвостые и крикливые. Улетели драчливые чёрные воробьи и какие-то бурые птицы, крупнее нашего скворца. Вперемешку с незнакомыми нам тропическими птицами в воздухе кружили вороны. А в самой вышине, словно подвешенные, замерли коршуны, орлы и грифы, высматривающие добычу, – сбитых ночью птиц или каких-либо животных, сдохших от старости или истощения.

По шоссе и тротуару около гостиницы тёк людской поток. Мужчины, обёрнутые вокруг бёдер куском полотна, или в длинных рубахах, босые или в чиненых-перечиненных сандалиях. Женщины следовали сзади, и одеты они

были наряднее. Некоторые – в ярких широких юбках и кофтах, плотно облегающих коричневое тело. На головах они несли кастрюли, кувшины, узлы, нагромождения каких-то коробок в два, три и даже четыре этажа. На бёдрах у женщин были младенцы, а рядом, уцепившись за подол или чуть приотстав, семенили дети постарше. Людской поток тёк и тёк по центральной улице Дели, а затем расплывался ручейками в разные стороны.

Пока мы созерцали эту городскую жизнь, проснулись наши спутники – Сергей Иосифович Павловский и семья Емельяненко, Пётр и Вера. Все вместе направились в ресторан. Распорядок и сервис здесь были точь-в-точь такие же, как и два года назад. Только мы сели за стол, в центре которого стояла большая тарелка с хлебом, как к нам уже двинулась процессия официантов. Расставили тарелки, разложили вилки разных видов, ложки, ножи. Официант с блюдом разложил по нашим тарелкам большие куски морской рыбы, другой индус лопаточкой положил гарнир, третий из кувшинчика полил блюдо соусом. Рыба оказалась очень вкусной и без единой косточки.

Плотно позавтракав, сели в такси и поехали по городу. И сразу же попали в пробку. Переводчик из посольства, житель столицы, пояснил: «В это время час пик, появляются чиновники, служащие контор, банков, работники магазинов, ремесленники и другой люд. Дороги запружены велосипедами, автомобилю трудно пробиться. Едут по два-три, а то и шесть в ряд, не обращая внимания на рёв гудков подпирающих их автомобилей. Велосипедисты на ходу о чём-то разговаривают, жестикулируют, делают крутые виражи перед машинами, и такие маневры оборачиваются порой трагедиями. Ежегодно более полутора тысяч делийских велосипедистов попадают в аварию. Велосипед – основной транспорт трудящихся Дели. В городе насчитывается около шестисот тысяч велосипедов. Служащие делийской дорожной полиции подсчитали, что путь, проделываемый ежедневно всеми велосипедистами Дели, равен тринадцати

маршрутам от Земли до Луны в оба конца».

Пока выбирались из пробки, гид пояснил: «Сейчас мы едем к историческому месту, к стенам делийской крепости Красный Форт. В августе 1947 года возле неё собралось море народа из деревень и близлежащих городов. Около трёх миллионов человек на одной площади. Над ней 200 лет реял кресто-полосатый флаг Великобритании, олицетворяя господство английских колонизаторов. Накануне этого дня, ночью, англичане тайно сняли его с флагштока, чтобы избежать публичного позора. На трибуну в сопровождении видных людей государства поднялся признанный вождь национального освободительного движения Джавахарлал Неру, одетый в скромный индийский наряд: длинную белую рубашку навыпуск, поверх которой был жилет, бумажные брюки и белую пилотку. Он, первый глава независимого государства, под одобрительный гул народа поднял над столицей государственный флаг Индии с оранжевой, белой и зелёной полосами. Эта церемония ознаменовала новую эру в жизни государства – конец британскому владычеству. С того памятного утра каждый год повторяется церемония подъёма флага над Красным Фортом, сопровождаемая речью главы индийского правительства».

Наконец, пробившись через скопление транспорта на дороге, мы въехали на эту знаменитую площадь. Вышли из машины, и перед нами открылся во всём своём величии дворец-крепость Лал Кила, или Красный Форт, бывшая резиденция могольских императоров. «С 1526 года здесь восседал на троне император Великих Моголов Акбар, – пояснил гид. – Изнеженный правитель жил в сказочной роскоши дворцов, развлекался пирами и с наложницами гарема».

Это сооружение с мощными толстыми стенами, построенное из красного гранита, играло ещё и оборонительную роль. Подойдя ближе, мы увидели глубокий ров-канал со стенами, облицованными мраморными плитами. Сквозь прозрачную толщу воды видны были косяки рыб величиной более полуметра. Но ещё больше нас поразила громадная

черепаха. Своим поблескивающим панцирем она была похожа на гранитный отшлифованный валун, медленнодвигающийся по дну канала.

Через ров был перекинут ажурный металлический мостик. Пройдя по нему, а потом под резными арками одних больших ворот, других, третьих, мы из полумрака, будто из пещеры, вышли во внутренний дворик, залитый солнцем и благоухающий запахом цветов жасмина. Маруся не удержалась от соблазна, сорвала это чудо природы. А поскольку это растение стелется по земле, за одним цветком потянулся целый букет. Индеец, дежуривший во дворике, увидел это и укоризненно улыбнулся, а потом сложил руки перед грудью и поприветствовал нас; мы тем же манером ответили ему.

Пройдя дворик по песчаной дорожке, мы попали во внутренние покои правителя. Под навесом находилась широкая и длинная, открытая с двух сторон терраса с беломраморным полом. Посреди неё во всю длину располагался узкий неглубокий бассейн с фонтанчиками. Массивные колонны, стены из мрамора раньше были украшены не только резьбой, но и драгоценными камнями, самоцветами. Теперь на их месте остались только ямки, как оспины на прекрасном облике дворца. Оказалось, это дело рук англичан: когда их выгнали из страны, они вынули все украшения. На стене была высечена надпись: «Если есть рай на земле, – это здесь, это здесь, это здесь».

В центре главного зала возвышался императорский трон, поражающий изысканностью и тонкостью отделки, инкрустированный полудрагоценными камнями, которые в совокупности создавали ошеломляющую гамму цветов. Я предложил своей спутнице жизни взобраться на этот трон и поцарствовать хоть минуту, но она скромно отказалась: «Ты у меня царь, лучше я у тебя на шее поцарствую». И я, конечно, не возражал: как можно отказать женщине, если она просит?

Под главным залом находились обширные светлые комнаты, облицованные белым мрамором с ажурными решёт-

ками в стенах, пропускающими свет и свежий воздух. Здесь жили царские наложницы. По другую сторону, через ступенчатую террасу, по которой когда-то, как речка, тонким слоем текла вода, создавая прохладу, было другое помещение, отделанное мрамором. В нём жили евнухи, строго следившие за наложницами.

Конечно, всех хором дворца мы не осмотрели, так как здесь и за день всего нельзя обойти. Но и то, что смогли увидеть, поразило красотой, тонкостью работы и искусством зодчих и резчиков, скульпторов и художников. На обратном пути в тени грандиозных ворот мы увидели множество торговцев изделиями из золота, серебра, слоновой кости, сандалового дерева. Громкими голосами они зазывали к себе туристов и прочих покупателей. У одного из них я увидел изящные статуэтки из слоновой кости различных богов, танцовщиц, зверей. Нам с женой особенно понравилась фигурка богини Дурги в виде танцовщицы. Порядившись, как цыгане на базаре, в конце концов ударили по рукам. Всего за 200 рупий мы заимели великолепный сувенир на память об этом дворце.

На выходе из последних ворот ко мне подошёл оборванный мальчонка с кривыми тонкими руками, потом маленькая женщина подвезла на коляске мужчину, изъеденного проказой, с безобразно торчащими култышками рук и ног, за ними последовали другие дети и взрослые, искалеченные страшными недугами или иссушенные долгим голодом. Это был поразительный контраст: здесь, у входа во дворец, на фоне такой роскоши, – толпа обездоленных людей. Они на один лад, безнадежным голосом, монотонно тянули те же слова, что и везде в Индии в людных местах: «Подайте милостыню, господин!». «До чего безжалостно и изощрённо англичане вытянули соки из этого народа!» – сказал сопровождающий нас сотрудник посольства.

После экскурсии, сев в машину, мы снова оказались в водовороте уличного транспорта. На первый взгляд, в этом хаосе ни разобраться, ни проехать. Правил уличного дви-

жения здесь не существует, но поток движется. В первую очередь поражают всё те же велосипеды. Это что-то неопи-сваемое! Ни один велосипед в мире не согласился бы везти на себе то, что возит индийский. Трое взрослых людей на одном велосипеде – это почти правило, а бывает и пять, и шесть. Едут целыми семьями, и техника размещения продумана до тонкостей. Отец обычно на седле; перед ним на раме помещается один или два члена семьи; к рулю спереди приделана полукруглая корзина, в которой сидит, поджав ножки, один из младших детей; на багажник, как на стул, садится мать, держа на руках самого маленького... Поражает выносливость и сила того, кто везёт остальных. А ещё то, как некоторые велосипедисты используют поездки для просушки своих длинных, густых волос. Мы неоднократно наблюдали, как молодой человек мчится на большой скорости с распущенной копной, развевающейся от встречного потока воздуха. Оглянешься ему вслед – и встретишь мгновенную вспышку белозубой улыбки.

А вот впереди движется гора корзин, из-под которой неправдоподобно тонкими и слабыми выглядят еле виднеющиеся колёса велосипеда. Чуть поодаль везут огромный стог сена, а рядом – кур в клетках. И тут же, гремя бидонами, поверх которых ещё и мешки, передвигается нечто, как каракатица, едва не задевая поклажей земли. Многие загружаются так, что от самого велосипедиста остаются видны только руки на руле да ноги на педалях.

В потоке беспорядочно снующего транспорта, через который мы пробивались, часто встречались и велорикши. Больше всего их на вокзале, у рынков и в других людных местах. Они готовы везти кого угодно, сколько угодно и куда угодно, лишь бы заработать две-три рупии в день. Сколько раз приходилось видеть, как в коляске трёхколёсного велосипеда сидят две женщины, у их ног – двое-трое детей, позади на оси сидит мужчина, и всю эту группу везёт один безропотный велорикша. На ногах у него от чрезмерных усилий вздуваются вены, взмокшая рубашка прилипает к лопаткам.

Везёт иногда из одного города в другой, в жару и в ливень. При езде в гору, когда рикша не в силах крутить педали, он сходит с велосипеда и, надрываясь, тянет или толкает вручную. Мужчины порой помогают ему. А женщины, сидя под тентом, спокойно наблюдают за мучениями возницы, который никогда не попросит как-то облегчить свой труд.

Машины вокруг сигналият на разные голоса. При такой беспорядочной езде нам уже не до разговоров, тем более что внутри салона градусов под 60. Наш шофёр, небрежно уронив тонкую руку на баранку, ведёт машину в прославленном лихом стиле делийских таксистов. Каждую минуту мы замираем, видя, что сейчас-то столкновения не избежать. Он едет по правой стороне, хотя движение левостороннее. Он обгоняет, будучи четвертым там, где обгоняют уже трое, да ещё навстречу мчащейся машине. Только чудо спасает нас. Встречная машина пронесется мимо буквально в нескольких сантиметрах. А наш таксист невозмутимо мчит вперёд, то и дело высовывая руку в окно и нажимая на грушу своего оглушительного клаксона, укрепленного на крыше.

До главного проспекта Дели доехали живыми, хотя по минутно испытывали опасность. На этой длинной магистрали нас заинтересовал большой памятник королю Англии Георгу Четвёртому. Подойдя ближе, мы рассматривали скульптуру правителя Великобритании и бывшего повелителя Индии. Величественное сооружение на высоком мраморном постаменте с куполом на четырёх резных колоннах издали видно в разных уголках столицы. Со мной рядом стоял наш гид, и я спросил у него: «Как может индийский народ терпеть этот фурункул на своём теле?» Он ответил: «Скоро снесут, партия Национальный Конгресс уже решила вопрос о его сносе».

Метрах в ста от памятника королю возвышается громадная арка. Подъехали мы и к этому знаменитому сооружению, остановились на обочине широкого шоссе. Сопровождающий нас гид объяснил: «Это Ворота Индии. Триумфальная арка, через которую проходят войска во время парадов в

праздничные дни. В граните высечены барельефы и скульптуры». Обойдя вокруг этого памятника старины, мы вошли внутрь, и на нас повеяло прохладой от массивных каменных стен. Здесь находились несколько индийцев, которые сидели, отдыхали, опершись спинами о стену, вытирали пот с лица, что-то ели из горшка и с интересом поглядывали на нас. По внешнему виду мы определили, что это семья крестьян. Самый старший был в поношенной белой рубашке, вместо брюк – кусок белой материи, намотанный на бедра. Лицо в морщинах, опалённое солнцем, такие же руки с выступающими жилами, огрубевшие от непосильной работы. И он, и его спутники – тощие, сухие, будто высушенные на горячем ветру. Босые ноги тоже иссохшие, с резко обозначенными синими венами. Пожилой индиец что-то сказал на своём языке. Гид перевёл: «Он спросил: вы русские?» После нашего утвердительного ответа завязалась беседа. Старик говорил на языке хинди. Сопровождающий рассказал, что эти люди, отец и четверо его сыновей, идут в Дели на заработки. Семья у них двенадцать человек. Три сына уже женаты, и все живут одной семьёй с отцом. Сажают на поле рис, но своего риса хватает только на девять месяцев. Я спросил у крестьянина: «А что вы вообще едите? Что ели, например, сегодня?» – «Утром – рисовый хлеб, – ответил он. – Сейчас едим отварной рис». – «А вчера-то вы ели?» – «Вчера утром – рис, вечером – джавар» (это такая просяная культура). А потом я задал вопрос, который может показаться парадоксальным, ведь всему миру известно, что в тропиках – обилие фруктов: «Скажите, а какие фрукты едят ваши дети?» – «Разве что иногда банан перепадет им, а так фрукты у нас не едят, – ответил старик. – Они доступны только состоятельным людям». В общем, как понял я из этого разговора, что получают крестьяне со своего клочка земли, то и едят. Чтобы что-то купить, денег у большинства нет.

Машина мчит нас по ровному широкому шоссе. Утренние пробки уже рассосались, и мы беспрепятственно добираемся до центра города. Впереди вырисовывается панора-

ма величественного архитектурного ансамбля. Главная улица, ведущая к этим зданиям правительства, даже не похожа на улицу, настолько много здесь деревьев, только дворцы махараджей красуются в глубине моря зелени. На высоком холме – здание из красно-песчаного камня, раньше это была резиденция английского вице-короля, а ныне – президентский дворец. К нему примыкают два корпуса, где размещаются различные министерства республики. А у подножия холма выросло одно из красивейших сооружений города – парламент, построенный в форме круга.

Остановив такси недалеко от правительственных зданий, мы пешком отправились к ним вдоль аллеи с цветочными клумбами. Розы здесь благоухали так сильно, что их аромат пьянил. Подошли к фонтану, брызги от которого создавали радужные круги и лёгкую прохладу. Но вообще зной стоял уже невыносимый, мы все обливались потом, а потому решили закончить экскурсию и поскорее уехать домой.

Снова мы оказались в потоке шумных велосипедистов, медлительных моторикш, коптящих черным дымом автобусов, блокирующих проезд крестьянских двуколок с волами в упряжке, старых-престарых и ультрасовременных автомобилей. Из-за наступившей жары транспорта стало гораздо меньше, чем утром, и мы благополучно добрались до гостиницы. Наш сопровождающий прошёл с нами в холл, мы разместились в креслах и обменялись впечатлениями сегодняшнего дня. Гид предложил завтра поехать в город дворцов, находящийся в двухстах милях от Дели.

Освежившись под холодным душем (хотя вода, лившаяся из распылителя, была лишь немного холоднее 40 градусов), мы сходили в ресторан. Там хозяин предложил нам охлажденного пива по 12 рупий за бутылку. Это показалось нам очень кстати. Мы выпили пива и плотно пообедали. Тут всех разморило, мы разбрелись по своим номерам и крепко уснули. Потом снова собрались в холле. Оказалось, что от пива у всех трещали головы, и мы поносили на все лады того индийца, который нам его предложил. Договорились,

что больше здесь не будем пить ни пива, ни вина, хотя в Дели «сухой» закон не действовал.

Пока сидели и разговаривали, к нам подошла группа истощённых людей с жёлтыми лицами и руками, даже белки глаз у них и те пожелтели. Распознав в нас соотечественников, они поздоровались по-русски. И после короткого знакомства поведали грустную историю своего пребывания за границей. Их, четверых специалистов, направили в Индонезию на оказание технической помощи по дорожному строительству. Работали они там всё время в экстремальных условиях постоянной жары и повышенной влажности. Прокладывали дорогу через тропический лес и по заболоченным местам, жили в палатках, без электричества, а значит, и кондиционеров тоже быть не могло. Вокруг – тучи насекомых, лягушки, ящерицы, змеи на каждом шагу. Медицинская служба практически отсутствовала. Питались в основном консервами. Вода была привозная, мутная и тёплая. При этом платили им в десять раз меньше, чем нам здесь, в Индии. Все четверо, пробыв в Индонезии полтора года, заразились желтой лихорадкой и теперь возвращались на Родину истощёнными и больными – лечиться. Мы им очень сочувствовали, обидно было за этих ребят. Всего полтора года назад они радостными, бодрыми, молодыми уезжали на заработки за границу, а сейчас возвращаются больными стариками и ни с чем. За те рупии, которые им платили в Индонезии, там ничего нельзя было купить: страна бедная, в магазинах пусто, как и у нас в Союзе. А в Индии за их рупии при обмене давали в десять раз меньше. Так что кроме болезни они ничего не приобрели.

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА – АГРА

Проснулись рано утром озабоченные, ведь 200 миль проехать до Агры – не шутка, да ещё в самое жаркое время года в этих местах. После завтрака Маруся вместе с Наташей, девочкой, которую мы согласились сопровождать до Москвы по просьбе Льва Пастухова – прокатчика рельсобалочного цеха, начали сборы в дальнюю дорогу. Жена, как опытная хозяйка, заранее охладила термос воды, да ещё в ресторане закупила целую коробку содовой воды, фруктов, различных сладостей и булочек, чтобы перекусить в пути.

У гостиницы нас уже ждали туристические американские «форды». Вся наша группа – семь человек из Бхилаи – расселась в эти комфортабельные просторные автомобили. Выехали, но уже вскоре водитель нашей машины затормозил. Как выяснилось, попали в пробку. Даже в такой ранний час дорога была забита автомобилями, велосипедами, повозками, так что выбирались из столицы медленно и долго.

Наш водитель – упитанный комплекции, с чалмой на голове и с бородой, подвязанной сеткой, – то и дело весело поглядывал на меня, сидящего рядом, или оборачивался назад, на леди, и улыбался им, показывая из-под холёных пышных усов белые ровные зубы. Так он поступал после каждого удачного маневра по обгону тоги или таксиста, выбрав щель, где можно протиснуться. Для нас это было страшным испытанием, а для него, привыкшего к такому суматошному движению по столице, – обычной работой и даже развлечением, демонстрацией своих способностей провести машину в невероятной тесноте и никого не задеть. Нас уже оглушил непрерывный рёв гудков, клаксонов, а ему хоть бы что. Ехал, улыбался невозмутимо и весь светился от торжества.

Наконец выбрались из дорожного хаоса столицы, шофёр дал полный газ, и «форд» понёсся по прямой ровной дороге, легко обгоняя повозки, запряженные быками с накрашенными рогами, автобусы и грузовики, переполненные народом (некоторые пассажиры умудрились пристроиться

прямо на крыше автобуса или на кабине грузовика). Окна в нашем автомобиле были раскрыты. Ветерок гулял по салону, приятно ласкал лицо и трепал волосы. Проехали уже час, и солнце начало показывать зубы. Воздух снаружи машины разогрелся настолько, что стал обжигать лицо и руки. Мы вынуждены были закрыть окна. В машине становилось всё более жарко и душно. Наша подопечная девочка то и дело пила, да и мы с Марусей не раз прикладывались к термосу с холодной водой. Всех нас разморило, начало клонить ко сну. Маруся и Наташа на заднем сиденье уже посапывают. У меня тоже отяжелели веки, но, вспомнив, как два года назад мы ехали от Нагпура до Бхилаи, и Буйглишвили вынужден был развлекать шофёра, чтобы тот не заснул, я рискнул показать свои знания английского. «Далеко ли ещё до Агры?» – спросил я. Шофёр удивлённо посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на спидометр и произнес: «150 миль». Я заинтересовался, как его зовут, сколько ему лет, ещё некоторое время поддерживал разговор. А когда исчерпал весь свой запас слов, незаметно заснул.

Очнулся я, услышав пронзительный крик: «Тростник! Сахарный тростник! Свежий сок, прохладный сок! Бананы, вот бананы! Лучшие бананы!» Наша машина стояла в тени дома, на улице какого-то городка. К стеклам «форда» прижалось не меньше десятка измазанных мордашек, дети с весёлым изумлением разглядывали нас. Шофёра в машине не было. Осмотревшись, мы заметили его в тёмной глубине лавчонки, где он пил чай и беседовал с двумя какими-то сикхами. А улица жила, кипела, двигалась, звенела, кричала, торговала, зазывала, жарилась на солнце и пряталась в тени деревьев и навесов. Всё бурлило вокруг, мелькало разноцветными красками. Всё было до краёв наполнено жизнью.

Короткий окрик отогнал ребятишек, облепивших машину и с интересом изучающих нас – белых пришельцев, явившихся невесть откуда. Шофёр сел на своё место. «Теперь я не засну за рулём, – смеясь, пообещал он. – Выпил чая на 50 миль». «Как понять это?» – спросил я. «Мы, шофёры,

заказываем в чайных лавках чай разной крепости, согласно расстоянию предстоящего пути. Я заказал чай на 50 миль». У индийцев уже веками выработалась привычка пить чай, чтобы утолить жажду; мы же, люди неискушённые, предпочитали холодную воду, либо вообще воду, которая от неимоверной жары мгновенно выходила через кожу. Вот и на этот раз, напившись из термоса, тут же облились потом. Машина тем временем двинулась дальше.

А жара всё усиливалась. Перед нами открылась равнина без единого дерева, – настоящая пустыня. Вдалеке сбоку тянулся караван верблюдов. И вдруг впереди, наверное, в нескольких десятках километров, над маревом показался городок с белыми высокими домами среди деревьев. Но выглядел он как-то странно: строения то расплывались, то снова приобретали чёткие контуры. Я спросил своих попутчиц: «Вы видите вдали городок?» – «Видим, только почему-то он какой-то необычный, мерцающий». Я спросил шофёра про город, но он сказал, что там города нет. И тогда я понял: «Так это мираж!» Маруся ещё раз удивлённо глянула вперёд, а потом сказала: «Зря мы так необдуманно рискнули, мы можем поджариться в таком пекле, да и воды остаётся мало». И мысленно я с ней согласился, на душе стало тревожно. Кузов машины уже настолько накалился, что к металлическим предметам нельзя было прикоснуться – сразу обожжёшься. Окна тоже не откроешь: раскалённый воздух опахивал так, что уши свёртывались. Вдруг в салоне запахло гарью, шофер беспокойно заерзал на сиденье, начал сбавлять скорость.

И тут из-под капота зловеще пробилась языки пламени. Шофёр резко затормозил, выскочил из машины, набросил на капот какую-то грязную палатку. Пламя загасло, но когда он открыл капот, снова вспыхнуло. Обжигая руки, шофёр палаткой окутывал мотор, пока огонь наконец не исчез. Мы тоже выскочили из машины, перепуганные, пытались помочь шофёру, но он справился с пожаром один. Потом достал из машины бинт и какое-то лекарство, протянул их Марусе. Она,

сразу поняв, что надо сделать, смазала ему обожженные руки мазью и забинтовала. Шофёр, уткнувшись под капот, занялся ремонтом. Хорошо, что в этот момент мы находились в какой-то деревушке, утопающей в деревьях. Пошли вдоль узкой улочки домов из кирпича и глинобитных халуп с вывесками, на которых были выведены фамилии хозяев этих мастерских или магазинчиков. Нас приятно поразило, что в каком-то ветхом ларёчке в продаже оказался лёд и бутылки содовой воды, охлаждающиеся в мелких кусочках того же льда. Купили несколько бутылок, напились ледяной воды и пошли дальше к манговым деревьям, которые своей мощной кроной отбрасывали спасительную тень. Подойдя ближе, увидели, что эти деревья щедро усыпаны крупными плодами. «Какая красота-то! – восхищенно произнесла моя жена. – Здесь манго даже покупать не надо, рви да ешь». – «Зачем рвать, если они на земле валяются? Собирай не ленись!» – поправил я Марусю. Но только Наташа попыталась взять плод с земли, как из ближайшей халупы вышел индеец и замахал руками. Подошёл к нам и затараторил на своём наречии, как пулемёт. И когда он произнёс слова «мани», «рупис», стало ясно, что за эти плоды тоже надо платить. Приглядевшись к стволам, мы увидели на них надписи, это означало, что у каждого дерева есть свой хозяин.

Когда мы возвратились к машине, шофёр по-прежнему копался под капотом. Я предложил свою помощь, но он ответил, что ремонт закончен, и сейчас уже поедет. Мы расселись по своим местам, и машина тронулась. На пути встречались небольшие селения, деревушки, но мы больше нигде не останавливались, стремительно двигаясь к своей цели – в легендарную Агру.

Наконец въехали в город. Даже в полуденную жару на торговых улицах здесь кипит жизнь. Кто ходит по лавкам, кто стучит молоточком в мастерской, кто торгуется с продавцами, кто жуёт что-то возле жаровен. А вот перед продавцом браслетов сидит на корточках молодая женщина. И продавец, раскатав разогретую окрашенную смолу в длин-

ный жгут, разрезает его на куски и лепит из них браслеты прямо на руке покупательницы. Один, другой, третий. Рука уже почти до локтя украшена браслетами, но их можно надеть до самого плеча, было бы только желание выгладеть красивой, и женщина, смеясь, протягивает продавцу другую руку. Вдоль дороги почти вплотную друг к другу сидят торговцы различными сувенирами, павлиньими перьями, расческами из рогов и слоновой кости, бусами. Но нам некогда рассматривать всё это изобилие, дальнейшее нахождение под палящим солнцем становится опасным. Все вернулись в машину, и я сказал шофёру: «Быстро к мавзолею Тадж-Махал».

И вот, оставив «форд» на обочине дороги в тени деревьев, мы пешком направились в ту сторону, куда двигался целый поток людей. И вдруг нашим взорам открылся великолепный беломраморный дворец. «Вот он, Тадж-Махал, одно из чудес света!» – сказал я Марусе и Наташе. А сам подумал: «Вот уж поистине – «Белый сон, застывший над водой. Беломраморная поэма Агры».

Это чудо зодчества, отражаясь в зеркале канала, создавало иллюзию, будто один дворец парит над другим. Мы шли вдоль бассейна, доверху заполненного водой, мимо темно-зеленых кипарисов по плитам из цветного мрамора, и Тадж-Махал медленно надвигался на нас, рос перед нашим взором, уходил всё выше и выше в синее небо. От лёгкости и величия этого чуда архитектуры, от избытка эмоций при его виде по коже забегали мурашки. Перед нами встал во всей своей красе какой-то неземной дворец, хотя построен он был человеческими руками. Четыре белых минарета вознесены по четырём углам его высокого пьедестала, как четыре свечи, а сам мавзолей между ними выглядит так, будто его изваяли целиком из белой, отливающей блеском мраморной скалы. Гармоничны все его линии, на мраморе стен тонкая резьба, а купол, венчающий чело, так совершенен, что кажется неотделимым от окружающего воздуха. Мы долго стояли и смотрели на Тадж-Махал, как заворо-

женные. Исчезло время, отделилась куда-то вся жизнь, растворились мысли, ничего не осталось в мире, кроме этого небесного чертога, сиявшего перед нашим взором. Солнце бросало жаркие лучи на плоские плиты, отчего над ними дрожал горячий воздух. Толпа туристов щелкала затворами фото- и кинокамер.

По белым мраморным ступеням мы поднялись на площадку пьедестала. У входа в мавзолей нам предложили снять обувь и надеть мягкие матерчатые тапочки. Перебываясь, мы поразились: «А мраморные плиты-то холодные!» Проходя внутрь, увидели по обе стороны дверей двух высоких стройных сардаров в ярких чалмах и белых одеждах. Они держали большие опахала из павлиньих хвостов и величаво махали ими над головами посетителей, проходящих через двери.

Оказавшись внутри, мы почувствовали приятную прохладу. Построенный из мрамора, отделанный ажурной резьбой и инкрустациями из самоцветов и драгоценных камней, этот мавзолей при своих поистине громадных размерах кажется миниатюрным, словно он выточен руками великого умельца из слоновой кости. Внутри полумрак, стены покрыты замысловатым орнаментом и вязью – изречениями из Корана. Зайдя с улицы, ослеплённый ярким солнцем и белым камнем дворца, сразу не разглядишь всей его рукотворной красоты. Осмотревшись, мы увидели большую группу в сопровождении гида, который на английском языке громко рассказывал что-то туристам. Мы примкнули к этой экскурсии, рассчитывая на то, что наш коллега Пётр Емельяненко, специалист по КИПу из города Жданова, за четыре года пребывания в Индии уже достаточно хорошо освоил английский. Гид говорил, а он переводил.

Обойдя по периметру огромный зал, всей группой подошли к гробнице, возвышавшейся в центре над полом. Гробница представляла собой вытянутый прямоугольник из белого мрамора, тщательно отшлифованный. Боковые поверхности венчал орнамент в виде пояса из полудраго-

ценных и самоцветных камней. Поначалу мы не придали особого значения этому орнаменту, но когда рассмотрели внимательно, увидели, что каждый его листик, каждый лепесток состоит из нескольких десятков мелких пластинок цветных камней. Даже пристально вглядываясь, мы не заметили мест стыковки отдельных элементов, настолько плавными были переходы от темно-зелёного к салатному цвету на листьях и от темно-розового к светло-розовому на цветах. Сколько потребовалось таланта, умения и труда, чтобы создать такое совершенное творение!

Пока мы восхищались, экскурсовод показывал на крышку гробницы и что-то говорил окружившим его иностранцам. Те удивлённо покачивали головами. Пётр перевёл его слова, мы тоже посмотрели на крышку и неприятно поразились. Оказывается, раньше надгробье было украшено сотнями драгоценных камней, а во главе сверкал огромный бриллиант. Теперь мы видели только выемки-оспины да испорченный варварской рукой мрамор. Гид объяснил, что это опять-таки английские колонизаторы, когда их выгоняли из Индии, торопливо вырвали все драгоценные камни, и на их месте от былой красоты ничего не осталось. Как только экскурсовод с иностранцами удалился, Емельяненко рассказал нашей группе историю создания мавзолея Тадж-Махал, услышанную от гида.

Индийские храмы и мусульманские мавзолеи – каменные цветы этой земли, ими славится на весь мир бывшая столица империи Великих Моголов город Агра. Сюда постоянно направляется нескончаемый поток паломников, туристов и журналистов, особенно к шедевру мировой архитектуры Тадж-Махалу. Восторженные, ошеломлённые величием мавзолея посетители называли его «мечтой, воплощённой в мраморе», «поэмой из камня». Есть у него ещё одно красноречивое имя – «Памятник верной любви». Так стали называть его потому, что построен он был повелением императора Шах-Джахана для покойной своей жены Мумтаз-Махал. Она была женщиной редкой красоты и светлого

государственного ума. Император во всех сложных делах искал её совета. В жестокий век восточной тирании, когда любой властитель мог, не мучаясь угрызениями совести, убить человека даже своими руками, разорить семью, обречь детей на голодную смерть, когда женщина была безгласной рабыней мужа, Шах-Джахан поднялся до высокой любви к Мумтаз-Махал. После её смерти он забросил все дела государства и погрузился в безысходную печаль. Он повелел построить такую усыпальницу, какой ещё не видел свет. На его призыв откликнулись зодчие из Европы, Средней Азии и, конечно, сами индийцы. Сюда согнали десятки тысяч строителей, мастеров. Со всей страны потянулись к Агре обозы с мрамором и самоцветами. При этом сын убитого горем императора воспользовался беспомощностью отца и захватил власть в свои руки, а родителя заточил в каземат – в башню крепости Агры. Из тюремной башни Шах-Джахан мог в любое время суток наблюдать за возведением усыпальницы для своей жены. Строился мавзолей 18 лет – с 1630-го по 1648 год двадцатью тысячами рабочих. Шах-Джахан намеревался потом построить на другом берегу Джамны мавзолей и для себя, из чёрного мрамора, и перебросить от него мост через реку к Тадж-Махалу. Но к моменту завершения беломраморной усыпальницы казна империи почти опустела, и мавзолей из чёрного мрамора не был построен. Бывший император Шах-Джахан умер, и его похоронили в том же мавзолее, где покоится его красавица жена.

Выслушав этот красивый рассказ, мы по мраморным ступеньками спустились на нижний этаж, где в обширном подземелье, тоже отделанном замысловатым орнаментом, было сооружено надгробье императору. И опять же верхняя часть его была вся издолблена, остались только пустые гнёзда от самоцветов и бриллиантов, увезённых в Англию колонизаторами. После осмотра захоронения мы снова поднялись наверх и направились к выходу. Поравнявшись с сардарами с павлиньими опахалами, услышали гортанный голос одного

из них. Я даже вздрогнул, не сразу не поняв, откуда возник этот оглушительный звук, поскольку рты у обоих были закрыты, а голос продолжал раздаваться ещё и ещё. И только когда он стих, мы увидели, что сардар снова что-то прокричал. «Это же эхо!» – догадался кто-то. Мы посмотрели в вышину, под купол мавзолея: звук медленно поднимался туда и продолжал раздаваться на самом верху. После чего, любопытства ради, наш переводчик Емельяненко прокричал, как заблудившийся в лесу: «Ау! Ау! И ещё ау!». Эхо поплыло совершенно без искажения голоса и длилось в течение нескольких секунд. «Вот это акустика! – сказала стоявшая рядом Маруся. – Даже ни в одной церкви такого не слышала».

Вышли из прохлады и полумрака на улицу, и нас сразу ослепило солнце, обдало горячим воздухом. Леня напала такая, что больше не хотелось куда-то идти и что-то смотреть. Но, ещё раз взглянув со стороны на беломраморный дворец, мы снова испытали эйфорию от этого чуда. Прошли по дорожкам парка, раскинувшегося вокруг, рассматривали дивные деревья с пышной раскидистой кроной, пальмы с громадными листьями, растущими от самой земли, ранее нигде нами не виданные. Вся площадь парка выглядела, как зелёный ковёр, обрамлённый кипарисами, а газон был так ровно подстрижен, что можно было даже усомниться, трава ли это. Чтобы проверить, я сошёл с мраморной дорожки и ступил в эту светло-зелёную густую массу, и моя нога беспрепятственно погрузилась по колено. И тут же я услышал голос Петра: «Осторожно! В этой траве живут змеи!» Он-то, конечно, мог точно об этом знать, ведь за время работы в Индии дважды побывал здесь, в Агре. Я мгновенно выскочил на плиты дорожки, а трава так же быстро восстановилась, на ней не осталось ни следа, ни вмятины.

Пройдя по аллее вдоль кипарисов в глубину парка, мы увидели необычную «насосную станцию», которая обеспечивала поливку всех растений сада. Устройство этого «агрегата» было настолько оригинальным, что последить за его работой собралась большая толпа туристов, люди долго и

терпеливо простаивали даже на жаре. От выложенного камнем возвышения колодца была сооружена наклонная дорожка. По бокам колодца вкопано два столба, на которых лежала толстая труба с деревянным блоком, через который была переброшена прочная верёвка. К опущенному в колодезь концу верёвки прикреплен кожаный бурдюк-бадья. Второй конец привязан за дышло к упряжке двух волов. В обязанность этим животным вменялось ходить то в гору, то под гору по дорожке. Когда волы шли в гору, кожаная бадья опускалась в глубокий колодец, и, пока вода набиралась, волы разворачивались, чтобы потом идти в обратную сторону под гору. Развернувшись, начинали движение, пройдя определённое расстояние, останавливались, снова разворачивались, а в это время крепкий, здоровый индус оттягивал наполненный водой бурдюк в сторону и наклонял его в жёлоб. Вода выливалась и дальше сама текла по узким арыкам, распространяясь по всему парку. Весь день в медленном бычьем ритме волы ходят то вверх, то вниз по наклонной, таская тяжёлую бадью из колодца глубиной метров в сто, причём без какой-либо команды или понукания. Удивляло ещё и то, что останавливаются они точно в одном месте, не доходя до колодца, и точно в одном месте, спустившись вниз. «Наверное, быки считают шаги», – предположил я. Нас до того удивила эта «автоматика», что мы долго стояли и наблюдали за таким необычным сочетанием работы человека с животными. «Ну, что же, каждый зарабатывает свой хлеб», – подумал я.

С великим сожалением оторвавшись от «восьмого чуда света» – «Памятника верной любви», мы отправились вглубь города и сразу были окружены толпой торговцев. «Купите модель Тадж-Махала! – настойчиво предлагали они. – Сделано из того же мрамора, что и мавзолеей». Облюбовав один из десятка каменных образцов, я отдал продавцу **30 рупий** и забрал на память эту реликвию. «А вот бусы, настоящая слоновая кость!» – сказал другой торговец. Мария и Наташа взяли у него несколько изделий, рассматривали, востор-

гались тонкой ювелирной работой: различные комбинации миниатюрных слоников, рыб и фруктовых плодов создавали красивые узорчатые цепочки. Выбрав понравившиеся бусы, мы расплатились и пошли дальше, но нас остановил толстый, уже в годах лавочник: «Зайдите, только посмотрите на мои изделия из слоновой кости. Они у меня не поддельные, а из натуральных бивней». – «Знаем, как к вам заходить! – сказал я. – Обязательно что-то навяжете».

Быстрым шагом, оторвавшись от торговцев, мы прошли ещё к одному дворцу и побывали в нём. Там тоже всё сияло в мраморе, но особого душевного восторга это у нас не вызвало, хотя та же ажурная резьба по камню, замысловатый орнамент были великолепны. Блеск двора, взлёт творческой мысли индийских зодчих отражены во многих других бессмертных сооружениях Агры, которые менее известны, чем Тадж-Махал. Мы видели дворец, где цветы и деревья были выточены из мрамора и самоцветов. Есть и другие мавзолеи с непревзойдённой резьбой по белому мрамору. Всех дворцов в Агре обойти и осмотреть за один день мы, конечно, не могли, да и жара в 45 градусов действовала настолько угнетающе, что мы еле волочили ноги.

По пути к машине зашли в лавку и с удивлением увидели, что там продаётся мороженое. У Наташи загорелись глаза, она попросила: «Тётя Маша, купите мне пять штук». Конечно, можно было купить и по пять, но в стаканчиках из плотной бумаги мороженое почти мгновенно таяло...

Свой «форд» мы нашли почти там же, где вышли из него, приехав в Агру, – в тени раскидистых деревьев. Шофер сидел на травке рядом с машиной. Увидев нас, заулыбался, сверкая зубами. После пожара, случившегося в дороге, он привёл автомобиль в полный порядок. Рассевшись поудобнее в просторном салоне, медленно тронулись в обратный путь. Увеличить скорость на городских улицах мешали все те же повозки с волами, велосипедисты и рикши, запрудившие дорогу. Но как только выехали на окраину Агры, шофёр так рванул, словно стремился наверстать упущенное время.

Асфальт, тянущийся широкой чёрной лентой, был до такой степени разогретый, что, казалось, даже воздух над ним кипит, но сам он не плавился, а только монотонно шумел под колёсами автомобиля. Проезжая пустынное место, где перед нами появлялся мираж, теперь мы не его видели, даже сильно напрягая зрение. А вот марево от жары по-прежнему висело плотной дымкой над красной раскаленной землей без единого кустика и даже травинки.

Не доезжая миль 50-60 до Дели, шофер остановил машину в небольшом городке, чтобы размять затекшие ноги. Проходя по улице с множеством магазинчиков, мы забрели в один солидный, просторный, отделанный с шиком супермаркет. Он оказался магазином ювелирных изделий. Мы зашли в него и были буквально ослеплены блеском золотых вещей. На полках стопками стояла посуда из драгоценного металла, лежали мыслимые и немыслимые предметы быта, различные сувениры. Но особенно поражали ковры под стеклом витрин, шитые золотом с драгоценными камнями. Мы стояли возле них, обомлев, пока не подошел продавец, он же хозяин магазина, и не спросил на ломаном русском, желаем ли мы что-то купить. Видя наше замешательство, он хихикнул, скорее всего, поняв, что в наших карманах уже гуляет ветер. Тем не менее, он рассказал, что ковёр, около которого мы стоим, стоит 12 миллионов долларов, в него вшиты образцы драгоценных камней, собранных со всего мира, но большинство – индийские. В центре ковра доминирует большой бриллиант, от него лучами расходятся красные рубины, зелёные изумруды, светло-розовые лунные камни и множество других, составляя красивейший узор, который переливается всеми цветами радуги. Пока мы стояли и восхищались этим чудом ювелирного искусства, подходили и другие люди, так же, как и мы, внимательно рассматривали драгоценный ковёр. А потом, показав, какой камушек их интересует, покупали его, но не с ковра, а из одной из многих коробочек, в которых хозяин магазина ориентировался на удивление ловко и быстро.

У нас, конечно, денег не было даже на небольшой и самый дешёвый здесь лунный камень, поэтому мы отошли к дру-

гой витрине. Здесь красовался ковёр с камнями стоимостью вдвое дешевле, всего-то шесть миллионов долларов, он и по величине был меньше в два раза. Я полушёпотом сказал жене: «Ну, какой будем покупать?» Она сразу нашлась, что ответить: «Тот, который валяется при входе в магазин, только этот булыжник мы не донесём до дома. Да и крохотный бриллиант или изумруд не довезём, отберут на таможне».

Я сразу вспомнил практичных врачей, мужа и жену, попытавшихся свой капитал, заработанный за четыре года, вывезти из Индии в виде драгоценностей. И ничего у них не вышло. «Золото и бриллианты не приносят людям счастья, – подумал я. – Из-за них одни беды. Взять хотя бы легендарный бриллиант Кох-и-Нур («Гора света»), прославленный на весь мир, который ещё в семнадцатом веке был найден на руднике в Индии. Сколько видных людей с тех пор погибло из-за него! Сверкание этого громадного бриллианта вызывало зависть королей, шахов и императоров. Устраивались побоища, лилась кровь...»

Мы смотрели на редкостные сокровища и золотые украшения, которые отбрасывали слепящие блики, и у нас не появилось ни зависти, ни алчности. Либо мы не были избалованы драгоценностями, либо они в нашем сознании были просто недостижимыми. Спокойно вернувшись к машине, мы поехали дальше. Прибыли в столицу уже в полумраке, когда солнце начало быстро исчезать. Отмылись под душем и отправились в ресторан. И неожиданно попали на свадьбу. Прямо в дверях каждому из нас (мужчинам – к рубашке, женщинам – к платью) прикололи букетики цветов, дополненные ягодками, похожими на нашу рябину или калину. Сначала нас подвели к родным жениха и невесты. Выглядели они устрашающе: у всех лица, головы, плечи были осыпаны красным порошком, словно политы кровью. У отца жениха лоб густо намазан красной пастой и присыпан серебряным блеском. А у отца невесты лицо разделено пополам: левая сторона выкрашена красным, а правая – обычного цвета, хотя нос целиком красный. Оба радостно сияли крупными

белыми зубами и походили на двух весёлых людоедов. Они увенчали нас душистыми гирляндами цветов и повели к молодым. Все гости вокруг были бесконечно счастливы: галдели, толкались, смеялись, а эти двое неподвижно сидели на стульях на высоком помосте. На их головах возвышались короны из бумаги и фольги, украшенные цветами, вдоль щёк свешивались гроздья цветов, на шее висели цветочные гирлянды и бусы. Лоб невесты был намазан красным, над линией бровей была приклеена серебряная полоска, в нос вдега массивная серьга. К краю её сари был привязан шёлковый белый шарф, перекинутый через плечо жениха.

Мы поклонились жениху и невесте, поприветствовали их знаком «намасте». А потом попытались незаметно протиснуться между гостей и уйти, поскольку порядком устали, хотелось быстрее поужинать и отдохнуть, но не тут-то было. Видимо, для устроителей свадьбы было большой честью присутствие гостей из Советского Союза. Они усадили нас за длинный стол, где стояли бутылки с различными соками, в вазах лежали фрукты и сладости. Мы отведали печенья и пирожных, попили соку и, воспользовавшись тем, что все увлеклись очередным свадебным обрядом, удалились в свои номера гостиницы, чтобы отдохнуть после напряженного дня.

Утром я проснулся рано и подошёл к окну. При ярком свете луны я увидел, что на плоской крыше соседнего здания вповалку спят люди. Они лежали, плотно прижавшись друг к другу, одетые совсем легко или вообще полуголые. А у самого барьера, ограждающего крышу, сидел древний старик, отличающийся от всех спящих своей внушительной комплекцией. Он был седой, весь в морщинах, с темно-коричневой кожей. Пальцами он перебирал чётки и время от времени клал поклоны на восток, прикасаясь лбом к бетону крыши. Я стоял у окна и смотрел на него. Вот уже взошло солнце, а он всё молился. Стало хорошо видно лицо этого человека, такое старческое и задубевшее, что не осталось ни живой жилки, ни живой ткани, только глаза выдавали в

нём живое существо, но и глаза эти были тусклые, усталые, почти закрытые густыми седыми бровями. «Сколько он повидал за свою долгую жизнь, сколько он трудился своими теперь уже иссохшими руками, – думал я. – И чего он достиг своим трудом, своим молением пророку Магомету, кроме места на крыше дома да тряпицы, на которой молится, всю жизнь прося счастья? Ни семьи, ни крова, кроме куска материи, которым обернуто тело...»

Прошло около двух часов с тех пор, как я начал наблюдать. Многие из этой ночлежки уже проснулись и отправились неведомо куда. А старик по-прежнему всё отбивал поклоны. Подошла ко мне Маруся, я показал ей на этого человека: «Эти мусульмане всё ждут, когда им Аллах ниспослет небесную благодать». – «Пусть себе молится, пойдем завтракать», – сказала жена. Мы сходили в ресторан, а когда вернулись, увидели на краше того же богомольца, перебирающего чётки.

В полдень приехал к нам сотрудник посольства и «обрадовал», что нам придется загорать в Дели не меньше недели: из-за собирающегося в Москве фестиваля народов Африки и Азии билетов на самолёт по-прежнему нет. Все наши попутчики сникли, а женщины даже пустили слезу. Но этот молодой человек оказался добрым и душевным, старался нас успокоить, а потом раздал деньги – командировочные каждому на неделю. При виде их слёзы на глазах женщин моментально высохли, у всех сразу поднялось настроение, ведь никто не рассчитывал на затяжку с вылетом, все рупии потратили, а бродить по Дели с пустыми карманами, да ещё при таком соблазне в магазинах, – это было выше наших сил.

Посольский работник поинтересовался нашей поездкой в Агру. Женщины взахлёб стали рассказывать ему про чудо из чудес – тамошние дворцы. Выслушав внимательно, он возразил, что настоящее чудо там можно увидеть только ночью при ярком свете луны. «Тадж-Махал, этот памятник беспредельной любви, творение совершенного мастерства,

прекрасен утром и днем, при солнце и под муссонными тучами. Изумителен он и на вечерней заре, – сказал он. – Но ни с чем в мире нельзя сравнить его красоту ночью, лунной ночью. Когда смотришь это чудо под луной, хочется, чтобы все жители земли могли его видеть. Кажется, что индийская луна влюблена в Тадж-Махал, что она восходит только для него. К сожалению, не всем выпадает радость видеть этот дворец таким. Над его шпилем сверкает Северная звезда, и весь он, освещенный в лунном сиянии, приподнят над темным садом, над собственным белым отражением в черной воде бассейна, над всей страной, над всей землей. Вы можете стоять, закинув голову, и видеть только Тадж на фоне звезд и не видеть земли, и тогда начинает казаться, что он медленно плывет по небу, плывет в этом густом сиянии луны, подобный белому кораблю «Летучий Голландец»...

Загипнотизировав нас картиной освещенного луной Тадж-Махала и разрядив грустную обстановку из-за затянувшейся задержки, наш доброжелатель уехал в посольство. А к нам подошли ребята из Индонезии, краем уха слышавшие, что наш отлёт откладывается на неделю. Они «успокоили» нас тем, что их возвращение отложено аж на две недели, и всё по той же причине. Горе, как известно, объединяет людей, и они влились в нашу компанию. От них мы наслушались рассказов один страшнее другого. Оказывается, в дремучих джунглях Индонезии живут ещё племена людоедов. И с этими специалистами происходили такие жуткие случаи, каких здесь, в Индии, и в помине не было.

Все четверо подошли к Марусе и попросили ее оценить вещи, которые они приобрели уже здесь, в Дели. А объяснили свою просьбу так: «Мы же жили в Индонезии без жен, и не знаем, понравится ли нашим супругам то, что мы купили». Вскоре они принесли свои покупки прямо в вестибюль гостиницы и разложили перед моей женой. Чтобы сильно их не расстраивать, Маруся сказала только, чтобы больше подобных вещей они не покупали, и предложила пойти завтра вместе с ними по магазинам. А мне потом описала уже

всё, как есть, откровенно: «Жаль этих ребят, их индийцы надули: продали залежалый товар, такой же, какой накупила когда-то Лиза Волковицкая, да ещё содрали втридорога».

Перед сном я подошел к окну – своему наблюдательному пункту, и увидел точно такую же картину, что и раньше. Всю обширную площадь соседней крыши заполнил бездомный рабочий люд, а у самого барьера восседал всё тот же древний индеец с четками в руках. Он клал поклоны на восток, и ему вторили другие верующие, не успевшие уснуть. Я стоял долго, ожидая конца этого мусульманского обряда, но, так и не дождавшись, пошел спать. Утром седой полуголый старик по-прежнему оставался на своём месте и молился, а вот остальные жители ночлежки уже спускались по лестнице с третьего этажа и разбредались по своим делам. Я вернулся в комнату и поведал Марусе о своих наблюдениях, о том, что происходит на крыше рядом. «Вот фанатики, просят у Аллаха счастья, а он ничего не дает, – выразила жена свои светлые мысли. – Учились бы у нас жить. Мы вот никому не молились, а нам ни за что ни про что подбросили тысячу рупий. И теперь забота, куда потратить их, ведь не повезешь же домой в Союз». – «Да, это тяжелое бремя, – признал я. – Особенно для вас, женщин. Если бы и в десять раз дали больше, вы бы и их в один момент раскидали». – «Ну, уж так бы и раскидали. А ждать-то недолго. Сейчас придут индонезийцы, пойдем по магазинам, и этим рупиям кранты».

Собравшись, мы втроем с Наташей вышли на балкон гостиницы, где нас уже ждали попутчики – ребята, приехавшие из Индонезии. Все вместе отправились в торговый центр под названием «Коннот-Плейс», один из крупнейших в Дели. От обилия товаров здесь глаза разбегались. Нас поразила масштабность этого центра, сравнивая, может быть, только с нашим ГУМом в Москве. Зашли в один сияющий блеском отделки магазин, у дверей стоят высокие стройные мужчины, одетые в строгие белые костюмы, на головах красивые чалмы. Приветливо встречают, разговаривают с посетителями и улыбаются им. Продавцы – все в одинаковых

одеждах; они предлагают, спрашивают, что мы собираемся купить. Я ответил по-английски, что пока мы хотим только посмотреть их товары. В сопровождении двух продавцов обошли витрины, прилавки, многоярусные стеллажи. Маруся, внимательно рассматривавшая изделия на продажу, заметила: «Однако цены-то кусаются! В Бхилаи такие же костюмы, кофты, рубашки в два раза дешевле». – «Прежде чем покупать, надо рядиться», – посоветовал я.

Маруся выбрала платье для жен наших попутчиков, спросила: «Сколько стоят?». Продавец показал на этикетки, где была обозначена цена. Моя благоверная сказала, что это дорого, и назвала цену в два раза ниже. У индийца улыбка сползла с лица, он недружелюбно посмотрел на нас и спросил: «Рашен?» Мы ответили: «Ес». Тогда он показал на вывеску, где было написано: «У нас твёрдые цены». Недовольные этим дорогим магазином, а скорее, музеем, мы покинули его под обжигающими взглядами хозяев. Прошли в длинный ряд торговых палаток. Теперь искали уже не элитный магазин, а какой попроще. Наконец, индонезийцы с нашей помощью закупили подарки для своих жен и детей, и мы вернулись в гостиницу. Там пообедали и разошлись по своим номерам – отдохнуть. Проходя мимо окна, я взглянул на крышу дома, где постоянно сидел старик, замаливая грехи. Теперь там было пусто. Скорее всего, всех разогнала полуденная жара.

Изнывая от безделья, в один из дней мы вышли из гостиницы и отправились, куда глаза глядят. День выдался не очень жарким, температура в тени едва перевалила за 40 градусов. Подошли к перекрёстку, там стоял рослый красивый регулировщик в берете, рубашке защитного цвета и таких же шортах. Он улыбнулся нам доброй улыбкой из-под роскошных усов. Мы поприветствовали его, и он охотно вступил в разговор. Я спросил, можно ли с ним сфотографироваться. Узнав, что мы русские, полицейский охотно согласился. Маруся навела объектив «Киева». Он взмахнул полосатым жезлом, и моя жена сделала отличный кадр.

В этот час машин на дороге было мало, и регулировщик мог спокойно с нами пообщаться. Не торопясь, вежливо поинтересовался по-английски: «Давно вы живёте в Дели?» – «Неделю, – ответил я. – А в Индии уже два года, я работал в Бхилаи». – «О, вэри вэл! – произнес он. – А что вы увидели за неделю в Дели?» Я рассказал, что ещё раньше мы побывали на месте кремации Ганди, у минарета Кутабминар, железного столба. Он посоветовал снова посетить могилу Ганди: там теперь строят ему мавзолей. «Но он же завещал, чтобы никаких храмов и мавзолеев в честь него не строить!» – изумился я. «Такой уж мы народ, мы чтим великих людей, – пояснил полицейский. – Поезжайте и посмотрите». Он рассказал, как туда доехать. И еще посоветовал: «Зайдите в кафе-хаус или ти-хаус, которые вам будут по дороге, попить кофе или чай. Там собирается наша интеллигенция, ученые, культурные люди. Они очень любят поговорить с русскими». Я пообещал воспользоваться его предложением. Он остановил такси, что-то объяснил водителю. А нам сказал: «Садитесь в машину, он всё знает».

Шофер быстро домчал нас до стоянки машин около пантеона. Я попросил его подождать нас здесь, и мы втроем пошли к месту, обнесённому ажурной металлической оградой. Подойдя к калитке, разулись и по мраморному тротуару проследовали к месту сожжения мудрого вождя Ганди, поклонились шмашане и обвели взором развернувшуюся стройку. Около гранитных и мраморных плит колдовали резчики, шлифовщики, каменотёсы. Сфотографировав общую стройку и некоторые её фрагменты, мы вернулись к таксисту и сказали, чтобы он вёз нас в гостиницу. Приехали, я хотел расплатиться, но шофёр отвёл мою руку с деньгами и произнёс: «Полицейский не велел брать с вас деньги». Я положил ему в карман пять рупий, и мы зашли в гостиницу.

Пообедав, охладившись под душем и, подремав с часок, снова вышли прогуляться – теперь уже по вечерней столице. Проходя вдоль аллеи по тротуарам, мы видели под кронами деревьев целые группы людей, спящих вповалку. А некото-

рые еще ужинали: брали руками холодный рис с «тарелки» в виде бананового листа, или из тряпичного мешочка, или просто с клочка толстой бумаги, и при этом вели беседы между собой.

На протяжении всего нашего пути прямо на траве и даже на голой земле лежали полуголые люди, лишь часть их была укрыта либо тряпкой, либо до предела изношенным одеялом. Около одной такой группы спящих мы остановились и с жалостью их разглядывали. А мимо нас размеренной походкой шло множество людей, и никто из этого сплошного потока не обращал никакого внимания на лежащих под открытым небом бездомных. Заметив наше равнодушие к этой свалке отверженных, освещённых луной и неоновыми фонарями, подошёл индеец, одетый в цветную чалму, длинную белую рубаху и такие же брюки. Как-то неожиданно он произнёс: «Ю рашен?» Мы утвердительно кивнули головами. «О, добри ветчер, я так и думаль, – сообщил он. – Я говорить немножко по-вашему. Научился у рашен на работе в городе Ранчи, строиль савот вместе с ваш пипал. Вам интерес наши пипал как шивут». Я признался, что нам очень интересно, что это за люди, и почему они здесь спят. И он начал рассказывать. Не всё в его речи нам было понятно, но главное мы уловили: здесь, в Индии, счастлив тот, кто имеет жильё, семью, но горе бездомным, тем, кто пришёл из деревень наниматься на работу на городские предприятия и не имеет своего крова. Летом-то ещё ничего, тепло, но когда идут муссонные дожди, или начинается зима, в декабре и январе, для этих людей наступают тяжелейшие испытания. Хорошо, если у такого бездомного есть ватное одеяло: это роскошь, это в какой-то мере спокойный сон на уличных камнях, это спасение от постепенного застывания – иногда и до смерти. Днём эти люди ходят, нахнувшись на себя одеяло, как своё главное достояние, а ночью завёртываются в него, лёжа на плитах панелей или на земле. А тысячи других обездоленных спят на улицах городов, подложив под себя лишь хлопчатобумажную подстилку или соломенную циновку и

укрывшись вообще чем придется. Каждую ночь их подстерегает смерть, особенно если днём не удалось заработать достаточно, чтобы досыта поесть... Индеец закончил свой рассказ и отошёл, а мне вспомнился случай в посёлке «Бхилай Хаус», где мы жили. Поначалу мы как-то не придавали значения тому, что молодые ребята, бои, работавшие уборщиками нашего жилья, спали ночью на верандах напротив наших квартир, прямо на голых цементных плитах. Мы думали, что они просто ленятся ходить ночевать в свою деревню. Да и, наверное, на каменном полу без подстилки спать комфортнее в такой невероятной жаре. Но однажды к вечеру спустилась гроза с дождём и градом, а ночью температура воздуха резко снизилась до плюс 12 градусов. И утром сразу шесть индийцев были обнаружены умершими от переохлаждения. После этого моя сердобольная жена одела и обула боя, который убирал нашу квартиру, да ещё дала ему плед, чтобы он на нём спал.

Шли томительные дни ожидания отлёта из Дели. После обеда я прилёг в своём номере гостиницы, но сон не шёл. В комнате было душно и жарко, хотя и работал кондиционер. Я встал с кровати, включил фен. От возникшего потока воздуха забегали по потолку светло-коричневые рептилии, дремавшие до этого за электропроводкой и в щелях штукатурки. Боясь, что они начнут падать с потолка на спящих Марусю или Наташу, я выключил фен. Сон пропал совсем, и я пошёл в вестибюль гостиницы. Там уже сидел Пётр Емельяненко. Я опустился в соседнее кресло, и мы разговорились. «Ну как, оклемался от поездки в Агру? – спросил коллега. – Говорят, дорогой чуть не сгорели?» – «От такого солнца можно не только сгореть, но и расплавиться. Шофёр на нашем такси, видать, опытный, не растерялся и быстро потушил пламя в двигателе. Даже не верится, что индийцы могут быть такими шустрými. Но, несмотря и на жару, и на пожар, мы очень рады, что увидели чудо-мавзолей и вообще весь этот город – Агру». – «Вы ещё многого не видели, – оживился мой собеседник. – В прошлом году я с группой

туристов побывал здесь, в Агре, Читторе и других городах штата Раджастан. Временем мы ограничены не были, так что колесили по городам и видели такое, чему даже поверить трудно. Особенно поражали своей роскошью, архитектурой и инженерными сооружениями дворцы. Это причудливое сочетание бесчисленных залов, колонн, внутренних двори-ков, павильонов, фонтанов, решёток – и всё сделано из мрамора или облеплено им. Мрамор – богатство этой страны, он украшает собою всё. Им облицованы полы, лестницы, стены. Из него вырезано тончайшее кружево, которым отде-ланы окна, двери. Особенно густым мраморным кружевом затянуты женские покои. Оно пропускает свет и дыхание ветра, но за него не может проникнуть ничей нескромный взор. Так князья, махараджи неусыпно стерегли целомудрие своих жён. Я видел зал для уроков музыки. В его центре должен был сидеть учитель, объясняющий приёмы игры женщинам дворца, которых здесь, возле него, не было, и которых он вообще не видел во время урока. Женщины разме-щались на хорах за решётками, оттуда они и наблюдали за движением пальцев учителя и слушали его пояснения. Он на слух исправлял их ошибки, не зная, кому он объясняет, и кто из его учениц талантливее других. Стены высотой 15-20 метров окружали дворцы, где жёны гуляли по мраморным плитам или плескались в бассейнах. Системы внутривдвор-цовых бассейнов – это вообще чудо архитектурного искус-ства. Вода в них всё время пребывает в движении: уклон dna рассчитан так, что она сбегает, льётся из одного в дру-гой, пропадает в стенах, вытекает из стен, охладившись в их каменной толще, бежит дальше, растекается по каналам в полу, собирается в водоёмы. И так с этажа на этаж, по всем залам и покоям. Вода, сквозняки, решётки, преграждающие доступ прямым солнечным лучам, – всё это заменяло со-бою установки по кондиционированию воздуха. А как хи-троумно устроены вентиляционные системы дворцов и кре-постей! Эти сооружения прокладывались под землёй, узкие и широкие каналы, круглые и квадратные, маленькие, как

щели, и достигавшие по высоте человеческого роста. Они пронизывали всю толщу стен, проникали повсюду, чтобы обеспечить приток свежего и охлажденного воздуха. Были предусмотрены вентиляционные трубы и в зале для само-сожжения раджапуток (жён из гарема князей). Эти трубы направлены так, чтобы сильный ветер из них мог мгновенно раздуть костёр. Копоть на потолке от кремации сохранилась до наших дней как свидетельство бесчисленных трагедий далёкого прошлого. Тогда происходили частые войны меж-ду моголами – мусульманскими завоевателями – и корен-ными жителями Раджастана. И жёны князя, видя из своих покоев через решётку в окне исход боя не в пользу защит-ников крепости-дворца, сразу спускались в зал костра по крутым каменным ступеням. Имелась и ещё одна дверь, че-рез которую можно было снаружи попасть в женские покои. Она была очень узкая и низкая, сюда можно было пройти только по одному и наклонившись, так что вошедший про-тискивался только вперёд головой. И эту голову вошедшего женщины немедленно срубали мечом. Вот так они расправ-лялись с неприятелем, посягнувшим на их честь».

Пока происходил этот разговор, наши женщины успели выпастья. И тут же уговорили нас пойти с ними погулять по вечернему Дели. Конечно, с прицелом на то, чтобы ещё раз прошвырнуться по магазинам, ведь выданные дармовые командировочные – аж по тысяче рупий – не давали им по-коя. Когда мы вышли из гостиницы, было ещё светло. Мимо по тротуару двигался здешний люд – медленно, разморён-ный жарой, вяло жестикулируя и нехотя разговаривая. У нас не было особого желания вливаться в эту толпу. Стоим, смо-трим. А день стал быстро угасать. Вспыхнули светильники на гостинице и вдоль шоссе рядом, освещая эту главную ма-гистраль города. И почти мгновенно вокруг неоновых ламп закружились в каком-то диком танце тучи бабочек, жуков и других насекомых. Мой взгляд сразу приковало это ещё одно необычное явление здешнего мира. Отвлёк меня толь-ко вопрос Емельяненко, спросившего, ездил ли я в Бенарес.

Я отрицательно покачал головой и объяснил: «Не пришлось мне побывать в турпоездке. По графику мне предстояло ехать в октябре, но обстоятельства распорядились по-другому. Как видите, едем домой». «Жаль, что не пришлось, – искренне посочувствовал мне коллега. – Этот город построен на берегу легендарного Ганга и является наиболее почитаемым, как место, где, по преданию, жил бог Шива». И только он произнёс эти слова, как его перебила жена Вера: «Вы что, собрались молиться Шиве или Кришне? Нам уже надоело слушать ваши байки! А в общем, как хотите, мы пошли по магазинам». И все три дамы – Наташа, Маруся и Вера – направились в сторону торгового центра.

Мы медленно последовали за ними. Наши женщины, не оборачиваясь, шли по тротуару и вскоре скрылись в сумраке ночи. «Пусть идут одни, мне уже надоело шастать по магазинам, подождём их здесь, – предложил Пётр. – Да и стало прохладнее. Хоть подышим свежим воздухом». Я согласился, мне магазины тоже осточертели. А здесь можно было понаблюдать за жизнью бездомных людей, точнее, за тем, как они борются за жизнь. Мы увидели, как в парке изгнали с незаконно занятого места на траве какого-то чужого пришельца. Как привычно они укладывались спать – кто на изодранном матраце, а кто на простыне цвета земли. И всё это спокойно, по-хозяйски. Тот, кто был ближе всех к нам, снял с себя пиджак, размотал свой узел, достал какой-то половичок, расстелил его на землю, лёг головой на тюрбан, укрывшись пиджаком, и замер неподвижно. А другие, уткнувшись лбом в землю, ещё справляли молитву Аллаху.

Пока я разглядывал эту картину, Емельяненко начал вспоминать, как он ездил в Бенарес. А поскольку я давно хотел узнать побольше об этом удивительном городе, меня его история сразу увлекла. «Среди нескольких священных или вечных городов Индии Бенарес является наиболее почитаемым, – рассказывал коллега. – Сотни тысяч паломников тянутся сюда со всех концов Индии, чтобы совершить обряд очищения – купания в священных водах Ганга. Заветная мечта правоверного индийца – быть похороненным здесь, в

водах реки. Бывает, что люди привозят пепел умерших из-за тридевять земель, чтобы развеять его именно здесь. Проходя вдоль берега реки, мы видели, как у самой воды пылают высокие костры, нас окутывал дым со сложными запахами благовоний, горящих дров, цветов и горелого мяса. У одного костра мы увидели корову. Это святое животное для индуса, она везде хозяйка, поэтому спокойно жуёт гирлянду цветов, стянув её с погребального костра. А родственники покойного на корову не обращали никакого внимания. Дальше на берегу – храм оспы. В нём мы увидели толпы людей. Они просили богиню Дургу, покровительницу умерших от оспы, отворотить свои «милости» от них. Тут же умершего от оспы, не сжигая, опускали с камнем на шее на дно Ганга. Такого покойника, по поверью, забрала к себе богиня, и сжигать его нельзя».

Здесь я вспомнил инженера нашего цеха по фамилии Гупта. Он долгое время не появлялся на работе, о нём даже позабыли. И вот однажды приехал я на завод, иду по цеху, а навстречу бежит индеец с протянутой рукой. Я еле его узнал в нём Гупту. Лицо серое, всё изъеденное, а рука, которую я пожал при встрече, была в волдырях ещё не отболевшей оспы. Меня сразу пронзила мысль: «Это же заразная, смертельно опасная болезнь, а он ходит по цеху, улыбается и, наверное, заражает других». Кто-то из индийцев меня успокоил, что у них же покровительница – богиня Дурга, и они верят, что эта богиня защитит всех, кто ещё не болел. Но, видя, что почти каждый десятый вокруг – с корявым лицом или бельмом на глазах, а много и совсем слепых, я понял, что эта богиня не очень-то и хорошо защищает. Поэтому каждый год нам, русским, делали прививки от оспы. А после встречи с Гуптой я тщательно вымыл руки, не надеясь на исцеляющую силу богини. Тем более что я не знал, как ей молиться, и чего у неё просить.

Пока у меня в голове бродили эти воспоминания, мой спутник продолжал рассказ о великом Ганге. Он сказал, что людей из высшей касты хоронят в реке целиком, не сжигая, как и детей до двенадцати лет. Индийцы верят в целебную

силу воды Ганга, которая якобы не только не разносит болезни, а наоборот, уничтожает их. В этой реке и в самом деле нет никаких водорослей, но всё-таки много рыбы и черепах. По пояс в воде стоят мужчины, женщины, дети, они совершают тот заветный обряд «очищения», ради которого преодолели, может быть, не одну сотню километров. Они и другие немощные люди, что добираются сюда сами, а порой и приводят престарелых родственников, располагаются на берегу и ждут прихода своей смерти. Для них всё позади, только ожидание блаженного конца на берегу заветного Ганга...

Я подтвердил Петру, что слышал подобную историю от начальника техбюро цеха Найера: кто-то из его родственников ушёл и умер на берегу этой реки, его сожгли на шмашане.

Вдали на тротуаре появились три силуэта: две женщины и девочка. «Вот и наши дамы идут», – узнал мой собеседник. «Как же вы не заблудились в такой темноте? Я хотел уже идти на розыски», – сообщил он подошедшим. «А мы шли на запах. Помните у Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»? – сказала Вера. – Да мы вас хоть где найдём». – «Без вас нам было ещё лучше. Вы же не любите ходить по магазинам, бежите с выпученными глазами – а куда? – продолжила Маруся. – Мы же спокойно подойдем к продавцу, он улыбается русским леди, и мы ему улыбаемся. А рядимся как! Он с улыбкой называет цену в два-три раза выше, мы тоже с улыбкой даём раз в пять ниже цену. Раздаётся смех, сбегаются продавцы с других отделов, тоже хохочут и кричат: «Хэло, рашен леди». И так, шутя, сбавляли нам цены». – «Мы купили вот это барахло по цене ниже, чем в Бхилаи», – сказала Вера. «Они рады бы были таким красоткам отдать и даром, если бы дольше порядились», – рассматривая покупки, произнёс Емельяненко.

Медленным шагом мы двинулись в сторону гостиницы. Встречные пешеходы с интересом разглядывали нас, в людском потоке то и дело были слышны слова: «Рашен, рашен!»

«ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ»

Прошла неделя, наступила вторая нашего пребывания в столице Индии. В это время – самый жаркий период в Дели. Столбик термометра днем не опускается ниже плюс сорока градусов, а ночью – плюс тридцати пяти. Мы изнывали от «бани» как на улице, так и в номере гостиницы. В какой-то мере спасал душ, который мы посещали раза по три за день, но вода там лилась не холоднее, чем те же сорок градусов... Через каждые день-два мы навевывались в посольство, там нас успокаивали: «Вот-вот, на днях вы улетите». Вскоре Маруся приуныла: «Теперь Люба нас потеряла. Прошла неделя, как мы выехали из Бхилаи, а от нас никаких вестей».

В следующий раз, придя в посольство, я попросил секретаря дать телеграмму нам домой – о том, что мы задерживаемся на неопределённое время. Но мне отказали, сославшись на строгий порядок в дипломатической связи. И наконец-то обрадовали, что через три-четыре дня мы точно полетим домой. Вернувшись в гостиницу, я сообщил эту новость Марусе и Наташе. От радости они, как дети, пустились в пляс.

Последние три дня были наиболее насыщенными. Если сначала Маруся, как человек дальновидный и хозяйственный, придерживала рупии, которыми нас осчастливило посольство, то теперь они начали таять, как лёд на разогретом асфальте. Она покупала различные сувениры, подарки родным и друзьям, целебные индийские лекарства. После трёхдневной беготни по магазинам, истратив почти все деньги и собрав ещё один баул, мы взялись за голову. «У нас же лишний вес, за него же надо платить! А чем? – похолодел я. – Вот и всплыли подводные камни...». Сначала радовались покупкам, а теперь охватила такая досада на себя! Как всегда, мы сильны задним умом: «Надо бы, да если бы... Я рассказал о своей промашке Павловскому, который летел домой вместе с нами. И Сергей Иосифович почти успокоил меня одной комбинацией: «Нас из Бхилаи здесь девять че-

ловек. Если багаж на самолёт будем сдавать гамузом, то ваш перевес может компенсироваться. Кстати, у меня не хватает до полного веса килограммов десять».

Наконец, рано утром приехал человек из посольства и сообщил, что сегодня мы должны лететь в Москву. Зная индийские порядки уже в совершенстве, мы пошли к такси, стоящим около гостиницы, сказали, что нужно три машины, чтобы доехать в аэропорт. Почти мгновенно подростки, сидевшие рядом, по какому-то неведомому нам сигналу ринулись бегом в гостиницу, и пока машины подъезжали к входу, наши вещи в руках и на головах мальчишек вереницей перетаскивались вниз в сопровождении наших жён. И скоро уже оказались в багажниках.

Последний раз окинули мы взором столичную гостиницу, порядком поднадоевшую нам. Таксист лениво подошёл к машине, распахнул дверцу и пригласил нас садиться. А мы с ужасом поняли, что его машина, оказывается, стояла не в тени, а на солнце. Шофёр включил счётчик, и при этом обжёг себе пальцы (на индийских такси счётчики укреплены снаружи, на радиаторе). Озарив нас ослепительной улыбкой, он ещё раз пригласил нас в машину. Мы нырнули в неё, как в духовку, и начали быстро подсовывать под себя газеты и носовые платки – иначе усидеть на раскаленных сиденьях было невозможно.

Такси трогается и набирает скорость. В приспущенные окна врывается горячий воздух, и внутри салона температура градусов под 60. Наш Сикх ведет машину как истинный делийский таксист, то есть так, что мы каждую минуту замираем, видя: сейчас-то столкновения со встречной машиной уж точно никак не избежать, только чудо спасёт нас! Маруся и Наташа вскрикивают от ужаса. И чудо происходит: автобус пронесется мимо, чуть ли не скользнув по кузову такси. А таксист невозмутимо мчит вперед, для него это в порядке вещей, он поминутно высовывает руку в окно и нажимает грушу своего клаксона. По ходу дела он разглядывает наши испуганные лица в зеркале, посылая нам улыбки, поправ-

ляет на голове тюрбан, подкручивает усы, оглядывается на встречные машины, что-то кричит обгоняющим моторикам. Странно, что мы доехали живыми.

К подъехавшей машине бросилось несколько вихрастых мальчишек – открыть дверцу. Тот, кто добежал первым и ухватил ручку раньше других, приглашает нас выйти и ждет монетки, сияя глазами и зубами. Монетка дана. Платим и своему водителю – рупию сверх показания на счетчике. Он быстро прикасается деньгами ко лбу в знак благодарности и дарит нам последнюю улыбку. Зубы сверкают в черноте усов и бородки, как серп молодого месяца в разрыве туч. Огромные глаза поглядывают на нас с благодарностью.

Мы оказались перед зданием делийского аэропорта «Палам». Справа и слева от тротуара всё те же клумбы желтых роз, испускающих тонкий аромат, и так же на крыше сидят обезьяны, смотрят вниз в надежде чем-нибудь поживиться. В здании аэропорта нам показали место, куда сложить багаж, и мальчишки перенесли туда наши чемоданы, ящики и баулы. Мы сели на диван и озираемся, ждем дальнейших распоряжений нашего сопровождающего. Всё кругом такое же, какое было по прибытии сюда, в Индию, два года назад, только мы стали другими. Самое главное, что неведомое ранее теперь позади. Мы стали смелее и раскованнее. Теперь мы можем изъясняться с иностранцами на равных. И декларацию, на которую в первый раз потратили чуть ли не час, теперь заполнили за считанные минуты.

Носильщики погрузили наши вещи на транспортер, таможенники в строгой униформе стояли у движущейся ленты и ставили кресты мелом на каждом месте багажа, не вскрыв ни одного чемодана, не проверив ни единой сумки. Так наши вещи переехали государственную границу.

У нас с Марусей осталось ещё немного денег, и мы отправились к торговцу бижутерией, расположившемуся здесь же, в зале аэропорта. Купили бусы и сережки, и, оставив здесь последние рупии, перешли пограничный пост налегке. Потом вышли на открытую веранду аэропорта. Посадки

объявлено ещё не было, и вся наша группа в полном составе с любопытством рассматривала лётное поле. У всех на устах был вопрос: «Где же наш самолёт, на котором полетим?»

Пётр Емельяненко, за четыре года в Индии хорошо освоивший английский, расспросил обо всём на пункте регистрации билетов и теперь сообщил, что полетим мы на новом советском самолете ИЛ-18. Самолет четырехмоторный, очень надежный, за все время полётов в эту страну не было ни одной аварии, из-за чего у индийцев он пользуется особой любовью. Эти самолеты летают в СССР через день, и так же через день летают самолеты индийской авиакомпании – «Боинги». Но если наши всегда переполнены пассажирами, то американские «Боинги» летают полупустыми по причине частых поломок, индийцы просто боятся на них летать. Пока Пётр рассказывал это, мы увидели, как заправщик горючего с огромной бочкой отъехал от величавого лайнера, блестящего на солнце своей белизной. «Это же наш самолет, какой красавец!» – воскликнул Емельяненко. Действительно, среди самолетов других стран он выглядел очень внушительно, и чувство гордости за Родину охватило нас. Мы с нетерпением ждали объявления по громкоговорителю о посадке. И все, наверное, думали об одном: «Скорей бы уже улететь отсюда, от этого раскаленного воздуха и беспощадного солнца». Мы стояли в тени под широким навесом, и лёгкий сквознячок обдувал нас, но всё равно было нестерпимо жарко, и каждая минута ожидания казалась вечностью.

Наконец по-английски, а потом на хинди объявили посадку на наш самолет. У трапа стройная красавица-стюардесса в синей пилотке и таком же костюме проверяла билеты, а рядом с ней стоял лётчик в фуражке с кокардой. Мы зашли в самолёт, и на нас пахло чем-то приятным, до боли знакомым. Все настолько соскучились по дому, что даже воздух в салоне показался нам особенным, родным. Всё: и кресла, и внутренняя отделка – здесь было в нашем родном стиле, все надписи, газеты и журналы в карманах кресел – на нашем

родном языке. И когда по окончании посадки стюардесса вышла на середину салона и заговорила на чистом русском, это многих растрогало чуть ли не до слез.

Взревели моторы, самолет плавно начал набирать скорость и так же плавно оторвался от земли. Я обратил внимание, что конфет «Взлетных» здесь не разносят. Спросил Марусю и Наташу, сидевших рядом: «Как с ушами? Не закладывает?» Моя женушка, улыбнувшись, ответила: «Это не самолет, а чудо. Ни рёва, ни болтанки, сижу и блаженствую в приятной прохладе».

Стюардесса снова вышла в салон, объявила, что мы можем отстегнуть ремни, самолет набрал высоту девять тысяч метров, скорость – 852 километра в час. Потом добавила, что сейчас будем пролетать над Гималаями. И тут в пылу восторга, не сдерживая переполнявших чувств, кто-то из пассажиров мощным, красивым голосом запел: «Вернулся я на Родину». Другие русские подхватили эту песню, и полилась она, родная...

Иностранцы, летавшие с нами, стюардессы, члены лётного экипажа, свободные от работы, высыпали в салон и слушали нашу песню, возникшую так спонтанно. У многих из них глаза округлились от удивления, такого в самолёте они никогда не видели и не слышали. Наше пение никто не прерывал, а когда мы закончили, раздались аплодисменты. Индийцы, англичане, немцы улыбались нам и громко хвалили: «Гуд! Вэри вэл!». Мы и сами удивлялись, как без предварительной спевки у нас получился такой стройный, слаженный импровизированный хор.

Посмотрев в иллюминатор, я увидел внизу горы. Они, как радужные пирамидки, сверкали бриллиантами. Когда летели в Индию на самолете «Констеллейшн» на высоте всего в шесть тысяч метров, эти ледяные громады нагоняли страх, мы едва их не задевали. Теперь – другое дело: далеко под нами медленно плыли чудесные вершины в виде крупных кристаллов остроконечного хрусталя. И никакого страха я не испытывал. У Маруси душа тоже пела, это было видно по

её веселым глазам. Загадочно и таинственно, будто сообщая о каком-то большом секрете, она произнесла: «Я карты запрятала туда, где ни один таможенник не найдет». – «Какие карты?» – спросил я. «Уже забыл? Да те, что купил в аэропорту, где все дамы голые». – «Куда же ты их запрятала?» – «Не скажу».

Самолет приземлился в Ташкенте. Нам предложили пройти в ресторан пообедать. Мы вышли из самолета. На улице тихо, солнце ласкает, а не обжигает, как в Дели. Все направились в ресторан, но сразу уперлись в глухую стену в виде таможни. Выстроилась длинная очередь, через узкий проход пограничного поста пассажиры проходили по одному, и откормленные дяденьки в форменных фуражках проверяли ручные сумки и сумочки, даже обыскивали. «Узнаю тебя, Родина, с твоим недоверием и подозрением», – с горечью подумал я.

Маруся шла впереди меня, и я видел, как она волнуется. «А вдруг найдут у неё эти пресловутые карты? – заволновался и я. – Будут неприятности». У самого поста я наблюдал за тем, как вытряхивают сумочки, особенно у женщин, из них высыпаются украшения, разные коробочки и флакончики. У одной выпала целая пачка цветных порнографических открыток. Конечно же, их конфисковали, а женщину взяли на заметку (внесли в особый список). Следом шел мужчина с пакетом, перевязанным шпагатом. Пакет развязали, в нём обнаружили книги, их тоже забрали. Оказалось, что они запрещены к ввозу в Союз, а это были всего-то Библия да произведения Мандельштама. Доблестные таможенники ничем не брезговали, забирали всё, вплоть до бижутерии – под предлогом, что это драгоценности. Отстояв более часа, мы, наконец, прошли в ресторан. Пообедали и снова полетели – теперь уже прямо в Москву.

Остаток пути я продремал. И вот на табло загорелись красные буквы: «Пристегнуть ремни. Не курить». Двигатели снизили рёв, и внизу стали отчетливо видны деревуш-

ки, берёзовые и сосновые рощи. Наконец, самолет коснулся земли и подкатил к аэропорту «Шереметьево». Здесь мы тоже прошли пограничный пост. Но багажа здесь не выдали, только сообщили адрес, куда мы должны явиться, чтобы получить его.

Выйдя из аэропорта, мы сразу утонули в водовороте, суеете, бестолковой толкучке московской жизни. Хорошо, что ещё в Дели сопровождающий из посольства сообщил нам о заказанных местах в гостинице «Восток» на ВДНХ. Добравшись туда и разместившись по номерам, мы проспали ночь крепким сном, теперь уже на родной земле, безмятежно и беззаботно. А только наступило утро – сразу нахлынули неотложные дела. Да ещё с тревогой и беспомощностью: «В Москве, и без денег!» У нас же ни у кого даже рубля не было. А надо на что-то позавтракать, надо ехать в Тяжпромэкспорт и министерство с пакетами, переданными из посольства. Надо дать телеграмму Любе. Надо сообщить родственникам Наташеи Пастуховой, чтобы приехали за ней. А на всё это нет ни копейки.

Я решил ехать «зайцем». Дождался автобуса №24, который отходил от гостиницы и шел до центра полтора часа. Зашел в салон, достал из кармана последнюю рупию, подаю кондуктору. Та удивилась, не поняв, что это за бумажка. А когда я объяснил, что только что из-за границы, и денег советских нет, она ничего не взяла, и как-то по-доброму озабоченно сказала: «Да мы что, не русские? Езжайте так!» Я поблагодарил её, и она ответила мне такой тёплой улыбкой, какой я не видел у москвичей никогда, хотя и часто бывал в столице.

Вручив пакет в министерстве черной металлургии, побывав в Тяжпромэкспорте, я поехал в банк, что находился на Кутузовском проспекте. Получил там деньги и наконец-то почувствовал себя свободным независимым человеком.

Когда вернулся в гостиницу, сразу повел своих чад в буфет, и мы поели там стандартные сосиски с капустой. Потом от администратора позвонили родственникам Наташи, дали

телеграмму домой и поднялись на четвертый этаж в свой номер. Чувствую, Маруся чем-то взволнована, спрашиваю: «В чем дело?». Оказалось, Емельяненко, которые прилетели с нами из Индии, уже съездили на таможню, и там у них половину вещей изъяли в пользу государства. «Там есть старший лейтенант, который проверяет всё досконально. Они предупредили меня, чтобы мы не попали на досмотр к этому солдафону, – рассказала жена. – Он беспощадный, не слушает никаких просьб и объяснений. Проверяет каждую тряпку, каждый сувенир. А разные изделия из слоновой кости, морские раковины и искусные вещи отбирает сразу. Считает, что многое привезено сверх нормы с целью спекуляции. Теперь они сидят и плачут. Надо бы домой ехать, но думают вернуть хоть часть вещей».

Вскоре приехали за Наташей Пастуховой её родственники. А мы Марусей, переночевав ещё одну ночь в гостинице, рано утром поехали в таможню, как на Голгофу. Оба переживаем, Маруся чуть ли не молится, шёпотом повторяет: «Хоть бы на проверке вещей нам попал не тот старший лейтенант».

На таможне было уже несколько человек нашего брата – «иностранцев». Все стояли и дрожали в ожидании, а тот самый старший лейтенант сурово сверлил взглядом чемоданы, сумки, баулы очередной жертвы, заставлял распаковывать их. Мужчина и женщина, хозяева багажа, безропотно исполняли все его указания. Раскладывали одежду, тюки нейлона и габардина на две кучки. А этот «держиморда», окончив досмотр, сказал им, что они могут упаковывать любую из двух кучек. Хозяева, убитые горем, начали собирать вещи, а таможенник сел за стол составлять акт изъятия. У нас в голове пронеслись тяжкие мысли. Я тихо произнес: «Ну вот, заработали, нажарились под тропическим солнцем. А сколько пота пролили!». У Маруси глаза стали влажными от переживания. Видя, как беспощадно расправляется с людьми таможенник, она наверняка думала, что у нас могут отобрать.

Пока шла процедура изъятия, а вернее сказать, неприкрытого грабежа среди бела дня, я скользил взглядом по складу, где отдельными кучами были сложены вещи. Увидел и свой багаж. И для меня он почему-то стал вдруг таким опостылевшим! «Сколько вложено сил, энергии в эти ценности! – подумал я. – И почти всё может уйти прахом. И попробуй возмутись, позови на помощь закон. Он же обернётся против тебя. Обвинят в преднамеренной спекуляции, ещё угодишь за решётку!»

Впереди нас стояла пара примерно такого же возраста. И то, как поступил таможенник с предыдущими очередниками, настолько их потрясло, что они решили уйти. Надеялись, видимо, в другой раз попасть на досмотр к другому, более человечному хранителю «государственных интересов». А мы с женой, испуганно переглянувшись, полезли, как кролики, в пасть удаву. Я предъявил этому толстому, невозмутимому и безжалостному человеку свои документы. Он, вперив в меня мутный усталый взгляд, спросил, сколько времени я работал за границей, что приобрел из советских товаров. А когда узнал, что мною куплена машина, и оценил беглым взором нашу поклажу, сказал: «Забирайте!». Что на него подействовало так умиротворяюще: страх в наших невинных, кристально чистых глазах или малое число упаковок багажа? Скорее всего, он просто не захотел расплываться на мелочи. А возможно, сыграл роль наш магический ответ на его вопрос: «Мы из Сибири!» Облегчённо выдохнув, не чувствуя ног, мы в один миг перенесли вещи из склада на улицу.

Я пошел ловить такси, Маруся осталась сторожить. Погрузив вещи в машину, отправились на Казанский вокзал. Сдали там багаж в камеру хранения и вернулись в гостиницу, где рассчитались за проживание. А потом отбили Любе телеграмму о выезде и закупили продуктов на дорогу, ведь ехать предстояло более трех суток.

Дальнейшее наши дни складывались удачно.

Вещи мы сдали в грузовой вагон поезда, а сами, как цари, разместились на нижних полках купе. И, двинувшись в сто-

рону родной Сибири, после долгих мучительных мытарств смогли наконец-то расслабиться.

Маруся достала продукты, заполнила весь столик закуской, а в довершение, конечно же, появилась бутылка «Столичной». Мы подняли стаканы за возвращение в родные края. А потом всё, что ели, казалось нам деликатесом. Хлеб ароматный, колбаса, рыба – всё отличалось от индийского; даже овощи – огурцы, помидоры – были вкуснее, чем растущие в тропиках. Весело, перебивая друг друга, мы рассказывали о своих переживаниях в Дели, при перелете и в Москве, будто не были все эти дни рядом.

В купе постучали, дверь открылась, показалась ещё одна кормилица – официантка из ресторана. В обеих руках она несла обоймы посуды с первым и вторым. Мы капитально подзаправились и крепко уснули.

В одном купе с нами ехали муж с женой, по возрасту немного старше, интеллигентные, умные и добрые. Александр Петрович – кандидат исторических наук, завкафедрой основ марксизма-ленинизма в учительском институте, Елена Николаевна – учитель биологии в новокузнецкой школе. Своей скромностью и деликатностью они сразу произвели на нас хорошее впечатление, и некоторая напряженность, обычно возникающая между незнакомыми людьми, в данном случае быстро исчезла. То, что мы вернулись из-за границы, они сразу определили по каким-то неведомым нам штрихам. Начались расспросы: где побывали, кто нас послал да зачем. Я рассказал, что мы были Индии, в каком месте жили и работали и где ещё успели побывать. А потом, по их просьбе, перечислил всё, что нас там больше всего поразило. «Но когда масса голодных и безработных людей, это же опасно для страны, может вспыхнуть восстание или революция!» – сказал доцент. «Может, – согласился я, – но только не в Индии. Конечно, есть там и митинги, возникают беспорядки, которые быстро ликвидирует полиция. Но чтобы недовольство переросло в массовые выступления народа, – такого нет. В этой стране главенствующую роль играет

духовность, религия. У них тысячи богов, кроме основных (Шивы, Кришны, Дурги, Будды) есть еще боги солнца, воды, ветра и много других. Они обожествляют всё живое и неживое. С детства воспитанные в религиозной боязни, они считают, что социальное положение страны зависит только от бога, но никак не от подобных себе: членов правительства, князей, махараджей и всей богатой прослойки общества, небольшой кучки людей. Они верят в реинкарнацию, перевоплощение. Считают свою нищенскую, неудавшуюся свою судьбу временной, пока они живут в виде человека на земле, после смерти же их ждет другая жизнь. Существует древнее учение о перевоплощении человека в другие существа. Если в земной жизни он грешил, то есть жил нечестно – воровал, убивал, издевался над неимущими и немощными, то впоследствии он переродится в червя, жука, змею. А если человек умер праведником, духовно чистым и безгрешным, то в другой жизни станет птицей (орлом, грифом), львом или кем-то из священных животных: коровой, осликом, буйволом. По этой причине все индийцы с малых лет воспитаны в строгом соблюдении закона: не убей! Ни насекомое, ни змею, ни корову, ни льва, ни слона и не птицу, так как в змее или муравье ты можешь убить человека, жившего еще до тебя. Живя в этой стране, мы не раз наблюдали, как люди аккуратно снимали с лица впившегося комара и отпускали его, и даже укусившую змею не убивали. Ну, а если самое священное животное – корова – вдруг улеглась отдохнуть прямо на асфальте, на дороге, то ее аккуратно объезжают. Это когда есть, где объехать. А нет – то движение просто замирает. Такую историю мы с женой наблюдали, проезжая по Дели на такси. В самом центре города образовалась пробка. Стоим минуту, другую. Мое терпение лопнуло, я вышел из машины и направился вдоль выстроившегося в плотную колонну транспорта: машин, повозок, рикшей. Дохожу до места закупоренной пробки. Трое полицейских с полосатыми жезлами на ремнях тянут корову с перекрестка на обочину. Бедняга шла по дороге и свалилась от истощения. У нас ее

сразу же сбросили бы с проезжей части, а здесь не смей: она священна и пусть отдыхает. Только когда все поняли, что она уже никогда не встанет, начали ее убирать. Но сколько сил и энергии потратили полицейские, чтобы рассосать создавшуюся пробку!» – «Как же они собираются строить у себя социализм с такими убеждениями, с верой в богов, древнейшими обычаями и со своей кастовой системой? – спросил мой собеседник. – Да еще и задумываются о коммунизме!» На вопрос я ответил вопросом: «А вы верите в возможность построения коммунистического общества?» – «Конечно, это наша надежда и цель жизни! – ответил Александр Петрович. – Да и Маркс с Лениным научно обосновали эту возможность». – «А я не верю и считаю это утопией. Ведь это противоестественно, а поэтому невозможно. Ведь сама природа и жизнь на земле – основное доказательство несостоятельности этой теории. Чтобы ей осуществиться, надо, во-первых, родиться всем одинаковым – и людям, и животным, и растениям, вообще всему живому. По закону природы сильный побеждает слабого. А еще и человеческие желания безграничны. И в человеке, и в животном изначально заложены природой стремления, инстинкт: всё, прежде всего, себе. Особенно человек, если даже перенасыщен всем, если даже не вмоготу съесть, так надкусит, чтобы не досталось другому. Не говоря уже о братстве и равенстве, а также любви к ближнему».

Поезд мчит нас, весело стучат колеса, душа поет и трепещет: ведь домой же, скорей бы! За окном Уральские горы со знаменитыми гранитными скалами, которые, как пики, выступают из густых сосновых лесов. Родная природа поднимает настроение. Женщины из купе даже вышли в коридор вагона, чтобы полюбоваться пейзажами, проплывающими мимо окон. А мы с коллегой сидим за столиками, потягиваем пиво и продолжаем беседу. Коллеги мы по учительскому институту; правда, я в нём успел проучиться только год и ушел на фронт, а он преподает и сейчас.

Александр Петрович благодарит меня за интересные рассказы, а у меня от них уже язык устал. Но ему ещё о многом

хочется узнать, и он задаёт очередной вопрос: «А как, по вашему мнению, почему в Индии люди такие смиренные и доброжелательные, а мы становимся нетерпеливыми и грубыми?» – «Индия – страна древняя, с культурой еще с доисторических времен, с традициями и такой же древней религией, – говорю я. – А главное – жизненный уклад общинный. Во главе многочисленных семей (общины) дед или прадед, он для всех членов является непререкаемым авторитетом, на положении наивысшего законодателя и бога. Какая бы семья ни была – 20, 30 человек – все беспрекословно подчинены ему. Семейный бюджет у него; неважно, один человек или десять зарабатывают, все деньги отдают своему главе, а он знает, как их распределить, как обууть, одеть и накормить всех. Если в какой-то общине этот порядок нарушен, она обречена на вымирание, она распадается, и её члены переходят на бродячий образ жизни, без крова, без поддержки; как результат – голодная смерть. Кастовая система и крепкие семейные отношения не позволяют, чтобы эта беда имела массовый характер. В громадной семье укоренились добрые отношения благодаря равенству всех членов, и они воспитаны во взаимоуважении, взаимовыручке. И такое воспитание передалось на все общество нации. Поэтому, преодолевая трудности бытия, народ остаётся терпеливым и смиренным. А то, что народ ещё и послушный, доброжелательный, – это, в основном, заслуга духовенства. Религия превыше всего. И мировоззрение индийцев в корне отличается от нашего. Всякое природное явление – от бога. Всякие жизненные катаклизмы, катастрофы, аварии на дорогах, с самолетами – это не человеческий фактор, а божественный. Бог призывает к смирению, – и они этому следуют, бог призывает к любви к ближнему, – и они с почтением относятся ко всем, особенно к старшим и детям». – «Наше общество ни в какое сравнение не идёт с индийским. У нашего советского народа ни смирения, ни уважения друг к другу. А о любви к ближнему и говорить нечего, – заметил мой попутчик. – А всё потому, что религию мы провозгласили опиумом для

народа, отвергли, а взамен ничего не создали. Коммунистическая идеология всё время разбавляется в водке, в которой утопают наши партийные проповедники, в разврате и обогащении. В праздной жизни. Для нашего народа ничего святого теперь нет. Если до революции почти все россияне ходили в церкви, для них было одно устрашение: всевидящий бог. Его боялись и любили, теперь же напугать даже нечем. Был Сталин, был и порядок в стране: он для народа был богом. Его боялись и любили. Сталина не стало, и вся коммунистическая идеология пошла под откос. Наше общество, наше государство превратилось в империю зла», – с горечью произнёс Александр Петрович.

Нашу беседу прервали вернувшиеся из коридора жёны. «Ваня, расскажи Елене Николаевне о культуре индийцев, ты больше там жил и лучше знаешь», – попросила Маруся. «Чтобы познать их культуру, надо прожить там не два года, а 22, – пошутил я. – А так, поверхностно, о кино, об общении их между собой мы с женой уже рассказали. Если только о вершине искусства, о танцах, которые мне лично посчастливилось видеть, могу рассказать ещё немного словами одного индийского коллеги, который долго учился танцам и теперь исполняет их очень красиво и профессионально. «Танцоры – как мужчины, так и женщины – загрированы, лица разукрашены, на щеках, носу и висках яркие наклейки, – объяснял он. – А между собой они общаются жестами, мимикой, глазами. Выражая гнев, танцор бросает быстрые взгляды вверх и вниз, поднимает брови вверх. Эта сложная азбука имеет десять движений глаз, семь положений бровей, девять – ресниц, они призваны выражать разные мысли и чувства актера. А самые сложные мысли и чувства, их тончайшие оттенки передают в танце жесты. Для этой цели выработано более пятисот положений пальцев и рук. Только движения глаз танцор отрабатывает ежедневно в течение двух часов, вкладывая под веки для лучшей подвижности глазного яблока по кусочку сливочного масла».

Трое суток в дороге пролетели незаметно. Вот мы уже проехали Новосибирск, проехали и Прокопьевск. Наше напряжение нарастало. Волнение из-за предстоящей встречи перехлёстывало через край, у Маруси слёзы из глаз катились невольно, но это были слёзы радости. Она знала, чувствовала, что вот-вот увидит дочечку, как она всегда называла Любу.

Но встречала нас не одна Люба. Когда подъезжали к перрону вокзала, ещё издали увидели толпу знакомых людей. Я вышел на площадку вагона, встал рядом с проводником и помахал всем увидевшим меня. Потом вернулся в купе, забрал вещи.

При выходе из вагона мы сразу попали в руки тянувшихся к нам многочисленных родственников. А сами мы с Марусей схватили дочь, обняли её четырьмя руками и твердо сказали: «Люба, мы больше от тебя никуда не уедем!»

ИНДИЯ – СТРАНА КОНТРАСТОВ (Заключение повествования)

В течение почти двухгодичного пребывания в этой стране я пытался понять живущих здесь людей, совсем не похожих на европейцев, а также на нас, русских. Ни по образу жизни, ни по мышлению, ни тем более по характеру. Работая вместе с индийцами на заводе, общаясь с ними в повседневной жизни, я видел: у них круг интересов совсем не тот, одеваются они по-иному, даже едят не так, как мы.

В Индии поклоняются множеству богов, и живет народ этой страны строго по начертанным ими законам. Вот, например, основное положение религии, исходящее от бога Кришну: «Старайся действовать хорошо, выполняй хорошо свои обязанности воина и не думай о том, каковы будут результаты. Только действием должен быть озабочен ты, а не его результатом». Этот завет очень уж похож на более известную нам наполеоновскую фразу: «Сначала вступим в бой, а потом посмотрим, что из этого получится». Корсиканец-завоеватель вполне мог позаимствовать этот постулат из учения Кришны, ведь Франция, как и Англия, долгое время оккупировала Индию, и Бонапарта именно такой жизненный принцип вдохновлял на войну с европейскими государствами и Россией. Все мы знаем, что вышло из следования такой философии и как сложилась дальнейшая судьба Наполеона. Но индийцы и по сей день живут в соответствии с этой заповедью Кришны. И если ее немного перефразировать, сделать более актуальной для нынешнего времени, то становится понятно, как выгодно это господам-эксплуататорам: «Исполни свои обязанности и не жалуйся, если за это ничего не получишь».

Или ещё одна заповедь – от бога Шивы: «Не боритесь против зла, потому что и ему предназначено существовать». Отсюда сплошь и рядом пассивное отношение народа к невообразимым контрастам в жизни и чудовищная инерция у людей. Для многих из них, полуграмотных, даже такие,

казалось бы, простые природные явления, как восход и заход солнца, есть деяние богов: будто это Шива отвращает от людей свой светлый лик создателя и закрывает всё своим темным ликом разрушителя. Вот почему индийцы с такой тревогой смотрят на закат...

То же можно сказать и о других природных событиях, которые нам представляются обычными, а им – сверхъестественными. Хотя в этой разноликой «сказочной» стране и впрямь нередко происходит нечто неожиданное, необъяснимое.

Именно в Индии нередко бывают самые страшные катаклизмы: землетрясения, смерчи, засухи, здесь до сих пор свирепствуют такие болезни, как проказа, чума, оспа, тиф.

Индия – страна самого обжигающего солнца и выжженного, опустошенного – без единого облачка – неба, страна неистовых громовых раскатов и дождей, больше похожих на потопа.

Индия – страна, кишашая жизнью, где сам принцип жизни становится угрожающим, злобным и разрушающим, это страна, наполненная змеями, хищниками, жадной саранчой.

Индия перенаселена и перенасыщена плотью, жаждущей существовать, но сплошь и рядом не борющейся за своё существование со всей возможной страстью и инстинктом самосохранения. Словно эта живая суть природы убеждена: даже будучи уничтожена, она немедленно возродится от земли, щедро напоенной муссонными дождями, или от воздуха, густого и жирного от испарений.

Индийский народ – древний, мудрый, со своей великой самобытной культурой: уникальными песнями, танцами, литературой. В период работы на Бхилайском заводе мне не раз выпадала счастливая возможность беседовать с механиком рельсобалочного цеха Венкатешем Кудвой, инженером по оборудованию Найером – хорошо говорившими по-русски и высокообразованными людьми. О своей стране они отзывались с гордостью, как истинные патриоты, особенно – о таланте своего народа, который создал такие дворцы, мавзолеи, крепости, равных которым нет на земле.

«Индия никогда не была покорена никем, включая англичан: они хозяйничали так долго только благодаря нашему попустительству», – признался как-то Кудва. И он же напомнил мне, сколько великих книг создано было в Индии еще в древности, да и современных немало. «Наших поэтов читают во всем мире, – гордился Венкатеш. – Один Тагор что стоит. А Бхартрихари?». И он прочитал несколько стихов этого поэта, которые покорили меня своей ёмкостью и лаконичностью, своим глубоким смыслом. Вот это, например, сразу врезавшееся мне в память:

*Как безмятежно глупы те цари,
Которые не ценят силы слова.
Поэт, ты беден, но заговори,
И все сокровища тебе подвластны снова.
И не виновен подлинный поэт,
Что он в глазах иных царей бездарен.
Алмазу дорогому дела нет,
В какой цене он нынче на базаре!*

Нас поражал их образ жизни. Однажды мы с женой побывали в гостях у Кудвы, и многое, что мы там увидели и почувствовали, было необычно, ни на что не похоже. А накрытый хозяевами стол нас просто заворожил, не стол, а восточная сказка: все блюда яркие и пестрые, фрукты разделаны, очищены как-то по-особому. Что же касается аромата и вкуса индийских блюд, то они ошарашили даже больше, чем их краски. Что-то было сладким до невозможности, а фрукты – густо наперчены. И вообще, часто нам казалось, что мы перец ели с чем-то, а не что-то с перцем.

Маруся, впервые находясь на таком необычном застолье, в конце концов не выдержала. Любопытство взяло вверх, и она спросила: «Мистер Кудва, а почему вы, такие культурные и образованные, едите всё руками – даже соус и простоквашу?!» – «Миссис Маша, не подходите к Востоку с мерками Запада, – посоветовал Венкаташ. – Восток для вас – другая планета. Нам кажется более естественным есть руками. Рука наилучшим способом приспособлена для того,

чтобы брать пищу, и поэтому вилка имитирует именно руку. А нам кажется дикой ваша манера здороваться – ни с того ни с сего хватать за руку другого человека. Индийские граждане, как вы заметили, здороваются и прощаются иначе: мы складываем ладони на уровне подбородка, словно молясь. И в этом есть символический смысл, мы как бы возводим гостя, знакомого или друга на высокий пьедестал почета и уважения, воздаем ему одним простым жестом наивысшую почесть. И, кстати, наши люди довольно чистоплотные. Индиец каждый день моется с головы до ног и каждый день стирает своё платье, пусть даже потрепанное и рваное. А с немытыми руками кушать за стол не сядет».

Индийский народ кровно и неразрывно связан с природой, жители этой страны относятся к животным, как старшие братья к младшим. Индиец, как бы он ни был беден, сначала даст кусок животному, а только потом сам начинает есть.

«Об Индии говорят, что она живет одновременно в прошлом, в настоящем и в будущем, – сказал я как-то Найеру. – Как это нужно понимать?». Он ответил мне так: «Наше прошлое – это позор длительного колониального порабощения, приведшего к нищенству, безграмотности и отсталости страны в общем развитии. Наше настоящее – строить, учить людей и повышать их жизненный уровень. А про наше будущее я могу сказать словами Неру, который говорил: «Я убежден, что единственным ключом к разрешению мировых проблем и проблем Индии является социализм. Социализм представляет собой даже нечто большее, чем только экономическое учение. Это философия жизни, и в качестве такой она также привлекает меня. Социализм означает новую цивилизацию, радикально отличающуюся от существующего капиталистического строя». «И в будущем Индия станет великой державой – по примеру Советского Союза», – дополнил коллегу Венкатеш Кудва.

7 апреля 2006 года.
г. Новокузнецк.

Биография И.И.Рогинцева

Рогинцев Иван Иванович родился 14 сентября в 1923 году, в деревне Березовка Алтайского края. Отец служащий, мать домохозяйка. В семье было 10 человек. Все сыновья были на войне, все вернулись живыми.

В 1932 году семья в поисках работы переехала в Новокузнецк (тогда Сталинск).

В 1938 году закончил 8 классов и поступил на учебу в Прокопьевский горный техникум.

В 1939 году поступил в педагогический институт.

В 1941 году началась война.

В июле 1941 года призван в Красную армию и направлен в артиллерийское училище в городе Миасс Челябинской области.

Осенью 1941 года получил звание «младший лейтенант» и был направлен в дивизион реактивных минометов «Катюша» для обороны и прорыва блокады Ленинград.

В 1943 году в составе 1 Белорусского фронта участвовал в освобождении Белоруссии, Украины, Польши, Германии.

В 1945 году участвовал в штурме Берлина, расписался на стенах Рейхстага.

До середины 1946 года, продолжил службу в Германии, в июле того же года демобилизовался из армии и вернулся домой.

Поступил в металлургический техникум и на работу на Кузнецкий металлургический завод (КМК).

В 1949 году закончил техникум, работал в должности инженера по оборудованию и механиком рельсобалочного цеха КМК. За годы работы на этом предприятии проявил себя специалистом наивысшей категории. Поэтому в сентябре 1960 года в срочном порядке был командирован на завод в Бхилае для наладки прокатного стана.

В результате умелой работы советских и индийских специалистов 22 октября 1960 г., состоялся торжественный пуск прокатного стана, на котором присутствовали руководители Индии и СССР (Джавахарлал Неру и Алексей Нико-

лаевич Косыгин).

Настоящим трудовым подвигом во время работы в Бхилае, стала самоотверженная работа по ликвидации аварии на участке горячих стеллажей. На устранение аварии требовалось по регламенту от 2 до 3 месяцев. Иван Иванович предложил свой оригинальный план мероприятий. Совместно с индийскими рабочими и инженерами под руководством Рогинцева, аварию ликвидировали за 2 суток!

Его фотографию поместили на Доске Почета завода, а фамилию записали в Книге почета посольства СССР в Индии.

Но спустя два года Иван Иванович (с супругой) вынужден вернуться домой, так как дочь осталась одна, без опеки (умер дедушка). По законам СССР детей к родителям за границу не выпускали. По приезде домой был направлен на Западно-Сибирский металлургический комбинат механиком цеха.

В 1977 году снова заграничная командировка в Алжир, пуск проволочного цеха на Эльходжарском металлургическом заводе. После 3х лет работы вернулся домой и в 1980 году вышел на пенсию.

НАГРАДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941-1945

1. Орден св. Александра Невского,
2. Орден Красной звезды за штурм Берлина,
3. Орден Отечественной войны 2й степени,
4. Медаль за боевые заслуги,
5. Медаль за оборону Ленинграда,
6. Медаль за взятие Берлина,
7. Медаль за победу над Германией,
8. Медаль за освобождение Варшавы,
9. Медаль «Г К Жукова»,
10. 25 Юбилейные медали. Итого – 25 наград военных. Благодарности от верховного главнокомандующего маршала И.В.Сталина (всего бшт.). За форсирование реки Висла

и овладение городами Берлин, Кольберг, Кюстрин, Франкфурт на Одере, Ландсберг.

11. К 65 летию Победы вышли его книги о войне «Ленинград Берлин», «Возвращение домой». Имеются рукописи 6 книг, в том числе книга «Дружба скрепленная сталью». Немного стихотворений, но все хорошего литературного уровня, особенно «Пока мы еще есть...».

НАГРАДЫ за ТРУД

1. Почетная грамота правительства СССР за безупречную работу по оказанию технической помощи и вклад в достижение проектной мощности Бхилайского металлургического завода в Индии,

2 Почетная грамота посольства Алжира,

3. Почетная грамота руководства Эльходжарского металлургического завода за досрочный пуск проволочного цеха,

4. Серебряная Медаль за помощь в монтаже оборудования фирмы SKET от Германской Демократической Республики,

5. Присвоено звание «ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН НОВОКУЗНЕЦКА» от 14 04 2020 г.,

6. Присвоено звание «ПОЧЕТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ КУЗБАССА» от 03 08 2020 г.,

7. Медаль «Ветеран труда»,

8. Медаль за служение Кузбассу,

9. Юбилейные областные медали,

10. Знаки ударник 9й пятилетки СССР и победитель соцсоревнования. В настоящее время Иван Иванович Рогинцев ведет активную общественную деятельность, встречается с молодежью, пишет стихи, поддерживает добрые отношения с внуками и правнуками. Живет в центре Новокузнецка, в благоустроенной 2х комнатной квартире с дочерью Любой. Она помогает ему. Из большой семьи его детства он остался один. Уважаемый ветеран находится в хорошей физической форме, сохранил интерес и любовь к жизни,

11. Кавалер ордена «Звезда Достоевского».

Фамилии индийцев из Книги И. И. Рогинцева

Мани – чиф-инженер, главный специалист, нач. цеха.

Венкатеш Кудва – механик цеха.

Чатри – толковый инженер, замначальника цеха.

Трепати (Трипати) – инженер, второй замначальника цеха.

Цибал

Бапат – инженер.

Апарао – инженер.

Найер – нач. технического бюро, инженер по оборудованию.

Сони – инженер.

Саркар – заменивший Мани нач. цеха.

Панжа – главный прокатчик с индийской стороны.

Мукерджи – главный механик завода с индийской стороны.

Прасад – механик блюминга.

Уттомчан – купец-бакшишник.

Кавалерамс – братья, довольно крупные торговцы в Дурге.

Шастри – инженер-прокатчик.

Шривастава – директор завода с индийской стороны в первой части.

Гупта – мастер-прокатчик (в другом месте назван как начальник ОТК завода с индийской стороны).

Кришна-Мурти – инженер, танцор.

Кришанал – свипер (уборщик).

Кини – нач. ОТК цеха, отец близняшек-танцовщиц.

Сардар – шофёр служебного автобуса, возившего на завод.

Осваль – владелец лавочки в «Бхилай Хаусе».

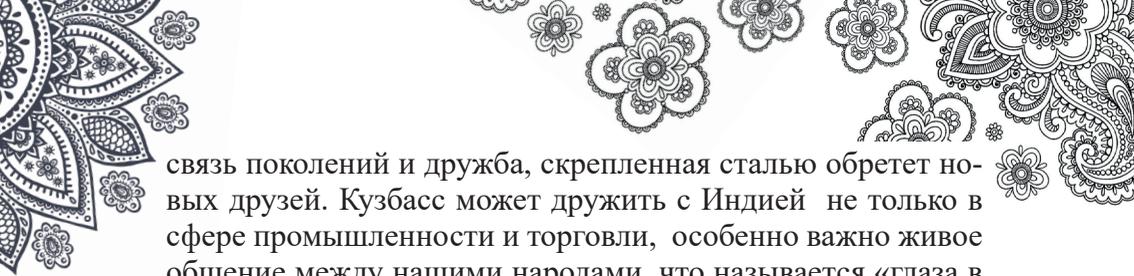
Шастри Суку-Сен – новый директор завода с индийской стороны.

Киле – главврач госпиталя.

Брайкамед (Брайкомед) – портной из Дурга.

Послесловие автора.

Мои дорогие друзья! Мне выпала честь – участвовать в становлении металлургического завода в Бхилае. Это было в далекие шестидесятые годы. В составе группы специалистов трудились инженеры и мастера со всех ведущих заводов Советского Союза. Вспоминаю как тяжело привыкали к жаркому и влажному климату Индии. Но главное, нужно было наладить взаимодействие как внутри нашей группы специалистов, так и с индийскими коллегами. Мы говорили на разных языках, были воспитаны в других традициях, но сумели преодолеть все проблемы. Наступила эпоха созидания и пришла «уверенность в завтрашнем дне». Нас не покидало чувство СВОБОДЫ! Наверное, это было связано с отсутствием парткомов, профкомов, комитетов и всяких комиссий. Вместо пустой говорильни, все мысли и усилия были направлены на решение каждодневных производственных и профессиональных вопросов. Всегда с теплотой вспоминаю тот, по настоящему, свободный труд. Индийцы тоже многому у нас научились. Они почти отказались от кастовых барьеров, признали РАВЕНСТВО перед раскалённым металлом. Весь уклад жизни индийских крестьян, только в страшном сне, предполагал работу в одном коллективе людей из разных сословий. Хотя и гласит пословица, что обычай сильнее закона, однако на заводе в Бхилае, обрядам и обычаям пришлось отступить перед технологическим процессом производства стали. Сегодня индийские металлурги выпускают качественную сталь и уверенно лидируют в производстве металлопроката. Молодцы! Мне интересно узнать как сложилась судьба моих друзей с Урала и Украины? Почти у всех были дети, они о многом могли бы рассказать. Я знаю, что в Союзе писателей Кузбасса идет работа по поиску потомков наших индийских коллег. Если наберется достаточно материала, тогда будет продолжение этой истории в новой книге. И я не огорчусь, если её напишут наши потомки, значит не прервется живая

связь поколений и дружба, скрепленная сталью обретет новых друзей. Кузбасс может дружить с Индией не только в сфере промышленности и торговли, особенно важно живое общение между нашими народами, что называется «глаза в глаза». Это культура, спорт, туризм, образование, искусство. В дружбе мы становимся лучше, добрее. У индийцев есть чему поучиться. Вспоминаю, как удивились мы большому числу птиц и животных, которые без боязни жили в домах и на улицах, встречались буквально на каждом шагу.

ЕВРАЗ

ЕВРАЗ Объединенный Западно-Сибирский меткомбинат — один из крупнейших производителей стали и всей номенклатуры рельсового сортамента не только в России, на рынке которой его доля составляет около 70 %, но и в мире. ЕВРАЗ ЗСМК — генеральный поставщик рельсовой продукции для ОАО «Российские железные дороги». Это первый в России и третий в мире комбинат, производящий 100-метровые дифференцированно термоупрочненные рельсы, крупный производитель строительного проката, доля которого на рынке РФ превышает 20 %.

Отказ от устаревших технологий, модернизация, поступательная работа над качеством продукции, разработка уникальной номенклатуры вывели ЕВРАЗ ЗСМК в одного из мировых лидеров современной металлургии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОМУ СОБЫТИЮ
В ИСТОРИИ ДРУЖБЫ РОССИИ И ИНДИИ –
ПУСКУ ПЕРВОГО ПРОКАТА
НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ В БХИЛАЕ
(1960 г.)

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПОСЛА ИНДИИ

СЛОВО С.Е. ЦИВИЛЁВА

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЕВРАЗ-СИБИРЬ

ДРУЖБЕ ОТКРЫТЫЕ СЕРДЦА

КНИГА ПЕРВАЯ Г. НОВОКУЗНЕЦК

СТРАНА ВЕЧНОГО ЛЕТА

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

ОДИН ДЕНЬ, КАК ВСЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ИЗ КОЛЫБЕЛИ

ЧЕРЕЗ ГИМАЛАЙСКИЙ РУБЕЖ

О ЖИЗНИ ДЕЛИ

БХИЛАЙСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД

ПОСЕЩЕНИЕ РЕЛЬСОБАЛОЧНОГО ЦЕХА

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ НЕРУ

НОВЫЙ ГОД В ИНДИИ

ПРИЕЗД КОСЫГИНА И ЗЫКИНОЙ

ЖАРКОЕ ВРЕМЯ

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ

СЕМЬЯ НАЧИНАЕТСЯ СО СВАДЬБЫ

ИСПЫТАНИЕ ЗНОЕМ

МУССОННЫЕ ДОЖДИ

ТЯЖЕЛОВЕСЫ-ЖЕНЩИНЫ

МИР ОБЕЗЬЯН

ЙОГИ И СМЕРТЕЛЬНЫЕ НОМЕРА

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

НА БАЗАРЕ

КНИГА ВТОРАЯ

МЫ УЖЕ ПРИВЫКЛИ

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ (Раздумья в пути)

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ЖИЗНИ

НОСТАЛЬГИЯ

ШАГ В ПАРТИЗАНЫ

ПОРТНОЙ ИЗ ДУРГА

МОЯ ЖЕНИТЬБА

СЛОНЫ

НАША ИНЕРЦИЯ

СТРАНА НЕОЖИДАННЫХ ЧУДЕС

ИНДО-СОВЕТСКАЯ ДРУЖБА

МИСТЕР ЦИБАЛ

ОТЪЕЗД ИЗ БХИЛАИ

«ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ»

ИНДИЯ – СТРАНА КОНТРАСТОВ

(Заключение повествования)

БИОГРАФИЯ И. И. РОГИНЦЕВА

НАГРАДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
СТРОЙКИ

НАГРАДЫ ЗА ТРУД

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

«ЕВРАЗ» СЕГОДНЯ

Рогинцев И. И.

Дружба, скреплённая сталью

Ответственный за выпуск:
Правда Андрей Владимирович

Корректор:

Компьютерная верстка и дизайн: